Автори висловлюють щиросердну подяку
за підтримку видання
Т. В. Кондратюк,
голові Всеукраїнського жіночого
народно-демократичного об єднання «Дія»,

та
Українсько-Американській Фундації
«Воля»

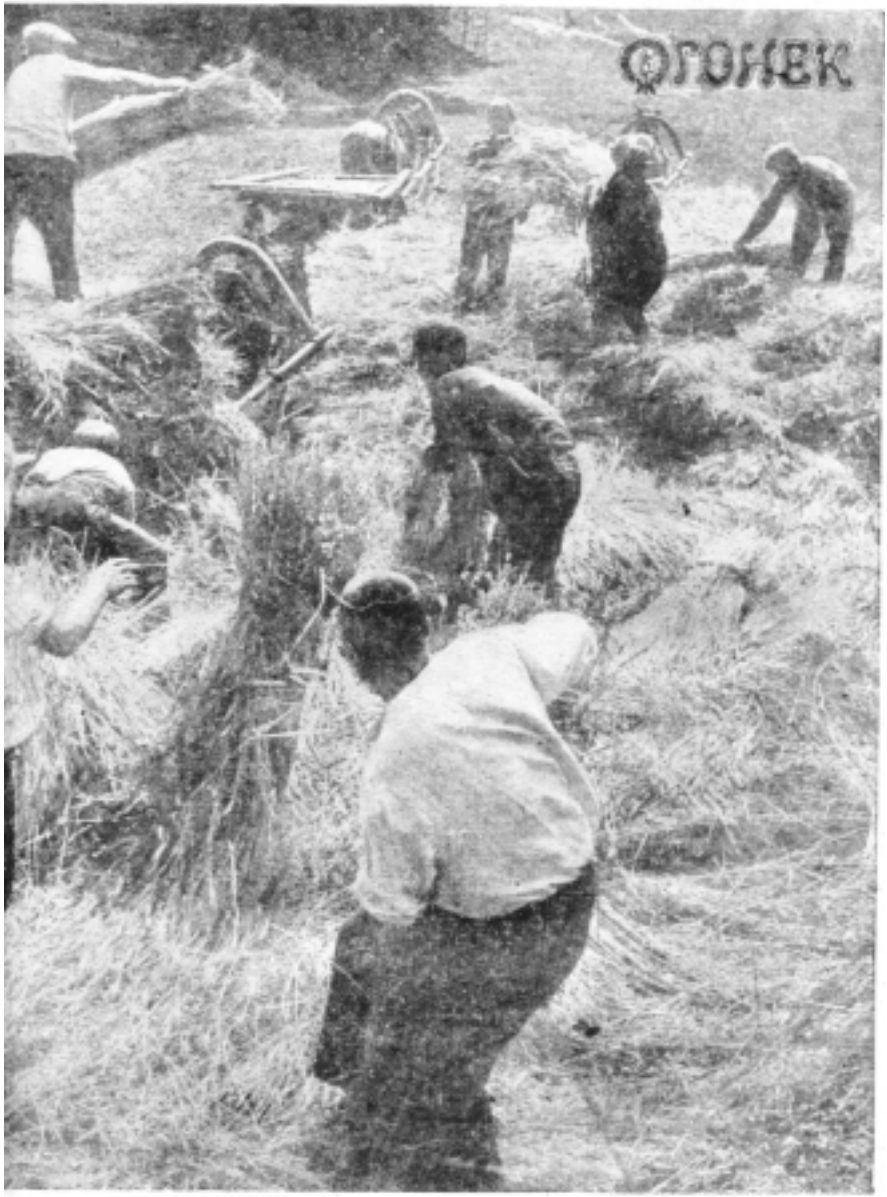
№ 23 (483) 5 ноября 1933 г.

ОГОНЕК

КАПИТАН СТРАНЫ СОВЕТОВ ВЕДЕТ НАС ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ XVI ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ!

Рис. Бор. Ефимова

№ 19 (479) 5 сентября 1933 г



ПОЛНОСТЬЮ И В СРОК СДАДИМ ХЛЕБ ГОСУДАРСТВУ

КОМАНДИРЫ ВЕЛИКОГО ГОЛОДА

ПОЕЗДКИ В. МОЛОТОВА И Л. КАГАНОВИЧА
В УКРАИНУ И НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
1932-1933 гг.

Под редакцией
Валерия Васильева и Юрия Шаповала

Киев
Генеза
2001

КОМАНДИРИ ВЕЛИКОГО ГОЛОДУ

ПОЇЗДКИ В. МОЛОТОВА І Л. КАГАНОВИЧА
В УКРАЇНУ ТА НА ПІВНІЧНИЙ КАВКАЗ
1932-1933 рр.

За редакцією
Валерія Васильєва та Юрія Шаповала

Київ
Генеза
2001

ББК 63.3(4УКР)61
К63

К63 **Командири** великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932– 1933 рр. /За ред. В. Васильєва, Ю. Шаповала.– Київ: Генеза, 2001.— 399 с.

ISBN ББК 63.3(4УКР)61

Книга є одним з перших прикладів співробітництва вчених різних країн у дослідженні однієї з глобальних катастроф людства у XX столітті — голодомору 1932–1933 рр. в Україні. На основі вивчення нових архівних матеріалів історики аналізують різні аспекти політики радянського керівництва у цей період, оцінюють втрати українського народу від голоду, публікують унікальне за змістом листування кремлівських лідерів.

Розрахована на професійних істориків, усіх, хто цікавиться історією України.

Командиры великого голода: Поездки В. Молотова и Л. Кагановича в Украину и на Северный Кавказ. 1932– 1933 гг. /Под ред. В. Васильева, Ю. Шаповала.– Киев: Генеза, 2001.— 399 с.

Книга является одним из первых примеров сотрудничества ученых разных стран в исследовании одной из глобальных катастроф человечества в XX столетии — голодомора 1932–1933 гг. в Украине. На основе изучения новых архивных материалов историки анализируют разные аспекты политики советского руководства в этот период, оценивают потери украинского народа от голода, публикуют уникальную по содержанию переписку кремлевских лидеров.

Рассчитана на профессиональных историков, всех, кто интересуется историей Украины.

Commanders of the greath famine: V. Molotov's and L. Kaganovich's Trips to Ukraine and the North Caucasus during the Years 1932–33 /Edited by V. Vasyl'iev, Yu. Shapoval.— Kyiv: Geneza, 2001.— 399 p.

This book is one of the first examples of international scholarly co-operation devoted to the study of one of twentieth-century humanity's global disasters — the 1932–33 famine-genocide in Ukraine. Using previously unavailable archival materials, the contributing historians analyze various aspects of the Bolshevik leadership's policies during this period, assess the human losses that the famine caused in Ukraine, and bring to light unique correspondence written by the leaders in the Kremlin.

This book will be of use not only to professional historians, but also to anyone interested in Ukraine's history.

© Васильєв В., Шаповал Ю., наукова редакція, статті, передмова, 2001
© Малашенко Л., стаття, покажчики, 2001
© Уіткрофт С., стаття, 2001
© Видавництво «Генеза», художнє оформлення, 2001

Передмова

Пропонована увазі читачів книга є одним з перших прикладів співробітництва вчених різних країн у дослідженні трагічного соціального катаклізму, яким був голод 1932—1933 років в Україні.

У світовій історії важко знайти аналогії, порівняні за своїми масштабами з цією катастрофою. Мабуть, тільки в Китаї «великий стрибок» Мао Цзедуна, який здійснювався в 1958—1961 рр., призвів до подібних наслідків.

Сьогодні світовому співтовариству відомо досить багато про причини голоду в Україні. Історики різних країн неодноразово зверталися до теми діяльності вищого політичного керівництва СРСР в 1932—1933 рр. Але досі актуальними є завдання аналізу діяльності Й. Сталіна, В. Молотова, Л. Кагановича та інших радянських керівників, які несли особисту відповідальність за виникнення голоду. Лише на підставі суворо документальних фактів можна обґрунтовано і досить вірогідно пояснити причини голоду, а також реконструювати особливості мислення та дій більшовицьких керівників.

Не викликає сумніву, що феномен голоду необхідно досліджувати у контексті політичного курсу тодішнього партійно-державного керівництва, спроби нового «комуністичного штурму» і побудови соціалізму «у ворожому оточенні». Політичні та економічні стратегії, які насаджувалися Сталіним і його однодумцями з доктринальних і ситуативних причин, призвели до грандіозної соціально-економічної кризи та голоду 1932—1933 рр.

Найважливішою складовою цієї політики були державні заготівлі збіжжя, обсяги яких в умовах кризи сільськогосподарського виробництва виявилися настільки великими, що українське село залишилося без хліба і продовольства. Методи «викачування» у селян зерна нині відомі до найменших подробиць. Однак прямі документальні свідчення діяльності хлібозаготівельних комісій на чолі з головою РНК СРСР Вячеславом Молотовим і секретарем ЦК ВКП(б) Лазарем Кагановичем в Україні та на Північному Кавказі відомі не були. Вірніше сказати, їх бачили кілька московських істориків (М. Івницький, В. Данилов та інші) ще на початку 1960-х рр. Однак згадувати ці документи вони змогли тільки декілька років тому.

В Україні вчені думали, що таких документів і не має бути, тому що посланці Сталіна отримували від нього усні інструкції та вважали за необхідне надавати місцевим працівникам тільки усні розпорядження. На цій підставі

ухвалювалися постанови та директиви регіональних партійно-державних органів.

Але історія поступово розкриває свої таємниці і пошуки істориків приносять наслідки. Приблизно десять років тому історикам стали приступні особові фонди В. Молотова і Л. Кагановича, які було передано з Архіву Президента Російської Федерації до Російського державного архіву суспільно-політичної історії (РДАСПІ). Автори пропонованої книги знайшли в цих фондах надзвичайно цікаві документи, які супроводжували діяльність комісій. Це телеграми, якими обмінювалися Сталін, В. Молотов, Л. Каганович, листи та доповідні записки на їхню адресу від українських і північнокавказьких керівників, проекти постанов республіканських і крайових органів, які редагувалися В. Молотовим і Л. Кагановичем, їхні виступи на місцевих партійно-радянських форумах.

Особливу цінність мають щоденники поїздок Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. У них коротко стенографувалася його щоденна діяльність під час поїздок, зустрічі та розмови з людьми, зауваження та вказівки місцевим працівникам.

Нещодавно частина цих документів була вже оприлюднена В. Даниловим, Р. Маннінг, Л. Віолою*. Однак зі значною впевненістю можна стверджувати, що цей документальний масив все ще незнайомий і неприступний дослідникам в Україні.

Тому ми вирішили опублікувати такі документи в Україні. При цьому ми об'єднали своє розуміння та бачення різних проблем голоду, наслідки наукових студій з оприлюдненням вказаних вище архівних матеріалів. На нашу думку, такий підхід надасть можливість для подальших наукових пошуків, а також для самостійних суджень і висновків читачів.

Книга складається із вступних статей В. Васильєва (Київ), Л. Малашенко (Москва), С. Уїткрофта (Мельбурн), Ю. Шаповала (Київ), чотирьох розділів, в яких містяться нові архівні документи, списку скорочень, іменного, біографічного та географічного покажчиків.

Документи, що публікуються в книзі, знаходяться в РДАСПІ: фонд 81, опис 3; фонд 82, опис 2; фонд 17, опис 3.

Передача текстів документів здійснена з можливим наближенням до оригіналу, зі збереженням стилістичних і мовних особливостей. Загальновживані скорочення в тексті уніфіковані та внесені до списку скорочень.

* Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 3: Конец 1920—1933 /Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.— М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001.— 1008 с.

Прізвища осіб, зазначених у документах ініціалами імені та по батькові, вказані в квадратних дужках. Написання прізвищ і географічних назв не уніфіковане.

Більшість документів публікується цілком. Виняток становлять протоколи засідань Політбюро ЦК ВКП(б), з яких відтворюються лише пункти, дотичні до теми публікації. Всі витяги з документів позначені в заголовку прийменником «з» («із»), а в тексті крапками у квадратних дужках. Крапки без дужок належать авторам документів. Крім того, крапки не ставляться до пунктів протоколів засідань, оскільки вони публікуються цілком.

Слова або частини слів, пропущені в тексті, відтворюються в квадратних дужках. Незначні похибки в тексті, зрозумілі читачеві, не виправлялись. Якщо не було можливості уточнити текст документа без зміни його змісту, тоді у примітці по тексту вказано: «Так у тексті (документі)». Текстуальні примітки та коментарі позначені у збірнику арабськими цифрами і подаються наприкінці кожного документа. Там само вказується автор виправлень і підкреслювань, спосіб їх відображення (чорнило, олівець).

Слідом за підписом до документу відтворені резолюції та позначки, що стосуються всього документа, із вказівкою авторства, дати, способу відображення та місця розташування. В інших випадках вони вказані у примітках до відповідного місця документа.

Кожний документ має редакційний номер, заголовок, який містить загальну характеристику джерела (різновид, автор, адресат, зміст, дата, місце написання — для телеграм, грифи таємності та терміновості).

Легенда містить пошукові дані (шифр документа), вказівку на оригінальність, спосіб відображення, наявність печатки, бланку.

У підготовці біографічних довідок використані архівні дані, енциклопедії та словники, а також інші довідково-енциклопедичні видання, що з'явилися останніми роками.

Висловлюємо щиру вдячність всім, хто допомагав створенню цієї книги: Р. Девісу, Л. Кошелєвій, П. Кравченку, І. Паламареві, Р. Подкуру, А. Різу, Л. Роговій, О. Хлевнюку, К. Хлопіцькому.

Сподіваємося, що поява цього видання прислужиться відновленню правди про трагедію, яку пережив наш народ на початку 30-х років, і стане стимулом для подальших наукових досліджень.

Валерій Васильєв, Юрій Шаповал
Київ, 10 вересня 2001 року

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга является одним из первых примеров сотрудничества ученых разных стран в исследовании трагического социального катаклизма, которым был голод 1932—1933 годов в Украине.

В мировой истории трудно найти аналогии, сравнимые по своим масштабам с этой катастрофой. Наверное, только в Китае «большой прыжок» Мао Цзэдуна, который осуществлялся в 1958—1961 гг., привел к похожим результатам.

Сегодня мировому научному сообществу известно достаточно много о причинах голода в Украине. Историки разных стран неоднократно обращались к теме деятельности высшего политического руководства СССР в 1932—1933 гг. Но по-прежнему актуальными являются задачи анализа деятельности И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича и других советских руководителей, которые несли персональную ответственность за возникновение голода. Только на основе строго документальных фактов можно обоснованно и достаточно достоверно объяснить причины голода, а также реконструировать особенности мышления и действий большевистских руководителей.

Не вызывает сомнения, что феномен голода необходимо исследовать в контексте политического курса тогдашнего партийно-государственного руководства, попытки нового «коммунистического штурма» и построения социализма «во вражеском окружении». Политические и экономические стратегии, которые насаждались Сталиным и его единомышленниками по доктринальным и ситуативным причинам, привели к грандиозному социально-экономическому кризису и голоду 1932—1933 гг.

Важнейшей составной частью этой политики были государственные заготовки зерна, размеры которых в условиях кризиса сельскохозяйственного производства оказались настолько велики, что украинское село осталось без хлеба и продовольствия. Методы «выкачки» у крестьян зерна ныне известны до мельчайших подробностей. Однако прямые документальные свидетельства деятельности хлебозаготовительных комиссий во главе с председателем СНК СССР Вячеславом Молотовым и секретарем ЦК ВКП(б) Лазарем Кагановичем в Украине и на Северном Кавказе известны не были. Вернее сказать, их видели несколько московских историков (Н. Ивницкий, В. Данилов и другие) еще в начале 1960-х гг. Однако упоминать эти документы они смогли только несколько лет назад.

В Украине ученые думали, что подобных документов и не должно быть, потому что посланцы Сталина получали от него устные инструкции и считали

необходимым отдавать местным работникам только устные распоряжения. На этой основе принимались постановления и директивы региональных партийно-государственных органов.

Но история постепенно раскрывает свои тайны и поиски историков приносят результаты. Приблизительно десять лет назад историкам стали доступны личные фонды В. Молотова и Л. Кагановича, которые были переданы из Архива Президента Российской Федерации в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Авторы данной книги нашли в этих фондах интереснейшие документы, сопровождавшие деятельность комиссий. Это телеграммы, которыми обменивались Сталин, В. Молотов, Л. Каганович, письма и докладные записки в их адрес от украинских и северокавказских руководителей, проекты постановлений республиканских и краевых органов, которые редактировались В. Молотовым и Л. Кагановичем, их выступления на местных партийно-советских форумах.

Особую ценность имеют дневники поездок Л. Кагановича в Украину и на Северный Кавказ. В них кратко стенографировалась его ежедневная деятельность во время поездок, встречи и разговоры с людьми, замечания и указания местным работникам.

Недавно часть этих документов была уже опубликована В. Даниловым, Р. Маннинг, Л. Виолой*. Однако с большой уверенностью можно утверждать, что этот документальный массив все еще незнаком и недоступен исследователям в Украине.

Поэтому мы решили опубликовать такие документы в Украине. При этом мы объединили свое понимание и видение различных проблем голода, результаты научных исследований с публикацией указанных выше архивных материалов. По нашему мнению, такой подход предоставит возможность для дальнейших научных поисков, а также для самостоятельных суждений и выводов читателей.

Книга состоит из вводных статей В. Васильева (Киев), Л. Малашенко (Москва), С. Уиткрофта (Мельбурн), Ю. Шаповала (Киев), четырех разделов, в которых содержатся новые архивные документы, списка сокращений, именного, биографического и географического указателей.

Публикуемые в книге документы находятся в РГАСПИ: фонд 81, опись 3; фонд 82, опись 2; фонд 17, опись 3.

Передача текстов документов осуществлена с возможным приближением к оригиналу, с сохранением стилистических и языковых особенностей. Общепринятые сокращения в тексте унифицированы и внесены в список

* Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 3: Конец 1920—1933 /Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.— М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001.— 1008 с.

сокращений. Фамилии лиц, обозначенных в документах инициалами имени и отчества, указаны в квадратных скобках. Написание фамилий и географических названий не унифицировано.

Большинство документов публикуется полностью. Исключение составляют протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), из которых воспроизводятся лишь пункты, касающиеся темы публикации. Все извлечения из документов обозначены в заголовке предлогом «из», а в тексте отточием в квадратных скобках. Отточия без скобок принадлежат авторам документов. Кроме того, отточия не ставятся к пунктам протоколов заседаний, так как они публикуются полностью.

Пропущенные в тексте слова или части слов воспроизведены в квадратных скобках. Незначительные погрешности в тексте, понятные читателю, не исправлялись. Если не было возможности уточнить текст документа без изменения его смысла, тогда в примечании по тексту указано: «Так в тексте (документе)». Текстуальные примечания и комментарии отмечены в сборнике арабскими цифрами и даются в конце каждого документа. Здесь же указывается автор исправлений и подчеркиваний, способ их воспроизведения (чернила, карандаш).

Вслед за подписями к документу воспроизведены резолюции и пометы, относящиеся ко всему документу, с указанием авторства, даты, способа воспроизведения и места расположения. В других случаях они указаны в примечании к соответствующему месту документа.

Каждый документ имеет редакционный номер, заголовок, который содержит общую характеристику источника (разновидность, автор, адресат, содержание, дата, место написания — для телеграмм, грифы секретности и срочности).

Легенда содержит поисковые данные (шифр документа), указание на подлинность, способ воспроизведения, наличие печати, бланка.

При подготовке биографических справок использованы архивные данные, энциклопедии и словари, а также другие справочно-энциклопедические издания, вышедшие в последние годы.

Выражаем искреннюю признательность всем, кто помогал созданию этой книги: Р. Дэвису, Л. Кошелевой, П. Кравченко, И. Паламарю, Р. Подкуру, А. Ризу, Л. Роговой, О. Хлевнюку, К. Хлопицкому.

Надеемся, что появление этого издания послужит восстановлению правды о трагедии, пережитой нашим народом в начале 30-х годов, и станет стимулом для дальнейших научных исследований.

Валерий ВАСИЛЬЕВ, Юрий ШАПОВАЛ
Киев, 10 сентября 2001 года

ГОЛОД 1931–1933 РОКІВ: ПОГЛЯД З XXI СТОЛІТТЯ

Валерій Васильєв

ЦІНА ГОЛОДНОГО ХЛІБА

ПОЛІТИКА КЕРІВНИЦТВА СРСР І УСРР В 1932–1933 рр.

Упродовж останнього десятиліття українські історики серйозно досліджували та осмислювали голод 1932—1933 рр. в Україні. Серед учених утвердилась думка про те, що форсована індустріалізація та насильницька колективізація сільського господарства призвели до глибокої соціально-економічної кризи на межі першої та другої п'ятирічок.

Яскравими виявами цієї кризи були занепад сільськогосподарського виробництва, провал планів державних хлібозаготівель, неефективність системи централізованого постачання населення продовольством. Масовий голод, який охопив основні зернові райони СРСР: Україну, Північний Кавказ, Нижню Волгу, Західний Сибір, Центрально-Чорноземну область, а також Казахстан,— став трагічним наслідком політики попередніх років.

Локальні випадки браку продовольства у різних регіонах країни відзначалися в 1925, 1928, 1929 роках. У другій половині 1920-х рр. керівництво компартії на чолі зі Сталіним намагалося долати наявні проблеми шляхом створення великих державних резервів збіжжя. Ці запаси використовувалися для централізованого постачання хлібом індустріальних центрів, Червоної Армії, різних категорій населення, на експорт.

В умовах колективізації та розкуркулення відносно поганий врожай 1931 р. призвів до гострого браку продовольства в країні. На 1 січня 1932 р. державні резерви збіжжя, зосереджені в основному у Непорушному фонді (Непфонд) і Мобілізаційному фонді (Мобфонд), досягли 2,033 млн. тонн. Керування цими фондами здійснювалося з жовтня 1931 р. потужною державною організацією — Комітетом Резервів, на чолі якого знаходились голова Держплану СРСР В. Куйбишев і його заступник, голова ОҐПУ СРСР Г. Ягода[1].

Якщо одна тонна зерна забезпечувала нормальний хлібний раціон для трьох людей упродовж року, то державні резерви могли прогодувати хлібом до нового врожаю 1932 р. близько 12—13 млн. осіб. Але кількість людей, які одержували продовольство шляхом централізованого постачання, безперервно зростала, тому хліба в засіках держави було цілком недостатньо.

За таких умов Сталін і його оточення вкрай твердо вимагали від регіональних керівників, щоб державні плани хлібозаготівель були виконані. В центрі уваги знаходились Україна та Північний Кавказ, які постачали більше половини зерна, що вироблялося в СРСР.

У 1930 р. державні заготівлі збіжжя в Україні становили 7,7 млн. тонн — приблизно 30,2% від валового збору зернових. У 1931 р., коли врожай був гірший за попередній, заготовили 7,0 млн. тонн, або 41,3% валового збору зернових[2]. Не дивно, що в грудні 1931 р. різні державні органи почали фіксувати в Україні випадки голодування і навіть смерті від голоду.

Однак схоже на те, що радянське керівництво вірило чи прагнуло вірити у величезні запаси зерна, які нібито були сховані від держави колгоспами та селянами в українському селі. 29 грудня 1931 р. пленум ЦК ВКП(б) оголосив січень 1932 р. бойовим ударним місяцем закінчення хлібозаготівель. По кількох днях Й. Сталін і В. Молотов надіслали першому секретареві ЦК КП(б)У С. Косіору і членам Політбюро ЦК КП(б)У вимогливу телеграму:

«Становище з хлібозаготівлями на Україні вважаємо тривожним. На підставі наявних у ЦК ВКП(б) даних працівники України стихійно орієнтуються на невиконання плану на 70–80 млн. пудів. Таку перспективу вважаємо неприйнятною та неприпустимою.

Вважаємо ганьбою те, що Україна в цьому році за більш високого рівня колективізації та більшої кількості радгоспів заготовила на 1 січня сього року на 20 млн. пудів менше, ніж торік. Хто тут винен: вищий рівень колективізації чи нижчий рівень [керівництва.— ***Авт.***] справою заготівель?

Вважаємо [необхідним.— ***Авт.***] Ваш негайний приїзд до Харкова і перебрання Вами у власні руки всієї справи хлібозаготівель. Рішення Пленуму ЦК ВКП(б) повинно бути виконане»[3].

Звичайно, справа була не в низькому рівні керівництва хлібозаготівлями з боку ЦК КП(б)У. В українському селі не залишалося запасів збіжжя. Та визнати цей факт ніхто не наважувався. Твердий тон Москви свідчив про незадоволення керівництвом України. 3 січня 1932 р. телеграма Сталіна і Молотова була розглянута на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У та розіслана в усі райкоми партії. Після цього 83 українські керівники на чолі з членами Політбюро роз'їхались по республіці виконувати плани хлібозаготівель[4].

Цими ж днями в Кремлі було ухвалено рішення створити на території України області, які ставали проміжною ланкою між районним і республіканським рівнем управління. Кордони областей накреслювалися трьома українськими керівниками: С. Косіором, Головою РНК УСРР В. Чубарем і Головою ВУЦВК Г. Петровським,— причому саме вони наполягли, щоб у віданні центральних українських органів залишились райони Донбасу, які спочатку планувалося підпорядкувати безпосередньо Москві.

Поза сумнівом, обласна система управління в Україні (така ж була запроваджена в Казахстані) посилювала контроль вищого союзного керівництва на місцях. Про це також свідчило призначення на керівні посади в області багатьох працівників з ЦК КП(б)У та республіканських органів. Кілька членів і кандидатів у члени українського Політбюро були призначені першими секретарями обкомів партії. На них одразу поклали персональну відповідальність за виконання планів хлібозаготівель[5].

Паралельно з утворенням областей керівництво країни спробувало вплинути на хлібозаготівлі, комбінуючи ринкові та адміністративні методи. Комісія Політбюро ЦК ВКП(б) під головуванням В. Молотова розробила заходи зі стимулювання хлібозаготівель в Україні продажем промислових товарів. 8 січня 1932 р. ці заходи були затверджені Політбюро ЦК ВКП(б)[6]. А українські республіканські лідери широко застосовували репресії до низових працівників. З 1 листопада 1931 р. по 10 лютого 1932 р. за невиконання планів хлібозаготівель були зняті зі своїх посад понад 30 секретарів райкомів партії[7].

Проте спроби поліпшити ситуацію з надходженням збіжжя до державних запасів очікуваного наслідку не дали. Наприкінці січня радянському керівництву довелось знизити план постачання населення СРСР білим борошном на 164 тис. тонн, зокрема для України — на 75 тис. тонн. Одночасно на 22,5 тис. тонн були зменшені хлібні фонди, призначені Україні у першому кварталі (січень-березень) 1932 р. Це примусило керівництво республіки значно скоротити норми щодобової видачі хліба особам, які знаходились на централізованому постачанні.

13 лютого Політбюро ЦК КП(б)У ухвалило довести до відома ЦК ВКП(б), що «зменшення фондів змушує ЦК КП(б)У вдатись до крутого заходу скорочення норм видачі хліба». В. Чубареві доручалося підготувати і надіслати листа з цим рішенням до ЦК ВКП(б)[8].

Про що це свідчило? Лідери країни добре розуміли, до яких наслідків призведе скорочення хлібних фондів. Нагадування про це Кремлю з боку керівництва України виглядало не лише як заява про складність ситуації в республіці, а й як прагнення зняти з себе частку відповідальності. Така позиція не могла не посилити незадоволення Сталіна та його оточення.

Лютневі хлібозаготівлі залишали нез'ясованим питання про насіння для весняної сівби, яка у південних районах України розпочиналася в березні. До ЦК КП(б)У надходило безліч прохань з місць надати насіння. Та розподіл насіннєвих фондів становив прерогативу центру. Лише 16 лютого з'явилося рішення Політбюро ЦК ВКП(б) про створення в Україні насіннєвих фондів ярих культур у колгоспах обсягом 950 тис. тонн. Створювати ці фонди належало виключно за рахунок місцевих запасів.

Цього ж дня українське Політбюро вирішило розпочати збирання насіння в районах, які завершили хлібозаготівлі. У решті районів передбачалося розпочати його 25 лютого. С. Косіор і В. Чубар у телеграмі місцевим організаціям вказували: «В зв'язку із загальним становищем із хлібними ресурсами та необхідністю надати насіннєву і навіть продовольчу допомогу недорідним районам Західного Сибіру, Уралу та Волги не може бути й мови про якесь надання насіння для України, де становище з урожаєм цілком добре і де є всі можливості

мобілізувати насіння на місці... У ЦК КП(б)У та РНК України... жодних власних зернових ресурсів немає...». Вони пропонували місцевим працівникам припинити розмови про насіннєву допомогу з центру і всю увагу звернути на те, щоб «добути насіння на місці»[9].

Мені видається, що це була позиція не тільки й не стільки українських керівників, скільки керівництва ЦК ВКП(б). Україна, один з основних зернових районів СРСР, традиційно постачала хлібом інші регіони країни. Однак по хлібозаготівлях кінця 1931 р. запасів в українському селі не лишилось. Там, де збіжжя ще зберігалось, його не віддавали. Нового врожаю треба було чекати півроку, а голод наростав. У багатьох районах України з'явилися випадки канібалізму.

В умовах голоду та постійного адміністративного тиску центру районна і сільська «влада» широко застосовувала відверто терористичні методи хлібозаготівель: обшуки селянських господарств, побиття селян і незаконні арешти. Таку практику виявила, наприклад, бригада газети «Правда» у Молдавії та повідомила про неї Москву. Звідти інформацію було передано до Харкова (тодішньої столиці України), і Політбюро ЦК КП(б)У прийняло спеціальну постанову «Про викривлення партійної лінії під час хлібозаготівель в АМСРР», в якій засудило масові «перегини», а також оголосило догани бюро Молдавського обкому партії та його керівним працівникам[10]. Проте насильницькі дії місцевих керівників стали повсюдними, скасувати їх такими постановами було неможливо.

Наприкінці лютого 1932 р. в українському керівництві визріла сміливість повідомити Сталіна та Політбюро ЦК ВКП(б) про ситуацію, що склалася. Після поїздки кількома областями України Г. Петровський відверто написав С. Косіору, що необхідно попросити Політбюро ЦК ВКП(б) припинити хлібозаготівлі, оголосити вільну торгівлю хлібом, а також допомогти голодуючим[11].

15 березня С. Косіор надіслав до ЦК ВКП(б) телеграму, в якій пропонував: «Оголосити від імені союзних організацій про порядок хлібозаготівель з майбутнього врожаю, виходячи з того, що чим більшого врожаю доможеться колгосп і колгоспник, тим більший фонд має бути виділений і розподілений на особисте споживання». Але для Сталіна та його однодумців матеріальна зацікавленість колгоспників у розвитку виробництва і таке вирішення проблеми хлібозаготівель виглядали у ці дні абстракцією.

16 березня Сталін на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б) оголосив телеграму С. Косіора, пропозиції якого були відхилені. Увагу українських керівників звертали на весняну сівбу. У прийнятому рішенні зазначалося: «Політбюро вважає, що становище з насінням на Україні набагато гірше за те, що випливає з телеграми т. Косіора, тому Політбюро пропонує ЦК КП(б)У вжити всіх залежних від нього заходів до того, щоб запобігти загрозі зриву сівби на Україні»[12].

Жодних додаткових фондів насіння при цьому не виділялося. 17 березня Політбюро ЦК КП(б)У встановило знижені норми висіву, а наступного дня в Україні офіційно припинили хлібозаготівлі[13]. Але останнє рішення затверджене в Москві не було, і хлібозаготівлі тривали.

28 березня українське керівництво ухвалило постанову «Про підсумки роботи колгоспів у 1931 р. і про подальші завдання організаційно-господарського зміцнення колгоспів», в якій закликало місцеві парторганізації до рішучої боротьби з «лівацькими заскоками», ігноруванням артілей як необхідного етапу до вищих форм колективізації. Також відзначалося, що потрібно створювати постійні виробничі бригади в колгоспах, впроваджувати принцип оплати їхньої праці залежно від якості та результатів роботи. Правління колгоспів мали закінчити до весняної сівби розподіл «прибутків» за 1931 р. Заборонялося районним органам розпускати правління колгоспів і примусово усуспільнювати майно селян[14].

Та врятувати сівбу в Україні певна нормалізація економічних відносин в колгоспах вже не могла. Сіяти не було чим. З 19 березня по 19 квітня 1932 р. Політбюро ЦК ВКП(б) п'ять разів приймало вимушені рішення надати Україні насіннєву позику ячменем з державних запасів, які знаходилися на території України, а також завезти в республіку насіння з резервів РНК СРСР в Західній і Центрально-Чорноземній областях. Крім ячменю, Україні виділяли з державного сортового фонду насіння вівса, пшениці, проса, гречки[15].

Підкреслимо, що це була лише насіннєва позика. До 19 квітня голодуючим в Україні союзне керівництво продовольством не допомагало. Водночас централізоване постачання хлібом у другому кварталі (квітень-червень) порівняно з першим було скорочено. Отож голод поширився у містах, часто траплялося, що знесилені й опухлі з голоду українські селяни виходили сіяти, лягали в борозну і помирали просто на полі.

19 квітня Політбюро ЦК ВКП(б) прийняло нарешті рішення надати Україні продовольчу допомогу, передбачаючи виділити її з централізованих ресурсів, розташованих в Україні. Це рішення свідчило про те, що державні запаси продовольства на території України були. Можливо, їх бракувало для того, щоб нагодувати населення республіки. Та це аніскільки не виправдовує відвертого небажання Сталіна та інших радянських керівників допомогти голодуючим.

Така антигуманна і злочинна позиція супроводжувалася спробою перекласти відповідальність за голод на українське керівництво. Рішення надати Україні продовольчу допомогу було значною мірою відповіддю на телеграму В. Чубаря, надіслану цими днями до Кремля. В ній повідомлялося про величезні проблеми з постачанням населення хлібом в Україні. Думка Політбюро ЦК ВКП(б) була такою:

«а) Маючи на увазі, що труднощі у хлібопостачанні на Україні в основному є результатом вкрай слабкого надходження мірчукового збору, який мав дати за планом у квітні місяці 100 тис. тонн,— зобов'язати ЦК КП(б)У вжити всіх заходів до максимального посилення мірчукового збору, з негайним вивезенням його на пристанційні пункти;

б) Як крайній засіб — розброніювати для потреб постачання України у квітні 25 тис. тонн хліба;

в) Зобов'язати Наркомзовнішторг звільнити від варанту 30 тис. тонн пшениці»[16].

Останній пункт означав вимушену відмову від вивезення пшениці на експорт і повернення її в Україну. Хоча вірніше буде сказати, що це зерно знаходилось в українських портах на Чорному морі і Політбюро дозволяло використати його для постачання республіки. Варто також зауважити, що експорт зерна з СРСР у першому півріччі 1932 р. склав 750 тис. тонн, за рахунок яких можна було забезпечити денним раціоном хліба (1 кг) у ці місяці близько 4 млн. людей[17].

Але у квітні-червні 1932 р. затверджене централізоване постачання хлібом України становило лише близько 100 тис. тонн на місяць. Водночас тільки у Донбасі контингент осіб, що знаходилися на централізованому постачанні, налічував у травні-червні 973 191 особу. Споживання ними хліба приблизно порівнюване із вказаною вище цифрою[18].

Загалом на централізованому постачанні в Україні цього періоду знаходились близько 8 млн. осіб[19], що, як і більшість українських селян, опинились на порозі голодної смерті. Катастрофа набувала величезних масштабів.

23 квітня українське Політбюро обговорило наявну ситуацію і прийняло рішення створити Комітет фондів і регулювання торгівлі РНК УСРР, а також затвердило текст телеграми Сталінові: «План постачання Донбасу, металургії, воєнних будов проводиться лише за рахунок розброніювання непфонду, бо ніяких інших ресурсів у нас нема. Розброніювання провадиться з великим затягуванням і маленькими порціями. Це утворює серйозні перебої у постачанні Донбасу та інших промислових центрів. 25 тисяч тонн, що їх днями розброніювано, задовольняють нас тільки на декілька днів. Потрібно заздалегідь забезпечити безперебійне постачання робітників до Першого травня й на перші 4—5 днів травня. Просимо ваших вказівок Комітетові Резервів про негайне розброніювання ще 25 тисяч тонн жита, пшениці». Для вирішення питання про хлібні ресурси України до Москви був відряджений В. Чубар.

У цій ситуації своєрідну позицію зайняв С. Косіор, який краще за інших українських керівників знав кремлівський звичай і вдачу Сталіна. Він спробував пом'якшити враження від наведеної телеграми. 26 квітня перший секретар

КП(б)У написав Сталінові: «В нас є окремі випадки і навіть окремі села голодуючі, однак це лише результат місцевого головотяпства, перегинів, особливо щодо колгоспів. Будь-які розмови про "голод" на Україні потрібно категорично відкинути. Та серйозна допомога, яка Україні була надана, забезпечує нам можливість всі такі вогнища ліквідувати»[20]. Тим самим Косіор заявив про існування вже «традиційних» перегинів місцевих органів, внаслідок яких і виникли «вогнища» голоду в республіці. Але широкомасштабного голоду «категорично» не визнав.

Та настрій В. Чубаря був іншим. Не схильний прикрашати дійсність, він, напевне, досить відверто розповів Сталінові про голод, який в Україні набував загрозливих розмірів. Йому вдалося переконати Сталіна повернути з портів призначені на експорт 15 тис. тонн кукурудзи і 2 тис. тонн пшениці, спрямувавши їх на постачання України. Крім того, з Центрально-Чорноземної області планувалося завезти 64 тис. тонн збіжжя за рахунок скорочення поставок хліба до східних районів СРСР. Припинялося також вивезення хліба з України до Закавказзя.

Одночасно керівництво СРСР змушене було прийняти рішення про придбання 104 тис. тонн зерна на Далекому Сході (мабуть, Китай) і в Персії. Політбюро ЦК ВКП(б) доручало В. Куйбишеву спільно з В. Чубарем забезпечити із придбаного зерна безперебійне постачання України[21]. Чого коштувало таке рішення Сталінові, який від часів боротьби з «правими» відмовлявся закуповувати зерно за кордоном, ми можемо лише здогадуватися. Втім, радянські лідери чудово розуміли, що наданого зерна не могло вистачити для багатомільйонної голодної України.

Прийняті рішення пояснювалися не стільки бажанням надати допомогу українцям чи певним чином подолати кризу сільськогосподарського виробництва, скільки необхідністю знизити рівень незадоволення в суспільстві — серйозну загрозу стабільності режиму. Хоча соціальні настрої цього періоду вивчені вкрай мало, відомо, що у першій половині 1932 р. з колгоспів в Україні вийшли 41 200 господарств. Голодні селяни опиралися вивезенню хліба в рахунок заготівель, нападали на зерносховища, магазини, комори винокурень, де лежали запаси кукурудзи.

26 квітня Сталін надіслав С. Косіору доповідну записку керівництва «Союзспирту» про збройні напади голодного населення на комори заводів тресту. У своїй супроводжувальній записці він писав: «Тов. Косіор. Обов'язково прочитайте додані матеріали. Схоже на те, що у деяких пунктах УСРР радянська влада припинила існувати. Невже це так? Невже такі кепські справи із селом на Україні? Де органи ҐПУ, що вони чинять? Може, перевірили б цю справу і повідомили в ЦК ВКП(б) про вжиті заходи. Привіт. Й. Сталін».

По трьох днях українське Політбюро розглянуло телеграму Сталіна і створило комісію у складі С. Косіора, С. Реденса (голова ҐПУ УСРР) і Р. Терехова (секретар ЦК КП(б)У), якій доручалося вжити заходів, щоби не припускатися таких випадків[22].

Незадоволення курсом, що проводився, виявлялось не лише на селі. Серйозну небезпеку для радянського керівництва становили антиурядові виступи у містах і особливо заворушення у квітні 1932 р. у текстильних районах Івановської області. Схоже на те, що ситуація в країні підштовхнула союзне керівництво до більш ліберального курсу[23].

6 травня РНК СРСР і ЦК ВКП(б) знизили загальносоюзні плани заготівель збіжжя та інших сільськогосподарських культур. Колгоспам і селянам дозволялося продавати свою продукцію за вільними ринковими цінами після виконання плану заготівель. Україні план було зменшено з 6 944 тис. тонн урожаю 1931 р. до 5 696 тис. тонн (356 млн. пудів) урожаю 1932 р., тобто на 18%. До порівняння слід підкреслити, що загальне зниження планів заготівель по СРСР склало 30%.

Чому Україні план було знижено набагато менше, ніж іншим районам СРСР? Мені видається, що Сталін та інші радянські керівники після поганого врожаю 1931 р. не хотіли й не могли піти на серйозне зменшення централізованих запасів хліба в країні. А позаяк Україна була одним з головних виробників зерна, то за її рахунок сподівалися подолати наслідки неврожаю та створити великі державні резерви.

Певне пом'якшення державної політики виявилося в тому, що 16 травня була скасована затверджена раніше депортація 38 300 селянських господарств до районів Півночі СРСР і Середньої Азії (з території України планувалося виселити 6 тис. господарств на Урал). Натомість вирішили: «ОҐПУ вилучати окремі контрреволюційні елементи на селі в порядку індивідуального арешту».

Того ж дня Політбюро ЦК ВКП(б) створило комісію у складі В. Куйбишева, А. Мікояна і Л. Кагановича, щоби прискорити довезення в Україну придбаних 104 тис. тонн зерна. Одночасно для громадського харчування колгоспників, що працювали на проривці буряка, було виділено 9,6 тис. тонн зерна і 75 вагонів риби, які під спеціальним наглядом Л. Кагановича відправляли до Київської, Вінницької та Харківської областей. Крім того, з українських портів було повернено 35 тис. тонн пшениці на постачання України[24].

20 травня з'явилось відповідне рішення Політбюро ЦК КП(б)У, а 21 травня на засіданні РНК УРСР під головуванням В. Чубаря довезене зерно і риба були розподілені між 44 районами України з формулюванням: «зважаючи на важкий стан окремих колгоспів, що склався внаслідок недороду минулого року»[25].

Це була подвійна брехня. Голодували не «окремі колгоспи», а суцільні райони 7 українських областей і Автономної Молдавської СРР. Причиною цього був не «недорід» 1931 р. (погані врожаї траплялися й раніше), а величезні державні хлібозаготівлі, внаслідок яких український селянин залишився без хліба.

Відсутність хліба змусила керівництво республіки звільнити із в'язниць старих, калік (окрім засуджених за терористичні акти, вбивства, розбій), а також незаможників і середняків, яких було засуджено за невиконання планів хлібозаготівель і які відбули не менш ніж третину терміну. Крім того, звільнялись усі засуджені на термін не більше трьох років за умови, що вони відбули не менш ніж третину терміну.

Наприкінці травня 1932 р. українське керівництво прийняло остаточне рішення з так званої «Драбівської справи». У Драбівському районі Київської області хлібозаготівлі провадили методами насильства і знущання з селян. Показовий судовий процес над районними керівниками, який відбувся у червні (засуджені одержали від 18 до 36 місяців концтаборів), на перший погляд, свідчив про певну лібералізацію політичного курсу[26].

Здавалося, що травневі реформи, чи, як їх інколи називають, «неонеп», набиратимуть обертів. Та вже по кількох місяцях настав новий закрут соціально-економічної кризи.

Наприкінці травня з'ясувалося, що наданої впродовж цього місяця допомоги вочевидь недостатньо для України. Голодні селяни не могли працювати на весняній сівбі, і радянське керівництво зрозуміло, що сівба в Україні зривається. 25 травня Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило: «З огляду на практичний стан справи з сівбою на Україні запропонувати Яковлєву, Мікояну, Маркевичу, Одинцову на чолі з Молотовим сьогодні ж виїхати на Україну і спільно з ЦК КП(б)У вжити всіх необхідних заходів для максимального розгортання посівної кампанії»[27].

26 травня комісія В. Молотова прибула до Харкова, і цього ж дня за участю В. Молотова, А. Мікояна та Я. Яковлєва відбулось засідання Політбюро ЦК КП(б)У. У прийнятих рішеннях наголошувалась необхідність забезпечити посівну площу ярих культур не менш ніж торік. Всім українським керівним працівникам належало виїхати в райони для організації сівби. Однак головним чином йшлося про розподіл раніше наданої продовольчої допомоги[28].

Того ж дня Політбюро ЦК ВКП(б) розглянуло телеграму В. Молотова, Я. Яковлєва і А. Мікояна про становище із сівбою в Україні й ухвалило негайно видати насіннєву позику обсягом 52 800 тонн з фондів Комітету Резервів в Україні, а також за рахунок перекидання частини позики з Білорусії та Новоросійського порту[29].

Сталін, який знаходився того часу на відпочинку в Сочі, дізнавшись про ситуацію в Україні та обсяги виділеної їй позики, був вкрай роздратований. 2 червня він написав Л. Кагановичу і В. Молотову: «Зверніть якнайсерйознішу увагу на Україну. Чубар своєю розкладеністю й опортуністичним нутром і Косіор своєю гнилою дипломатією (щодо ЦК ВКП) та злочинно-легковажним

ставленням до справи — занапастять до решти Україну. Керувати нинішньою Україною не до снаги цим товаришам». У зв'язку з цим Сталін висловив припущення про зміщення з посад В. Чубаря і С. Косіора[30]. Його формулювання свідчили про те, що він втратив політичну довіру до українського керівництва, особливо до В. Чубаря.

5 червня Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило додатково завезти в Україну 26 080 тонн хліба з Середньої Азії[31]. Та ця напівдія поліпшити ситуацію не могла. Тим часом В. Чубар і Г. Петровський узгодили позиції та 10 червня надіслали до Кремля листи з повідомленнями про реальну загрозу широкомасштабного голоду в Україні. При цьому С. Косіор залишався ніби осторонь, не відповідаючи за їхні дії.

В. Чубар у своєму листі відзначав, що голодом охоплено не менш як 100 районів України. На його думку, причинами цього були: більш низький урожай 1931 р. порівняно з 1930 р.; колосальні втрати при збиранні врожаю; слабка трудова дисципліна у колгоспах; непосильні плани хлібозаготівель, під час яких у селян вилучався весь хліб, з насіннєвими фондами та авансами із трудоднів включно; розпродаж майна селянських господарств за невиконання планів.

На селі лютували хлібозаготівельні бригади, які складалися з районних активістів, міських робітників, міліціонерів. Ними практично ніхто не керував, і після насильницьких, а нерідко бандитських дій бригад, які звільняли з посад, судили, розганяли сільських активистів, на селі не залишалось ані голів сільрад, ані радянського активу. У багатьох районах уповноважені з хлібозаготівель, надіслані з центру, розпускали місцеві райкоми та райвиконкоми.

Як наслідок у грудні 1931 р. в Україні почали відзначатися випадки голодування серед розпроданих господарств, а в березні-квітні 1932 р. на селі з'явились десятки й сотні голодуючих, покинуті батьками діти й сироти.

Далі В. Чубар відверто писав про те, що на 1 липня 1932 р. Україна може залишитися взагалі без продовольства, а місцями надані радянським керівництвом ресурси вичерпувались до 20 червня. Одним з його ґрунтовних висновків був той, що за останні роки сільськогосподарське виробництво в Україні поруйноване безперервним збільшенням заготівель зерна та інших продуктів. Український прем'єр-міністр закликав знизити державні плани заготівель сільгосппродукції, нормалізувати сівозміни, поліпшити якість насіння та підняти врожайність. В. Чубар стверджував, що слід серйозно підвищити роль агрономів, зоотехніків та інших фахівців у сільському господарстві. Крім того, голова українського уряду підкреслював, що для продовження посівної кампанії республіці потрібна продовольча допомога з центру обсягом не менш як 16 тис. тонн зерна.

Г. Петровський звертав увагу союзних керівників на посилення антиколгоспних, антирадянських та «петлюрівських» настроїв селянства, а також просив надати продовольчу та посівну допомогу обсягом 24—32 тис. тонн збіжжя. «Всеукраїнський староста» прямо заявив, що ЦК КП(б)У завинив, згодившись без заперечень виконувати план хлібозаготівель у розмірі 8,160 млн. тонн. Це було зроблено, «підкоряючись владній необхідності зберегти темпи соціалістичного будівництва, які ми взяли, а також враховуючи напружений стан міжнародного моменту»[32].

В. Молотов і Л. Каганович одразу переслали обидва листи Сталінові. 15 червня Сталін написав Л. Кагановичу про те, що листи йому не сподобались, особливо позиція В. Чубаря, який домагається від Москви нових мільйонів пудів хліба і скорочення плану хлібозаготівель. «Найгірше у цій справі,— додав Сталін,— мовчання Косіора. Чим пояснити це мовчання? Чи знає він про листи Чубаря—Петровського?»[33]

Цілком імовірно, що Л. Каганович, який знав С. Косіора з дореволюційних часів за спільною діяльністю в Києві, передав йому слова Сталіна, а також повідомив, що той серйозно незадоволений українським керівництвом. Проте, згідно із заявою В. Чубаря, Україні надавалася нова продовольча допомога, причому рішення Політбюро ЦК ВКП(б) від 16 червня зобов'язувало Чубаря особисто простежити за використанням наданого хліба «суворо за призначенням»[34].

17 червня українське Політбюро вирішило «підстрахувати» В. Чубаря своєю колективною підтримкою: «Чубар на доручення ЦК КП(б)У підняв клопотання [про] відпуск Україні продовольчої допомоги, районам, які знаходяться [у] важкому стані. Настійно просимо понад відпущені для обробки буряка, а також додаткову продовольчу допомогу 220 тис. ще 600 тис. пудів [хліба]»[35]. Прохання лідерів республіки про надання додаткових 600 тис. пудів збіжжя посилило роздратування Сталіна.

18 червня Сталін, відчуваючи настрої місцевих керівних працівників, у черговому листі Л. Кагановичу вказав на необхідність покласти персонально на перших секретарів республіканських, крайових, обласних партійних комітетів України, Північного Кавказу та інших найважливіших сільськогосподарських регіонів СРСР відповідальність за стан сільського господарства і хлібозаготівлі[36].

У листі Сталін назвав головною помилкою хлібозаготівельної кампанії 1931 р., зосібна в Україні й на Уралі, те, що план хлібозаготівель був розверстаний за районами і колгоспами «механічно», без урахування становища в кожному окремому колгоспі. «Внаслідок цього... утворилась кричуща невідповідність,— писав він,— через яку на Україні, попри непоганий урожай, низка

врожайних районів опинилась у стані зубожіння та голоду, а на Уралі обком позбавив себе можливості надати допомогу неврожайним районам за рахунок урожайних районів області».

Таким чином, Сталін визнавав факт голоду в деяких районах України, але пояснював його «механічною розверсткою», а також тим, що дехто з перших секретарів (Україна, Урал, частково Нижньогородський край) «захопився» гігантами промисловості та не надавав потрібної уваги сільському господарству. «Наслідки цих помилок,— писав Сталін,— позначаються тепер на посівній справі, особливо — на Україні, причому кілька десятків тисяч українських колгоспників все ще роз'їжджають всією європейською частиною СРСР і розкладають нам колгоспи своїми скаргами та квилінням».

Здійснюваний курс під сумнів не брався, але, щоб не «повторювати помилок минулого року», пропонувалося допустити надбавку до плану, затвердженого 6 травня 1932 р. Цей захід, вважав Сталін, створював можливість «перекриття неминучих помилок в обліку і виконати самий план за всяку ціну»[37].

Наступного дня Сталін написав листа до В. Молотова: «...3) Про українців (Чубар та ін.) я вже писав Кагановичеві, і моя думка тобі, либонь, вже відома. Решта — справа Політбюро. 4) Ти та Каганович, либонь, вже одержали мого листа щодо скликання наради секретарів і гол[ів] облвиконкомів з питань організації хлібозаготівель. Я гадаю, що з цією необхідною справою треба поспішати, щоб мати можливість попередити повторення українських помилок на терені хлібозаготівель. Справа ця дуже важлива»[38].

Висловлені Сталіним думки про нездатність С. Косіора, В. Чубаря та інших українських лідерів керувати республікою мали подвійний підтекст. На керівництво ЦК КП(б)У, яке не впоралось із планами хлібозаготівель і продовольчим постачанням України, покладалася політична відповідальність за голод в Україні. Це означало, що Політбюро ЦК ВКП(б) має усунути «винних» з їхніх посад.

Сталін у своїх міркуваннях жодним чином не визнавав усієї згубності колективізації сільського господарства та величезних державних хлібозаготівель, що прирікали мільйони людей до голодної смерті. Його логіка була цілком відмінна: перед ним стояло завдання примусити регіональних лідерів рішуче й ефективно здійснити нову хлібозаготівельну кампанію з урожаю 1932 р.

Він продовжував наголошувати на тому, що виконання планів хлібозаготівель створювало великі державні резерви зерна та дозволяло подолати голод в країні. Однак питання полягало в іншому: а чи можна було в умовах голоду, який охопив основні зернові райони СРСР, створити такі резерви й ефективно їх використати для постачання міст і Червоної Армії?

21 червня 1932 р. ЦК ВКП(б) і Раднарком СРСР прийняли постанову і телеграмою до ЦК КП(б)У і РНК УСРР зажадали «за всяку ціну» забезпечити зернопоставки: «Жодних ухилянь від виконання встановленого для вашого краю… плану із зернопоставки колгоспами та одноосібними господарствами і зі здавання зерна радгоспами не повинно бути допущено жодним чином як щодо обсягів, так і термінів здавання зерна»[39].

Сувора позиція радянського керівництва, яке зобов'язало українських лідерів в порядку державної дисципліни виконувати щомісячні плани хлібозаготівель, супроводжувалась відмовою від виділення подальшої продовольчої допомоги населенню республіки. 20 червня Політбюро ЦК ВКП(б), розглянувши підписану С. Косіором телеграму Політбюро ЦК КП(б)У з проханням про додаткове завезення збіжжя, постановило: «Обмежитися вже ухваленими рішеннями ЦК і додаткового завезення хліба на Україну не здійснювати»[40].

Злочинна за своїм змістом постанова свідчила не лише про незадоволення Сталіна та інших членів Політбюро ЦК ВКП(б) українським керівництвом. На кінець червня в країні не залишалось великих державних запасів збіжжя та продовольства. Не випадково на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б) 20 червня з питання про хліб виступав заступник голови Комітету Заготівель М. Чернов. Був затверджений план хлібозаготівель на червень обсягом 978 тис. тонн, зокрема для України — 317,850 тис. тонн і для Північного Кавказу — 616,040 тис. тонн.

М. Чернову, А. Мікояну (нарком постачання СРСР), а також ЦК КП(б)У доручалося «розробити оперативний план з використання заготівель у самій Україні з нового врожаю, щоб окрім Донбасу, Харкова і Дніпропетровська особливу увагу звернути на забезпечення хлібом Миколаєва, Одеси, Києва та Південно-Західної залізниці»[41]. Дещо раніше було прийнято рішення про те, щоб усе заготовлене у червні-серпні збіжжя спрямовувати на потреби промислових центрів та армії[42].

Мені видається, що в умовах, які склалися в Україні, заготовити в червні 1932 р. понад 300 тис. тонн зерна було неможливо. Дуже сумнівно, що радянському керівництву вдалося виділити для республіки заплановані залишки продовольчого збіжжя обсягом 76,8 тис. тонн. (До порівняння: на 1 липня 1931 р. залишки продхлібів для постачання України становили 241,2 тис. тонн.)[43]

Необхідно враховувати, що централізоване постачання населення здійснювалось лише з украй мізерної продовольчої допомоги, що надавалася центром. Тому рішення від 20 червня не завозити хліб в Україну залишило тридцятимільйонне населення республіки без продовольства на 3–4 тижні (до надходження зерна нового врожаю, його транспортування, перемелювання на млинах, випікання хліба).

23 червня Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило постанову «Про хлібозаготівлі на липень» (кампанія хлібозаготівель офіційно розпочиналася 1 липня). Згідно з нею Україні було встановлено місячний план хлібозаготівель обсягом 390 400 тонн. У постанові вказувалось обкомам, крайкомам і ЦК національних компартій на те, «що від своєчасного виконання плану хлібозаготівель залежить вся справа постачання найважливіших промислових центрів до масового надходження хліба»[44].

26 червня В. Чубар, який приїхав до Москви, переконав В. Молотова і Л. Кагановича розброніювати для України 15 тис. тонн жита і рисової муки з державних фондів[45]. Однак такої кількості муки, навіть за скороченого раціону харчування, могло вистачити лиш для декількох десятків тисяч людей на один день.

28 червня В. Чубар взяв участь у нараді перших секретарів партійних організацій і голів виконкомів України, Північного Кавказу і ще 12 регіонів СРСР з питань організації хлібозаготівель та виконання встановлених планів. На нараді виступив В. Молотов, який підкреслив, що пропозиції Сталіна, вміщені у згаданих вище листах, прийняті Політбюро і мають бути реалізовані[46].

Головним чином для того, щоб здійснити вказівки Сталіна з організації хлібозаготівель, Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило відрядити В. Молотова і Л. Кагановича на III Всеукраїнську партійну конференцію, яка розпочиналась 6 липня 1932 р.[47]

Напередодні поїздки різні наркомати та відомства СРСР підготували В. Молотову статистичні дані про стан економіки України. Серед цих даних, які оприлюднені далі у нашій книзі, звернув на себе увагу факт, що заплановані для України показники першої п'ятирічки (1928/29–1932/33 рр.) були далекими від виконання.

Особливо наочно провал планів радянського керівництва простежився у сільському господарстві України. Внаслідок різкого зростання посівних і збиральних площ у 1929–1931 рр. виявилася ліквідованою система правильної сівозміни: озима пшениця і цукровий буряк стали панівними сільськогосподарськими культурами. Під час весняної посівної кампанії 1932 р. лишилися недосіяними 2,2 млн. га землі.

Величезних втрат зазнало тваринництво. Порівняно з 1929 р. у 1932 р. поголів'я коней в Україні зменшилось на 1,3 млн., корів — на 871 тис., удвічі менше стало свиней і в чотири рази — овець.

За відомостями Комітету Заготівель у 1930–1931 рр. Україна давала понад дві третини всього збіжжя, яке надходило до державних резервів. Але на 25 червня 1932 р. план хлібозаготівель з урожаю 1931 р. в республіці був

виконаний лише на 86,3% — менше, аніж в решті хлібних районів СРСР, а також менше за показники на цю ж дату в 1931 р.

На 25 червня загальний обсяг насіннєвої позики, наданої Україні союзним керівництвом, склав 151 296 тонн, а продовольчої допомоги — 57 632 тонни.

Якщо порівняти останню цифру з цифрами, які містились у рішеннях Політбюро ЦК ВКП(б) за квітень-червень, то вийде, що реальна продовольча допомога Україні була значно скромнішою, ніж це передбачалось. Вона могла забезпечити нормальний хлібний раціон для 8 млн. людей, які знаходилися в республіці на централізованому постачанні, лише впродовж тижня.

Аналізуючи ці цифри, В. Молотов і Л. Каганович, звичайно, розуміли руйнівні наслідки політики радянського керівництва в Україні. Та обидва підтримували пропозиції Сталіна про створення великих державних запасів продовольства беззаперечно. Їхали вони на партконференцію КП(б)У не впорожні. 5 липня Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило виділити 6 400 тонн хліба на проведення просапних робіт в Україні[48].

6 липня на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У, в якому взяли участь В. Молотов і Л. Каганович, С. Косіору було доручено відредагувати проект резолюції Всеукраїнської партконференції «на підставі обміну думками, що відбувся». Але центральне політичне значення мало рішення Політбюро ЦК КП(б)У «Про план хлібозаготівель», задля якого московські представники приїхали до Харкова. В ньому мовилося: «Вважати правильним встановлений ЦК ВКП(б) план хлібозаготівель по селянському сектору обсягом 356 млн. пудів і прийняти його до беззастережного виконання»[49].

Рішення стало певною політичною перемогою В. Молотова і Л. Кагановича. Але дісталось воно їм нелегко. Якщо уважно проаналізувати виступи на розпочатій по кількох годинах партконференції членів українського Політбюро М. Скрипника, Г. Петровського, В. Чубаря, а також деяких секретарів райкомів партії, помітна загальна думка українських працівників, що план хлібозаготівель нереальний і необхідно його зменшити.

Наприклад, М. Скрипник заявив, що не згодний з тими, хто головну увагу приділяє хлібозаготівлям. Г. Петровський відверто говорив про те, що окремі райони знаходились у важкому продовольчому стані. В. Чубар зосередився на недоліках, які існували у сільському господарстві України.

Наприкінці конференції виступили В. Молотов і Л. Каганович, що характеризували думку про необхідність знизити плани хлібозаготівель як «антибільшовицькі намагання», а В. Чубаря звинуватили у «відсутності політичної пильності».

Послідовно суперечити сталінським посланцям ніхто не насмілився. В ухвалі зазначалося, що конференція приймає до безумовного виконання

встановлений для республіки план хлібозаготівель. Таким чином, В. Молотову і Л. Кагановичу вдалось досягти своєї головної мети: найбільша національна компартія офіційно підтверджувала правильність курсу Сталіна та його прибічників на здійснення нової хлібозаготівельної кампанії[50].

Цікаво, що в промовах В. Молотова і Л. Кагановича лунали дуже оптимістичні оцінки врожаю 1932 р. Хоча московські гості знали, що недосіяна площа ярих в Україні складала 2,2 млн. га, а сівба провадилася за зниженими нормами висіву насіння.

Спроби визначити врожайність зернових в Україні почались лише після наради при РНК УСРР під головуванням В. Чубаря 5 липня. На нараді було визнано, що дані обласних органів «є аж надто орієнтовними» і потребують уточнення[51]. Матеріалів наступного засідання віднайти поки не пощастило, але видається, що цифри в 7,8–8,5 цнт з га, які з'явились у середині липня, вочевидь ґрунтувалися на біологічному врожаєві та були завищені. На 1 жовтня ці показники знизилися до 6,8–7,5 цнт з га[52].

Офіційна цифра середньої врожайності зернових в Україні 8 цнт з га, яка увійшла згодом до всіх статистичних збірників, зрозуміло, не відповідала дійсності. Показово, що наприкінці 1932 р. фахівцями українського Наркомату землеробства була підготовлена довідка, укладена за даними селекційних станцій і сільськогосподарських інститутів. У ній не наводили цифр, але розбіжність між очікуваною і фактичною врожайністю пояснювали кліматичними причинами[53].

Оприлюднені кілька років тому висновки американського історика М. Таугера про те, що середня врожайність зернових в Україні у 1932 р. була нижчою від офіційних цифр, здаються цілком вірогідними. Якщо взяти до уваги величезні втрати при збиранні врожаю, а також 1,1 млн. га зовсім невижатих земель, то валовий збір зерна в Україні дійсно міг виявитись істотно нижчим від офіційної цифри в 14,6 млн. тонн[54].

Необхідно також врахувати, що встановлений для України план хлібозаготівель не вичерпував всіх форм здавання селянами збіжжя та продовольства державі. До нього треба додати мірчуковий збір, різноманітні заготівлі м'яса, вершкового масла, яєць, інших видів продовольства, повернення державі насіннєвої позики, розрахунки колгоспів з МТС за здійснені ними роботи.

Величезні обсяги державних заготівель продовольства в умовах спровокованої владою кризи сільськогосподарського виробництва залишали відкритими питання про реальність накреслених планів, а також про долю українського селянства.

При цьому радянське керівництво усвідомлювало, що насувається катастрофа. Повернувшись влітку з України, В. Молотов на одному із засідань

Політбюро ЦК ВКП(б) визнав: «Ми стоїмо направду перед привидом голоду і до того ж у багатих хлібних районах». Але Політбюро вирішило «будь-що виконати затверджений план хлібозаготівель»[55].

Після III партконференції Політбюро ЦК КП(б)У реалізувало сталінську пропозицію і прийняло рішення встановити 4% надбавку до хлібозаготівельного плану, а також дозволило запровадити 2% надбавки до районних планів.

Як пояснити суперечність між усвідомленням загрози голоду, офіційними настановами радянського керівництва і реальною ситуацією, що склалася в Україні?

На мій погляд, логіка пояснення може бути такою: в разі відмови від хлібозаготівель унеможливлювались експорт пшениці, надходження валюти, закупівля обладнання для заводів, що споруджувалися, у кінцевому наслідку — так звані «темпи соціалістичного будівництва». Тоді необхідно було визнавати помилковість політики «великого стрибка», здійснюваної Сталіним і його прибічниками, що означало їхню цілковиту політичну дискредитацію та загибель усіх життєвих сподівань.

Сталін чудово знав і враховував міру незадоволення його політикою в суспільстві, а також у самій компартії (справа М. Рютіна це потверджує)[56]. Він і група керівників, яка його підтримувала, розуміли, що, відмовившись від її здійснення, владу в партії та країні вони можуть не втримати. Тобто в умовах глибокої соціально-економічної кризи, породженої їхньою безвідповідальною політикою, можливість зміни курсу чи маневру для групи Сталіна була вкрай звуженою. Ці люди воліли йти до кінця, прирікаючи на голод і смерть мільйони. Зрозуміло, виправдання їхнім злочинним діям нема і бути не може.

Користуючись нагодою, хочеться висловити ще одне міркування. У кількох публікаціях останнього часу в Україні помітні намагання заявити про те, що голоду не було або що його причиною виявився неврожай 1932 р. Це викликає подив. Адже проминуло вже понад 10 років відтоді, як в Україні стали широко відомі трагічні події 1932—1933 рр. Слід ще раз підкреслити, що голод 1932—1933 рр. був викликаний не поганими врожаями 1931 і 1932 рр. Голодомор виявився наслідком тієї політики радянського керівництва, яка зламала правічний устрій селянського життя та призвела до кризи сільськогосподарського виробництва. Складовою цієї політики були абсолютно нереальні плани хлібозаготівель з урожаю 1931 і 1932 рр. Через їх виконання українське селянство залишилось не тільки без зерна, а й взагалі без продовольства.

Вже у липні — першому місяці хлібозаготівель — план в Україні не був виконаний. На 31 липня заготовили загалом 48 тис. тонн зерна (в 1931 р.— 336 тис. тонн)[57]. Постачання Донбасу, промислових центрів, поставки збіжжя до Москви та Ленінграду були зірвані.

24 липня Сталін надіслав В. Молотову і Л. Кагановичу вельми показового, на мій погляд, листа, в якому підтвердив свою налаштованість «на безумовне виконання плану хлібозаготівель по СРСР». Однак він вважав, що «доведеться зробити виняток для особливо постраждалих районів України. Це необхідно не лише з погляду справедливості, а й через особливе становище України, спільний кордон з Польщею тощо». Наступного дня Сталін обґрунтував свою пропозицію кількома причинами та висловив думку про обсяги скорочення плану. Він, зокрема, писав: «Я гадаю, що 30 міл. пудів зерна вистачить на цю справу. На крайній випадок можна піти на 40 міл. пудів. Українці можуть зажадати, щоб ця сума була розтицяна по всіх колгоспах чи щоб індивідуалам була надана така ж сама допомога, як колгоспам. Якщо будуть такі вимоги, їх треба відкинути. Потрібно взяти лише постраждалі колгоспи, знизивши їм... у середньому 50% плану. Індивідуалам скинути лише 1/3 або навіть 1/4 плану»[58].

Плани залишалися нереально високими. Хлібозаготівлі, як і раніше, викликали відчайдушний опір українського селянства, а також багатьох низових партійно-радянських працівників. Повсюдно голодуючі зрізали на полях недозріле колосся. Вони в будь-який спосіб намагалися сховати від хлібозаготівельних бригад і комісій вижатий хліб.

Для виконання накреслених планів керівництво республіки наприкінці липня перейшло до більш твердої політики. Були заборонені колгоспна торгівля хлібом, а також перемелювання збіжжя на млинах без дозволу сільрад. Увесь керівний склад ЦК КП(б)У та обкомів відряджався на хлібозаготівлі до районів, начальство яких ЦК КП(б)У звинуватило у бажанні одержати мінімальні плани заготівель і «хвостистських настроях».

У цих умовах вельми дивно було надати М. Скрипнику та Г. Петровському відпустки задля поїздки на лікування за кордон[59]. Навіть враховуючи справді поганий стан їхнього здоров'я (обидва були літніми людьми), за такого напруженого становища це могло бути виявом політичної недовіри і незадоволення з боку керівництва ЦК ВКП(б).

Ситуація з хлібозаготівлями складалася дійсно критична. 7 серпня 1932 р. був прийнятий закон про охорону суспільної власності, написаний саморуч Сталіним. Названий народом «законом про п'ять колосків», він передбачав за крадіжку колгоспної чи кооперативної власності розстріл із конфіскацією всього майна, а за пом'якшуючих обставин — позбавлення волі не менш ніж на 10 років також із конфіскацією всього майна. Амністія з таких судових справ заборонялася.

11 серпня Сталін писав Л. Кагановичеві: «Справи на Україні вкрай погані. Погано за партійною лінією. Кажуть, що у двох областях України (здається, у Київській і Дніпропетровській) близько 50-ти райкомів висловились проти

плану хлібозаготівель, визнавши його нереальним. В інших райкомах стоїть справа, як стверджують, не краще. На що це схоже? Це не партія, а парламент, карикатура на парламент. Замість того, щоб керувати районами, Косіор увесь час лавірував між директивами ЦК ВКП(б) та вимогами райкомів і ось — долавірувався до краю... Погано за лінією радянською. Чубар — не керівник. Погано за лінією ҐПУ. Реденсу не до снаги керувати боротьбою з контрреволюцією у такій великій і своєрідній республіці, як Україна.

Якщо не візьмемося тепер за виправлення становища на Україні, Україну можемо втратити. Майте на увазі, що Пілсудський не дрімає, і його агентура на Україні набагато сильніша, ніж гадає Реденс чи Косіор. Майте також на увазі, що в Українській компартії (500 тисяч членів, хе-хе) пробуває не мало (так, не мало!) гнилих елементів, свідомих і позасвідомих петлюрівців, нарешті — безпосередніх агентів Пілсудського. Як тільки справи погіршаться, ці елементи не забаряться відкрити фронт всередині (та за межами) партії, проти партії. Найгірше це те, що українська верхівка не бачить цих небезпек».

У зв'язку з такою оцінкою ситуації Сталін пропонував призначити Л. Кагановича першим секретарем ЦК КП(б)У, залишивши його секретарем ЦК ВКП(б). Він також вважав доцільним призначити головою ҐПУ УСРР В. Балицького, залишаючи його заступником голови ОҐПУ СРСР. Крім того, Сталін висловлював ідею призначити замість В. Чубаря главою РНК УСРР когось із керівників центральних господарських відомств, а самого Чубаря зробити заступником В. Молотова по РНК СРСР. С. Косіора передбачалось перевести на посаду секретаря ЦК ВКП(б).

Далі в листі Сталін формулював стратегічне завдання радянського керівництва щодо України: «...Поставити собі за мету перетворити Україну у щонайкоротший термін на справжню фортецю СРСР, на дійсно взірцеву республіку. Грошей на це не шкодувати.

Без цих і подібних ним заходів (господарське та політичне зміцнення України, у першу чергу — її прикордонних районів тощо), повторюю — ми можемо втратити Україну».

Ця фраза «ми можемо втратити Україну» показує, що Сталін глибоко усвідомлював міру кризи в республіці та побоювався соціального вибуху, у тому числі в українській компартії. Тому він характеризував незгодних з хлібозаготівлями як «гнилих елементів, свідомих і позасвідомих петлюрівців, нарешті — безпосередніх агентів Пілсудського». Всі незгодні з хлібозаготівлями були для нього політичними супротивниками та класовими ворогами, які загрожували його владі.

16 серпня Л. Каганович у своєму листі цілком підтримав оцінки Сталіна. «Горе в тім,— писав Л. Каганович,— що серед частини активу питання про

хлібозаготівлі, їхні міркування про нездійсненність плану переросли у питання про ставлення до політики партії. Невпевненість, безперспективність, розгубленість і формальне виконання "обов'язку" — ось головні бацили, які роз'їдають зараз частину активу, зачіпають "трошки" [в оригіналі українською.— ***Авт.***] (небагато) і верхівку. Теорія, що ми, українці, невинно постраждалі, створює солідарність і гнилу кругову поруку не тільки у середній ланці, а й у верхівці. Я вважаю, що, незалежно навіть від оргвисновків, настав момент, коли ЦК ВКП(б) мусить офіційно у політичному документі дати б оцінку та закликати організації до рішучого зламу. Резолюцію своєї конференції вони всерйоз не беруть, вважаючи її почасти вимушеною».

Далі Л. Каганович відзначив, що С. Косіор «виявив великі слабкості та недоліки», спростивши завдання керівництва найбільшою парторганізацією. З приводу свого призначення в Україну Л. Каганович надавав Сталінові «не тільки офіційне політичне, а й товариськи-моральне право розпоряджатися тим, кого Ви сформували як політичного діяча, тобто мною, Вашим учнем».

По кількох днях Л. Каганович одержав нового листа від Сталіна. У ньому повторювалася думка про те, що замінити С. Косіора можна було б тільки Л. Кагановичем, однак направляти його зараз в Україну недоцільно: «послабимо секретаріат ЦК... Що стосується Чубаря, то його можна залишити поки що і подивитись, як він буде працювати»[60].

У серпні хлібозаготівлі продовжували наражатися на спротив селянства. У відповідь рішенням Політбюро ЦК КП(б)У була припинена видача хліба на громадське харчування колгоспників. Усіх перекупників хліба притягали до судової відповідальності, щоб усунути їх з ринку (перекупниками були селяни, які при нагоді купували кілька пудів збіжжя). На село у порядку партійного набору було надіслано 2 347 працівників терміном на 2 роки[61].

17 серпня Політбюро ЦК ВКП(б) розглянуло питання «Про хлібозаготівлі на Україні» і вирішило: «Прийняти пропозицію Сталіна про скорочення плану хлібозаготівель на Україні на 40 млн. пудів як виняток для особливо постраждалих районів України з тим, щоби колгоспам особливо постраждалих районів зняти половину плану, а індивідуалам — третину.

б) Викликати терміново т. Косіора Ст. до Москви.

в) Доручити т.т. Куйбишеву, Косіору Ст., Кагановичу визначити райони, по яких передбачається зниження, не припускаючись зрівнялівки». Ще одним рішенням в Україні збільшувалась кількість війська, зайнятого на збиранні врожаю[62].

Пропозиція Сталіна про зниження на 40 млн. пудів (640 тис. тонн) плану хлібозаготівель для України мала суто політичний підтекст: вона показувала

«турботу» вождя про інтереси республіки. Але реального значення для голодуючої України зменшення плану на 11,2% не мало: їй залишалося здати 5 391 488 тонн збіжжя, що в умовах вочевидь низького валового збору зернових було неможливо[63]. У серпні республіка знов не виконала плану хлібозаготівель.

Подібна до цієї ситуація складалася на Північному Кавказі, який разом з Україною мав забезпечити більш як половину загальносоюзного плану хлібозаготівель. Щоправда, голоду в цьому регіоні у першому півріччі 1932 р. не було, та селяни, налякані звістками з України, відмовлялися здавати хліб державі.

14 серпня перший секретар Північно-Кавказького крайкому партії Б. Шеболдаєв повідомив Сталіна, що одноосібники чинять великий опір хлібозаготівлям. Він просив ЦК санкціонувати такі заходи: вимагати, щоб одноосібники молотили зерно під контролем місцевої ради; за невиконання плану відмовляти у праві на придбання промислових товарів; тих, хто не виконує плану, притягувати до судової відповідальності.

Шеболдаєв також просив скасувати 4—5-відсоткову «страхову надбавку» до хлібозаготівельних планів, встановлених в краї, та замінити здавання 80 тис. тонн пшениці заготівлею жита і кукурудзи.

Сталін, ознайомившись із листом Б. Шеболдаєва, заявив, що ці та інші пропозиції необхідно прийняти. 20 серпня вони були затверджені Політбюро ЦК ВКП(б). Одночасно Сталін наполягав на розгортанні в регіоні ідеологічної кампанії, яка забезпечувала застосування закону про охорону суспільної власності.

Та Л. Каганович повідомив Сталіна, що хлібозаготівлі на Північному Кавказі йшли погано, підтвердивши це відповідними матеріалами. 20 серпня Б. Шеболдаєв надіслав Сталінові ще одного листа, в якому він зазначав, що у колгоспників «є загострена осторога щодо хлібозаготівель». Селяни відкрито говорили, що на Північному Кавказі очікується таке ж важке становище, як і в Україні. За цих обставин районні керівники відмовлялися доводити до колгоспів план хлібозаготівель. Б. Шеболдаєв просив знизити план і замінити здавання пшениці заготівлею інших сільськогосподарських культур.

Сталін, прочитавши матеріали, надіслані йому Л. Кагановичем, а також нового листа північнокавказького лідера, роздратовано зажадав «вилаяти» Шеболдаєва та інших керівників регіону. 22 серпня Сталін відповів Б. Шеболдаєву: «Вашу записку одержав і відіслав до ЦК. Підтримати Вас не можу в зв'язку з поганою роботою краю з хлібозаготівель. Якщо Середня Волга, яка перенесла посуху, здала у третій п'ятиденці 4 млн. пудів, а Ваш край не здав і 2, то це означає, що крайком здрейфив перед труднощами і здав позиції апостолам самопливу або крайком дипломатничає і намагається ЦК вести за ніс. Погодьтеся, що я не можу підтримати у такій роботі»[64].

Враховуючи цю позицію Сталіна, 22 серпня Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило встановити щомісячні норми здавання хліба на Північному Кавказі[65].

Наступного дня воно ухвалило постанову «Про хлібозаготівлі на Північному Кавказі», в якій мовилося:

«а) Рішуче відкинути будь-які намагання до скорочення плану хлібозаготівель на Північному Кавказі.

б) Надіслати т. Шеболдаєву таку телеграму:

"ЦК вважає цілком неправильною викладену у Вашій записці настанову крайкому на можливість невиконання плану хлібозаготівель на 10—15 млн. пудів (164—246 тис. тонн).

Таке песимістичне ставлення до виконання плану хлібозаготівель і навіть точне визначення цифри недовиконання плану не сприяє мобілізації парторганізації та демобілізує її у справі виконання хлібозаготівельного плану.

ЦК погодився на заміну 5-ти млн. пудів пшениці — 2-ма млн. пудів жита і 3-ма млн. пуд. кукурудзи і вимагає безумовного виконання заготівель цих культур.

До визначеного на вересень місяць плану хлібозаготівель у 30 млн. пудів (492 тис. тонн) додається недобір за серпень місяць.

ЦК пропонує крайкому вжити всіх необхідних заходів до рішучого усунення демобілізаційних настроїв і мобілізації партійної організації та всіх сил радянських і заготівельних органів задля цілковитого виконання плану хлібозаготівель цього року"»[66].

У вересні 1932 р. ситуація з хлібозаготівлями повторилася як в Україні, так і на Північному Кавказі. Українське керівництво вимагало від усіх працівників припинити дискусії про виконання хлібозаготівельних планів, а Північно-Кавказький крайком партії надіслав на місця директиви про застосування репресій до працівників, які не забезпечували виконання планів[67].

Однак хліба до державних запасів надходило значно менше, ніж передбачалося планами. Хоча постачання промислових центрів і Червоної Армії з нового врожаю дещо поліпшилось, загальна соціально-економічна криза призвела до різкого падіння промислового виробництва. Навіть у Донбасі, який мав стратегічне значення і тому постачався продовольством краще від інших районів України, середньодобовий видобуток вугілля скоротився за перші дев'ять місяців 1932 р. на 22,4%. Чисельність робітників у вугільній промисловості за цей самий період зменшилася майже на 70 тис. осіб, або на 17,3%.

Американський історик Х. Куромія, який оприлюднив нещодавно цікаве дослідження про Донбас, писав про те, що маси робітників виїздили звідти у пошуках їжі та праці. Ще навесні 1932 р. Г. Орджонікідзе (нарком важкої промисловості СРСР), який знаходився у Донбасі, визнав, що радянське керівництво не може достатньою мірою забезпечити поліпшення продовольчого становища у наступні місяці[68].

Наприкінці вересня 1932 р. С. Косіор на пленумі ЦК ВКП(б) заявив: «Погляд на централізоване постачання всіх робітників і службовців наших промислових і міських центрів має бути змінений, переглянутий. За рахунок централізованого постачання ми можемо задовольнити лише деяку частину наших основних, вирішальних підприємств». Тому вкрай важливими ставали робота торговельної мережі, розвиток колгоспної торгівлі, децентралізовані заготівлі.

Подолати кризу промислового виробництва керівники СРСР намагалися, водночас застосовуючи суворий партійний контроль і більш реалістичну економічну політику. В центрі уваги була вугільна промисловість. 16 вересня Політбюро ЦК ВКП(б) призначило першим секретарем Донецького обкому партії І. Акулова (до призначення — перший заступник Голови ОҐПУ СРСР), а секретарем Донецького обкому з постачання С. Саркісова (до призначення — начальник Всесоюзного об'єднання «Заготзерно»). За місяць І. Акулов був обраний членом Політбюро та Оргбюро ЦК КП(б)У, секретарем ЦК КП(б)У, відповідальним за Донбас[69].

З цих призначень розпочалась реалізація планів Сталіна із зміцнення керівництва України відданими його курсу людьми. 1 жовтня Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило рішення призначити другим секретарем ЦК компартії України енергійного та твердого першого секретаря Середньо-Волзького крайкому ВКП(б) М. Хатаєвича[70]. 9 і 15 жовтня були затверджені перші секретарі Дніпропетровського обкому КП(б)У — В. Строганов, Вінницького — В. Чернявський, Чернігівського — П. Маркітан. Відбулись також інші призначення керівників того ж рівня.

У перші тижні жовтня темпи хлібозаготівель в Україні різко знизились. 8 жовтня С. Косіор у телеграмі обкомам КП(б)У назвав це зниження правооппортуністичним ставленням до хлібозаготівель, яке не лише ставило під загрозу плани вивезення та експорту збіжжя з території України, а й зривало постачання хлібом основних промислових центрів.

13 жовтня С. Косіор і 15 українських керівних працівників виїхали на хлібозаготівлі. Цими днями вперше взяв участь у засіданнях Політбюро М. Хатаєвич, який особисто зайнявся хлібозаготівлями. Таким чином, виник прецедент: надісланий Кремлем секретар ЦК КП(б)У став контролювати дії першого секретаря ЦК української компартії.

У другій половині жовтня темпи хлібозаготівель продовжували знижуватися. На 25 жовтня загальний план в Україні був виконаний на 39%, а місячне завдання — на 22%[71]. На Північному Кавказі до 20 жовтня вдалося заготовити лише 18% місячного завдання[72].

22 жовтня стривожене Політбюро ЦК ВКП(б) прийняло рішення: «З метою посилення хлібозаготівель відрядити на дві декади: а) т. Молотова на

Україну з групою у складі т.т. Калмановича, Саркіса [Саркісова.— ***Авт.***], Маркевича, Кренцеля; б) т. Кагановича на Північний Кавказ з групою у складі т.т. Юркіна, Чернова».

23 жовтня Політбюро ЦК ВКП(б) скоротило експортний план зернових із врожаю 1932 р., а також ухвалило виконувати план постачання пшеничним борошном на 80% для Донбасу, на 85% — для Москви та Ленінграду. Україна, поза Донбасом, одержувала тільки 30% пшеничного борошна, а решту задовольняла житнім борошном[73].

Цього ж дня М. Хатаєвич підписав листа Політбюро ЦК КП(б)У до місцевих партійних організацій, у якому стверджувалося, що районні та сільські парторганізації «повторюють куркульські балачки про цілковиту неможливість дати хліб державі». ЦК пропонував дати «рішучу відсіч куркульському опорові хлібозаготівлям», покінчити зі спокійним ставленням партійних, радянських органів «до зростаючого тиску дрібнобуржуазної стихії на селі», яка виявляється у саботажі всіх заготівель, відмові від виконання державних зобов'язань[74].

Одночасно С. Косіор і М. Хатаєвич надіслали до Москви листи, в яких пропонували знизити плани хлібозаготівель Україні відповідно на 50 і 70 млн. пудів (828 тис.–1,148 млн. тонн).

29 жовтня до Харкова прибула комісія В. Молотова. Цього ж дня за участю перших секретарів українських обкомів партії пройшло засідання Політбюро ЦК КП(б)У. Всі обласні працівники висловилися за зниження хлібозаготівельних планів. В. Молотов погодився скоротити український план на 60–70 млн. пудів, але в категоричній формі зажадав зібрати решту 165–170 млн. пудів (2 706–2 870 тис. тонн). Крім того, він піддав різкій критиці українське керівництво, звинувачуючи його у неспроможності виконати план хлібозаготівель.

30 жовтня Політбюро ЦК ВКП(б) погодилося з пропозицією В. Молотова і скоротило український план хлібозаготівель на 70 млн. пудів. Українські керівники знов роз'їхалися по районах, намагаючись заготовити збіжжя. Сам В. Молотов у телеграмі до Сталіна просив надіслати в Україну з Москви 50–70 досвідчених комуністів для роботи на хлібозаготівлях упродовж місяця. «Треба,— повідомляв він,— якомога швидше зламати наявні демобілізаційні настрої, що приховуються часто-густо безпринципною опортуністичною алілуйщиною в парторганізаціях, перед якими в листопаді стоїть велике завдання з хлібозаготівель». Крім того, В. Молотов писав, що на його доручення припиняється продаж частини промислових товарів колгоспам та одноосібникам[75].

1 листопада В. Молотов поїхав до Одеської, а затим до Дніпропетровської областей, щоби на місці розібратися в ситуації. Судячи з телеграм, якими

супроводжувалася діяльність його комісії, у перші дні листопада в Україні широко впровадилася практика припинення продажу промтоварів. 5 листопада В. Молотов зажадав від обласних і районних керівників налагодити облік збіжжя біля молотарок за допомогою спеціальних трійок і контролерів, які мали стежити за обмолотом. Також було надано вказівку розслідувати факти видачі у колгоспах додаткових зернових авансів.

Однак головним методом хлібозаготівель стали судові репресії. У директиві секретарям обкомів партії В. Молотов і М. Хатаєвич вимагали «нещадної кари злочинним елементам у правліннях колгоспів на підставі відомого декрету про охорону суспільної власності», а ЦК КП(б)У зобов'язав судові органи розглядати справи з хлібозаготівель поза чергою «як правило виїзними сесіями на місці із застосуванням крутих репресій»[76]. Для цього в кожній області додатково створювали не менш ніж 5—10 роз'їзних судових груп.

Обкоми партії цитована вище директива попереджала, що «пасивність у цій справі... ЦК КП(б)У розглядатиме як гірший різновид гнилого лібералізму, неприпустимого у більшовицькій партії».

6 листопада В. Молотов виїхав до Москви. 8 листопада С. Косіор від імені ЦК КП(б)У застеріг всіх керівників обкомів і райкомів партії, що коли вони не забезпечать різкого зламу у хлібозаготівлях, то будуть вжиті рішучі заходи впливу до районів. Це була пряма погроза партійним працівникам.

9 листопада надійшла директива ЦК ВКП(б) про вилучення всіх товарів з районів, які не виконували плану. 11 листопада Політбюро ЦК КП(б)У вирішило припинити продаж промтоварів одноосібникам, які відмовлялися здавати хліб державі. Списки цих людей вивішували в крамницях і торгових місцях, з них стягували всі штрафи та виплати. Тих, хто провадив «підривну роботу проти хлібозаготівель», а також тих, у кого знаходили закопаний по ямах хліб, належало виселяти за межі району, найбільш активних — за межі області. Куркулів, які відмовлялися здавати хліб, пропонувалося арештовувати, а їхнє майно продавати. Вони також підлягали виселенню за межі області. На хлібозаготівлі додатково відряджали 80 курсантів Полтавської військової школи та 120 осіб з Харкова[77].

17 листопада до Харкова знову приїхав В. Молотов. Либонь, Сталін був дуже роздратований перебігом хлібозаготівель, тому В. Молотов одразу повівся вкрай круто. 18 листопада на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У за його участю було ухвалено постанову «Про заходи з посилення хлібозаготівель». Відповідно до неї 600 робітників-комуністів з промислових центрів бригадами по 3—4 особи відправляли до сіл, де «куркульський саботаж і неорганізованість партійної роботи набули особливо гострого характеру». Цим бригадам фактично дозволялося влаштовувати в селянських господарствах подвірні обшуки, забирати не лише збіжжя, а й усе продовольство.

ЦК КП(б)У вказував парторганізаціям, що їхнє першочергове завдання — виконати план хлібозаготівель до 1 січня 1933 р., а також утворити насіннєві фонди колгоспів до 15 січня. Всі натуральні фонди, створені в колгоспах, перераховувалися до фонду хлібозаготівель. Заборонялося видавати будь-які натуральні аванси в усіх колгоспах, які не виконали плану хлібозаготівель. Організовувалося вилучення хліба, «розкраденого у колгоспів та радгоспів», застосовувались натуральні штрафи в обсязі 15-місячної норми здавання м'яса. Крім того, було вирішено «притягувати до суду на підставі декрету від 7 серпня як розкрадачів державного і суспільного майна комірників, бухгалтерів, рахівників, завгоспів і вагарів, які приховують хліб від обліку та складають фальшиві облікові дані з метою полегшення злодійства й розкрадання...».

Щоби подолати опір хлібозаготівлям, що однозначно трактувався як «куркульський», ЦК КП(б)У ухвалив заносити на «чорну дошку» колгоспи, котрі не виконували планів. До них вживалися такі заходи:

«а) негайне припинення підвезення товарів, цілковите припинення кооперативної та державної торгівлі на місці й вивезення з відповідних кооперативних крамниць усіх наявних товарів;

б) цілковита заборона колгоспної торгівлі як для колгоспів, колгоспників, так і для одноосібників;

в) припинення будь-якого кредитування та дострокове стягнення кредитів й інших фінансових зобов'язань;

г) перевірка й очищення колгоспів з вилученням контрреволюційних елементів — організаторів зриву хлібозаготівель...».

На рядових комуністів чекала чистка парторганізацій Снігурівського і Фрунзенського районів Одеської області, а також Солонянського, Васильківського і В.-Лепетиського районів Дніпропетровської області. Причому «вичищених» передбачалося вислати як «політично небезпечних». Такі заходи щодо виключених з партії комуністів ще ніколи не застосовувалися настільки широко.

Одночасно Політбюро ЦК КП(б)У вирішило посилити репресії проти куркульських і контрреволюційних елементів шляхом ліквідації «куркульських і петлюрівських контрреволюційних гнізд», а також «усуненням у містах ідеологів та організаторів куркульського саботажу та зриву виконання державних завдань, що виявлені органами ҐПУ». По трьох днях РНК УСРР своїм рішенням оформив пропоновані заходи для місцевих рад, відверто зауваживши: «Завданням натуральних штрафів й інших репресивних заходів є забезпечення цілковитого виконання хлібозаготівельних планів»[78].

Вельми показово, що п'ятим пунктом у протоколі засідання Політбюро ЦК КП(б)У від 18 листопада було рішення «Про вивезення хліба в листопаді місяці». Відповідно до нього Україна мала до 8 грудня відвантажити до Москви,

Іванова, Закавказзя, Горького, Ленінграду, Білорусії, Криму 99 тис. тонн збіжжя понад експортне завдання. Причому до 25 листопада планувалося вивезти всі запаси комерційної та непфондівської пшениці, які знаходились на залізничних пунктах. Це означало, що в Україні не лишалося досить великих державних запасів хліба.

Цими днями на централізованому постачанні в Україні знаходилося 7 159 500 осіб[79]. Вивезеного збіжжя вистачило б їм за звичайного денного раціону хліба (1 кг) на два тижні, а за зменшеного раціону — на досить великий термін.

Дії В. Молотова і Сталіна викликали певне незадоволення українських партійних працівників. Це відчув В. Молотов, який 18 листопада виступив на зборах харківського партійного активу із тлумаченням вжитих заходів. По двох днях у телеграмі до Сталіна В. Молотов пояснив, що збори були необхідні, «оскільки у чималої частини українських працівників є опортуністичні хитання...»[80].

Листування В. Молотова з місцевими працівниками з питань хлібозаготівель свідчить, що голова уряду СРСР намагався теоретично обґрунтувати граничну жорстокість своїх дій. В його інтерпретації репресивний курс радянського керівництва був зворотною реакцією на «нову тактику класових ворогів» на селі. В. Молотов стверджував, що агенти куркульства позабиралися до багатьох колгоспних «шпарин та дірок», вміло удаючи з себе «друзів» колгоспників. Вони пролізли до правлінь колгоспів на посади рахівників і завгоспів, а їхня злочинна праця (приховування від держави хліба) полегшується «опортуністичною полудою» і безхарактерністю частини комуністів. Проти розкрадачів колгоспного хліба В. Молотов пропонував спрямувати «вістря політичної роботи»[81].

На практиці така «робота» провадилась у формі операції ҐПУ УСРР, яка розпочалася 19 листопада. Згідно з підготовленою в ҐПУ рознарядкою арештам мали підлягати 3 525 осіб, здебільшого — керівні сільськогосподарські працівники, а сама операція охопила 243 райони України[82].

20 листопада В. Молотов, віддавши С. Косіору розпорядження заборонити продаж у сільській місцевості сірників, солі, гасу, виїхав у Дніпропетровську область. 21 листопада члени його комісії надіслали до Політбюро ЦК ВКП(б) шифровку: «Пропонуємо надати ЦК КП(б)У в особі спецкомісії (Косіор, Реденс, Кисельов з ЦКК) на період хлібозаготівель остаточне вирішення питань про вироки до вищої міри покарання з тим, щоб ЦК КП(б)У раз на декаду звітував про свої рішення з цих справ перед ЦК ВКП(б)». Отож цим створювався позасудовий орган, який утверджував смертні вироки у справах репресованих під час хлібозаготівель.

22 листопада Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило пропозицію комісії В. Молотова. Крім того, ОҐПУ було доручено «у декадний термін вивезти з України до таборів всіх ув'язнених, які мають вироки, починаючи від трьох років і вище, у справах про розкрадання колгоспного і державного майна та саботаж хлібозаготівель». Політбюро ЦК ВКП(б) погодилося з пропозицією Президії ЦКК ВКП(б) про чистку в сільських осередках, «що найбільш відстали з виконання плану та мають факти поганої поведінки комуністів»[83].

Цього та наступного дня комісія В. Молотова працювала в Харківській області.

В. Молотов і М. Хатаєвич обмінялися листами з приводу брошури останнього, окремі засади якої піддав критиці голова РНК СРСР. Відповідаючи на зауваження, другий секретар ЦК КП(б)У писав: «Я вважаю, що ми повинні заготовляти в колгоспах товарний хліб, а не хліб взагалі. Боротьба за хліб повинна мати на увазі не тільки отримання того хліба, який вже вироблений, а й збільшення виробництва хліба. А для того, щоб виробництво хліба збільшувалося відповідно до потреб і запитів пролетарської держави, ми повинні дбати про те, щоб основні виробничі та споживчі запити колгоспів і колгоспників були задоволені, інакше вони сіяти і розширювати виробництво не будуть».

Та В. Молотов не погоджувався з логікою М. Хатаєвича. 23 листопада, перед від'їздом з Харкова до Москви, він різко охарактеризував засади Хатаєвича: «Ваша позиція докорінно неправильна, небільшовицька. Не можна більшовику відсувати задоволення потреб — мінімальних потреб, за суворо і неодноразово перевіреним партією рішенням,— потреб держави на десяте і навіть на друге місце, на задоволення цих потреб з колгоспних та інших "поденків".

Більшовик, продумавши і перевіривши їхній розмір та становище загалом, мусить поставити задоволення потреб пролетарської держави у першочерговому порядку.

З іншого боку, не можна припускатися зворотних опортуністичних крайнощів: "брати будь-який хліб і де завгодно, не рахуючись тощо". Ця позиція, також небільшовицька, випливає з відчаю, до чого ми не маємо жодних підстав»[84].

Однак логіка В. Молотова в умовах, коли запасів зерна в українському селі не було, об'єктивно провадила до того, що хліб брався «будь-який і де завгодно», причому переважно репресивними заходами.

Такий підхід до хлібозаготівель був характерний також для Л. Кагановича, який очолив комісію, скеровану на Північний Кавказ. Це свідчило про єдину тактику, вироблену кремлівським керівництвом.

28–29 жовтня Л. Каганович підготував проект рішення «Про хлібозаготівлі та сівбу на Північному Кавказі», яке одразу ж було ухвалено на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б). Його формулювання розкривали сутність тактики «центру»:

«а) Відрядити на Північний Кавказ крім т.т. Кагановича, Чернова, Юркіна додатково т.т. Мікояна, Гамарника, Шкірятова, Ягоду і Косарєва;

б) Доручити всій групі товаришів спільно з крайкомом виробити заходи з посилення хлібозаготівель по Північному Кавказу, особливо — на Кубані, та безумовного виконання плану озимої сівби;

в) Основне завдання зазначеної групи товаришів — виробити і провести заходи зі зламу саботажу сівби та хлібозаготівель, організованого контрреволюційними куркульськими елементами на Кубані»[85].

Таким чином, Л. Каганович та інші радянські керівники планували посилити хлібозаготівлі на Північному Кавказі переважно боротьбою з «контрреволюційними елементами» на Кубані. Нарік Б. Шеболдаєв згадував, що Сталін відмовився надати допомогу насінням для осінньої сівби селянам Кубані, а також звинуватив місцевих працівників у невмінні ефективно здійснювати політичний курс. Л. Каганович на об'єднаному пленумі ЦК і ЦКК ВКП(б) (січень 1933 р.) казав, що Сталін звернув особливу увагу північнокавказьких керівників на необхідність боротися з класовим ворогом, який саботував хлібозаготівлі та сівбу.

Виступи Б. Шеболдаєва і Л. Кагановича уважно аналізував японський вчений Н. Шимотомаї, який опублікував у 1983 р. серйозне дослідження про діяльність комісії Л. Кагановича на Північному Кавказі[86]. Він ґрунтувався на приступних у ті роки друкованих джерелах. Документи, що оприлюднюються в цій книзі, підтверджують багато висновків історика.

1 листопада 1932 р. комісія Л. Кагановича прибула до Ростова-на-Дону. Цього ж дня відбулося засідання бюро Північно-Кавказького крайкому партії. Йшлося про те, що план хлібозаготівель у колгоспах краю виконаний на 39%. Учасники засідання відзначали низьку врожайність зернових, до чого спричинився поганий обробіток полів. Осіння сівба практично не провадилася. Колгоспники відмовлялися ставати до праці, якщо не видавали хліб на громадське харчування. Деякі місцеві керівники роздавали їм зібране збіжжя, применшуючи для вищих органів врожайність.

Дуже поширилися крадіжки та приховування зерна. Від початку хлібозаготівельної кампанії крайові судові органи притягли до відповідальності за розкрадання хліба 3 тис. осіб. З них 1 300 засудили до 10 років позбавлення волі у концтаборах, а 150 прирекли до розстрілу. Б. Шеболдаєв відзначив, що опір хлібозаготівлям у краї був значно сильніший, ніж у 1931 р.,— за участю цілих колгоспів і партійних організацій.

У своїй першій промові перед північнокавказькими працівниками Л. Каганович чітко заявив, що буде вирішувати проблему хлібозаготівель у боротьбі з «контрреволюційними куркульськими елементами». Поза сумнівом, він знав про брак зерна в краї, але стверджував, що неможливо «піти на ретельні

розрахунки балансу хліба. Нас обдурять у цьому випадку, це означатиме відмову від хлібозаготівель».

Надалі він піддав різкій критиці роботу північнокавказьких комуністів на хлібозаготівлях. Членів партії, які не хотіли в них брати участь, Л. Каганович назвав поганими комуністами. «А поганий комуніст гірше, ніж зовсім нема комуніста,— робив висновок Л. Каганович,— бо він партквитком освячує, благословляє куркульські настрої»

Сталінський посланець звернув увагу присутніх на те, що опір хлібозаготівлям, зокрема на україномовній Кубані, посилили агітація і діяльність організованих груп з голодуючої України (малося на думці, що це були контрреволюційні групи).

Л. Каганович запропонував занести 3—5 станиць на «чорну дошку»: заборонити в них торгівлю, провести очищення від «контрреволюційних елементів» і кілька показових судових процесів над «контрреволюціонерами» з публікацією відповідних повідомлень у пресі.

Він порадив послати в 31 район членів бюро крайкому уповноваженими з хлібозаготівель. Висловив також ідею спровокувати чутки про переселення з Півночі на кубанські землі селян, які краще за місцевих оброблятимуть землю.

Наприкінці виступу Л. Каганович запропонував створити шість комісій крайкому партії для вироблення конкретних дій (про Кубань, про плани хлібозаготівель і сівби для районів, про чистку партійної та комсомольської організації, про комсомол, про заходи за лінією Червоної Армії, про заходи за лінією ОҐПУ). Цього ж дня Л. Каганович звернувся до Сталіна з пропозицією знизити план хлібозаготівель по Північному Кавказу на 358 600 тонн.

2 листопада пройшла нарада 26 секретарів райкомів партії, на якій прозвучали прямі політичні звинувачення на їхню адресу. Б. Шеболдаєв так і заявив: «Основне політичне завдання — зламати опір, починаючи з вас, секретарів райкомів, і кінчаючи колгоспниками, та домогтися, щоб на селі не було єдиного фронту проти хлібозаготівель і сівби. Треба до кінця доводити репресії, щоб не сміялися з нашої короткозорості».

Ще крутішою була позиція Л. Кагановича: «Треба пам'ятати, що не може бути жалю та м'якості до класового ворога. Чим твердіше, тим менше доведеться вживати репресій... Хто не здатний до більшовицької боротьби — хай скаже та відійде». Цікаво, що в своєму щоденнику Л. Каганович проти останнього речення поставив олівцем знак питання.

Після наради засідали комісії з розробки проектів ухвал крайкому партії. Л. Каганович особисто редагував ці ухвали. В них передбачалося занести на «чорну дошку» станиці Ново-Рождественську Тихорецького, Медведовську Тимашевського та Темірґоєвську Курганенського районів.

Це тягнуло за собою негайне припинення довезення товарів і кооперативної та державної торгівлі на місці, а також вивезення з кооперативних

крамниць всіх наявних товарів; цілковиту заборону колгоспної торгівлі як для колгоспів, колгоспників, так і для одноосібників; припинення кредитування та дострокове стягнення кредитів та інших фінансових зобов'язань; перевірку та очищення від будь-яких чужих і пристосовницьких елементів у колгоспних, кооперативних і державних апаратах; вилучення органами ОҐПУ контрреволюційних елементів, організаторів саботажу; чистку партійних і комсомольських організацій. Мешканців занесених на «чорну дошку» станиць попереджали, що в разі «продовження саботажу сівби та хлібозаготівель» крайові організації поставлять перед урядом питання про виселення станиць у північні області СРСР.

У Невинномиський, Слов'янський, Усть-Лабинський, Брюховецький, Старо-Мінський, Кущовський, Павлівський, Кропоткінський, Ново-Олександрівський і Лабинський райони повністю припинялося завезення товарів. Щодо Єйського, Краснодарського, Курганенського, Коренівського, Отрадненського, Каневського, Тихорецького, Армавірського, Тимашевського і Ново-Покровського районів передбачалося ще й вивезти всі запаси з комор і баз.

В одноосібників, які відмовлялися від землі та сівби, забирали садибні землі. Цих людей виселяли у північні області, а майно передавали у колгоспи. На їхнє місце переселяли колгоспників з малоземельних областей. Передбачалося також арештовувати одноосібників, які відмовлялися передавати своїх коней колгоспам для вивезення хліба та посівних робіт.

Прокуратурі та органам ОҐПУ доручалося у п'ятиденний термін розглянути всі справи про розкрадання колгоспного і державного майна, застосувавши до винних «заходи суворих покарань», передбачені декретом РНК про охорону соціалістичної власності.

Готуючи чистку сільських партійних організацій Північного Кавказу, насамперед районів Кубані, у відповідній постанові Л. Каганович сформулював її центральне завдання у такий спосіб: «Чистка повинна звільнити партію від людей, чужих справі комунізму, розкладених елементів, що провадять куркульську політику, плентаються у хвості відсталих настроїв і не здатні провадити політику партії на селі».

Спільні рішення комісії Л. Кагановича та Північно-Кавказького крайкому партії передбачали і широкомасштабні репресії силами органів ОҐПУ. У триденний термін чекісти зобов'язані були вилучити «контрреволюційних організаторів» саботажу хлібозаготівель та сівби, «що засіли у колгоспних і станичних радянських апаратах, МТС», а також білогвардійців (бухгалтери, обліковці, комірники, завгоспи тощо) зі станиць Теміргоєвської, Ново-Рождественської, Ново-Мишастівської, Уманської, Упорної, Поповичеської, Вознесенської, Урупської, Казанської, Полтавської, Криловської та Платніровської.

Осіб, викритих у розкраданні та приховуванні хліба, мали арештовувати та притягати до суду. Всіх одноосібників, які відмовлялися від землі та сівби,— брати на облік, щоби згодом виселити їх на Північ. Повноважному Представництву ОҐПУ у Північно-Кавказькому краї надавалося право арешту комуністів на селі за «розбазарювання», розкрадання хліба, злісний опір хлібозаготівлям.

Уповноважений Наркомату юстиції зобов'язувався у п'ятиденний термін вислати всіх ув'язнених, які одержали вироки від 3 років і вище та знаходилися у тюрмах краю. Щоб запобігти вивезенню хліба за межі краю, на гірських перевалах, Воєнно-Грузинській, Воєнно-Осетинській і Воєнно-Сухумській дорогах встановлювалися оперативні кордони. Керували ними чекісти, яким допомагали 70 комуністів — курсантів школи міліції.

Репресивні заходи планувалося вжити за лінією крайової прокуратури та суду. Найбільш показовий з них стосувався справи голови партійного осередку в станиці Отрадна Тихорецького району Котова, який роздав зібраний хліб селянам. Постанова зобов'язувала крайовий суд переглянути м'який вирок районного народного суду (Котов був засуджений до 10 років ув'язненння) протягом доби[87]. Як наслідок 18 листопада 1932 р. Котов разом з 15 членами станичного комітету був засуджений до розстрілу[88].

Крім того, посилити хлібозаготівлі в районах мали чотири групи військових по двадцять осіб у кожній, а також ударні бригади червоноармійців-комуністів.

3 листопада Сталін шифровкою повідомив Л. Кагановича про те, що Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило пропозицію про додаткове зниження плану хлібозаготівель у Північно-Кавказькому краю на 358 600 тонн[89].

4 листопада Л. Каганович провів з крайовими партпрацівниками, керівниками радгоспів наради, присвячені заготівлям сільськогосподарських культур, збиранню кукурудзи, осінній сівбі. На нарадах була спланована мобілізація 11 тис. осіб для роботи на селі (3 тис. тсоавіахімівців, 3 тис. перемінників-червоноармійців, 3 тис. комсомольців, 1 тис. комуністів і 1 тис. командирів Червоної Армії)[90].

Цього ж дня Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило рішення про чистку сільських парторганізацій Північного Кавказу, першою чергою Кубані. Вичищених з партії висилали як політично небезпечні елементи.

Сталін особисто відредагував постанову Північно-Кавказького крайкому партії «Про перебіг хлібозаготівель і сівби на Кубані» і написав резолюцію «Опублікувати місцевій пресі». Наступного дня вона була надрукована в газеті «Молот»[91].

5 листопада Л. Каганович надіслав Сталінові листа, в якому дав коротку оцінку ситуації на Північному Кавказі: «Контрреволюціонери сидять спокійно. Та й становище, і наша ледача робота, тобто робота місцевих організацій, лібералізм, бездіяльність і опортунізм сприяють створенню антирадянських

організацій. Тепер доводиться надолужувати те, що пропущено, це неминуче призведе до певних перегинів. Будемо боротися, щоб їх не припускатися, та позаяк все це відбуватиметься ударно, то всього до кінця важко буде уникнути. У будь-якому випадку головне завдання тут зараз — це зламати саботаж, без сумніву організований і керований з єдиного центру.

Ну, на цьому зараз закінчу. Зараз їду з Краснодару в станиці. Думаю рушити до найбільш злісної Полтавської, де є 400 осіб учителів, лікарів і техніків + полковники, осавули тощо»[92].

Затим Л. Каганович виїхав у райони, щоб особисто ознайомитися з ситуацією. У станиці Ново-Титарівській Краснодарського району він вперше зустрівся з простими станичниками. Показово, що зібрані місцевими активістами люди спершу відмовчувалися, та потім, після питань Л. Кагановича: «Як працюють?»,— відповідали: «З чого працювати, сьогодні отримала 90 грамів хліба», «Раніше добре робили, зате досхочу їли, а тепер в мірку хліба дають», «Звичайно, не як у своєму господарстві», «Зацікавленості нема, сьогодні бригада працює на одній ділянці, а завтра її перекидають на інше місце», «Трудодень жінки виробити не в силі, втомлюються, від цього погана якість молотьби».

Ввечері цього ж дня на зборах районного партійного активу місцеві працівники вочевидь не хотіли відповідати Л. Кагановичеві на його запитання про «обличчя і методи роботи класового ворога». Роздратований учень Сталіна почав відверто погрожувати присутнім: «Дехто розуміє класову боротьбу спрощено. Тільки контриків (білих офіцерів) розрізняє. Класова боротьба була в громадянську війну, за непу, ліквідації куркульства і тепер. Куркуль нині б'є по невправній обробці полів, домагається зниженої врожайності та розкрадання хліба. Саботаж сівби і заготівель — ось де класова боротьба. "Для себе посію, а державі сіяти не буду, нехай гибіє з голоду". Йдеться не лише про заготівлі, а й про долю колгоспного руху. Комуністи в цих обставинах розгубились... Бояться йти до колгоспника. Інша частина комуністів [йде] на поводі в куркуля — "як це ми лишимося без хліба". Частина таких комуністів є й серед присутніх тут. Слід пам'ятати, що давній партійний стаж не страхує. Були Зинов'єв і Каменєв членами ПБ [Політбюро], та видихались. Такого штибу комуністи всередині думають як куркулі. От для них саме й потрібна чистка».

Ще більш різкими, незрідка до брутальності, були висловлювання Л. Кагановича в станиці Медведовській, куди він приїхав 6 листопада.

У щоденнику Л. Кагановича збереглися записи, в яких дано коротку характеристику цієї станиці. Її населення становило 24 тис. мешканців. З 4 тис. обійсть 1 300 були одноосібними господарствами, причому протягом року 500 господарств вийшли з колгоспу. Під час хлібозаготівель 1932 р. станиця здала збіжжя в шість разів менше, ніж у 1931 р. У 1918 р. тут розташовувався козачий гарнізон, численні станичники були білими офіцерами. На площі стояв

мармуровий пам'ятник загиблим у 1878–1908 рр. уродженцям Медведовської — генералам, полковникам і офіцерам. Від початку колективізації зі станиці було вислано 146 куркульських родин, переселено 178 білогвардійських родин, арештовано 230 осіб «контрреволюційного активу, який активно діяв».

Ця характеристика станиці у щоденнику свідчила про те, що Л. Каганович розглядав все її населення як «класово вороже» радянській владі. Тому розпочав він свій виступ з відвертих грубощів. Коли його зустріли традиційними оплесками, він звернувся до станичників: «Чого плескаєте, вже проплескали. 400 комуністів і комсомольців станиці, якби вони добре працювали, не допустилися б того, що є. Вони забули азбуку комунізму, що немає єдиної станиці, а є куркулі, середняки, біднота. Куркуль пролазить у колгосп з тим, щоб бути там рівним. У колгоспі є люди, які проти колгоспу і чекають його розвалу... Ми не називаємо вас куркулями, але можна не бути куркулем, та помагати йому».

Остання фраза Л. Кагановича була дуже красномовною. Чим могли допомагати куркулям їхні сусіди-станичники? Виявляється, у багатьох людей не було ставлення до соціалістичної власності як до своєї особистої. Це, на думку Л. Кагановича, було ознакою куркульської ідеології. Як і небажання голодних селян провадити сівбу. «Ми переселимо на Північ тих, хто не хоче сіяти,— стверджував Л. Каганович.— Ваша станиця перейшла до боротьби з радянською владою».

Широкомасштабні репресії проти «носіїв куркульської ідеології» чекали не тільки на Медведовську, а й на станицю Полтавську. На загальностаничних зборах колгоспників та одноосібників 6 листопада Б. Шеболдаєв прямо поставив питання про репресії стосовно жителів станиці. Л. Каганович підтримав його: «Кубанці, які не сіють і не здають хліба, йдуть і не знають, куди йдуть, до чого їх доправить така поведінка. А доправить їх до боротьби проти радянської влади, до відновлення капіталізму. Куркуль тепер пролазить до колгоспів, бореться не з колгоспами, а проти сівби та заготівель, проти держави. Важливий не фізичний куркуль, а куркульська ідеологія. Підґрунтя її — вороже ставлення до суспільної власності. Приватна власність, мовляв, була від бога, а суспільна від чорта, її сам бог звелів розкрадати. З цією куркульською ідеологією ми провадимо рішучу боротьбу, так само, як і зі старими традиціями, пережитками одноосібника...

Що ж від вас, полтавців, станичників, передати урядові — Калініну, Сталіну, Молотову, Ворошилову, Будьонному та іншим? Якщо ми побачимо, що в станиці розпочався злам, є зрушення, по-чесному здають наявний хліб, ми підемо назустріч, допоможемо вам. Якщо ні, радянська влада знайде досить сили й міці, щоб переселити тих, хто зриває державні завдання, на Північ, а на їхнє місце переселити з Півночі працьовитих селян. Кубанські землі — прекрасні землі, вони не заслуговують такого поводження з ними, як це дієте ви. Так

засмітити кубанські землі — це ганьба [в оригіналі українською.— ***Авт.***] (глум, підлість)»[93].

8 листопада Сталін і В. Молотов викликали Л. Кагановича до Москви[94]. Впродовж двох тижнів радянське керівництво обговорювало ситуацію, що склалася з хлібозаготівлями та централізованим постачанням країни продовольством. Були скорочені норми щодобової видачі хліба у деяких промислових центрах країни, зокрема в Москві.

Л. Каганович і В. Молотов опір хлібозаготівлям однозначно оцінювали як антирадянську діяльність «контрреволюційних елементів». Ми не знаємо, наскільки щиро вірили вони в те, що існує розгалужена мережа антирадянських організацій, до того ж керованих з одного центру (як про це Л. Каганович писав до Сталіна). Але Сталін та його однодумці вирішили будь-що створити централізовані запаси збіжжя в країні, не зупиняючись перед застосуванням найжорстокіших репресивних заходів на місцях. Про це свідчили дії В. Молотова, який повернувся в Україну, і Л. Кагановича на Північному Кавказі.

Л. Каганович знову прибув туди 10 листопада. Протягом двох днів він об'їздив Міллерівський, Тарасівський і Каменський райони краю. На його наказ співробітники ОҐПУ опечатували комори колгоспів і радгоспів, обшукували селянські господарства, арештовували сільських працівників і селян. Суди, органи прокуратури та ОҐПУ на Північному Кавказі у масовому порядку виносили вироки про розстріли арештованих.

21 листопада Л. Каганович і Б. Шеболдаєв надіслали Сталінові ухвалу крайкому про виселення «саботажників» за межі краю. 22 листопада Сталін повідомив Л. Кагановича про рішення Політбюро ЦК ВКП(б): «Прийняти пропозицію Шеболдаєва і Кагановича про виселення з районів Кубані у дводекадний термін двох тисяч куркульсько-заможних сімей, які злісно зривають сівбу. Райони вселення визначити спільно ПівнічКавкрайкому ВКП(б) і ОҐПУ». Виселення торкнулося 45 станиць 14 районів Кубані. 1000 господарств підлягали відправленню у Північний край, 1000 — на Урал. Замість них на Кубань вселялися господарства з посушливих районів Ставропілля (червоноармійці, сільські комуністи та комсомольці)[95].

Вранці 23 листопада Л. Каганович провів засідання крайкому партії. Б. Шеболдаєв доповів йому про те, що за третю п'ятиденку листопада заготовано 80 тис. тонн збіжжя, а за четверту — 101 тис. тонн. Л. Каганович піддав критиці помилки, яких допустився крайком у хлібозаготівлі, і заявив, що «коріння саботажу» на Кубані слід розглядати з урахуванням історії класової боротьби та політичних особливостей Кавказу. Він націлив крайове керівництво на негайну заготівлю насіння для весняної сівби шляхом обшуків та вилучення «вкраденого збіжжя».

Після виступів північнокавказьких керівників, що каялися в помилках і намірялися рішуче «битися за план», Л. Каганович зажадав від крайкому партії приділити особливу увагу чистці партійних організацій Кубані. На його

пропозицію були прийняті резолюція та вітання Північно-Кавказької крайової парторганізації Сталінові.

Увечері того ж дня перед активом Північно-Кавказької парторганізації Л. Каганович виголосив велику промову. На самому початку він перелічив заходи, вжиті в краї задля посилення хлібозаготівель і осінньої сівби. Ці заходи дозволили виконати план заготівель на 64%.

Далі він зупинився на причинах, які спонукали Політбюро ЦК ВКП(б) зробити політичний висновок про «саботаж» хлібозаготівель і послати на Північний Кавказ очолювану ним комісію. ЦК ВКП(б) мав матеріали про виступи комуністів і керівників колгоспів проти хлібозаготівель, про підпільні збори комуністів, на яких ухвалювалися рішення роздати селянам збіжжя. Прикладом став вчинок вже згадуваного секретаря партосередку Котова, котрий Л. Каганович розцінив як зраду справі партії та «контрреволюцію».

ЦК ВКП(б) також володів відомостями про масові розкрадання та розбазарювання колгоспного і радгоспного хліба, напади селян на скирти, молотарки, комори й елеватори. Л. Каганович заявив, що все це підтвердили його поїздки у 8 районів краю та зустрічі з людьми, і зробив висновок, що «куркульська ідеологія проникла не лише до лав одноосібників, а захопила частину колгоспників і навіть частину комуністів».

Особлива увага у доповіді приверталася до 355 тис. одноосібних господарств, які становили 27% всіх селянських господарств краю. Із розмов з одноосібниками Л. Каганович здобув переконання, що вони мали «типові погляди правих опортуністів, що як нема краще відображали мрії та гадки куркульсько-заможних елементів села».

Він досить детально пояснив свою позицію щодо куркульства. На його думку, куркуль в основному був ліквідований як клас. Та не був ліквідований куркульський опір, залишались гострі суперечності на селі між фундаментом капіталістичної економіки, що руйнувався, і фундаментом соціалістичної економіки, що створювався.

Мислення Л. Кагановича однозначно знаходилось у межах марксистських категорій класової боротьби. Для нього по один бік «класових барикад» були керівники компартії та всі ті, хто підтримував їхню політику. По інший — «вороги» на селі, особливо на Кубані: невиселені куркулі, заможні селяни, що втекли із заслання і переховувалися у родичів, а інколи у членів партії, представники буржуазної, білогвардійської, козачої інтелігенції, «частина петлюрівців, які перекочували навесні з України». Всі вони провадили контрреволюційну агітацію, поширювали чутки про близьку іноземну воєнну інтервенцію та занепад радянської влади, розвал колгоспів.

За приклад Л. Каганович використав станицю Полтавську Слов'янського району. Там було заарештовано 40 осіб за звинуваченням у зв'язках з колишнім станичним отаманом, членом Кубанської Ради доби громадянської війни

Григорієм Омельченком. Підставою для звинувачень цих людей в тому, що вони входили до контрреволюційної, куркульської, білогвардійської організації, прислужилися листи Омельченка станичникам з Чехословаччини.

Для Л. Кагановича центральною «контрреволюційною» тезою Омельченка була така: «Зміцнювати населення в дусі козачої самостійності, зберігати козачу самобутність та традиції, а з метою збереження провідної ролі за старими козачими авторитетами, які залишилися в станиці, останнім у будь-який спосіб зберігати себе, проникати у радянські та господарські організації станиці».

У доповіді спеціально цитувалася ця теза. На мою думку, це означало, що радянське керівництво прагнуло остаточно зруйнувати витворений століттями спосіб життя донських і кубанських козаків, його традиційність і автономність. Козаки мали стати радянськими колгоспниками, що беззаперечно виконують всі державні повинності. Тих, хто був незгодний з цим, Л. Каганович вважав «контрреволюціонерами».

Недаремно він зачитав показання заарештованого в станиці Полтавській старого козака Білика: «Мені 61 рік. Я козак і за справу козацтва готовий умерти. Я бачу, що політика радянської влади спрямована на те, щоб сплюндрувати та порабити козацтво. Переслідуванням кращих козаків станиці радянська влада хоче придушити боротьбу козацтва за свої права та привілеї, за вільну Кубань і добре життя по-старому... Тепер я зубожів через радянську владу. За несплату боргів і нездачу хліба в мене конфіскували всю худобу та реманент... Я свідомо не вступив до колгоспу. Я вважаю, що колгоспи невигідні козацтву... Якщо ми підемо до колгоспу, то землю ми втратимо зовсім, а козак без власної землі — не козак». Цю психологію «в головах і вчинках багатьох колгоспників» Л. Каганович визначав як «куркульську» і більш небезпечну для влади, ніж конкретні куркулі.

«Класові вороги», за словами Л. Кагановича, змінили тактику і прагнули розкласти колгоспи зсередини, розпалюючи дрібновласницьку психологію та жадобу приватного господарського накопичення. Вони намагались «вихолостити з колгоспів їхню соціалістичну сутність і перетворити їх на свого роду селянські спілки, які організують селян проти радянської держави, проти пролетарської диктатури». Методами їхньої боротьби всередині колгоспів, правив далі оратор, були протиставлення колгоспів пролетарській державі шляхом саботажу сівби та заготівель, розкрадання колгоспної власності, підрив трудової дисципліни та низька продуктивність праці. Логікою сталінського вихованця абсолютна більшість селян потрапляла до категорії антирадянських елементів і «класових ворогів».

Проти радянської влади, виявляється, було спрямовано крадіжки, які завдали величезної шкоди колгоспам і державі. Л. Каганович стверджував, що за наймінімальнішими розрахунками покрадено 40%, як не половину всього

хліба. Внаслідок суцільних обшуків, санкціонованих ним особисто, у листопаді 1932 р. на Кубані виявили 1 349 ям і 110 «чорних комор», в яких знайшли 345 тис. пудів (5 623 тонни) зерна. Для Л. Кагановича це було дуже переконливим доказом класової боротьби, в якій багато хто з місцевих комуністів повівся як зрадник і провокатор, захищав інтереси не держави, а селян. Ці «чужі люди», «класові вороги» пролізли у партію через короткозорість районних керівників. Всіх їх належало «вичистити» з партії.

У заключній частині доповіді Л. Каганович зупинився на досягнутих СРСР успіхах, а також дав коротку характеристику стратегічного курсу радянського керівництва: «Ми твердо знаємо, як знає вся партія, робітничий клас, трудящі маси нашої країни, що вся політика нашої партії ґрунтується на чітких розрахунках, на тому, що або ми напружимо всі свої сили і виконаємо 5-річку в 4 роки для того, щоби соціалізм став непереможним, або нас розіб'ють. Ми виконали п'ятирічку в 4 роки, ми остаточно вирішили питання хто кого, й історична перемога залишилася за нами».

Після активу на нічному засіданні бюро крайкому партії були прийняті пропозиції Л. Кагановича продовжити чистку парторганізацій Кубані, а також подальші репресивні заходи. Потому комісія Л. Кагановича поїхала до Москви[96].

Наприкінці 1932 — на початку 1933 рр. Північно-Кавказький крайком партії реалізував всі настанови Л. Кагановича. Тільки з чотирьох кубанських станиць, занесених на «чорну дошку» (Полтавської, Медведовської, Урупської, Уманської), вислали у північні райони країни 51 600 осіб, з інших станиць — не менш ніж 10 000. Було заарештовано і кинуто до в'язниць близько 100 000 осіб (з них 26 000 вивезли). З партії виключили майже 40 000 комуністів, більшість репресували. Ще 30 000 комуністів, не знімаючись з партійного обліку, покинули свої організації та втекли з краю[97].

Аналогічні заходи були здійснені в Поволжі. На вимогу Сталіна та В. Молотова районам, які «саботували» хлібозаготівлі, оголошувався економічний бойкот. Завезення продовольства до них повністю припиняли, а керівництво репресували.

1 грудня 1932 р. Політбюро ЦК ВКП(б) прийняло рішення: «Відрядити Постишева як уповноваженого ЦК і РНК СРСР на Нижню Волгу для забезпечення плану хлібозаготівель у встановлені терміни»[98]. На ініціативу секретаря ЦК ВКП(б) П. Постишева, який приїхав на Нижню Волгу по кількох днях, в краї були звільнені з роботи 9 секретарів райкомів партії, 3 голови райвиконкомів, десятки голів колгоспів і сільрад. 23 грудня Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило виселити з Нижньо-Волзького краю «за саботаж хлібозаготівель» 300—400 сімей одноосібників, а 30 грудня санкціонувало масові арешти в Нижньо-Чирському та Котельниківському районах краю[99].

Велетенського розмаху репресії набули в Україні. 24 листопада Сталін, здійснюючи висловлені кількома місяцями раніше думки про необхідність кадрових змін в її керівництві, призначив заступника голови ОҐПУ СРСР В. Балицького особливоуповноваженим ОҐПУ в Україні. Рішенням Політбюро ЦК ВКП(б) йому підлягали всі чекістські органи в республіці[100].

По від'їзді комісії В. Молотова темпи хлібозаготівель в Україні різко знизились. 27 листопада Політбюро ЦК КП(б)У надіслало обкомам партії директиву, в якій вказало, що опір і «саботаж» хлібозаготівель у багатьох колгоспах не зламані. Стосовно таких колгоспів передбачалося вилучити організаторів «саботажу» і притягти їх до судової відповідальності. У першу чергу арештовувати слід «членів партії з числа керівних посадовців колгоспу, які переродилися, підпомагають куркульству»,— рахівників, комірників, завгоспів і вагарів.

Комуністів, «які допомагають обманювати державу та організують саботаж хлібозаготівель», пропонувалося судити особливо суворо. Секретарі обкомів партії спільно з начальниками обласних відділів ҐПУ зобов'язувалися зібрати найбільш серйозні справи з арештів членів правлінь колгоспів, провести по них прискореним порядком суди з найсуворішими вироками. Крім цього, виключених з партії комуністів, перш за все керівних сільських і районних працівників, належало вислати як «політично небезпечний елемент».

У деяких районах репресії охопили до 28% правлінь колгоспів. Із сіл вивозили все збіжжя з насіннєвими фондами включно. У колгоспах, занесених постановами ЦК КП(б)У та РНК УСРР на «чорну дошку», припинили завозити товари, заборонили торгівлю. В них вилучали «ворожі елементи», а майно розпродавали. Така політика мала показати, «що радянська влада вміє нещадно розправлятися з організаторами саботажу хлібозаготівель, з куркульськими елементами та їхніми поплічниками».

Для «поліпшення керівництва судовими репресіями» в областях створювалися комісії, які складалися з першого секретаря обкому партії, голови обласної контрольної комісії, начальника облвідділу ҐПУ та обласного прокурора. Їх орієнтували на «нещадне викриття шкідницької ролі засуджених членів партії, які переродилися та стали направду куркульськими агентами», а також на те, щоби прискорити судовий розгляд справ арештованих[101].

На початку грудня 1932 р. С. Косіор повідомив Сталіна, що за листопад і 5 днів грудня в зв'язку з хлібозаготівлями ҐПУ УСРР заарештувало 1 230 осіб, в тому числі 340 голів колгоспів, 750 членів правлінь, 140 рахівників, 140 бригадирів, 265 завгоспів і вагарів, 195 інших працівників колгоспів. До суду притягнуто 327 комуністів за «саботаж» хлібозаготівель. На «чорну дошку» рішенням ЦК КП(б)У і РНК УСРР занесено шість сіл, а постановами облвиконкомів — до 400 колгоспів[102].

Шквал репресій, що наростав у республіці, супроводжувався повсюдним вивезенням всіх колгоспних фондів, зокрема й насіннєвих. Це загрожувало тим, що зерна на весняну сівбу 1933 р. не залишиться. Тому ЦК КП(б)У 29 листопада ухвалив рішення про неприпустимість вилучення всіх колгоспних фондів[103]. Воно викликало серйозне незадоволення в Кремлі.

У ці ж дні виникла так звана «Оріхівська справа». До Сталіна надійшла інформація ОҐПУ, що керівники Оріхівського району Дніпропетровської області до виконання планів хлібозаготівель дозволили колгоспам засипати посівний і страховий фонди збіжжя. Сталін був вкрай обурений і 7 грудня надіслав всім партійним органам циркуляр, в якому назвав оріхівських керівників ошуканцями та злодіями, які успішно здійснювали куркульську політику. У документі містилась вимога арештувати їх і засудити до 5—10 років тюремного ув'язнення[104].

8 грудня Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило остаточний обсяг вивезення зерна з СРСР на експорт до кінця року в 100 млн. пудів (1,62 млн. тонн). 9 грудня було розглянуто план використання зернових ресурсів у 1933 р., відповідно до якого слід було заготовити на червень 1 263 млн. пудів (20 460 00 тонн). Експорт збіжжя планувався у тому ж обсязі, що й у 1932 р. На продовольче постачання СРСР передбачалося використати 436,5 млн. пудів (7 071 300 тонн). В історичній літературі вже зазначалося, що план використання зерна на 1932/1933 сільськогосподарський рік був побудований на ілюзіях радянського керівництва. Запаси зерна у Держфонді та Непфонді, а також у так званих перехідних фондах були заплановані в обсязі 3,699 млн. тонн на 1 липня 1933 р. Запаси зерна залишали тільки у бавовняних і деяких інших спеціалізованих сільськогосподарських регіонах. Із сільської місцевості решти районів СРСР запаси зерна вивозили.

9 грудня 1932 р. були також затверджені плани витрат хліба на перший квартал і на січень 1933 р. По Радянському Союзу планували відповідно 1,51 млн. і 503 тис. тонн, по Україні — 280 і 93,3 тис. тонн[105]. Для багатомільйонної республіки цього було зовсім недостатньо.

10 грудня на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б) слухали доповіді ЦК КП(б)У, Північно-Кавказького крайкому і Західного обкому партії про хлібозаготівлі. Виступили С. Косіор, Б. Шеболдаєв, М. Чернов і В. Куйбишев. Сталін піддав українських керівників різкій критиці, яка незрідка переходила у відверту лайку. Він звинуватив їх не просто у невмінні чи небажанні виконувати плани хлібозаготівель, а у хибній політичній лінії, «м'якотілості», браку наполегливості в боротьбі з «саботажниками». Особливо нападав Сталін на М. Скрипника за «небільшовицьку» політику українізації та зв'язок з «націоналістичними елементами». Такі звинувачення проти М. Скрипника були не випадковими.

Для вироблення проекту постанови про хлібозаготівлі була створена комісія Політбюро ЦК ВКП(б), до якої увійшло 10 осіб, зокрема українські керівники С. Косіор і В. Строганов. 14 грудня постанова «Про хлібозаготівлі на Україні, Північному Кавказі та у Західній області» ухвалена опитуванням Політбюро ЦК ВКП(б)[106]. Українських більшовиків і уряд республіки зобов'язували забезпечити план заготівлі зернових і соняшника до кінця січня 1933 р., а Північно-Кавказький крайком і крайвиконком мали до 10—15 січня заготовити зернові та до кінця січня — соняшник.

На місцеві парторганізації України та Північного Кавказу покладалася провина за вкрай слабку роботу і відсутність політичної пильності, що дозволило «контрреволюційним елементам» проникнути у керівництво, а також управлінський апарат колгоспів і низових радянських органів. Ці елементи прагнули організувати «контрреволюційний рух», «саботаж» хлібозаготівель і сівби. Лідерів України та Північного Кавказу зобов'язували «викорінити» їх шляхом арештів, ув'язнення в концтабір на тривалий термін, не зупиняючись перед розстрілами.

ЦК ВКП(б) і РНК СРСР вказували, що найлютішими ворогами партії, робітничого класу і колгоспного селянства були «саботажники хлібозаготівель з партквитком у кишені». Щодо них передбачалися судові репресії — засудження до 5—10 років концтабору або розстріл. Шістнадцять арештованих районних працівників України, з-поміж них 5 осіб з Оріхівського району, притягалися до суду та одержували вироки на 5—10 років ув'язнення в концтаборах. Всіх виключених з партії за «саботаж» хлібозаготівель і сівби комуністів виселяли у північні області поряд з куркулями.

Ці до краю круті заходи супроводжувалися звинуваченнями у хибній національній політиці. Стверджувалося, що «механічна», без урахування конкретних особливостей кожного району українізація полегшила буржуазно-націоналістичним елементам, петлюрівцям створення контрреволюційних осередків та організацій. На Північному Кавказі «небільшовицька українізація» майже половини районів надала легальної форми спротиву заходам радянської влади з боку куркулів, офіцерства, реемігрантів-козаків, учасників Кубанської Ради.

В Україні пропонувалося вигнати петлюрівські та буржуазно-націоналістичні елементи з партійних і радянських організацій, а також забезпечити систематичне партійне керівництво українізацією й контроль за нею. На Північному Кавказі все діловодство, газети та журнали, викладання в школах перелаштовувались на російську мову «як більш зрозумілу для кубанців».

15 грудня вийшла нова постанова ЦК ВКП(б) і РНК СРСР, в якій засуджувалися виступи «окремих українських товаришів» (зосібна, мались на увазі статті М. Скрипника) про обов'язкову українізацію низки районів СРСР —

у Далекосхідному краї, Казахстані, Середній Азії, Центрально-Чорноземній області. У постанові наголошувалося: «Такі виступи можуть тільки грати на руку тим буржуазно-націоналістичним елементам, котрі, вигнані з України як шкідливі елементи, проникають до знов українізованих районів і провадять там роботу на розкладання». Партійні та радянські органи цих регіонів СРСР зобов'язувалися негайно призупинити подальшу українізацію[107].

Чому радянське керівництво пішло на такі дії? На мою думку, висловлене Сталіним у серпні 1932 р. побоювання «втратити Україну» через незадоволення та опір у республіці хлібозаготівлям дає ключ до розуміння цих подій.

Добре відомо, що для радянських лідерів національне питання підпорядковувалося класовому підходу. Вони прекрасно пам'ятали, яку складну політичну та збройну боротьбу довелося витримати в 1917—1920 рр. з українським національним рухом. Розпочата у 1923 р. українізація покликана була поширити соціальну базу комуністичного режиму, надати йому психологічної легітимності та привабливості в суспільній свідомості як всередині республіки, так і за її межами. При цьому кремлівські керівники завжди підкреслювали обов'язковість «радянськості» (відданості компартії, її вождеві) всіх українських національних устремлінь.

Водночас чекістські органи відстежували вияви «українського сепаратизму» і доповідали про них у ЦК КП(б)У та ЦК ВКП(б). Дії чекістів ґрунтувалися на демагогічній настанові керівництва компартії про те, що «українські націоналісти» хочуть «продати Україну полякам»,— її в другій половині 1920-х рр. використовували, щоб компрометувати український національний рух[108].

В умовах соціально-економічної та політичної кризи, що наростала в Україні наприкінці 1932 р., Сталін волів розглядати спротив хлібозаготівлям у суспільстві та компартії як справу «внутрішньої української контрреволюції», пов'язаної з «польською агентурою» Пілсудського. З одного боку, це надавало універсальну можливість придушити опір і виконати плани хлібозаготівель, застосовуючи широкомасштабні державні репресії проти «класових ворогів», до категорії яких потрапляли всі, хто незадоволений і опирається. З іншого боку, політичні звинувачення на адресу керівництва України дозволяли ліквідувати його певну автономність і самостійність. Націонал-комуністи на чолі з М. Скрипником, що відповідали за українізацію, виявлялися винними як підпомагачі буржуазно-націоналістичних елементів.

Таким чином, здійснення національної політики в Україні переходило безпосередньо до рук Кремля. Лідери української компартії втрачали і цю сферу відносної політичної самостійності. Наслідки такої централізації управлінських функцій «центр—республіка» не забарилися.

16 грудня М. Хатаєвич звернувся до Сталіна з проханням дозволити обмін рядового насіння на сортове для забезпечення весняної сівби 1933 р. Відповідь

Сталіна і В. Молотова була нагальною та загрозливою: «ЦК і РНК вказують Вам, що Ваша пропозиція про обмін насіння тепер, коли заготівлі катастрофічно падають на Україні, відбиває гнило-ліберальне ставлення до завдань партії та уряду, від якого давно час звільнитися Вам, якщо не хочете наразитися на неприємності»[109].

Мабуть, саме в ці дні Сталін у бесіді з секретарем ЦК КП(б)У і Харківського обкому партії Р. Тереховим, який повідомив його про масовий голод в Україні, відреагував на повідомлення: «Нам казали, що Ви, товаришу Терехов, добрий оратор, виявляється, Ви добрий оповідач — вигадали таку казку про голод, думали нас залякати, та — не вийде! Чи не краще Вам залишити посаду секретаря обкому і ЦК КП(б)У та піти працювати до спілки письменників; писатимете казки, а дурні читатимуть»[110].

19 грудня нова постанова ЦК ВКП(б) і РНК СРСР «Про хлібозаготівлі на Україні» вказувала на те, що без докорінного зламу в Дніпропетровській, Харківській та Одеській областях Україна не в змозі виконати двічі скорочений план. Українські працівники «вочевидь провалювали» завдання «завдяки своєму несерйозному ставленню до завдань партії та уряду». Л. Кагановичу і П. Постишеву доручалося виїхати в Україну, «засісти у вирішальних областях» особливоуповноваженими ЦК ВКП(б) і Раднаркому СРСР та разом з С. Косіором, В. Чубарем і М. Хатаєвичем вжити всіх необхідних заходів організаційного та адміністративного порядку для виконання плану хлібозаготівель[111].

20 грудня у 10 годин вечора посланці Кремля приїхали в Харків. Одразу ж відбулося засідання Політбюро ЦК КП(б)У, яке тривало до чотирьох годин ранку. Короткі записи виступів С. Косіора, М. Хатаєвича, Р. Терехова у щоденнику поїздки Л. Кагановича дають можливість уявити картину суцільних обшуків, що охопили Україну. Виступаючі були переконані в тому, що збіжжя сховано селянами в «чорних» коморах або закопано в ямах.

Репресії в республіці набули нечуваного розмаху. В. Балицький доповів, що за чотири місяці від початку хлібозаготівель (з 1 липня до 15 листопада) у хлібозаготівельних справах було заарештовано 11 тис. осіб, а з 15 листопада по 15 грудня — 16 тис. Лише так званою «трійкою» (спецкомісією ЦК КП(б)У, створеною 21 листопада) були засуджені до розстрілу 108 осіб, справи ще на 100 знаходились на розгляді. Внаслідок обшуків за два тижні грудня співробітники ҐПУ, уповноважені з хлібозаготівель і місцеві активісти виявили 7 тис. ям і 100 «чорних» комор, в яких знайшли 11 340 тонн збіжжя. Одночасно, провадив далі Балицький, чекісти «викрили великі повстанські угруповання польського походження, організовані урядом УНР» (Української Народної Республіки), арештували багато колишніх укапістів (членів УКП — Української комуністичної партії, розпущеної в 1925 р.), а також членів КП(б)У, студентів

і викладачів київських вузів, працівників українського Тракторoцентру. Тільки в колгоспах було виявлено 589 «угруповань, які саботували хлібоздачу та розкладали колгоспи».

Настрій московської комісії чітко висловив М. Чернов, що зажадав, щоб українські керівники розповіли про заходи впливу, вжиті до директорів радгоспів, які не виконали плану хлібоздачі. У відповідь С. Косіор відказав, що в деяких радгоспах хліба фактично не було, а якщо знімати й арештовувати за невиконання планів, то це довелося б робити стосовно практично всіх директорів.

Центральним на цьому засіданні став виступ Л. Кагановича, який пояснив свій приїзд зниженням планів хлібозаготівель і необхідністю «зламу» настроїв українських працівників, що нібито не бажали заготовляти хліб. Він вимагав скасувати рішення ЦК КП(б)У від 29 листопада про створення різних колгоспних фондів, розіслати в усі райкоми партії пункт рішення ЦК ВКП(б) від 14 грудня 1932 р. про арешт і притягання до суду кількох районних працівників України, зняти з роботи 10 уповноважених з хлібозаготівель і передати їхні справи про перебування в партії до Центральної контрольної комісії, арештувати та судити чотриьох «директорів радгоспів, які найбільш злісно зривають хлібоздачу». Крім того, ОҐПУ доручалося не лише виявляти «контрреволюційні організації», а й здійснювати поточну боротьбу за хліб. На практиці це означало, що чекісти приходили до колгоспних керівників і погрожували їм арештом, якщо вони не здали хліб.

По перерві до дванадцяти годин дня засідання Політбюро ЦК КП(б)У продовжилося. На ньому стався конфлікт: Р. Терехов не хотів називати прізвища уповноважених із хлібозаготівель, які погано працювали, з чого Л. Каганович зробив висновок, що «харків'яни не мобілізувалися на виконання плану» і «обком пасує перед цим завданням». Можна припустити думку, що Р. Терехов внаслідок цього зіткнення втратив довіру Л. Кагановича.

Наприкінці засідання були схвалені заходи, запропоновані Л. Кагановичем раніше, а також прийнятий додатковий пункт про мобілізацію 140 осіб (серед них 40 військових) районними уповноваженими з хлібозаготівель. Скасовані рішення Політбюро ЦК КП(б)У від 29 листопада (про колгоспні фонди) та від 15 грудня 1932 р. (про перевірочні групи для повторної перевірки радгоспних ресурсів та заборону вивозити посівні матеріали з радгоспів).

П. Постишев, С. Косіор, С. Реденс відряджалися на хлібозаготівлі в Дніпропетровську область, Л. Каганович, М. Чернов і В. Балицький — в Одеську, В. Чубар — у Чернігівську, М. Хатаєвичу був доручений нагляд за Харківською областю.

Повідомивши телеграмою Сталіна про ці події, о п'ятій годині дня Л. Каганович поїхав в Одеську область. 22 грудня, одразу по приїзді, він провів нараду з

членами бюро Одеського обкому партії. Перший сеекретар обкому М. Майоров розповів про серйозний опір селян хлібозаготівлям, заяви уповноважених щодо нереальності планів, «переродження» деяких сільських комуністів. Було вирішено провести наради секретарів райкомів, голів райвиконкомів, уповноважених ЦК і обкомів за групами районів (Одеса — 23 грудня, Вознесенськ — 24 грудня, Херсон — 25 грудня), а також опублікувати в обласній і районній пресі вироки про розстріли за опір хлібозаготівлям та невиконання планів.

Потім Л. Каганович виїхав у райони. 23 грудня у телеграмі Сталінові він просив скасувати рішення Політбюро ЦК КП(б)У від 18 листопада 1932 р. Це рішення редагував В. Молотов, тому Л. Каганович потребував такої санкції. У телеграмі він пояснював своє прохання: «Сама постановка питання про створення і закріплення фондів, а також заборона перераховувати насіннєві фонди у хлібозаготівлі є легальним обґрунтуванням і оформленням закорінених настроїв про нереальність плану хлібозаготівель, хоча й не висловлюваних відкрито. З бесід з обласними працівниками, а також з відвідування сьогодні районів і колгоспу ми переконались, що турботи про фонди, в тому числі й насіннєві, серйозним чином гальмують і псують справу хлібозаготівлі. Ці настрої живляться постановою ЦК КП(б)У від 18 листопада».

Курс на вилучення всіх фондів у рахунок хлібозаготівель залишав колгоспи без зернових запасів. Якщо зауважити, що у вигляді штрафів за невиконання хлібозаготівель, внаслідок варварських дій уповноважених і місцевих активістів, які застосовували масові обшуки, у селян забиралися будь-які продовольчі запаси, то повторення голоду в українському селі ставало неминучим.

Сталін і Л. Каганович знали про ситуацію на місцях і свідомо санкціонували такі дії низових працівників. На нараді секретарів райкомів партії Одеської групи районів Л. Каганович говорив: «Хлібозаготівля — найкращий іспит для партійця. Знущання — збирати по півпудика авансів (зерно, яке роздали голодуючим селянам від початку жнив.— ***Авт.***) і проминати засипані колгоспні фонди. Рішення ЦК КП(б)У від 18 і 29 листопада скасовані. Та чи це означає, що ми не повинні збирати насіння? Ні. Насіння треба зібрати, але після виконання плану хлібозаготівель. За насіння треба битися. І, можливо, доведеться піти на шлях самообкладання колгоспників…

У багатьох секретарів нема ясності — що можна і чого не можна. Їх з минулого року мамка на перегинах гепнула… Й ось бояться "перекручування". Українське прислів'я каже: "Крути, та не перекручуй". А вони вирішили "зовсім не крутить" [в оригіналі українською.— ***Авт.***] *(сміх)*. По пиці бити ніколи не слід. Та вміло проведені обшуки, і не тільки в одноосібників, а й колгоспників, робітників, комуністів — це не перегин. Треба село взяти у такий "штос", щоб самі селяни розкрили ями. Тим, хто добровільно розгорне ями, треба дати амністію…

Хто не вміє бачити класового ворога під машкарою колгоспника, той не більшовик, а народник, есер. Комуніст без ідейної політичної озброєності — міщанин. Або соціалістичний колгосп, або селянська спілка».

Після наради Л. Каганович зустрівся із співробітниками ОҐПУ, вимагаючи більш активної їхньої участі у хлібозаготівлях. 24—25 грудня він об'їздив кілька районів Одеської області, поставивши перед місцевими працівниками такі головні завдання: «1) вивезти наявність хліба з комор, хоча б він зберігався під виглядом різних фондів, 2) прискорити обмолот, 3) шукати розкрадений хліб, насамперед в одноосібників. І шукати так, щоб самі добровільно розкривали ями, бо інкаше в нас не вистачить сил перекопати всю землю».

26 грудня Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило пропозиції Л. Кагановича і В. Балицького про висилку 500 селянських родин з Одеської області. Одночасно, на прохання С. Косіора, Сталін дозволив виселити 300 сімейств «куркулів» з Чернігівської області. 27 грудня П. Постишев повідомив Сталіна про організовані ним масові арешти возіїв збіжжя на зсипні пункти в Дніпропетровській області.

Цього ж дня Л. Каганович повернувся до Одеси, де провів нове засідання обкому партії. Були прийняті рішення про висилку 500 родин «саботажників» хлібозаготівель, а також 500 голів селянських родин. 50 виключених з партії комуністів відправляли у концтабір. 500 селянських господарств позбавлялися садиби, їхнє майно розпродавали. Планувалося кілька показових судових процесів з публікацією вироків у районній та обласній пресі. З партії виключали секретаря Жовтневого райкому, а решту секретарів райкомів попереджали, що коли вони впродовж 2—3 днів не доможуться зламу, то їм буде загрожувати така ж доля. Для посиленого вивезення хліба з дальніх сіл області відкривалися 32 глибинні хлібоприймальні пункти.

28 грудня о четвертій годині дня Л. Каганович виїхав у Харків. Дорогою він приймав у своєму вагоні керівників Вознесенського та Зинов'ївського районів Одеської області. Мабуть, він також зустрівся на станції Знам'янка з П. Постишевим, який передав йому свої пропозиції з посилення хлібозаготівель у Дніпропетровській області. Саме тут були одержані шифровки від Сталіна, який схвалив всі дії Л. Кагановича.

29 грудня у Харкові Л. Каганович взяв участь у засіданні Політбюро ЦК КП(б)У, на якому були присутні С. Косіор, М. Хатаєвич, В. Балицький, Р. Терехов, О. Шліхтер. Після виступів республіканських лідерів Л. Каганович проаналізував особливості економічної та політичної ситуації в країні. Він одразу заявив про те, що першою заповіддю українських керівників було збирання хліба, а другою — збирання насіння.

Далі він прокоментував прохання одного з секретарів ЦК КП(б)У (либонь, С. Косіора чи М. Хатаєвича) про зниження плану хлібозаготівель для України на 10 млн. пудів (162 тис. тонн), щоб розгорнути колгоспну торгівлю.

Л. Каганович сказав, що колгоспна торгівля була запроваджена у травні 1932 р. з метою «заспокоїти розбуялого українського селюка», а також щоб надати нерентабельним колгоспам можливість одержати хоч якісь прибутки для розподілу між селянами. Однак «зачепити» селянина «за інтерес» не вдалося, і торгівля виявилася «проти» політики радянського керівництва. Селянин-індивідуал дбав сам про себе, а колгоспник вважав, що колгосп має його забезпечувати. За соціальним становищем селянин став колективістом, а за свідомістю ще залишався власником.

Тому компартія мусить організовано провадити сівбу і збирання врожаю. Та Північно-Кавказький крайком партії і ЦК КП(б)У «відірвалися» від колгоспного життя, від Москви, членів ЦК ВКП(б), і лише наприкінці року Б. Шеболдаєв і С. Косіор зрозуміли, як треба заготовлювати хліб і поводитись стосовно колгоспних фондів.

Натяки Л. Кагановича на те, що регіональні лідери не зрозуміли чи не хотіли здійснювати курсу Сталіна, були цілком очевидні. Недаремно він повторив слова Сталіна про те, що коли в колгоспах сидять соціалісти, то колгоспи соціалістичні, а якщо там «вороги», то колгоспи капіталістичні. «Якщо ми ними (колгоспами.— ***Авт.***) не керуємо,— стверджував Каганович,— то ними керують вороги. Класова боротьба до того загострилася, що не може бути нейтрального».

Він підкреслював, що «ворог» змінив тактику, діяв «тихою сапою», перейшов до саботажу і шкідництва. За таких умов «дипломатія» місцевого керівництва (щодо хлібозаготівель), на яку відповідним чином не відреагували обкоми партії, була обдурюванням центру. Автори такої «м'якої» політики домоглися максимуму репресій.

«Чим вона скінчилася, товариші Шеболдаєв, Косіор, Хатаєвич?» — риторично питав Л. Каганович. Коли «посухи нема, врожай пристойний, якщо не кращий від 31 року», а хліба взяти не вдалось,— винні, на думку Кагановича, не селяни, а комуністи-керівники. Природно, що їхньою провиною він вважав не голод внаслідок надмірних хлібозаготівель, а невиконання хлібозаготівельних планів. Наприкінці виступу Л. Каганович твердо зажадав від українських керівників виконати план хлібозаготівель на 15 січня 1933 р.

На засіданні було вирішено надіслати листи обкомам і райкомам партії про те, щоб упродовж 5—10 днів колгоспи, які не виконали плану хлібозаготівель, здали все збіжжя, з насіннєвими фондами включно. Затримка з виконанням цих вимог розцінювалася як саботаж з боку районного керівництва,

М. Хатаєвич підготував проект листа про факти перегинів і хуліганства під час хлібозаготівельної кампанії, та ним знехтували, побоюючись, що він стане

гальмом для хлібозаготівель. Натомість схвалили розпродаж всього майна, позбавлення садибної землі та будівель «найбільш злісно саботуючих хлібоздачу одноосібників» по Харківській області у кількості 1000 господарств, по Дніпропетровській — 500 родин, а також висилку з Дніпропетровської області 700 селянських родин.

Увечері 29 грудня 1932 р. Л. Каганович виїхав з Харкова в Москву[112]. 1 січня 1933 р. Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило рішення «Про хлібозаготівлі на Україні», в якому йшлося: «Запропонувати ЦК КП(б)У та РНК УСРР широко сповістити через сільради кольгоспи, колгоспників і трудящих одноосібників, що:

а) ті з них, які добровільно здають державі раніше розкрадений і прихований хліб, не будуть піддаватися репресіям;

б) щодо колгоспів, колгоспників і одноосібників, які вперто продовжують ховати розкрадений і прихований від обліку хліб, застосовуватимуться щонайсуворіші заходи стягнень, передбачені постановою ЦВК і РНК СРСР від 7-го серпня 1932 р. "Про охорону майна державних підприємств, колгоспів і кооперації та зміцнення суспільної (соціалістичної) власності"».

Одночасно було прийнято пропозицію ЦК КП(б)У вислати з 20—25 сіл районів, які відстали у хлібозаготівлях, 700 селянських родин. Керівникам українських чекістів К. Карлсону та С. Реденсу доручалось організувати висилку на Північ 700 «злісних елементів і куркулів» без родин. ЦК КП(б)У мав скласти список 50 виключених з партії для негайного відправлення у концтабір.

3 січня Політбюро ЦК ВКП(б) прийняло нову пропозицію ЦК КП(б)У про додаткову висилку на Північ 400 сімейств з Харківської області та 40 виключених з партії[113].

Це посилило застосування репресивних заходів у республіці. Якщо в грудні 1932 р. за відмову від здавання хліба в Україні (без Вінницької та Донецької областей) було репресовано 8 407 осіб, то за другу половину січня 1933 р. по 153 районах УСРР — 2 709 осіб, з них 56 розстріляно за «контрреволюційний саботаж»[114].

7—12 січня в Москві проходив об'єднаний пленум ЦК і ЦК ВКП(б). Ретельно спланований Сталіним, він мав продемонструвати суспільству та компартії правильність «генерального курсу» радянського керівництва. Недаремно на пленумі було оголошено про успішне виконання плану першої п'ятирічки. Сталін виступав на пленумі кілька разів, детально викладаючи своє бачення політичної ситуації в країні.

На його думку, найважливішим наслідком політики, яка провадилася останніми роками, стала перемога колективізації, в основному завершеної. Тепер наголос у політиці компартії на селі переносився на організацію праці у колгоспах і підняття врожайності.

Сталін спеціально обґрунтував тезу про вигідність об'єднаної в колгоспах праці селян порівняно з індивідуальним господарюванням. Досягненням колективізації він назвав заміну традиційних для сільського господарства сохи, ручної сівби, серпа й коси трактором, механізованою сівалкою, комбайном. Інших доказів вигідності колгоспного ладу не наводилося.

Водночас Сталін стверджував, що сільське господарство потерпало від старої, приватновласницької свідомості колгоспників. Цю «пережиткову» свідомість використовували «колишні люди» з експлуататорських класів для організації масового розкрадання. Отож тим «розхитувалася» основа соціалістичного ладу — суспільна власність.

Комуністи боролися за те, щоб закріпити нові соціалістичні форми господарювання. Тому був виданий закон про охорону суспільної власності (від 7 серпня 1932 р.).

Для того, щоб «розбити злодійські махінації решток конаючих класів», необхідна сильна і потужна диктатура пролетаріату. В зв'язку з цим Сталін підкреслив безпідставність ідей про знищення класового суспільства та відмирання держави, які з'являються у декого.

Зі сталінського корегування марксизму (як відомо, К. Маркс і Ф. Енгельс вважали, що держава відмирає в міру переходу суспільства до комунізму) випливав висновок про те, що необхідно максимально посилити державну владу, щоб «покінчити» з «колишніми елементами» швидко й без особливих жертв.

Теоретичні положення Сталін супроводжував оцінкою поточної хлібозаготівельної кампанії. Він прямо заявив, що валовий збір зерна в 1931 р. був більший, ніж у 1931 р., але хлібозаготівлі здійснювалися важко. Першою причиною цього він вважав дозвіл колгоспам торгувати хлібом. Допущення «квазіринкових» відносин в економіку, за логікою Сталіна, призвело до негативних наслідків, оскільки комуністи на місцях пішли на поводі в селян, що притримували збіжжя для продажу і тому не здавали його державі. Політбюро ЦК ВКП(б) і РНК СРСР, своєю чергою, переоцінили «ленінський гарт і прозорливість наших працівників на місцях». Таким чином, «працівники на місцях» знов виявилися винними в тому, що не розуміли та перекручували «генеральну лінію». Їхня провина полягала й у тому, що вони не усвідомили необхідності перебрати на себе керівництво колгоспами, а також допомогти колгоспникам у розвитку господарства на основі науки та техніки.

Колишні білі офіцери, петлюрівці та взагалі вороги радянської влади «тихою сапою» проникли у колгоспи і стали «верховодити» в них, скориставшись відсутністю класової пильності у місцевих комуністів. Колгоспи являли собою готову форму масової організації селян. Питання полягало в тому, хто очолить колгоспи — комуністи чи «вороги робітників і селян».

«Нейтральних колгоспів», а отже, й «нейтральних колгоспників», на погляд Сталіна, бути не могло. На мою думку, міркування Сталіна про неможливість «нейтральних колгоспів» були своєрідним теоретичним містком до характерної для цих років підміни поняття «класовий ворог» дефініцією «ворог народу»[115]. Будь-який колгоспник, комуніст, а тим більше одноосібник чи «колишня людина» могли бути звинувачені в «антирадянізмі», якщо вони не хотіли виконувати, наприклад, хлібозаготівлі. За такого «червоно-білого» бачення ситуації керівництво компартії опинялося по один бік «класових барикад», а решта супільства вкупі з більшістю самої компартії— по інший.

Позаяк низові партійно-радянські структури не могли ефективно здійснювати «генеральний курс» партії, необхідно було мати на місцях паралельну контролюючу владну структуру, напряму підлеглу центрові.

Тому одним з головних на пленумі було питання про створення політичних відділів при МТС і радгоспах. З доповіддю з цього питання виступав Л. Каганович, який конкретизував твердження, висловлені Сталіним. Л. Каганович розпочав з прикладів успішної праці окремих колгоспів, де селянам живеться заможно, і заявив, що в розстановці класових сил позиції компартії сильні як ніколи.

Але гостра класова боротьба тривала. Про це говорив Сталін на об'єднаному засіданні Політбюро і Президії ЦКК 27 листопада 1932 р. Саме він зробив висновок про те, що проти класових ворогів необхідно застосовувати всю силу і потугу пролетарської диктатури. Труднощі хлібозаготівель Сталін пояснив двома обставинами: «а) проникненням у колгоспи і радгоспи антирадянських елементів і організацією там шкідництва, саботажу та б) хибним, немарксистським підходом значної частини наших сільських комуністів до колгоспів і радгоспів».

Л. Каганович, наголосивши на ролі Сталіна у проведенні твердого курсу на придушення опору хлібозаготівлям, повторив уже висловлені ним на Північному Кавказі та в Україні ідеї про боротьбу з «куркульською психологією». Він знов засудив дії місцевих працівників з утворення колгоспних фондів, а також відзначив, що виконання плану хлібозаготівель є найпершою заповіддю комуніста, засобом згуртування відданих радянській владі людей.

Якщо в промисловості політичне виховання і підйом мас (малися на увазі соціалістичне змагання та ударництво) йшли паралельно з опануванням нової техніки, то на селі компартія «дуже відстала». Сільські більшовицькі осередки не відокремлені «китайською стіною» від дрібнобуржуазного селянського середовища, отож у багатьох випадках починають обманювати державу, протиставляти їй власні інтереси.

Тому Сталін і вніс у ЦК ВКП(б) прпозицію про організацію політвідділів МТС і радгоспів. Вони мають забезпечити «партійне око і контроль» на селі. Недаремно комісія ЦК ВКП(б) на чолі з Л. Кагановичем на вказівку Сталіна персонально відбирала першу тисячу працівників політвідділів, серед них чимало військових. Їхнім головним завданням була боротьба зі злодіями та шкідниками, розкрадачами суспільної власності, що «політично згуртовувало і перевиховувало» колгоспників.

А для більшої ефективності партійної роботи на селі необхідний безпартійний актив колгоспників, «який буде разом з нами битися в усіх і всіляких випадках»,— завершував свій ланцюжок міркувань Л. Каганович.

Таким чином, політвідділи були покликані посилити вплив компартії на селі, а також забезпечити контроль центру над низовими ланками партійно-радянських структур.

Секретар ЦК ВКП(б) П. Постишев присвятив свою промову на пленумі недолікам роботи місцевих парторганізацій, ґрунтуючись на враженнях від поїздок у Нижньо-Волзький край і Дніпропетровську область України. Його різку критику місцевих комуністів і керівників вочевидь надихав Сталін, який неодноразово переривав Постишева різними репліками, демонструючи цілковите схвалення цього відверто брутального та жорстокого виступу.

Регіональні керівники С. Косіор, В. Чубар, Б. Шеболдаєв повністю підтримали «генеральний курс» Сталіна та його групи, критикуючи «правих», особливо М. Томського (саме його Сталін обрав за чергову мішень політичних звинувачень), а також «викриту» незадовго до пленуму групу Ейсмонта-Толмачова-Смирнова.

Б. Шеболдаєв спеціально відзначив роль Сталіна у мобілізації наступу Північно-Кавказької партійної організації на «класового ворога». Основним методом цього наступу був державний примус, тобто арешти, розстріли, виселення цілих станиць, а також виключення з партії більш ніж половини складу місцевих осередків. Перший секретар Північно-Кавказького крайкому навіть процитував уривок з листа розстріляного Котова, в якому той після першого вироку до 10 років ув'язнення писав: «Якщо хто тобі (секретареві райкому партії) розповів з присутніх на суді, як реагувала маса на рішення суду, то стане зрозуміло, що ми всі не заслуговували на таку кару. Я цим не хочу сказати, що ми обдурювали маси, підлаштовувалися під маси. Я, наприклад, особисто зі свого боку, коли брав участь у роздаванні двох натуральних авансів (а вони видали спочатку один аванс відкрито, а другий таємно)..., то не мав цього на увазі. Мені й більшості з нас, засуджених, хотілося стимулювати виконання господарсько-політичних кампаній. Це найголовніше». Б. Шеболдаєв розцінив висловлювання нещасного Котова як «скочування до позицій класового ворога».

С. Косіор і В. Чубар одностайно піддали критиці «правий ухил» М. Томського, а також повідомили про величезні успіхи першої п'ятирічки в Україні. В індустріалізації були досягнуті колосальні результати: споруджений Дніпрогес, тривало будівництво чотирьох потужних металургійних заводів, найбільшого в світі Краматорського заводу важкого машинобудування, великих турбінного і танкового заводів у Харкові, Луганського паровозобудівного заводу, значної кількості коксохімічних і хімічних заводів. Помітно зросла енергетична база промисловості, на полях республіки працювали 36 тис. тракторів.

Ці успіхи завдавали «важкого удару» по заявах українських націоналістів про те, що «більшовики грабують і спустошують багатющу хлібну Україну». Навпаки, комуністам вдалося ліквідувати безробіття, вони вирішують найгострішу проблему перенаселення Поділля та Волині. Говорячи про правильність цієї політики, приховуючи реалії України, що голодувала, С. Косіор не посоромився відвертої брехні та проголосив: «...з документами в руках можемо стверджувати, що з кожним роком у нас становище робітничого класу і селянських мас безперервно поліпшується».

Труднощі хлібозаготівель, які численні «ліві та праві опозиціонери» розцінювали як наслідок хибної політики партії, на його думку, були спричинені винятково «вадами нашого практичного керівництва на місцях». Лінія та вказівки ЦК вірні, підкреслював С. Косіор, але українські комуністи їх «вповні не засвоїли, не зрозуміли, не зуміли втілити в життя так, як того вимагав Центральний Комітет».

Після такої улесливої заяви настала черга «каяття» в тому, що керівництво КП(б)У «проґавило» проникнення ворожих елементів у колгоспи, «засміченість» партійних лав, активізацію націоналістичних контрреволюційних організацій. Виправлення допущених помилок необхідне для того, щоб надалі наступати на «фронті соціалістичного будівництва на ворожі класові елементи».

Першому секретареві ЦК КП(б)У вторував В. Чубар. Він сказав, що успіхи індустріалізації України супроводжувалися запеклою класовою боротьбою, яку куркульство розгорнуло проти колективізації. Не деградація сільського господарства та хронічний брак кормів призвели до величезних втрат у тваринництві. В усьому було винне масове винищення худоби, що вчинили «відсталі елементи селянства під впливом куркульської агітації, куркульської боротьби проти колективізації».

«Не оволодівши колгоспами», керівництво республіки допустилося значних втрат кінського складу, збіжжя, сільськогосподарських машин. Перехід на районну систему в 1930 р. послабив централізований вплив на місцеві партійно-радянські органи. Ці помилки довелося виправляти Сталіну та В. Молотову, наполяганням яких в Україні були утворені області. Постанова ЦК ВКП(б) про політвідділи МТС покликана відіграти вирішальну роль у зміцненні низових

кадрів, очищенні місцевих парторганізацій від ворожих елементів, більшовицькому вихованні колгоспників.

Недоліки та помилки українського керівництва В. Чубар обіцяв виправити в 1933 р. Він повторив сталінську думку про необхідність перетворити Україну з відсталого району СРСР на передовий у справі побудови соціалістичного суспільства[116].

З українських лідерів тільки М. Скрипник, якого вже піддали політичному остракізмові в цитованій постанові ЦК ВКП(б) і РНК СРСР від 15 грудня 1932 р., хотів виступити проти Сталіна. Під час пленуму М. Скрипник казав своїй дружині Марії Миколаївні, що має намір різко висловитися про національну політику, яку Сталін провадив в Україні. Але з якихось, поки не відомих нам причин, він цього не зробив[117].

Визнання С. Косіором і В. Чубарем на пленумі ЦК ВКП(б) власних помилок і безумовна підтримка ними сталінського курсу були поціновані Кремлем, хоч і не применшили його незадоволення станом справ в Україні. В останній день пленуму, 12 січня, Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило знизити для України план хлібозаготівель з урожаю 1932 р. на 28 млн. пудів (456 400 тонн). Остаточний план хлібозаготівель у республіці мав становити 260 млн. пудів (4,238 млн. тонн). План знижувався також для Північного Кавказу на 2 млн. пудів (32 600 тонн), Уральської області та Казахстану — по 500 тис. пудів (8 150 тонн)[118].

14 січня Політбюро ЦК КП(б)У вирішило продовжити хлібозаготівлі у Вінницькій та Київській областях, які виконали річний план. Обкомам партії цих областей було вказано, що вони повинні домогтися планових показників у кожному районі, селі, колгоспі. Для перевірки виконання цієї директиви до Києва та Вінниці послали М. Скрипника.

Справа була не тільки в бажанні забезпечити план республіки хлібом саме цих областей. На 1 січня 1933 р. державні запаси зерна в СРСР сягнули максимуму — 3,034 млн. тонн[119]. Та розрахунки показували, що запаси хліба будуть різко зменшуватися внаслідок величезного внутрішнього споживання.

Упродовж 1932 р. зростала кількість людей, які знаходилися на централізованому постачанні, що серйозно загрожувало всій продовольчо-картковій системі. На кінець року в СРСР понад 40 млн. осіб мали продовольчі картки.

У листопаді-грудні 1832 р. радянське керівництво прийняло кілька рішень, які повинні були знизити плинність робочої сили та закріпити робітників на підприємствах, а також домогтися там більш твердої виробничої дисципліни, «розвантажити» міста від «зайвих», на думку влади, елементів і скоротити кількість осіб, які мали право на продовольчі картки. Постанова РНК СРСР від 15 листопада передбачала за прогул на виробництві негайне звільнення,

виселення порушників з місця проживання і позбавлення продовольчих карток. Постанова від 4 грудня надавала підприємствам право самим вирішувати, кого слід позбавити карток, а також мала на меті виявити «мертві душі», шляхом обману внесені до списків домових комітетів на продовольчі картки[120].

23 листопада, за день до свого призначення особливоуповноваженим ОҐПУ в Україні, В. Балицький надіслав Сталінові службову записку, в якій повідомляв, що комісія Політбюро ЦК ВКП(б) з паспортної системи та розвантаження міст від зайвих елементів визнала недосконалим порядок посвідчення особи. Особу посвідчував будь-який документ, навіть довідка, яку видали житлоуправління та сільради. «Цих самих документів достатньо і для прописки, і для одержання продовольчої картки,— зауважував Балицький,— що надає найсприятливішого ґрунту для зловживань, позаяк житлоуправління, на підставі ними ж виданих документів, самі здійснюють прописку і видають картки»[121].

27 грудня був запроваджений державний паспорт. Усі дорослі міські мешканці одержали паспорти, видані службами НКВД. Ці паспорти були дійсні лише за наявності прописки. Міста поділили на дві категорії: «закриті» та «відкриті». «Закриті» (Москва, Ленінград, Київ, Одеса, Мінськ, Владивосток, Харків, Ростов-на-Дону) мали привілеї у постачанні. Прописку в «закритому» місті можна було одержати або народившися в ньому, або пошлюбившися з мешканцем цього міста, або ставши до праці «за прописку». У «відкритих» містах прописку одержати було легше. Прописка визначала переваги міського мешканця: соціальне страхування, право на житло, продуктову картку.

За цих умов загальносоюзні органи зменшили план хлібопостачання України на перший квартал 1933 р. Потреба республіки у борошні задовольнялась переважно за рахунок мірчукового збору, план якого виконувався лише на 35%. 16 січня Політбюро ЦК ВКП(б) відхилило пропозицію І. Акулова про видачу в Донбасі м'яса 3 рази на місяць, зберігши давній порядок видачі — один раз на місяць[122].

Практично одночасно були ухвалені рішення з організації весняної сівби в Україні та на Північному Кавказі. В Україні був створений під головуванням С. Косіора Комітет з весняної сівби, до якого увійшли М. Хатаєвич, В. Чубар, С. Реденс, О. Одинцов і уповноважений Наркомату радгоспів СРСР. Комітет одразу ж призначив посівні трійки в Одеській і Дніпропетровській областях з обласних керівних працівників[123].

19 січня Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило державний план заготівель зернових культур з урожаю 1933 р. В усьому СРСР передбачалося заготовити 881 млн. пудів (14 360 300 тонн) у колгоспах і 130 млн. пудів (2 119 000 тонн) в одноосібному секторі. Україна мала забезпечити 232 млн. пудів (3 781 600 тонн) у колгоспах і 24 млн. пудів (391 200 тонн) в одноосібному секторі [124]. Таким

чином, план заготівель збіжжя в Україні з урожаю 1933 р. був такий самий, як і остаточний план 1932 р. Якщо порівняти ці цифри з прийнятим 6 травня 1932 р. планом обсягом 5,696 млн. тонн, то видно, що зменшення склало більш ніж 1,5 млн. тонн. Хоча частка України в загальносоюзних заготівлях знизилася з 31–35% у 1930–1931 рр. до 25% за планом на 1933 р., все ж таки вона продовжувала залишатися значною.

Та загальне зменшення планів було помітне. Без сумніву, радянське керівництво відреагувало на голод в Україні та інших регіонах країни, масштаби якого збільшувались. По-перше, хлібозаготівельний план відобразив реалістичніші погляди членів Політбюро ЦК ВКП(б) на створення державних запасів збіжжя в країні. По-друге, мовчки визнавалося, що на селі, зокрема українському, величезних запасів нібито схованого від держави зерна не було. По-третє, судячи з цього рішення, Сталін та інші керівники компартії відчували неабияку тривогу за зруйноване їхньою політикою сільське господарство та майбутній урожай 1933 р.

Але конкретні дії радянських лідерів демонстрували аж ніяк не турботу про рятування людей, які голодували та помирали, а цілковиту нелюдяність і аморальність комуністичних керівників.

Наприкінці 1932 — на початку 1933 рр. селяни масово тікали в міста, а також виїздили з України в інші райони СРСР у пошуках хліба. Знаючи про це з повідомлень ОҐПУ, керівники країни вирішили блокувати голодуючих селян, щоб запобігти поширенню інформації про голод, а також зростанню соціальної напруги у різних регіонах Радянського Союзу. Про те, що таке блокування прирікало до голодної смерті десятки тисяч людей, кремлівська верхівка воліла не думати.

22 січня партійним і радянським організаціям, органам ОҐПУ було розіслано директиву, підписану Сталіним і В. Молотовим. У ній зазначалося, «що цей виїзд селян, як і виїзд з України минулого року, організований ворогами радянської влади, есерами й агентами Польщі з метою агітації "через селян" у північних районах СРСР проти колгоспів і взагалі проти радянської влади». В зв'язку з цим органам влади та ҐПУ України і Північного Кавказу наказувалося не пускати селян в інші райони, а органам ҐПУ Московської, Західної, Центрально-Чорноземної областей, Білорусі, Середньої та Нижньої Волги «негайно арештовувати "селян" України та Північного Кавказу, які проникли на Північ, і після того, як будуть відібрані контрреволюційні елементи, оселяти решту на місця їхнього проживання».

23 січня Політбюро ЦК КП(б) розглянуло цю директиву та ухвалило рішення не повторювати помилок 1932 р. і не пропустити такого контрреволюційного заміру «ворогів радвлади». В. Балицький підписав відповідну

вказівку органам ҐПУ України. На залізничних станціях республіки повністю припинили продавати квитки на потяги. Транспортні відділи ҐПУ відповідали за повернення селян-втікачів. Практично одночасно було вирішено в лютому очистити залізничний транспорт від «антирадянського елементу», що передбачало депортацію на Північ всіх виявлених «куркульських, петлюрівських та інших антирадянських контрреволюціонерів».

Внаслідок цих операцій, за відомостями ОҐПУ СРСР, на 13 березня затримані 219 460 осіб, з яких 186 588 повернуті на місця проживання, 9 385 притягнуті до судової відповідальності, 2 823 засуджені, 10 657 знаходились у фільтраційних пунктах[125].

Наростання голоду та новий закрут надзвичайно важкої соціально-економічної кризи посилили незадоволення Сталіна керівниками регіонів, особливо тих, які не виконали плану хлібозаготівель, а також відчували гострий брак продовольства. Одержавши одностайну політичну підтримку на січневому пленумі ЦК ВКП(б), Сталін одразу ж розпочав зміну республіканських кадрів. 21 січня звільнений з посади першого секретаря Казахського крайкому ВКП(б) П. Голощокін, а 24 січня з посади першого секретаря ЦК компартії Азербайджану і секретаря Закавказького крайкому В. Полонський[126].

Однак найбільш серйозні кадрові зміни сталися у керівництві України. Після переміщення в Україну восени 1932 р. І. Акулова, С. Саркісова, М. Хатаєвича та В. Балицького Сталін продовжував «зміцнювати» республіку особисто відданими йому людьми, які змогли б виконувати плани хлібозаготівель і надійно контролювати ситуацію як у суспільстві, так і в самій КП(б)У.

Від жовтня 1932 р. секретар ЦК КП(б)У М. Хатаєвич напряму одержував вказівки від Сталіна, обминаючи С. Косіора та контролюючи дії останнього. Аналіз протоколів Політбюро ЦК КП(б)У показує, що саме М. Хатаєвич виносив на розгляд українських керівників основні політичні питання і пропонував відповідні постанови. Та в кількох випадках (брошура, текст якої правив В. Молотов, а також листи на ім'я Сталіна з проханнями зменшити плани хлібозаготівель в Україні) М. Хатаєвич показав себе людиною, не байдужою до «місцевих інтересів». Зіткнувшися з голодом, він зайняв більш реалістичну позицію, ніж Кремль.

Певно, це не сподобалось Сталінові. До того ж наприкінці січня 1933 р. стало зрозуміло, що Україна знов не виконує плану хлібозаготівель. 24 січня Політбюро ЦК ВКП(б) ухвалило рішення «Про зміцнення парторганізацій ЦК КП(б)У», в якому відзначалося: «ЦК ВКП(б) вважає доконаним, що парторганізації України не впорались із покладеним на них партією завданням організації хлібозаготівель і виконання плану хлібоздачі, незважаючи на триразове скорочення і без того скороченого плану.

ЦК ВКП(б) вважає, що основними областями, які вирішують долю сільського господарства України і які треба насамперед зміцнити, є Одеська, Дніпропетровська та Харківська області.

ЦК ВКП(б) ухвалює:

1) Намітити другим секретарем ЦК КП(б)У і першим секретарем Харківського обкому секретаря ЦК ВКП(б) т. Постишева.

2) Намітити першим секретарем Дніпропетровського обкому т. Хатаєвича із залишенням його одним із секретарів ЦК КП(б)У.

3) Намітити першим секретарем Одеського обкому т. Разумова.

4) Звільнити т.т. Майорова, Строганова та Терехова від посад, які вони нині обіймають, і направити їх у розпорядження ЦК ВКП(б).

5) Товаришам Постишеву, Хатаєвичу та Разумову стати до виконання своїх обов'язків з нової роботи не пізніш як 30 січня»[127].

За тиждень вирішили залишити Разумова першим секретарем Татарського обкому ВКП(б), а на посаду першого секретаря Одеського обкому партії призначити Є. Вегера — першого секретаря Кримського обкому ВКП(б)[128].

Таким чином, Сталін узяв під особистий контроль ситуацію в Україні. Як показали наступні події, П. Постишев, який залишався секретарем ЦК ВКП(б), контролював всі дії не лише українського керівництва, а й першого секретаря ЦК КП(б)У С. Косіора, члена Політбюро ЦК ВКП(б).

Вимога Сталіна перетворити Україну на «справжню радянську фортецю» здійснювалася за допомогою економічних, адміністративних і репресивних заходів.

На початку січня 1933 р. радянське керівництво встановило новий порядок державних заготівель: для колгоспів були запроваджені тверді погектарні норми здавання збіжжя. 6 лютого, коли голод в Україні набув катастрофічних розмірів, Політбюро ЦК ВКП(б) припинило в республіці хлібозаготівлі з урожаю 1932 р.[129]

Під час весняної сівби (березень-червень 1933 р.) ЦК ВКП(б) і РНК СРСР надали Україні 559 090 тонн зерна: 371 640 тонн насіння, 84 760 тонн продовольчої допомоги, 102 690 тонн фуражу[130]. Переважно це зерно було вилучено в селян у попередні місяці хлібозаготівель і знаходилося у державних коморах та сховищах на території України. Що ж до продовольчої допомоги, то її обсяг був менший за місячну потребу республіки в хлібі для осіб, які перебували на централізованому постачанні (так звані «особливий» список і «списки № 1–3»). Але надане насіння дозволило засіяти навесні 1933 р. майже на 2 млн. гектарів землі більше, ніж у 1932 р.

Одночасно радянське керівництво різко збільшило поставки в Україну сільськогосподарської техніки. За 1933 р. кількість тракторів у республіці збільшилася на 15 тис., комбайнів — на 2,5 тис. Наприкінці року на

українських полях працювали 48,5 тис. тракторів, 4,5 тис. комбайнів, близько 9 тис. вантажних автомашин[131].

Під час весняної сівби, а також збирання врожаю керівництвом України було ініційовано нову хвилю колективізації. До колгоспів уже не заганяли силою. Оскільки колгоспники на польових роботах отримували від держави хоч мізерне громадське харчування, а одноосібники лишалися напризволяще, відсоток колективізації впродовж 1933 р. зріс. На початку 1934 р. в Україні було усуспільнено 85,5% всієї орної землі, а в 24 191 колгоспі перебувало 73% селянських господарств[132].

Сприятливі кліматичні умови 1933 р. дозволили зібрати один з найкращих урожаїв за всі 30-і рр. За оцінками республіканських органів валовий збір зернових в Україні становив 22 264 тис. тонн[133] — на 70% більше, ніж у 1932 р. Загальний обсяг державних заготівель хліба вираховувався у 5 890,9 тис. тонн, тобто 26% від валового збору. В українському селі залишили 16 373 тис. тонн хліба[134], внаслідок чого широкомасштабний голод поступово припинився (хоча в обласних архівах України зберігаються документи про те, що люди пухли та помирали з голоду в 1934 і 1935 рр).

Складовою політики радянського керівництва в Україні лишалися різноманітні адміністративні заходи, покликані поліпшити систему управління, а також посилити контроль над ситуацією на місцях. У першій половині 1933 р. на прохання П. Постишева в Україну було надіслано понад 100 відповідальних партійно-радянських працівників з різних регіонів СРСР. Спираючись на їхню підтримку, сталінський намісник здійснив серйозні кадрові перестановки в управлінських структурах республіки. Чимало усунутих з посад працівників, серед яких було багато вихідців із Західної України, репресували.

П. Постишев на пленумі ЦК КП(б)У у червні 1933 р. звинуватив цих людей у тому, що вони насаджували «культуру націоналістичну, шовіністичну, буржуазну культуру Донцових, Єфремових, Грушевських...». В їхніх руках опинилася справа українізації, і вони, стверджував П. Постишев, прикривали свою «шпигунську, диверсійну» діяльність гаслом «соборної України», а також «широкою спиною» одного з найстаріших членів Політбюро ЦК КП(б)У М. Скрипника.

У 1927 р. на IX з'їзді КП(б)У М. Скрипник виступив з доповіддю про завдання культурного будівництва в Україні. Він відзначав: «Радянська Україна є П'ємонтом для всього українського народу, розташованого на всій території етнографічної України... Ми проводимо культурно-господарське будівництво, яке являє собою приклад для гноблених мас західних українських земель, як справа будівництва соціалізму в нашій країні являє собою приклад і взірець для гноблених і пораблених мас усіх земель усієї земної кулі»[135].

Однак поширені в 20-і роки уявлення про радянську Україну як про П'ємонт для Західної України та своєрідний міст, яким комуністична революція перейде до країн Західної Європи, виявилися зовсім не потрібні

радянському керівництву у першій половині 30-х років. Зростання загрози нової світової війни, події на Далекому Сході, прихід фашистів до влади у Німеччині, погіршення стосунків з Польщею примушували міняти акценти не лише у зовнішній, а й у внутрішній політиці.

В умовах глибокої соціально-економічної кризи, яка охопила СРСР на початку 30-х років, Україна Сталінові здавалася П'ємонтом для населення українських етнографічних земель в Росії[136].

Заклики М. Скрипника українізувати деякі райони РСФРР нагадували своєю сутністю гасло «соборності України» і вочевидь суперечили централізації управління в Радянському Союзі.

Крім того, тих, хто незадоволений і опирається сталінській політиці в українському суспільстві та власне в компартії, можна було звинуватити в «українському націоналізмі». Недаремно ще в лютому 1933 р. П. Постишев на пленумі ЦК КП(б)У говорив: «Згадайте оріхівських героїв, які агітували: "москалі хліб забирають, годі, посьорбали ми кукурудзяної юшки, хай Москва покуштує". Хіба мало було таких розмов в українських парторганізаціях?.. Вороги, які пролізли до партії, чудово зрозуміли, що інтереси пролетарської держави повинні для більшовиків бути на першому плані, і саме тому намагалися, у першу чергу, вдарити по цих інтересах держави». Далі П. Постишев заявив про серйозні помилки Наркомату освіти України, яким керував М. Скрипник, в українізації[137].

Критикували М. Скрипника провокаційно відверто та брутально після 23 лютого 1933 р., коли відбулась його остання особиста зустріч зі Сталіним. Скрипник пробув у кабінеті Сталіна 40 хвилин[138]. Ми не знаємо, про що йшла розмова. Але по цій зустрічі П. Постишев доклав максимум зусиль, щоб ім'я М. Скрипника асоціювалося з помилковістю національної політики, яку українське керівництво провадило до певної міри самостійно. Політичне цькування М. Скрипника призвело до його самогубства.

Щоб подолати незадоволення і опір низових партійно-радянських працівників, в українській компартії була оголошена «чистка». До 15 жовтня 1933 р. її пройшли 120 тис. комуністів, з-поміж яких 27,5 тис. (23%) були «вичищені» як «класово ворожі елементи». Впродовж десяти місяців 1933 р. ЦК КП(б)У надіслав в обкоми 233 нових працівники. На керівну районну роботу відряджено 1 340 осіб. Призначено 278 нових секретарів райкомів (70% від загальної кількості).

Стало набагато більше відповідальних партійних працівників безпосередньо в колгоспах. Якщо на 1 січня 1933 р. у колгоспах республіки було 7 908 секретарів партосередків і кандидатських груп, то на 1 листопада їх кількість зросла до 10 365. Крім того, до колгоспів спрямовані 6 500 партійних організаторів і 16 500 парторгів бригад. Загалом з обласних і районних центрів надіслано до

колгоспних осередків 15 929 осіб, з яких 3 592 — на постійну роботу головами колгоспів, секретарями партосередків і парторгами колгоспів[139].

На початку року в республіці з'явилась паралельна до райкомів партії контролююча управлінська структура — політвідділи МТС. П. Постишев особисто затверджував начальників політвідділів, у переважній більшості військових політпрацівників. Була також запроваджена посада заступника начальника політвідділу МТС з ҐПУ.

Основним завданням політвідділів та ҐПУ УСРР стала «чистка класово ворожих елементів». Розмах репресивних заходів, здійснених ними в 1933 р., величезний. Після організації у березні 649 політвідділів МТС і 203 політвідділів радгоспів пройшла перевірка кадрів. По 455 МТС «вичищено» 8 691 особу, чи 26,1% перевірених, тобто «політична перевірка» охопила приблизно 33 300 працівників. Якщо екстраполювати ці цифри на всі МТС, то «перевірено» близько 47 тис. людей. Тільки серед директорів МТС зняли з посади 400[140].

Ще значнішим був масштаб репресій у колгоспах. Наслідки «чистки» управлінського апарату 11 420 колгоспів, проведеної політвідділами 455 МТС, відображені у таблиці[141]:

Назва посади	Кількість перевірених	«Вичищено» та знято з посади	% «вичищених» до загальної кількості перевірених
Голова колгоспу	11 420	6 089	53,3
Завгосп	9 651	4 928	51,1
Члени правлінь колгоспів	34 092	6 372	18,7
Бухгалтер, рахівник	14 244	3 409	23,2
Комірник	11 221	4 397	39,5
Конюх	61 774	12 359	20,0
Зав. товарною фермою	5 757	1 830	31,6
Бригадир	33 213	8 748	23,5
Рахівник у бригаді	21 867	3 763	17,2
Загалом	203 068	51 896	25,3

Крім управлінців, з цих колгоспів «вичистили» 38 030 осіб. Загальна кількість «вичищених» з колгоспів у районах діяльності 455 МТС становила 89 926, тобто в середньому на кожний колгосп припало 8 осіб[142]. З урахуванням того, що в Україні на той час було 24 191 колгосп, «вичищених» налічувалося 193 528 осіб.

По 443 радгоспах було перевірено 95 517 людей, з яких «вичищено» 14 680 (15,4%). З посад знято 60% директорів радгоспів Наркомату радгоспів і 42% — Наркомату землеробства. Суцільна перевірка сільськогосподарських

кадрів охопила 74 тис. трактористів республіки, з яких 6 400 знято з роботи, а також 5 820 шоферів, з-поміж яких «вичищено» 765[143].

У 1933 р. ЦК КП(б)У та обкоми партії перевірили систему Заготзерна — працівників зсипних пунктів, елеваторів, міжрайонних і обласних контор. З 9 215 перевірених знято з роботи 1 041, зокрема 500 «активних петлюрівців, білогвардійців, куркулів і торгівців», 300 «викритих у різного роду зловживаннях, крадіжках і шахрайстві», 241 «непридатного працівника», 150 «білогвардійських офіцерів». До системи Заготзерна спрямовано 850 «політично надійних працівників», а також 200 комуністів на посади завідуючих зсипними пунктами[144].

«Політичні перевірки» охопили систему споживчої кооперації, де з 45 тис. перевірених було знято з посад 4,1 тис. «розтратників, активних петлюрівців і білогвардійців, куркулів і торгівців». На їхнє місце до споживкооперації надіслано понад 3 тис. людей[145].

П. Постишев особисто ініціював і контролював «політичні перевірки» керівного складу різних управлінських структур в Україні. Зокрема, під час перевірки центрального та обласних апаратів Держплану України було знято з роботи 98 осіб, замість яких призначено 24 комуністи з вищою освітою. В Управлінні народногосподарського обліку РНК УСРР звільнений з посади 151 «меншовик, есер та інші класово ворожі елементи», а натомість скерований 21 комуніст з вищою освітою[146].

Особливо ретельно ҐПУ республіки провело «чистку» Наркомату землеробства (НКЗ), відповідальних працівників якого звинувачували у створенні голоду. На початку року там була викрита «контрреволюційна організація», а у червні 44 працівники зняли як «контрреволюційні націоналістичні елементи». Водночас замінили більшість завідуючих обласними земельними управліннями та керуючих обласними тракторними конторами. В серпні-вересні розгромили Всеукраїнську академію сільськогосподарських наук, президія якої була оновлена на 80–90%[147]. Репресій зазнали багато інших республіканських організацій та установ[148].

Найбільші «досягнення» відзначалися на нижчих щаблях управлінських структур. П. Постишев на листопадовому пленумі ЦК КП(б)У заявив про те, що з низових радянських установ «вичищено» близько 40 тис. працівників. До XII з'їзду КП(б)У (18–23 січня 1934 р.) у республіці було замінено 60% голів райвиконкомів і 60% голів сільрад[149].

Перепало й сільським комсомольцям. За 15 місяців, з листопада 1932 р. до січня 1934 р., із лав ЛКСМУ було виключено 57 655 осіб, переважно на селі. З міст до сіл спрямовано 2 500 секретарів колгоспних комсомольських осередків[150].

Таким чином, у 1933 р. дії радянського керівництва визначили кілька пов'язаних між собою процесів, які відбувалися в українському суспільстві.

По-перше, республіку охопив широкомасштабний голод, який призвів до загибелі від 3 до 3,5 млн. людей (прямі втрати населення)[151].

По-друге, зміцніла політична структура, наріжним каменем якої стала колгоспна система, що проіснувала до 90-х років XX століття.

По-третє, сталася справжня кадрова революція. Надіслані з різних міст СРСР і Червоної Армії комуністи встановили безпосередній контроль над ситуацією в українському селі.

По-четверте, «політичні перевірки» і репресивні «чистки» охопили всі щаблі республіканських управлінських структур, набувши особливого розмаху в колгоспах, радгоспах і МТС. Їх зазнали понад півмільйона людей, сотні тисяч потрапили до категорії «класово ворожих елементів».

У нас досі немає узагальнюючої статистики репресій в республіці у 1933 р., але історик Ю. Шаповал, на мій погляд, мав усі підстави вважати, що цього часу Україна, українське село перетворилися на полігон сталінських репресій.

Загалом 1933 р. став одним з вирішальних моментів «радянізації» України, зміцнення в республіці сталінської політичної системи, а також посилення репресивності тоталітарного режиму.

*

1. Див.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No 3 (Fall 1995).— P. 650.

2. Див.: Колективізація і голод на Україні, 1929—1933.— К., 1993.— С. 10; Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 315; Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Там само.— С. 334.

3. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 335—336.

4. Центральний державний архів громадських організацій України (далі — ЦДАГО України). Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 4, 45.

5. Російський державний архів соціально-політичної історії (далі — РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 867. Арк. 10; Спр. 871. Арк. 11, 15, 50—51; Спр. 872. Арк. 4; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 45, 48, 57, 59—60, 62.

6. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 11. Арк. 110.

7. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 110—115; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 25; Оп. 20. Спр. 4354. Арк. 7.

8. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 11. Арк. 172; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 70.

9. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 116, 119; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 872. Арк. 15; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 82.

10. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства. М., 1996.— С. 337; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 98.

11. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 121.

12. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 205; Голод 1932—1933 років на Україні очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 129; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 876. Арк. 1.

13. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 131, 133.

14. Там само.— С. 137—143; ЦДАГО України Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 155.

15. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 30—31, 37, 84, 108.

16. Там само. Арк. 108.

17. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 313.

18. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 877. Арк. 41; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 110; Спр. 236. Арк. 57.

19. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі — ЦДАВОВУ України). Ф. 318. Оп. 1. Спр. 647. Арк. 6.

20. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 147—148; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 235. Арк. 5, 8—9.

21. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 882. Арк. 7; Спр. 883. Арк. 2; Оп. 162. Спр. 12. Арк. 115. Політбюро ЦК ВКП(б) визнало недоцільним створювати Комітет фондів при РНК УСРР.

22. Див.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы.— М., 1996.— С. 56; Колективізація і голод на Україні, 1929— 1933.— К., 1993.— С. 525—531; Чорні жнива: Голод 1932—1933 рр. у Валків. та Коломац. р-нах Харківщини.— К.; Харків; Нью-Йорк; Філадельфія, 1997.— С. 72, 335; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 236. Арк. 52

23. Див.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы.— М., 1996.— С. 57—58.

24. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 196; Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 300; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 126, 132, 134, 149.

25. ЦДАГО України. Ф. 1, Оп. 6. Спр. 236. Арк. 92; ЦДАВОВУ України. Ф. 813. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 39.

26. Мейс Д. Політичні причини голодного мору //Голодомор 1932— 1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 15—16; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 236. Арк. 79.

27. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 153.

28. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 236. Арк. 105—107.

29. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 886. Арк. 11.

30. Там само. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 99. Арк. 45—46.

31. Там само. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 175.

32. Там само. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 144—153, 162—165.

33. Там само. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 99. Арк. 62—63.

34. Там само. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 180—181.

35. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 183.

36. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 99. Арк. 67—68.

37. Так у тексті. Див.: Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 337—338.

38. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.— М., 1995.— С. 241—242. Підкреслення у листі зроблені Сталіним.

39. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 186—187.

40. Там само. С. 190. Датування документа в книзі помилкове. Рішення від 20 червня 1932 р. за № 67/27 «О продпомощи Украине (телеграмма Косиора)» міститься у протоколі засідання Політбюро ЦК ВКП(б) № 105 від 23 червня 1932 р. Див.: РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 889. Арк. 15.

41. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 12. Арк. 192.

42. Там само. Арк. 153.

43. Там само. Арк. 166.

44. Там само. Оп. 3. Спр. 889. Арк. 25.

45. Там само. Оп. 162. Спр. 13. Арк. 4.

46. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.— М,, 1995.— С. 242; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 889. Арк. 16; Спр. 890. Арк. 8.

47. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 891. Арк. 10.

48. Там само. Оп. 162. Спр. 13. Арк. 15.

49. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 194. У посиланні на архівне джерело невірно вказаний аркуш. Див.: ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 236. Арк. 152—153, 166.

50. III Всеукраїнська конференція КП(б)У вже неодноразово аналізувалась істориками. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 36—40; Комуністична партія України: з'їзди і конференції.— К., 1991.— С. 146—153; Шаповал Ю. Стенограма і протокол III конференції КП(б)У як джерело вивчення голоду 1931—1932 рр. і голодомору 1932—1933 рр. //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 149—156.

51. ЦДАВОВУ України. Ф. 318. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 43.

52. Там само.

53. Там само.

54. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 306, 308.

55. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Там само.— С. 355.

56. Див.: Реабилитация: Полит. процессы 30—50-х годов.— М., 1991.— С. 92—104.

57. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 236. Арк. 228.

58. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 338; РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 99. Арк. 45—46.

59. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 894. Арк. 11; Оп. 162. Спр. 13. Арк. 55.

60. Там само. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 99. Арк. 145—151, 170—171.

61. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 2, 8, 27.

62. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 13. Арк. 76.

63. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 32.

64. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 339.

65. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 897. Арк. 15.

66. Там само. Арк. 19.

67. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 340; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 50.

68. Kuromia H. Freedom and Terror In Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s.— Cambridge University Press, 1998.— P. 168.

69. Блинов А. С. Иван Акулов.— М., 1967.— С. 70—71; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933.— London, 1996.— P. 381; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 900. Арк. 34; Оп. 2. Спр. 500. Арк. 26.

70. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 902. Арк. 9.

71. Там само. Спр. 903. Арк. 8, 13, 17; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 81, 84—85, 92, 120; ЦДАВОВУ України. Ф. 318. Оп. 1. Спр. 9. Арк. 67.

72. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 340.

73. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 904. Арк. 11, 15.

74. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 125.

75. РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 7.

76. Там само. Арк. 12—16, 18; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 177.

77. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 237. Арк. 178, 187—188, 193—194; Оп. 16. Спр. 9. Арк. 46.

78. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 250—261; ЦДАВОВУ України. Ф. 813. Оп. 1. Спр. 10. Арк. 32.

79. ЦДАВОВУ України. Ф. 318. Оп. 1. Спр. 647. Арк. 8—10, 13.

80. РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 42.

81. Там само. Арк. 29—30.

82. Див.: Подкур Р. Ю. Документи радянських спецслужб як джерело до вивчення політичних, соціально-економічних, культурних процесів в Україні (20—30-ті рр. XX ст.): Дис. ... канд. іст. наук.— Дніпропетровськ, 1999.— С. 46.

83. РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 55; Ф. 17. Оп. 3. Спр. 907. Арк. 17—18; Оп. 162. Спр. 14. Арк. 17.

84. Там само. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 74—76. По кількох днях Політбюро ЦК КП(б)У на пропозицію самого М. Хатаєвича вилучило цю брошуру з обігу для внесення в неї необхідних змін. Див.: РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 2. Спр. 140. Арк. 127.

85. Там само. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 214.

86. Shimotomai N. A Note on Kuban Affair (1932—1933): The crisis of Kolkhos agriculture in the North Caucasue //Acta Slavica Iaponica.— Sapporo (Japan), 1983.— Tomus I.— P. 46.

87. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 1—4, 8, 11, 167—169, 177, 183—184.

88. Правда.— 1932.— 19 нояб.; Shimotomai N. A Note on Kuban Affair (1932—1933): The crisis of Kolkhos agriculture in the North Caucasue //Acta Slavica Iaponica.— Sapporo (Japan), 1983.— Tomus I.— P. 48.

89. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 19.

90. Там само. Спр. 214. Арк. 13. 5 листопада 1932 р. Сталін повідомив Л. Кагановича про те, що Політбюро ЦК ВКП(б) затвердило ці пропозиції. Див.: РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 22.

91. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 209; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 906. Арк. 10.

92. РДАСПІ. Ф. 558. Оп. 11. Спр. 740. Арк. 180.

93. Там само. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 18—22, 26, 37—38.

94. Там само. Спр. 232. Арк. 24.

95. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 210; РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 27.

96. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 84—85, 88—90, 92, 94, 97, 102, 148.

97. Осколков Е. Голод 1932—1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 120.

98. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 909. Арк. 12.

99. Кондрашин В. Голод в Поволжье //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 130.

100. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 907. Арк. 20.

101. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 238. Арк. 21—22, 37—38, 53—56, 93.

102. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 283; Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 350.

103. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 238. Арк. 32.

104. Правда.— 1988.— 16 сент.

105. Див.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No. 3 (Fall 1995).— P. 652; Гинцберг А. И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов: По материалам «особых папок» ЦК ВКП(б) //Вопр. истории.— 1999.— № 10.— С. 124—125; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 14. Арк. 34, 38.

106. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 910. Арк. 3; Спр. 911. Арк. 11.

107. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 283; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 911. Арк. 42—43.

108. Див.: РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 162. Спр. 8. Арк. 51, 59, 129; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 337. Арк. 79; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931—1934).— К., 1999.— С. 79—80; Васильєв В. Причини та механізми здійснення масових політичних репресій на території Вінницької області в 20—30-і рр. //Політичні репресії на Поділлі (20—30-і рр. XX ст.).— Вінниця, 1999.— С. 13.

109. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 912. Арк. 44.

110. Правда.— 1964.— 26 мая.

111. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 912. Арк. 54.

112. Там само. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 1—3, 5—8, 10—17, 23—33; Спр. 232. Арк. 42, 45—48, 53—53 зв., 56, 62; Ф. 17. Оп. 162. Спр. 14. Арк. 43; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 238. Арк. 179—181.

113. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 308—309; РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 913. Арк. 11, 14; Оп. 162. Спр. 14. Арк. 45; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 281. Арк. 1—3, 7.

114. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 50.

115. З цього питання див.: Kuromia H. Ukraine and Russia in the 1930s //Harvard Ukrainian Studies.— 1994.— V. 18 (3/4) (December).— P. 331; Kuromia H. Freedom and Terror In Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s.— Cambridge University Press, 1998.— P. 151.

116. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 2. Спр. 514. Вип. I. Арк. 9, 12—12 зв., 33—34 зв., 42—43, 50 зв.— 52; Вип. II. Арк. 3—3 зв., 4 об.—9 зв., 17 зв.—20.

117. М. М. Скрипник відповіла, що коли М. О. Скрипник виступить з такою критикою Сталіна, то вона викинеться з вікна, покінчить життя самогубством. Можливо, саме ця погроза зупинила Скрипника. Див.: Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг.— М., 1999.— С. 244.

118. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 913. Арк. 15.

119. Див.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No. 3 (Fall 1995).— P. 652.

120. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии.— М., 1999.— С. 180.

121. Архів Гуверівського інституту архівів. Центр зберігання сучасних документів. Ф. 89. Перелік 48. Док. 25. Арк. 1—2. Автор мав можливість працювати в Гуверівському інституті архівів у жовтні 1996 р.

122. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 914. Арк. 25; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 281. Арк. 37, 131.

123. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 914. Арк.26; ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 6. Спр. 281. Арк. 39.

124. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 914. Арк. 45.

125. Див.: Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 357; Ивницкий Н. А. Хлебозаготовки 1932—1933 годов и голод 1933 года //Голод-геноцид 1933 року в Україні: Іст.-політол. аналіз соц.-демогр. та морально-психол. наслідків: Міжнар. наук.-теорет. конф. Київ, 28 листоп. 1998 р.: Матеріали.— К.; Нью-Йорк, 2000.— С. 113—114; Сергійчук В. Міграційні процеси в Україні на початку 30-х років як наслідок голодомору //Там само.— С. 113—114; Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии.— М., 1999.— С. 170.

126. РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 914. Арк. 9, 13.

127. Там само. Арк. 13.

128. Там само. Арк. 23.

129. Там само. Спр. 915. Арк. 16.

130. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 405. Арк. 5—6, 123.

131. Там само. Спр. 420. Арк. 5.

132. Там само. Спр. 436. Арк. 110.

133. Ця цифра була «біологічним» урожаєм, а не кількістю реально зібраного зерна.

134. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 436. Арк. 124.

135. Там само. Спр. 413. Арк. 42—43.

136. Це вже відзначав американський історик Террі Мартін. Див.: Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing //The Journal of Modern History.— 1998.— № 70 (December).— P. 844—846.

137. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 413. Арк. 29 об.

138. Див.: Ист. архив.— 1994.— № 6; 1995.— № 2—6; 1996.— № 2—6; 1997.— № 1; 1998.— № 4.

139. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 422. Арк. 13; Спр. 436. Арк. 287.

140. Там само. Арк. 141, 455.

141. Там само. Арк. 147.

142. Там само. Арк. 148.

143. Там само. Арк. 457—458, 463.

144. Там само. Арк. 465.

145. Там само. Арк. 467.

146. Там само. Арк. 469—470.

147. Там само. Арк. 451; Шаповал Ю. І. Україна 20—50-х років: Сторінки ненаписаної історії.— К., 1993.— С. 129.

148. Див.: Даниленко В., Касьянов Г., Кульчицький С. Сталінізм на Україні (20—30-ті роки).— К.; Едмонтон, 1991; Касьянов Г., Даниленко В. Сталінізм і українська інтелігенція (20—20-і рр.).— К., 1991; Конквест Р. Жнива скорботи: Рад. колективізація і голодомор.— К., 1993; Шаповал Ю. І. Україна 20—50-х років: Сторінки ненаписаної історії.— К., 1993; Кульчицький С. В. Україна між двома війнами (1921—1939 рр.).— К., 1999 тощо.

149. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 421. Арк. 165; Спр. 436. Арк. 474.

150. Там само. Спр. 436. Арк. 485—486.

151. Див.: Кульчицький С. В. Україна між двома війнами (1921—1939 рр.).— К., 1999.— С. 183; див. також статтю С. Уїткрофта в нашій книзі.

Валерий Васильев

ЦЕНА ГОЛОДНОГО ХЛЕБА

ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА СССР И УССР В 1932–1933 гг.

На протяжении последнего десятилетия украинские историки серьезно исследовали и осмысляли голод 1932—1933 гг. в Украине. Среди ученых утвердилось мнение о том, что форсированная индустриализация и насильственная коллективизация сельского хозяйства привели к глубокому социально-экономическому кризису на рубеже первой и второй пятилеток.

Яркими проявлениями этого кризиса были падение сельскохозяйственного производства, провал планов государственных хлебозаготовок, неэффективность системы централизованного снабжения населения продовольствием. Массовый голод, охвативший основные зернопроизводящие районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнюю Волгу, Западную Сибирь, Центрально-Черноземную область, а также Казахстан,— стал трагическим результатом политики предыдущих лет.

Локальные случаи недостатка продовольствия в различных регионах страны отмечались в 1925, 1928, 1929 годах. Во второй половине 1920-х гг. руководство компартии во главе со Сталиным пыталось преодолевать возникшие проблемы путем создания крупных государственных резервов зерна. Эти запасы использовались для централизованного снабжения хлебом индустриальных центров, Красной Армии, различных категорий населения, на экспорт.

В условиях коллективизации и раскулачивания относительно плохой урожай 1931 г. привел к острой нехватке продовольствия в стране. К 1 января 1932 г. государственные резервы зерна, сосредоточенные в основном в Неприкосновенном фонде (Непфонд) и Мобилизационном фонде (Мобфонд), достигли 2,033 млн. тонн. Управление этими фондами осуществлялось с октября 1931 г. мощной государственной организацией — Комитетом Резервов, во главе которого находились председатель Госплана СССР В. Куйбышев и его заместитель, председатель ОГПУ СССР Г. Ягода[1].

Если одна тонна зерна обеспечивала нормальный хлебный рацион для трех человек в течение года, то государственные резервы могли прокормить хлебом до нового урожая 1932 г. около 12—13 млн. человек. Но количество людей, получавших продовольствие путем централизованного снабжения, беспрерывно возрастало, поэтому хлеба в закромах государства было совершенно недостаточно.

В таких условиях Сталин и его окружение крайне жестко требовали от региональных руководителей, чтобы государственные планы хлебозаготовок были выполнены. В центре внимания находились Украина и Северный Кавказ, которые поставляли более половины производимого в СССР зерна.

В 1930 г. государственные заготовки зерна в Украине составили 7,7 млн. тонн — приблизительно 30,2% валового сбора зерновых. В 1931 г., когда урожай был хуже предыдущего, заготовили 7,0 млн. тонн, или 41,3% валового сбора зерновых[2]. Неудивительно, что в декабре 1931 г. различные государственные органы начали фиксировать в Украине случаи голодания и даже смерти от голода.

Однако похоже, что советское руководство верило или предпочитало верить в огромные запасы зерна, которые будто бы были спрятаны от государства колхозами и крестьянами в украинском селе. 29 декабря 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) объявил январь 1932 г. боевым ударным месяцем окончания хлебозаготовок. Через несколько дней И. Сталин и В. Молотов направили первому секретарю ЦК КП(б)У С. Косиору и членам Политбюро ЦК КП(б)У требовательную телеграмму:

«Положение с хлебозаготовками на Украине считаем тревожным. На основании имеющихся в ЦК ВКП(б) данных работники Украины стихийно ориентируются на невыполнение плана на 70—80 млн. пудов. Такую перспективу считаем неприемлемой и нетерпимой.

Считаем позором, что Украина в этом году при более высоком уровне коллективизации и большем количестве совхозов заготовила на 1 января сего года на 20 млн. пудов меньше, чем в прошлом году. Кто тут виноват: высший уровень коллективизации или низший уровень [руководства.— ***Авт.***] делом заготовок?

Считаем [необходимым.— ***Авт.***] Ваш немедленный приезд в Харьков и взятие Вами в собственные руки всего дела хлебозаготовок. Решение Пленума ЦК ВКП(б) должно быть выполнено»[3].

Конечно, дело было не в низком уровне руководства хлебозаготовками со стороны ЦК КП(б)У. В украинском селе не оставалось запасов зерна. Но признать этот факт никто не осмеливался. Жесткий тон Москвы свидетельствовал о недовольстве руководством Украины. 3 января 1932 г. телеграмма Сталина и Молотова была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК КП(б)У и разослана во все райкомы партии. После этого 83 украинских руководителя во главе с членами Политбюро разъехались по республике выполнять планы хлебозаготовок[4].

В эти же дни в Кремле было принято решение создать на территории Украины области, которые становились промежуточным звеном между районной и республиканской ступенью управления. Границы областей намечались тремя украинскими руководителями: С. Косиором, Председателем СНК УССР В. Чубарем и Председателем ВУЦИК Г. Петровским,— причем именно они настояли, чтобы в ведении центральных украинских органов остались районы Донбасса, которые сначала планировалось подчинить непосредственно Москве.

Несомненно, что областная система управления в Украине (такая же была введена в Казахстане) усиливала контроль высшего союзного руководства на местах. Об этом также свидетельствовало назначение на руководящие посты в области многих работников из ЦК КП(б)У и республиканских органов. Несколько членов и кандидатов в члены украинского Политбюро были назначены первыми секретарями обкомов партии. На них сразу возложили персональную ответственность за выполнение планов хлебозаготовок[5].

Параллельно с созданием областей руководство страны попыталось воздействовать на хлебозаготовки, комбинируя рыночные и административные методы. Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством В. Молотова разработала меры по стимулированию хлебозаготовок в Украине продажей промышленных товаров. 8 января 1932 г. эти меры были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б)[6]. А украинские республиканские лидеры широко применяли репрессии по отношению к низовым работникам. С 1 ноября 1931 г. по 10 февраля 1932 г. за невыполнение планов хлебозаготовок были сняты со своих постов более 30 секретарей райкомов партии[7].

Но попытки улучшить ситуацию с поступлением зерна в государственные запасы ожидаемого результата не принесли. В конце января советскому руководству пришлось снизить план снабжения населения СССР белой мукой на 164 тыс. тонн, в том числе для Украины — на 75 тыс. тонн. Одновременно на 22,5 тыс. тонн были уменьшены хлебные фонды, предназначенные Украине в первом квартале (январь—март) 1932 г. Это заставило руководство республики значительно сократить нормы ежесуточной выдачи хлеба лицам, которые находились на централизованном снабжении.

13 февраля Политбюро ЦК КП(б)У постановило довести до ведома ЦК ВКП(б), что «уменьшение фондов вынуждает ЦК КП(б)У прибегнуть к жесткой мере сокращения норм выдачи хлеба». В. Чубарю поручалось подготовить и отправить письмо с этим решением в ЦК ВКП(б)[8].

О чем это свидетельствовало? Лидеры страны хорошо понимали, к каким последствиям приведет сокращение хлебных фондов. Напоминание об этом Кремлю со стороны руководства Украины выглядело не только как заявление о сложности ситуации в республике, но и как стремление снять с себя долю ответственности. Такая позиция не могла не усилить недовольство Сталина и его окружения.

Февральские хлебозаготовки оставляли невыясненным вопрос о семенах для весеннего сева, который в южных районах Украины начинался в марте. В ЦК КП(б)У поступало множество просьб с мест отпустить семена. Но распределение семенных фондов было прерогативой центра. Только 16 февраля последовало решение Политбюро ЦК ВКП(б) о создании в Украине семенных

фондов яровых культур в колхозах в размере 950 тыс. тонн. Создавать эти фонды нужно было исключительно за счет местных запасов.

В этот же день украинское Политбюро решило начать сбор семян в районах, которые завершили хлебозаготовки. В остальных районах предусматривалось начать его 25 февраля. С. Косиор и В. Чубарь в телеграмме местным организациям указывали: «В связи с общим положением с хлебными ресурсами и необходимостью оказать семенную и даже продовольственную помощь недородным районам Западной Сибири, Урала и Волги не может быть и речи о каком-либо отпуске семян для Украины, где положение с урожаем вполне благополучное и где есть все возможности мобилизовать семена на месте... У ЦК КП(б)У и СНК Украины... никаких собственных зерновых ресурсов нет...». Они предлагали местным работникам прекратить разговоры о семенной помощи из центра и все внимание обратить на то, чтобы «добыть семена на месте»[9].

Мне представляется, что это была позиция не только и не столько украинских руководителей, сколько руководства ЦК ВКП(б). Украина, один из основных зернопроизводящих районов СССР, традиционно снабжала хлебом другие регионы страны. Однако после хлебозаготовок конца 1931 г. запасов в украинском селе не осталось. Там, где зерно еще сохранялось, его не отдавали. Нового урожая надо было ждать полгода, а голод нарастал. Во многих районах Украины появились случаи каннибализма.

В условиях голода и постоянного административного давления центра районная и сельская «власть» широко применяла откровенно террористические методы хлебозаготовок: обыски крестьянских хозяйств, избиения крестьян и незаконные аресты. Такую практику обнаружила, например, бригада газеты «Правда» в Молдавии и сообщила о ней в Москву. Оттуда информация была передана в Харьков (тогдашнюю столицу Украины), и Политбюро ЦК КП(б)У приняло специальное постановление «Об искривлениях партийной линии при хлебозаготовках в АМССР», в котором осудило массовые «перегибы», а также объявило выговоры бюро Молдавского обкома партии и его руководящим работникам[10]. Однако насильственные действия местных руководителей стали повсеместными, отменить их подобными постановлениями было невозможно.

В конце февраля 1932 г. в украинском руководстве созрела решимость сообщить Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б) о сложившейся ситуации. После поездки по нескольким областям Украины Г. Петровский откровенно написал С. Косиору, что необходимо попросить Политбюро ЦК ВКП(б) прекратить хлебозаготовки, объявить свободную торговлю хлебом, а также помочь голодающим[11].

15 марта С. Косиор направил в ЦК ВКП(б) телеграмму, в которой предлагал: «Объявить от имени союзных организаций о порядке хлебозаготовок из

будущего урожая, исходя из того, что чем большего урожая добьется колхоз и колхозник, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление». Но для Сталина и его единомышленников материальная заинтересованность колхозников в развитии производства и такое решение проблемы хлебозаготовок выглядели в эти дни абстракцией.

16 марта Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) огласил телеграмму С. Косиора, предложения которого были отвергнуты. Внимание украинских руководителей обращалось на весенний сев. В принятом решении отмечалось: «Политбюро считает, что положение с семенами на Украине во много раз хуже того, чем это следует из телеграммы т. Косиора, поэтому Политбюро предлагает ЦК КП(б)У принять все зависящие от него меры к тому, чтобы была предотвращена угроза срыва сева на Украине»[12].

Никаких дополнительных фондов семян при этом не выделялось. 17 марта Политбюро ЦК КП(б)У установило пониженные нормы посева, а на следующий день в Украине официально прекратили хлебозаготовки[13]. Но последнее решение утверждено в Москве не было, и хлебозаготовки продолжались.

28 марта украинское руководство приняло постановление «О результатах работы колхозов в 1931 г. и о дальнейших задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов», в котором призвало местные парторганизации к решительной борьбе с «левацкими заскоками», игнорированием артелей как необходимого этапа к высшим формам коллективизации. Также отмечалось, что нужно создавать постоянные производственные бригады в колхозах, внедрять принцип оплаты их труда в зависимости от качества и результатов работы. Правления колхозов должны были закончить до весеннего сева распределение «доходов» за 1931 г. Запрещалось районным органам распускать правления колхозов и принудительно обобществлять имущество крестьян[14].

Но спасти сев в Украине определенная нормализация экономических отношений в колхозах уже не могла. Сеять было нечем. С 19 марта по 19 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) пять раз принимало вынужденные решения предоставить Украине семенную ссуду ячменем из государственных запасов, находившихся на территории Украины, а также ввезти в республику семена из резервов СНК СССР в Западной и Центрально-Черноземной областях. Кроме ячменя, Украине выделяли из государственного сортового фонда семена овса, пшеницы, проса, гречихи[15].

Подчеркнем, что это была только семенная ссуда. До 19 апреля голодающим в Украине союзное руководство продовольствием не помогало. В то же время централизованное снабжение хлебом во втором квартале (апрель-июнь) по сравнению с первым было сокращено. В результате голод распространился в городах, часто случалось, что ослабевшие и опухшие от голода украинские крестьяне выходили сеять, ложились в борозду и умирали прямо в поле.

19 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло наконец решение оказать Украине продовольственную помощь, предполагая выделить ее из централизованных ресурсов, находившихся в Украине. Это решение свидетельствовало о том, что государственные запасы продовольствия на территории Украины были. Может быть, их недоставало для того, чтобы накормить население республики. Но это совершенно не оправдывает откровенного нежелания Сталина и других советских руководителей помочь голодающим.

Такая антигуманная и преступная позиция сопровождалась попыткой переложить ответственность за голод на украинское руководство. Решение оказать Украине продовольственную помощь было в значительной мере ответом на телеграмму В. Чубаря, направленную в эти дни в Кремль. В ней сообщалось об огромных проблемах со снабжением населения хлебом в Украине. Мнение Политбюро ЦК ВКП(б) было таким:

«а) Имея в виду, что затруднения в хлебоснабжении на Украине в основном являются результатом крайне слабого поступления гарнцевого сбора, который должен был дать по плану в апреле месяце 100 тыс. тонн, — обязать ЦК КП(б)У принять все меры к максимальному усилению гарнцевого сбора, с немедленным вывозом его на пристанционные пункты;

б) В виде крайней меры — разбронировать для нужд снабжения Украины в апреле 25 тыс. тонн хлеба;

в) Обязать Наркомвнешторг освободить от варранта 30 тыс. тонн пшеницы»[16].

Последний пункт означал вынужденный отказ от вывоза пшеницы на экспорт и возвращение ее в Украину. Хотя правильнее будет сказать, что это зерно находилось в украинских портах на Черном море и Политбюро разрешало использовать его для снабжения республики. Следует также отметить, что экспорт зерна из СССР в первом полугодии 1932 г. составил 750 тыс. тонн, за счет которых можно было обеспечить дневным рационом хлеба (1 кг) в эти месяцы около 4 млн. человек[17].

Но в апреле-июне 1932 г. утвержденное централизованное снабжение хлебом Украины составляло всего около 100 тыс. тонн в месяц. В то же время только в Донбассе контингент лиц, находившихся на централизованном снабжении, насчитывал в мае-июне 973 191 человека. Потребление ими хлеба приблизительно сравнимо с указанной выше цифрой[18].

Всего же на централизованном снабжении в Украине в этот период находились около 8 млн. человек[19], которые, как и большинство украинских крестьян, оказались на пороге голодной смерти. Катастрофа приобретала огромные масштабы.

23 апреля украинское Политбюро обсудило сложившуюся ситуацию и приняло решение создать Комитет фондов и регулирования торговли СНК УССР,

а также утвердило текст телеграммы Сталину: «План снабжения Донбасса, металлургии, военных строек проводится только за счет разбронирования непфонда, ибо никаких других ресурсов у нас нет. Разбронирование проводится с большим затягиванием и маленькими порциями. Это создает серьезные перебои в снабжении Донбасса и других промышленных центров. 25 тысяч тонн, которые днями разбронированы, удовлетворяют нас только на несколько дней. Необходимо заблаговременно обеспечить бесперебойное снабжение рабочих до Первого мая и на первые 4—5 дней мая. Просим ваших указаний Комитету Резервов о немедленном разбронировании еще 25 тысяч тонн ржи, пшеницы». Для решения вопроса о хлебных ресурсах Украины в Москву командировался В. Чубарь.

В этой ситуации своеобразную позицию занял С. Косиор, который лучше других украинских руководителей знал кремлевские нравы и характер Сталина. Он попытался смягчить впечатление от приведенной телеграммы. 26 апреля первый секретарь ЦК КП(б)У написал Сталину: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головотяпства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о "голоде" на Украине нужно категорически отбросить. Та серьезная помощь, которая Украине была оказана, дает нам возможность все такие очаги ликвидировать»[20]. Тем самым Косиор заявил о существовании уже «традиционных» перегибов местных органов, в результате которых и возникли «очаги» голода в республике. Но широкомасштабного голода «категорически» не признал.

Однако настроение В. Чубаря было иным. Не склонный приукрашивать действительность, он, по-видимому, достаточно откровенно рассказал Сталину о голоде, который в Украине приобретал угрожающие размеры. Ему удалось убедить Сталина вернуть из портов предназначенные на экспорт 15 тыс. тонн кукурузы и 2 тыс. тонн пшеницы, направив их на снабжение Украины. Кроме этого, из Центрально-Черноземной области планировалось завезти 64 тыс. тонн зерна за счет сокращения поставок хлеба в восточные районы СССР. Прекращался также вывоз хлеба с Украины в Закавказье.

Одновременно руководство СССР вынуждено было принять решение о закупке 104 тыс. тонн зерна на Дальнем Востоке (предположительно Китай) и в Персии. Политбюро ЦК ВКП(б) поручало В. Куйбышеву совместно с В. Чубарем обеспечить из закупленного зерна бесперебойное снабжение Украины[21]. Чего стоило подобное решение Сталину, который со времен борьбы с «правыми» отказывался закупать зерно за границей, мы можем только догадываться. Впрочем, советские лидеры прекрасно понимали, что предоставленного зерна не могло хватить для многомиллионной голодной Украины.

Принятые решения объяснялись не столько желанием оказать помощь украинцам или определенным образом преодолеть кризис сельскохозяйственного производства, сколько необходимостью снизить уровень недовольства в

обществе — серьезную угрозу стабильности режима. Хотя социальные настроения в этот период изучены крайне слабо, известно, что в первой половине 1932 г. из колхозов в Украине вышли 41 200 хозяйств. Голодные крестьяне сопротивлялись вывозу хлеба в счет заготовок, нападали на зернохранилища, магазины, склады винокуренных заводов, где лежали запасы кукурузы.

26 апреля Сталин направил С. Косиору докладную записку руководства «Союзспирта» о вооруженных нападениях голодного населения на склады заводов треста. В своей сопроводительной записке он писал: «Тов. Косиор. Обязательно прочтите приложенные материалы. Похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо дело с деревней на Украине? Где органы ГПУ, что они делают? Может быть, проверили бы это дело и сообщили в ЦК ВКП(б) о принятых мерах. Привет. И. Сталин».

Через три дня украинское Политбюро рассмотрело обращение Сталина и создало комиссию в составе С. Косиора, С. Реденса (председателя ГПУ УССР) и Р. Терехова (секретаря ЦК КП(б)У), которой поручалось принять меры, чтобы не допускать подобных случаев[22].

Недовольство проводившимся курсом проявлялось не только в селе. Серьезную опасность для советского руководства представляли антиправительственные выступления в городах и особенно волнения в апреле 1932 г. в текстильных районах Ивановской области. Похоже, что ситуация в стране подтолкнула союзное руководство к более либеральному курсу[23].

6 мая СНК СССР и ЦК ВКП(б) снизили общесоюзные планы заготовок зерна и других сельскохозяйственных культур. Колхозам и крестьянам разрешалось продавать свою продукцию по свободным рыночным ценам после выполнения планов заготовок. Украине план был уменьшен с 6 944 тыс. тонн урожая 1931 г. до 5 696 тыс. тонн (356 млн. пудов) урожая 1932 г., то есть на 18%. Для сравнения необходимо подчеркнуть, что общее снижение планов заготовок по СССР составило 30%.

Почему Украине план был снижен намного меньше, чем другим регионам СССР? Мне представляется, что Сталин и другие советские руководители после плохого урожая 1931 г. не хотели и не могли пойти на серьезное уменьшение централизованных запасов хлеба в стране. А так как Украина была одним из главных производителей зерна, то за ее счет надеялись преодолеть последствия неурожая и создать крупные государственные резервы.

Определенное смягчение государственной политики проявилось в том, что 16 мая 1932 г. была отменена утвержденная ранее депортация 38 300 крестьянских хозяйств в районы Севера СССР и Средней Азии (с Украины планировалось выселить 6 тыс. хозяйств на Урал). Вместо этого решили: «ОГПУ изымать отдельные контрреволюционные элементы в деревне в порядке индивидуального ареста».

В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию в составе В. Куйбышева, А. Микояна и Л. Кагановича, чтобы ускорить доставку в Украину закупленных 104 тыс. тонн зерна. Одновременно для общественного питания колхозников, работавших на прополке свеклы, было выделено 9,6 тыс. тонн зерна и 75 вагонов рыбы, которые под специальным наблюдением Л. Кагановича отправляли в Киевскую, Винницкую и Харьковскую области. Кроме этого, из украинских портов было возвращено 35 тыс. тонн пшеницы на снабжение Украины[24].

20 мая последовало соответствующее решение Политбюро ЦК КП(б)У, а 21 мая на заседании СНК УССР под председательством В. Чубаря доставленные зерно и рыба были распределены по 44 районам Украины с формулировкой: «принимая во внимание тяжелое положение отдельных колхозов, которое возникло вследствие недорода прошлого года»[25].

Это была двойная ложь. Голодали не «отдельные колхозы», а целые районы 7 украинских областей и Автономной Молдавской ССР. Причиной этого был не «недород» 1931 г. (плохие урожаи случались и раньше), а огромные государственные хлебозаготовки, вследствие которых украинский крестьянин остался без хлеба.

Отсутствие хлеба заставило руководство республики освободить из тюрем стариков, калек (кроме осужденных за террористические акты, убийства, разбои), а также бедняков и середняков, осужденных за невыполнение планов хлебозаготовок и отбывших не менее трети срока. Кроме того, освобождались все осужденные на срок не более трех лет при условии, что они отбыли не менее трети срока.

В конце мая 1932 г. украинское руководство приняло окончательное решение по так называемому «Драбовскому делу». В Драбовском районе Киевской области хлебозаготовки проводились методами насилия и издевательств над крестьянами. Показательный судебный процесс над районными работниками, который прошел в июне (осужденные получили от 18 до 36 месяцев концлагерей), на первый взгляд, свидетельствовал об определенной либерализации политического курса[26].

Казалось, что майские реформы, или, как их иногда называют, «неонэп», будут набирать силу. Однако уже через несколько месяцев последовал новый виток социально-экономического кризиса.

В конце мая выяснилось, что оказанной на протяжении этого месяца помощи явно недостаточно для Украины. Голодные крестьяне не могли работать на весеннем севе, и советскому руководству стало ясно, что сев в Украине срывается. 25 мая Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Ввиду практического положения дела с севом на Украине предложить Яковлеву, Микояну, Маркевичу,

Одинцову во главе с Молотовым сегодня же выехать на Украину и совместно с ЦК КП(б)У принять все необходимые меры для максимального развертывания посевной кампании»[27].

26 мая комиссия В. Молотова прибыла в Харьков, и в этот же день при участии В. Молотова, А. Микояна и Я. Яковлева состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б)У. В принятых решениях подчеркивалась необходимость обеспечить посевную площадь яровых культур не меньше прошлогодней. Всем украинским руководящим работникам следовало выехать в районы для организации сева. Однако главным образом речь шла о распределении ранее предоставленной продовольственной помощи[28].

В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело телеграмму Молотова, Яковлева и Микояна о положении с севом в Украине и постановило немедленно выдать семенную ссуду в размере 52 800 тонн из фондов Комитета Резервов в Украине, а также за счет переброски части ссуды из Белоруссии и Новороссийского порта[29].

Сталин, который находился в это время на отдыхе в Сочи, узнав о ситуации в Украине и размерах выделенной ей ссуды, был крайне раздражен. 2 июня он написал Л. Кагановичу и В. Молотову: «Обратите серьезнейшее внимание на Украину. Чубарь своей разложенностью и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП) и преступно-легкомысленным отношением к делу — загубят вконец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам». В связи с этим Сталин высказал предположение о смещении с постов В. Чубаря и С. Косиора[30]. Его формулировки свидетельствовали о том, что он утратил политическое доверие к украинскому руководству, особенно к В. Чубарю.

5 июня Политбюро ЦК ВКП(б) решило дополнительно завезти в Украину 26 080 тонн хлеба из Средней Азии[31]. Но эта полумера улучшить ситуацию не могла. Тем временем В. Чубарь и Г. Петровский согласовали позиции и 10 июня послали в Кремль письма с сообщениями о реальной угрозе широкомасштабного голода в Украине. При этом С. Косиор оставался как бы в стороне, не отвечая за их действия.

В. Чубарь в своем письме отмечал, что голодом охвачено не менее 100 районов Украины. По его мнению, причинами этого были: более низкий урожай 1931 г. по сравнению с 1930 г.; колоссальные потери при уборке урожая; слабая трудовая дисциплина в колхозах; непосильные хлебозаготовки, в ходе которых у крестьян изымался весь хлеб, включая семенные фонды и авансы по трудодням; распродажа имущества крестьянских хозяйств за невыполнение планов.

В селах свирепствовали хлебозаготовительные бригады, состоявшие из районных активистов, городских рабочих, милиционеров. Ими практически

никто не руководил, и после насильственных, а нередко бандитских действий бригад, которые снимали с работы, судили, разгоняли сельских активистов, в селах не оставалось ни председателей сельсоветов, ни советского актива. Во многих районах уполномоченные по хлебозаготовкам, присланные из центра, распускали местные райкомы и райисполкомы.

Все это привело к тому, что в декабре 1931 г. в Украине начали отмечаться случаи голодания среди распроданных хозяйств, а в марте-апреле 1932 г. в селах появились десятки и сотни голодающих, брошенные родителями дети и сироты.

Далее В. Чубарь откровенно писал о том, что к 1 июля 1932 г. Украина может остаться вообще без продовольствия, а в ряде мест отпущенные советским руководством ресурсы заканчивались к 20 июня. Одним из его основных выводов был тот, что за последние годы сельскохозяйственное производство в Украине нарушено беспрерывным увеличением заготовок зерна и других продуктов. Украинский премьер-министр призывал снизить государственные планы заготовок сельхозпродукции, нормализовать севообороты, улучшить качества семян и поднять урожайность. В. Чубарь утверждал, что необходимо серьезно повысить роль агрономов, зоотехников и других специалистов в сельском хозяйстве. Кроме того, глава украинского правительства подчеркивал, что для продолжения посевной кампании республике требуется продовольственная помощь из центра в размере не менее 16 тыс.тонн зерна.

Г. Петровский обращал внимание союзных руководителей на усиление антиколхозных, антисоветских и «петлюровских» настроений крестьянства, а также просил оказать продовольственную и посевную помощь в размере 24—32 тыс. тонн зерна. «Всеукраинский староста» прямо заявил, что ЦК КП(б)У виноват, согласившись без возражений выполнять план хлебозаготовок в размере 8,160 млн. тонн. Это было сделано, «подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения»[32].

В. Молотов и Л. Каганович сразу переслали оба письма Сталину. 15 июня Сталин написал Кагановичу о том, что письма ему не понравились, особенно позиция В. Чубаря, который добивается от Москвы новых миллионов пудов хлеба и сокращения плана хлебозаготовок. «Самое плохое в этом деле,— прибавил Сталин,— молчание Косиора. Чем объяснить это молчание? Знает ли он о письмах Чубаря—Петровского?»[33]

Вполне вероятно, что Л. Каганович, который знал С. Косиора с дореволюционных времен по совместной деятельности в Киеве, передал ему слова Сталина, а также сообщил, что тот серьезно недоволен украинским руководством. Тем не менее, согласно заявлению В. Чубаря, Украине оказывалась новая

продовольственная помощь, причем решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июня обязывало Чубаря лично проследить за использованием отпущенного хлеба «строго по назначению»[34].

17 июня украинское Политбюро решило «подстраховать» В. Чубаря своей коллективной поддержкой: «Чубарь по поручению ЦК КП(б)У возбудил ходатайство [об] отпуске Украине продовольственной помощи, находящимся [в] тяжелом положении районам. Настоятельно просим сверх отпущенных для обработки свеклы, а также дополнительной продовольственной помощи в 220 тыс. еще 600 тыс. пудов [хлеба]»[35]. Просьба лидеров республики о выделении дополнительных 600 тыс. пудов зерна усилила раздражение Сталина.

18 июня Сталин, чувствуя настроения местных руководящих работников, в очередном письме Л. Кагановичу указал на необходимость возложить персонально на первых секретарей республиканских, краевых, областных партийных комитетов Украины, Северного Кавказа и других важнейших сельскохозяйственных регионов СССР ответственность за состояние сельского хозяйства и хлебозаготовки[36].

В письме Сталин назвал главной ошибкой хлебозаготовительной кампании 1931 г., особенно в Украине и на Урале, то, что план хлебозаготовок был разверстан по районам и колхозам «механически», без учета положения в каждом отдельном колхозе. «В результате этого... получилась вопиющая несообразность,— писал он,— в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд урожайных районов оказался в состоянии разорения и голода, а на Урале обком лишил себя возможности оказать помощь неурожайным районам за счет урожайных районов области».

Таким образом, Сталин признавал факт голода в некоторых районах Украины, но объяснял его «механической разверсткой», а также тем, что кое-кто из первых секретарей (Украина, Урал, отчасти Нижегородский край) «увлекся» гигантами промышленности и не уделял должного внимания сельскому хозяйству. «Результаты этих ошибок,— писал Сталин,— сказываются теперь на посевном деле, особенно — на Украине, причем несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем».

Проводимый курс под сомнение не ставился, но, чтобы не «повторять ошибок истекшего года», предлагалось допустить надбавку к утвержденному 6 мая 1932 г. плану. Эта мера, считал Сталин, создавала возможность «перекрытия неизбежных ошибок в учете и выполнить сам план во что бы то ни стало»[37].

На следующий день Сталин направил письмо Молотову: «...3) Об украинцах (Чубарь и др.) я уже писал Кагановичу, и мое мнение тебе, должно быть, уже известно. Остальное — дело Политбюро. 4) Ты и Каганович, должно быть,

уже получили мое письмо насчет созыва совещания секретарей и пред[седателей] облисполкомов по вопросам организации хлебозаготовок. Я думаю, что с этим необходимым делом нужно торопиться, чтобы получить возможность предупредить повторение украинских ошибок в области хлебозаготовок. Дело это очень важное»[38].

Высказанные Сталиным мысли о неспособности С. Косиора, В. Чубаря и других украинских лидеров руководить республикой имели двойной подтекст. На руководство ЦК КП(б)У, которое не справилось с планами хлебозаготовок и продовольственным снабжением Украины, возлагалась политическая ответственность за голод в Украине. Это означало, что Политбюро ЦК ВКП(б) должно сместить «провинившихся» с их постов.

Сталин в своих рассуждениях явно не признавал всей пагубности коллективизации сельского хозяйства и огромных государственных хлебозаготовок, которые обрекали миллионы людей на голодную смерть. Его логика была совсем иной: перед ним стояла задача заставить региональных лидеров решительно и эффективно осуществить новую хлебозаготовительную кампанию с урожая 1932 г.

Он продолжал настаивать на том, что выполнение планов хлебозаготовок создавало крупные государственные резервы зерна и позволяло преодолеть голод в стране. Однако вопрос заключался в ином: а было ли возможно в условиях голода, охватившего основные зернопроизводящие районы СССР, создать такие резервы и эффективно их использовать для снабжения городов и Красной Армии?

21 июня 1932 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли постановление и телеграммой в ЦК КП(б)У и СНК УССР потребовали «во что бы то ни стало» обеспечить зернопоставки: «Никакие уклонения от выполнения установленного для вашего края... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количеств, так и сроков сдачи зерна»[39].

Жесткая позиция советского руководства, обязавшего украинских лидеров в порядке государственной дисциплины выполнять ежемесячные планы хлебозаготовок, сопровождалась отказом от выделения дальнейшей продовольственной помощи населению республики. 20 июня Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев подписанную С. Косиором телеграмму Политбюро ЦК КП(б)У с просьбой о дополнительном завозе зерна, постановило: «Ограничиться уже принятыми решениями ЦК и дополнительного завоза хлеба на Украину не производить»[40].

Преступное по своему содержанию решение свидетельствовало не только о недовольстве Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б) украинским руководством. К концу июня в стране не оставалось крупных государственных

запасов зерна и продовольствия. Не случайно на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 июня по вопросу о хлебе выступал заместитель председателя Комитета Заготовок М. Чернов. Был утвержден план хлебозаготовок на июнь в размере 978 тыс. тонн, в том числе для Украины — 317,850 тыс. тонн и для Северного Кавказа — 616,040 тыс. тонн.

М. Чернову, А. Микояну (нарком снабжения СССР), а также ЦК КП(б)У поручалось «разработать оперативный план по использованию заготовок внутри Украины из нового урожая, чтобы помимо Донбасса, Харькова и Днепропетровска особое внимание обратить на обеспечение хлебом Николаева, Одессы, Киева и Юго-Западной железной дороги»[41]. Немногим ранее было принято решение о том, чтобы все заготовленное в июле-августе зерно направлять на нужды промышленных центров и армии[42].

Мне представляется, что в сложившихся в Украине условиях заготовить в июне 1932 г. более 300 тыс. тонн зерна было невозможно. Очень сомнительно, что советскому руководству удалось выделить для республики запланированные остатки продовольственного зерна в размере 76,8 тыс. тонн. (Для сравнения: на 1 июля 1931 г. остатки продхлебов для снабжения Украины составляли 241,2 тыс. тонн.)[43]

Необходимо учитывать, что централизованное снабжение населения осуществлялось только из крайне скудной продовольственной помощи, предоставлявшейся центром. Поэтому решение от 20 июня не завозить хлеб в Украину оставило тридцатимиллионное население республики без продовольствия на 3—4 недели (до поступления зерна нового урожая, его транспортировки, перемола на мельницах, выпечки хлеба).

23 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О хлебозаготовках на июль» (кампания хлебозаготовок официально начиналась 1 июля). В соответствии с ним Украине был установлен месячный план хлебозаготовок в размере 390 400 тонн. В постановлении было указано обкомам, крайкомам и ЦК национальных компартий на то, «что от своевременного выполнения плана хлебозаготовок зависит все дело снабжения важнейших промышленных центров до массового поступления хлеба»[44].

26 июня приехавший в Москву В. Чубарь убедил В. Молотова и Л. Кагановича разбронировать для Украины 15 тыс. тонн ржи и рисовой муки из государственных фондов[45]. Однако такого количества муки, даже при сокращенном рационе питания, могло хватить только для нескольких десятков тысяч человек на один день.

28 июня В. Чубарь принял участие в совещании первых секретарей партийных организаций и председателей исполкомов Украины, Северного Кавказа и еще 12 регионов СССР по вопросам организации хлебозаготовок и выполнения

установленных планов. На совещании выступил В. Молотов, который подчеркнул, что предложения Сталина, содержавшиеся в упомянутых выше письмах, приняты Политбюро и должны быть реализованы[46].

Главным образом для того, чтобы осуществить указания Сталина по организации хлебозаготовок, Полибюро ЦК ВКП(б) решило направить В. Молотова и Л. Кагановича на III Всеукраинскую партийную конференцию, которая начиналась 6 июля 1932 г.[47]

Перед поездкой различные наркоматы и ведомства СССР подготовили В. Молотову статистические данные о состоянии экономики Украины. Среди этих данных, которые опубликованы дальше в нашей книге, обратил на себя внимание факт, что запланированные для Украины показатели первой пятилетки (1928/29—1932/33 гг.) были далеки от выполнения.

Особенно наглядно провал планов советского руководства проявился в сельском хозяйстве Украины. После резкого роста посевных и уборочных площадей в 1929—1931 гг. оказалась ликвидированной система правильного севооборота: озимая пшеница и сахарная свекла стали господствующими сельскохозяйственными культурами. В весеннюю посевную кампанию 1932 г. остались недосеянными 2,2 млн. га земли.

Огромный урон понесло животноводство. По сравнению с 1929 г. в 1932 г. поголовье лошадей в Украине уменьшилось на 1,3 млн., коров — на 871 тыс., в два раза меньше стало свиней и в четыре раза — овец.

По сведениям Комитета Заготовок в 1930—1931 гг. Украина давала более трети всего зерна, поступавшего в государственные резервы. Но на 25 июня 1932 г. план хлебозаготовок с урожая 1931 г. в республике был выполнен только на 86,3% — меньше, чем в остальных хлебопроизводящих районах СССР, а также меньше показателей на эту же дату в 1931 г.

На 25 июня 1932 г. общий объем семенной ссуды, предоставленной Украине союзным руководством, составил 151 296 тонн, а продовольственной помощи — 57 632 тонны.

Если сравнить последнюю цифру с цифрами, которые содержались в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) за апрель-июнь, то окажется, что реальная продовольственная помощь Украине была гораздо более скромной, чем это предусматривалось. Она могла обеспечить нормальный хлебный рацион для 8 млн. человек, находившихся в республике на централизованном снабжении, только в течение недели.

Анализируя эти цифры, В. Молотов и Л. Каганович, конечно, понимали разрушительные последствия политики советского руководства в Украине. Но оба поддерживали предложения Сталина о создании крупных государственных запасов продовольствия безоговорочно. Ехали они на партконференцию

КП(б)У не с пустыми руками. 5 июля Политбюро ЦК ВКП(б) решило выделить 6 400 тонн хлеба для проведения прополочных работ в Украине[48].

6 июля на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, в котором приняли участие В. Молотов и Л. Каганович, С. Косиору было поручено отредактировать проект резолюции Всеукраинской партконференции «на основе состоявшегося обмена мнениями». Но центральное значение имело решение Политбюро ЦК КП(б)У «О плане хлебозаготовок», ради которого московские представители приехали в Харьков. В нем говорилось: «Признать правильным установленный ЦК ВКП(б) план хлебозаготовок по селянскому сектору в размере 356 млн. пудов и принять его к безусловному исполнению»[49].

Решение стало определенной политической победой В. Молотова и Л. Кагановича. Но далось оно им нелегко. Если внимательно проанализировать выступления на начавшейся через несколько часов партконференции членов украинского Политбюро Н. Скрыпника, Г. Петровского, В. Чубаря, а также некоторых секретарей райкомов партии, заметно общее мнение украинских работников, что план хлебозаготовок нереален и необходимо его уменьшить.

Например, Н. Скрыпник заявил, что не согласен с теми, кто главное внимание обращает на хлебозаготовки. Г. Петровский откровенно говорил о том, что отдельные районы находились в тяжелом продовольственном положении. В. Чубарь сосредоточился на недостатках, существовавших в сельском хозяйстве Украины.

В конце конференции выступили В. Молотов и Л. Каганович, которые характеризовали мнение о необходимости снизить планы хлебозаготовок как «антибольшевистские попытки», а В. Чубаря обвинили в «отсутствии политической бдительности».

Последовательно противоречить сталинским посланцам никто не посмел. В резолюции отмечалось, что конференция украинских коммунистов принимает к безусловному выполнению установленный для республики план хлебозаготовок. Таким образом, В. Молотову и Л. Кагановичу удалось достичь своей главной цели: крупнейшая национальная компартия официально подтверждала правильность курса Сталина и его соратников на осуществление новой хлебозаготовительной кампании[50].

Интересно, что в речах В. Молотова и Л. Кагановича звучали очень оптимистические оценки урожая 1932 г. Хотя московские гости знали, что недосеянная площадь яровых в Украине составляла 2,2 млн. га, а весенний сев проводился по пониженным нормам высева семян.

Попытки определить урожайность зерновых в Украине начались только после совещания при СНК УССР под председательством В. Чубаря 5 июля. На совещании было признано, что данные областных органов «есть сугубо

ориентировочные» и требуют уточнения[51]. Материалов следующего заседания найти пока не удалось, но представляется, что появившиеся в середине июля цифры в 7,8–8,5 цнт с га явно основывались на биологическом урожае и были завышены. На 1 октября эти показатели снизились до 6,8–7,5 цнт с га[52].

Официальная цифра средней урожайности зерновых в Украине 8 цнт с га, вошедшая потом во все статистические сборники, конечно, не соответствовала действительности. Показательно, что в конце 1932 г. специалистами украинского Наркомата земледелия была подготовлена справка, составленная по данным селекционных станций и сельскохозяйственных институтов. В ней не называли цифр, но расхождение между ожидаемой и фактической урожайностью объясняли климатическими причинами[53].

Опубликованные несколько лет назад выводы американского историка М. Таугера о том, что средняя урожайность зерновых в Украине в 1932 г. была ниже официальных цифр, кажутся вполне правдоподобными. Если принять во внимание огромные потери при уборке урожая, а также 1,1 млн. га вообще неубранных земель, то валовый сбор зерна в Украине действительно мог оказаться существенно ниже официальной цифры в 14,6 млн. тонн[54].

Необходимо также учесть, что установленный для Украины план хлебозаготовок не исчерпывал всех форм сдачи крестьянами зерна и продовольствия государству. К нему надо прибавить гарнцевый сбор, разнообразные заготовки мяса, сливочного масла, яиц, других видов продовольствия, возврат государству семенной ссуды, расчеты колхозов с МТС за осуществленные ими работы.

Огромные размеры государственных заготовок продовольствия в условиях спровоцированного властью кризиса сельскохозяйственного производства оставляли открытыми вопросы о реальности намеченных планов, а также о судьбе украинского крестьянства.

При этом советское руководство осознавало, что надвигается катастрофа. Вернувшись летом из Украины, Молотов на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) признал: «Мы стоим действительно перед призраком голода и к тому же в богатых хлебных районах». Но Политбюро решило «во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок»[55].

После III партконференции Политбюро ЦК КП(б)У реализовало сталинское предложение и приняло решение установить 4% надбавку к хлебозаготовительному плану, а также разрешило ввести 2% надбавки к районным планам.

Как объяснить противоречие между осознанием угрозы голода, официальными установками советского руководства и реальной ситуацией, сложившейся в Украине?

На мой взгляд, логика объяснения может быть следующей: в случае отказа от хлебозаготовок невозможными становились экспорт пшеницы, поступление

валюты, закупки оборудования для строившихся заводов, в конечном итоге — так называемые «темпы социалистического строительства». Тогда необходимо было признавать ошибочность политики «большого скачка», проводившейся Сталиным и его сторонниками, что означало их полную политическую дискредитацию и крушение всех жизненных надежд.

Сталин прекрасно знал и учитывал степень недовольства его политикой в обществе, а также в самой компартии (дело М. Рютина это подтверждает)[56]. Он и поддерживавшая его группа руководителей понимали, что, отказавшись от ее осуществления, власть в партии и стране они могут не удержать. То есть в условиях глубокого социально-экономического кризиса, порожденного их безответственной политикой, возможность смены курса или маневра для группы Сталина была крайне сужена. Эти люди предпочли идти до конца, обрекая на голод и смерть миллионы. Конечно, оправдания их преступным действиям нет и быть не может.

Пользуясь случаем, хочется высказать еще одно соображение. В нескольких публикациях последнего времени в Украине заметны попытки заявить о том, что голода не было или что его причиной оказался неурожай 1932 г. Это вызывает недоумение. Ведь прошло уже более 10 лет с тех пор, как в Украине стали широко известны трагические события 1932—1933 гг. Следует еще раз подчеркнуть, что голод 1932—1933 гг. был вызван не плохими урожаями 1931 и 1932 гг. Голодомор оказался следствием той политики советского руководства, которая сломала многовековой уклад крестьянской жизни и привела к кризису сельскохозяйственного производства. Составной частью этой политики были абсолютно нереальные планы хлебозаготовок с урожая 1931 и 1932 гг. В результате их выполнения украинское крестьянство осталось не только без зерна, но и вообще без продовольствия.

Уже в июле — первом месяце хлебозаготовок — план в Украине не был выполнен. К 31 июля заготовили всего 48 тыс. тонн зерна (в 1931 г. — 336 тыс. тонн)[57]. Снабжение Донбасса, промышленных центров, поставки зерна в Москву и Ленинград были сорваны.

24 июля Сталин направил Молотову и Кагановичу очень показательное, на мой взгляд, письмо, в котором подтвердил свою установку «на безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР». Однако он считал, что «придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т. п.». На следующий день Сталин обосновал свое предложение несколькими причинами и высказал мнение о размерах сокращения плана. Он, в частности, писал: «Я думаю, что 30 мил. пудов зерна хватит на это дело. В крайнем случае можно пойти на 40 мил. пудов.

Украинцы могут потребовать, чтобы эта сумма была рассироплена на все колхозы или чтобы индивидуалам была оказана такая же помощь, как колхозам. Если будут такие требования, их надо отвергнуть. Нужно взять лишь пострадавшие колхозы, снизив им... в среднем 50% плана. Индивидуалам скосить лишь 1/3 или даже 1/4 плана»[58].

Планы оставались нереально высокими. Хлебозаготовки по-прежнему вызывали отчаянное сопротивление украинского крестьянства, а также многих низовых партийно-советских работников. Повсеместно голодающие срезали на полях недозревшие колосья. Они всяческими способами пытались спрятать от хлебозаготовительных бригад и комиссий убранный хлеб.

Для выполнения намеченных планов руководство республики в конце июля перешло к более жесткой политике. Были запрещены колхозная торговля хлебом, а также перемол зерна на мельницах без разрешения сельсоветов. Весь руководящий состав ЦК КП(б)У и обкомов направлялся на хлебозаготовки в районы, начальство которых ЦК КП(б)У обвинило в желании получить минимальные планы заготовок и «хвостистских настроениях».

В этих условиях весьма странно было предоставить Н. Скрыпнику и Г. Петровскому отпуск для поездки на лечение за границу[59]. Даже учитывая действительно плохое состояние их здоровья (оба были пожилыми людьми), в такой напряженной обстановке это могло быть выражением политического недоверия и недовольства со стороны руководства ЦК ВКП(б).

Ситуация с хлебозаготовками складывалась действительно критическая. 7 августа 1932 г. был принят закон об охране общественной собственности, написанный собственноручно Сталиным. Названный в народе «законом о пяти колосках», он предусматривал за кражу колхозной или кооперативной собственности расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы не менее чем на 10 лет также с конфискацией всего имущества. Амнистия по таким судебным делам запрещалась.

11 августа Сталин писал Л. Кагановичу: «Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП(б) и требованиями райкомов и вот — долавировался до ручки... Плохо по линии советской. Чубарь — не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбою с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура

на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей».

В связи с такой оценкой ситуации Сталин предлагал назначить Л. Кагановича первым секретарем ЦК КП(б)У, оставив его секретарем ЦК ВКП(б). Он также считал целесообразным назначить председателем ГПУ УССР В. Балицкого, оставляя его заместителем председателя ОГПУ СССР. Кроме этого, Сталин высказывал идею назначить вместо В. Чубаря главой СНК УССР кого-либо из руководителей центральных хозяйственных ведомств, а самого Чубаря сделать заместителем В. Молотова по СНК СССР. С. Косиора предполагалось перевести на должность секретаря ЦК ВКП(б).

Далее в письме Сталин формулировал стратегическую задачу советского руководства по отношению к Украине: «...Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть.

Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь — ее приграничных районов и т. п.), повторяю — мы можем потерять Украину».

Эта фраза «мы можем потерять Украину» показывает, что Сталин глубоко осознавал степень кризиса в республике и опасался социального взрыва, в том числе в украинской компартии. Поэтому он характеризовал несогласных с хлебозаготовками как «гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского». Все несогласные с хлебозаготовками были для него политическими противниками и классовыми врагами, угрожавшими его власти.

16 августа Л. Каганович в своем письме полностью поддержал оценки Сталина. «Беда в том,— писал он,— что среди части актива вопрос о хлебозаготовках, их рассуждения о невыполнимости плана переросли в вопрос об отношении к политике партии. Неуверенность, бесперспективность, растерянность и формальное выполнение "долга" — вот главные бациллы, разъедающие сейчас часть актива, задевающие "трошки" (немного) и верхушку. Теория, что мы, украинцы, невинно пострадавшие, создает солидарность и гнилую круговую поруку не только в среднем звене, но и в верхушке. Я считаю, что, независимо даже от оргвыводов, наступил момент, когда ЦК ВКП(б) должен официально в политическом документе дать бы оценку и призвать организацию к решительному перелому. Резолюцию своей конференции они всерьез не берут, считая ее отчасти вынужденной».

Далее Л. Каганович отметил, что С. Косиор «обнаружил большие слабости и недостатки», упростив задачу руководства крупнейшей парторганизацией. По поводу своего назначения в Украину Л. Каганович предоставлял Сталину «не только официальное политическое, но и товарищески-моральное право распоряжаться тем, кого Вы сформировали как политического деятеля, т. е. мною, Вашим учеником».

Через несколько дней Л. Каганович получил новое письмо Сталина. В нем повторялась мысль о том, что заменить С. Косиора можно было бы только Л. Кагановичем, однако направлять его сейчас в Украину нецелесообразно: «ослабим секретариат ЦК... Что касается Чубаря, то его можно оставить пока и посмотреть, как он будет работать»[60].

В августе хлебозаготовки продолжали наталкиваться на сопротивление крестьянства. В ответ решением Политбюро ЦК КП(б)У была прекращена выдача хлеба на общественное питание колхозников. Всех перекупщиков хлеба привлекали к судебной ответственности, чтобы устранить их с рынка (перекупщиками были крестьяне, при возможности покупавшие несколько пудов зерна). В села в порядке партийного набора было послано 2 347 работников сроком на 2 года[61].

17 августа Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О хлебозаготовках на Украине» и решило: «Принять предложение Сталина о сокращении плана хлебозаготовок на Украине на 40 млн. пудов в виде исключения для особо пострадавших районов Украины с тем, чтобы колхозам особо пострадавших районов снять половину плана, а индивидуалам — треть.

б) Вызвать срочно т. Косиора Ст. в Москву.

в) Поручить т.т. Куйбышеву, Косиору Ст., Кагановичу определить районы, по которым предполагается снижение, не допуская уравниловки». Еще одним решением в Украине увеличивалось количество войск, занятых на уборке урожая[62].

Предложение Сталина о снижении на 40 млн. пудов (652 тыс. тонн) плана хлебозаготовок для Украины имело явный политический подтекст: оно показывало «заботу» вождя об интересах республики. Но реального значения для голодавшей Украины уменьшение плана на 11,2% не имело: ей оставалось сдать 5 391 488 тонн зерна, что в условиях явно низкого валового сбора было невозможно[63]. В августе республика снова не выполнила план хлебозаготовок.

Подобная ситуация складывалась на Северном Кавказе, который вместе с Украиной должен был обеспечить более половины общесоюзного плана хлебозаготовок. Правда, голода в этом регионе в первом полугодии 1932 г. не было, но крестьяне, напуганные известиями с Украины, отказывались сдавать хлеб государству.

14 августа первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Б. Шеболдаев сообщил Сталину, что единоличники оказывают большое сопротивление хлебозаготовкам. Он просил ЦК санкционировать следующие меры: требовать, чтобы единоличники обмолачивали зерно под контролем местного совета; при невыполнении плана отказывать в праве на покупку промышленных товаров; не выполняющих план привлекать к судебной ответственности.

Шеболдаев также просил отменить 4—5-процентную «страховую надбавку» к хлебозаготовительным планам, установленным в крае, и заменить сдачу 80 тыс. тонн пшеницы заготовкой ржи и кукурузы.

Сталин, ознакомившись с письмом Б. Шеболдаева, заявил, что эти и другие предложения необходимо принять. 20 августа они были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б). Одновременно Сталин настаивал на развертывании в регионе идеологической кампании, обеспечивавшей применение закона об охране общественной собственности.

Но Л. Каганович сообщил Сталину, что хлебозаготовки на Северном Кавказе шли плохо, подтвердив это соответствующими материалами. 20 августа Б. Шеболдаев направил Сталину еще одно письмо, в котором он отмечал, что у колхозников «имеется обостренная настороженность в отношении хлебозаготовок». Крестьяне открыто говорили, что на Северном Кавказе ожидается такое же тяжелое положение, как и в Украине. В этих обстоятельствах районные руководители отказывались доводить до колхозов план хлебозаготовок. Б. Шеболдаев просил снизить план и заменить сдачу пшеницы заготовкой других сельскохозяйственных культур.

Сталин, прочитав материалы Л. Кагановича и новое письмо северокавказского лидера, раздраженно потребовал «обругать» Шеболдаева и других руководителей региона. 22 августа Сталин ответил Б. Шеболдаеву: «Вашу записку получил и отослал в ЦК. Поддержать Вас не могу в связи с плохой работой края по хлебозаготовкам. Если пережившая засуху Средняя Волга сдала в третьей пятидневке 4 млн. пудов, а Ваш край не сдал и 2, то это значит, что крайком сдрейфил перед трудностями и сдал позиции апостолам самотека либо крайком дипломатничает и старается ЦК вести за нос. Согласитесь, что я не могу поддержать в такого рода работе»[64].

Учитывая эту позицию Сталина, 22 августа Политбюро ЦК ВКП(б) решило установить ежемесячные нормы сдачи хлеба на Северном Кавказе[65]. На следующий день оно приняло постановление «О хлебозаготовках на Северном Кавказе», в котором говорилось:

«а) Решительно отвергнуть всякие попытки к сокращению плана хлебозаготовок на Северном Кавказе.

б) Послать т. Шеболдаеву следующую телеграмму:

"ЦК считает совершенно неправильной изложенную в Вашей записке установку крайкома на возможность невыполнения плана хлебозаготовок на 10–15 млн. пудов (164–246 тыс. тонн).

Такое пессимистическое отношение к выполнению плана хлебозаготовок и даже точное определение цифры недовыполнения плана не способствует мобилизации парторганизации и демобилизует ее в деле выполнения хлебозаготовительного плана.

ЦК согласился на замену 5-ти млн. пуд. пшеницы — 2-мя млн. пудов ржи и 3-мя млн. пуд. кукурузы и требует безусловного выполнения заготовок этих культур.

К определенному на сентябрь месяц плану хлебозаготовок в 30 млн. пудов (492 тыс. тонн) добавляется недобор за август месяц.

ЦК предлагает крайкому принять все необходимые меры к решительному устранению демобилизационных настроений и мобилизации партийной организации и всех сил советских и заготовительных органов для полного выполнения плана хлебозаготовок этого года"»[66].

В сентябре 1932 г. ситуация с хлебозаготовками повторилась как в Украине, так и на Северном Кавказе. Украинское руководство требовало от всех работников прекратить дискуссии о выполнении хлебозаготовительных планов, а Северо-Кавказский крайком партии направил на места директивы о применении репрессий к работникам, которые не обеспечивали выполнение планов[67].

Но хлеба в государственные запасы поступало гораздо меньше, чем предусматривалось планами. Хотя снабжение промышленных центров и Красной Армии с нового урожая несколько улучшилось, общий социально-экономический кризис привел к резкому падению промышленного производства. Даже в Донбассе, который имел стратегическое значение и поэтому снабжался продовольствием лучше других районов Украины, среднесуточная добыча угля сократилась за первые девять месяцев 1932 г. на 22,4%. Число рабочих в угольной промышленности за этот же период уменьшилось почти на 70 тыс. человек, или на 17,3%.

Американский историк Х. Куромия, опубликовавший недавно интересное исследование о Донбассе, писал о том, что массы рабочих уезжали оттуда в поисках еды и работы. Еще весной 1932 г. Г. Орджоникидзе (нарком тяжелой промышленности СССР), находившийся в Донбассе, признал, что советское руководство не может в достаточной степени обеспечить улучшение продовольственного положения в последующие месяцы[68].

В конце сентября 1932 г. С. Косиор на пленуме ЦК ВКП(б) заявил: «Взгляд на централизованное снабжение всех рабочих и служащих всех наших промышленных и городских центров должен быть изменен, пересмотрен. За счет

централизованного снабжения мы можем удовлетворить только некоторую часть наших основных, решающих предприятий». Поэтому крайне важными становились работа торговой сети, развитие колхозной торговли, децентрализованные заготовки.

Преодолеть кризис промышленного производства руководители СССР попытались, одновременно применяя жесткий партийный контроль и более реалистическую экономическую политику. В центре внимания была угольная промышленность. 16 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) назначило первым секретарем Донецкого обкома партии И. Акулова (до назначения — первый заместитель председателя ОГПУ СССР), а секретарем Донецкого обкома по снабжению С. Саркисова (до назначения — начальник Всесоюзного объединения «Заготзерно»). Через месяц И. Акулов был избран членом Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, секретарем ЦК КП(б)У, ответственным за Донбасс[69].

С этих назначений началась реализация планов Сталина по укреплению руководства Украины преданными его курсу людьми. 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение назначить вторым секретарем ЦК компартии Украины энергичного и жесткого первого секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. Хатаевича[70]. 9 и 15 октября были утверждены первые секретари Днепропетровского обкома КП(б)У — В. Строганов, Винницкого — В. Чернявский, Черниговского — П. Маркитан. Последовали также другие назначения работников того же уровня.

В первые недели октября темпы хлебозаготовок в Украине резко снизились. 8 октября С. Косиор в телеграмме обкомам КП(б)У назвал это снижение правооппортунистическим отношением к хлебозаготовкам, которое не только ставило под угрозу планы вывоза и экспорта зерна с территории республики, но и срывало снабжение хлебом основных промышленных центров.

13 октября С. Косиор и 15 украинских руководящих работников выехали на хлебозаготовки. В эти дни впервые принял участие в заседаниях Политбюро М. Хатаевич, который лично занялся хлебозаготовками. Таким образом, возник прецедент: присланный Кремлем секретарь ЦК КП(б)У стал контролировать действия первого секретаря ЦК украинской компартии.

Во второй половине октября темпы хлебозаготовок продолжали снижаться. На 25 октября общий план в Украине был выполнен на 39%, а месячное задание на 22%[71]. На Северном Кавказе к 20 октября удалось заготовить всего 18% месячного задания[72].

22 октября встревоженное Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады: а) т. Молотова на Украину с группой в составе т.т. Калмановича, Саркиса [Саркисова.— ***Авт.***], Маркевича, Кренцеля; б) т. Кагановича на Северный Кавказ с группой в составе т.т. Юркина, Чернова».

23 октября Политбюро ЦК ВКП(б) сократило экспортный план зерновых из урожая 1932 г., а также постановило выполнять план снабжения пшеничной мукой на 80% для Донбасса, на 85% — для Москвы и Ленинграда. Украина, кроме Донбасса, получала только 30% пшеничной муки, а остальную часть восполняла ржаной мукой[73].

В этот же день М. Хатаевич подписал письмо Политбюро ЦК КП(б)У местным партийным организациям, в котором утверждалось, что районные и сельские парторганизации «повторяют кулацкие разговоры о полной невозможности дать хлеб государству». ЦК предлагал дать «решительный отпор кулацкому сопротивлению хлебозаготовкам», покончить со спокойным отношением партийных, советских органов «к растущему напору мелкобуржуазной стихии на селе», что проявляется в саботаже всех заготовок, отказе от выполнения государственных обязательств[74].

Одновременно С. Косиор и М. Хатаевич отправили в Москву письма, в которых предлагали снизить планы хлебозаготовок Украине соответственно на 50 и 70 млн. пудов (820—1 148 тыс. тонн).

29 октября в Харьков прибыла комиссия В. Молотова. В этот же день при участии первых секретарей украинских обкомов партии прошло заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Все областные работники высказались за снижение хлебозаготовительных планов. В. Молотов согласился сократить украинский план на 60—70 млн. пудов, но в категорической форме потребовал собрать оставшиеся 165—175 млн. пудов (2 706—2 870 тыс. тонн). Кроме этого, он подверг резкой критике украинское руководство, обвиняя его в неспособности выполнить план хлебозаготовок.

30 октября Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением В. Молотова и сократило украинский план хлебозаготовок на 70 млн. пудов. Украинские руководители снова разъехались по районам, пытаясь заготовить зерно. Сам В. Молотов в телеграмме Сталину просил прислать в Украину из Москвы 50—70 опытных коммунистов для работы на хлебозаготовках в течение месяца. «Нужно,— сообщал он,— как можно скорее сломить имеющиеся демобилизационные настроения, прикрываемые зачастую беспринципной оппортунистической аллилуйщиной в парторганизациях, перед которыми в ноябре стоит большая задача по хлебозаготовкам». Кроме этого, В. Молотов писал о том, что по его поручению прекращается продажа части промышленных товаров колхозам и единоличникам[75].

1 ноября В. Молотов уехал в Одесскую, а затем в Днепропетровскую области, чтобы на месте разобраться в ситуации. Судя по телеграммам, которыми сопровождалась деятельность его комиссии, в первые дни ноября в Украине широко внедрилась практика прекращения продажи промтоваров. 5 ноября

В. Молотов потребовал от областных и районных руководителей наладить учет зерна у молотилок с помощью специальных троек и контролеров, которые должны были следить за обмолотом. Также было отдано указание расследовать факты выдачи в колхозах дополнительных зерновых авансов.

Однако главным методом хлебозаготовок стали судебные репрессии. В директиве секретарям обкомов партии В. Молотов и М. Хатаевич потребовали «беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов на основе известного декрета об охране общественной собственности», а ЦК КП(б)У обязал судебные органы рассматривать дела по хлебозаготовкам вне очереди «как правило выездными сессиями на месте с применением суровых репрессий»[76]. Для этого в каждой области дополнительно создавали не менее 5—10 разъездных судебных групп.

Обкомы партии цитированная выше директива предупреждала, что «пассивность в этом деле... ЦК КП(б)У будет рассматривать как худший вид гнилого либерализма, нетерпимого в большевистской партии».

6 ноября В. Молотов уехал в Москву. 8 ноября С. Косиор от имени ЦК КП(б)У предостерег всех руководителей обкомов и райкомов партии, что если они не обеспечат резкий перелом в хлебозаготовках, то будут предприняты решительные меры воздействия на районы. Это была прямая угроза партийным работникам.

9 ноября последовала директива ЦК ВКП(б) об изъятии всех товаров из районов, не выполнявших план. 11 ноября Политбюро ЦК КП(б)У решило прекратить продажу промтоваров единоличникам, которые отказывались сдавать хлеб государству. Списки этих людей вывешивали в лавках и торговых местах, с них взыскивали все штрафы и платежи. Тех, кто вел «подрывную работу против хлебозаготовок», у кого обнаруживали закопанный в ямах хлеб, следовало выселять за пределы района, наиболее активных — за пределы области. Кулаков, отказывавшихся сдавать хлеб, предлагалось арестовывать, а их имущество — продавать. Они также подлежали выселению за пределы области. На хлебозаготовки дополнительно посылали 80 курсантов Полтавской военной школы и 120 человек из Харькова[77].

17 ноября в Харьков вновь приехал В. Молотов. Видимо, Сталин был очень раздражен ходом хлебозаготовок, поэтому В. Молотов сразу повел себя крайне жестко. 18 ноября на заседании Политбюро ЦК КП(б)У с его участием было принято постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок». В соответствии с ним 600 рабочих-коммунистов из промышленных центров бригадами по 3—4 человека отправляли в села, где «кулацкий саботаж и неорганизованность партийной работы приняли наиболее острый характер». Этим бригадам фактически разрешалось устраивать в крестьянских хозяйствах подворные обыски, забирать не только зерно, но и все продовольствие.

ЦК КП(б)У указывал парторганизациям, что их первоочередная задача — выполнить план хлебозаготовок к 1 января 1933 г., а также образовать семенные фонды колхозов к 15 января. Все натуральные фонды, созданные в колхозах, перечислялись в фонд хлебозаготовок. Запрещалось выдавать какие-либо натуральные авансы во всех колхозах, не выполнивших план хлебозаготовок. Организовывалось изъятие хлеба, «разворованного у колхозов и совхозов», применялись натуральные штрафы в размере 15-месячной нормы сдачи мяса. Кроме того, было решено «привлекать к суду на основе декрета от 7 августа как расхитителей государственного и общественного имущества кладовщиков, бухгалтеров, счетоводов, завхозов и весовщиков, скрывающих хлеб от учета и составляющих ложные учетные данные в целях облегчения воровства и хищения...».

Чтобы сломить сопротивление хлебозаготовкам, которое однозначно трактовалось как «кулацкое», ЦК КП(б)У постановил заносить на «черную доску» колхозы, не выполнявшие планы. К ним применялись следующие меры:

«а) немедленное прекращение подвоза товаров, полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из соответствующих кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) проверка и очистка колхозов с изъятием контрреволюционных элементов — организаторов срыва хлебозаготовок...».

Рядовых коммунистов ожидала чистка парторганизаций Снегуровского и Фрунзенского районов Одесской области, а также Солонянского, Васильковского и В.-Лепетихского районов Днепропетровской области. Причем «вычищенных» предусматривалось выслать как «политически опасных». Подобные меры по отношению к исключенным из партии коммунистам еще никогда не применялись так широко.

Одновременно Политбюро ЦК КП(б)У решило усилить репрессии против кулацких и контрреволюционных элементов путем ликвидации «кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд», а также «снятием в городах идеологов и организаторов кулацкого саботажа и срыва выполнения государственных заданий, выявленных органами ГПУ». Через три дня СНК УССР своим решением оформил предложенные меры для местных советов, откровенно отметив: «Заданием натуральных штрафов и других репрессивных мер является обеспечение полного выполнения хлебозаготовительных планов»[78].

Очень показательно, что пятым пунктом в протоколе заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 18 ноября было решение «О вывозе хлеба в ноябре месяце».

В соответствии с ним Украина должна была до 8 декабря отгрузить в Москву, Иваново, Закавказье, Горький, Ленинград, Белоруссию, Крым 99 тыс. тонн зерна сверх экспортного задания. Причем до 25 ноября планировалось вывезти все запасы коммерческой и непфондовской пшеницы, находившиеся на железнодорожных пунктах. Это означало, что в Украине не оставалось достаточно крупных государственных запасов хлеба.

В эти дни на централизованном снабжении в Украине находилось 7 159 500 человек[79]. Вывезенного зерна хватило бы им при обычном дневном рационе хлеба (1 кг.) на две недели, а при уменьшенном рационе — на достаточно большой срок.

Действия В. Молотова и Сталина вызвали определенное недовольство украинских партийных работников. Это почувствовал В. Молотов, который 18 ноября выступил на собрании харьковского партийного актива с разъяснением предпринятых мер. Через два дня в телеграмме Сталину В. Молотов объяснил, что собрание было необходимо, «так как у немалой части украинских работников есть оппортунистические колебания...»[80].

Переписка В. Молотова с местными работниками по вопросам хлебозаготовок свидетельствует, что глава правительства СССР попытался теоретически обосновать крайнюю жестокость своих действий. В его интерпретации репрессивный курс советского руководства был ответной реакцией на «новую тактику классовых врагов» на селе. Молотов утверждал, что агенты кулачества забрались во многие колхозные «щели и дыры», умело прикидываясь «друзьями» колхозников. Они пролезли в правления колхозов, на посты счетоводов и завхозов, а их преступная работа (утаивание от государства хлеба) облегчалась «оппортунистической слепотой» и бесхарактерностью части коммунистов. Против расхитителей колхозного хлеба В. Молотов предлагал направить «острие политической работы»[81].

На практике такая «работа» проводилась в форме операции ГПУ УССР, начавшейся 19 ноября. В соответствии с разработанной в ГПУ разнарядкой арестам должны были быть подвергнуты 3 525 человек, в большинстве своем — руководящие сельскохозяйственные работники, а сама операция охватила 243 района Украины[82].

20 ноября В. Молотов, отдав С. Косиору распоряжение запретить продажу в сельской местности спичек, соли, керосина, выехал в Днепропетровскую область. 21 ноября члены его комиссии направили в Политбюро ЦК ВКП(б) шифровку: «Предлагаем предоставить ЦК КП(б)У в лице спецкомиссии (Косиор, Реденс, Киселев из ЦКК) на период хлебозаготовок окончательное решение вопросов о приговорах к высшей мере наказания с тем, чтобы ЦК КП(б)У раз в декаду отчитывался о своих решениях по этим делам перед ЦК ВКП(б)». Тем самым создавался внесудебный орган, который утверждал смертные приговоры по делам репрессированных в ходе хлебозаготовок.

22 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложение комиссии В. Молотова. Кроме того, ОГПУ было поручено «в декадный срок вывезти с Украины в лагеря всех заключенных, имеющих приговоры, начиная с трех лет и выше, по делам о расхищениях колхозного и государственного имущества и саботаже хлебозаготовок». Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением Президиума ЦКК ВКП(б) о чистке в сельских ячейках, «наиболее отсталых по выполнению плана и имеющих факты плохого поведения коммунистов»[83].

В этот и на следующий день комиссия В. Молотова работала в Харьковской области.

В. Молотов и М. Хатаевич обменялись письмами по поводу брошюры последнего, отдельные положения которой подверг критике глава СНК СССР. Отвечая на замечания, второй секретарь ЦК КП(б)У писал: «Я считаю, что мы должны заготовлять в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба. А для того, чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут».

Но В. Молотов не был согласен с логикой М. Хатаевича. 23 ноября, перед отъездом из Харькова в Москву, он резко охарактеризовал подходы Хатаевича: «Ваша позиция в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд — минимальных нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению,— нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других “озадков”.

Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства в первоочередном порядке.

С другой стороны, нельзя впадать в обратную оппортунистическую крайность: “брать любой хлеб и где угодно, не считаясь и пр.”. Эта позиция, также небольшевистская, вытекает из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований»[84].

Однако логика В. Молотова в условиях, когда запасов зерна в украинском селе не было, объективно вела к тому, что хлеб брался «любой и где угодно», причем преимущественно репрессивными мерами.

Подобный подход к хлебозаготовкам был характерен также для Л. Кагановича, который возглавил комиссию, направленную на Северный Кавказ. Это свидетельствовало о единой тактике, выработанной кремлевским руководством.

28–29 октября Л. Каганович подготовил проект решения «О хлебозаготовках и севе на Северном Кавказе», которое сразу же было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Его формулировки раскрывали суть тактики «центра»:

«а) Направить на Северный Кавказ кроме т.т. Кагановича, Чернова, Юркина дополнительно т.т. Микояна, Гамарника, Шкирятова, Ягоду и Косарева;

б) Поручить всей группе товарищей совместно с крайкомом выработать меры по усилению хлебозаготовок по Северному Кавказу, особенно — на Кубани, и безусловному выполнению плана озимого сева;

в) Основная задача означенной группы товарищей — выработать и провести меры по слому саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани»[85].

Таким образом, Л. Каганович и другие советские руководители планировали усилить хлебозаготовки на Северном Кавказе преимущественно борьбой с «контрреволюционными кулацкими элементами» на Кубани. Год спустя Б. Шеболдаев вспоминал, что Сталин отказался предоставить помощь семенами для осеннего сева крестьянам Кубани, а также обвинил местных работников в неумении эффективно осуществлять политический курс. Л. Каганович на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (январь 1933 г.) говорил, что Сталин обратил особое внимание северокавказских руководителей на необходимость бороться с классовым врагом, который саботировал хлебозаготовку и сев.

Выступления Б. Шеболдаева и Л. Кагановича внимательно анализировал японский ученый Н. Шимотомаи, который опубликовал в 1983 г. серьезное исследование о деятельности комиссии Л. Кагановича на Северном Кавказе[86]. Он основывался на доступных в те годы печатных источниках. Документы, которые публикуются в этой книге, подтверждают многие выводы историка.

1 ноября 1932 г. комиссия Л. Кагановича прибыла в Ростов-на-Дону. В этот же день состоялось заседание бюро Северо-Кавказского крайкома партии. Речь шла о том, что план хлебозаготовок по колхозам края выполнен на 39%. Участники заседания отмечали низкую урожайность зерновых, причиной которой была плохая обработка полей. Осенний сев практически не проводился. Колхозники отказывались выходить на работу, если не выдавали хлеб на общественное питание. Некоторые местные руководители раздавали им убранное зерно, приуменьшая для вышестоящих органов урожайность.

Широко распространились кражи и утаивание зерна. С начала хлебозаготовительной кампании краевые судебные органы привлекли к ответственности за хищения хлеба 3 тыс. человек. Из них 1 300 осудили на 10 лет лишения свободы в концлагерях, а 150 приговорили к расстрелу. Б. Шеболдаев отметил, что сопротивление хлебозаготовкам в крае было значительно сильнее, чем в 1931 г.,— с участием целых колхозов и партийных организаций.

В своей первой речи перед северокавказскими работниками Л. Каганович четко заявил, что будет решать проблему хлебозаготовок в борьбе с «контрреволюционными кулацкими элементами». Несомненно, он знал о нехватке зерна в крае, но утверждал, что невозможно «пойти на скрупулезные расчеты баланса хлеба. Нас обманут в этом случае, это будет означать отказ от хлебозаготовок».

Далее он подверг резкой критике работу северокавказских коммунистов на хлебозаготовках. Членов партии, которые не хотели в них участвовать, Л. Каганович назвал плохими коммунистами. «А плохой коммунист хуже, чем вообще нет коммуниста,— делал вывод Л. Каганович,— так как он партбилетом освящает, благословляет кулацкие настроения».

Сталинский посланец обратил внимание присутствовавших на то, что сопротивление хлебозаготовкам, особенно на украиноязычной Кубани, усилили агитация и деятельность организованных групп из голодающей Украины (подразумевалось, что это были контрреволюционные группы).

Л. Каганович предложил занести 3—5 станиц на «черную доску»: запретить в них торговлю, провести чистку от «контрреволюционных элементов» и несколько показательных судебных процессов над «контрреволюционерами» с опубликованием соответствующих сообщений в печати.

Он посоветовал послать в 31 район членов бюро крайкома уполномоченными по хлебозаготовкам. Высказал также идею спровоцировать слухи о переселении с Севера на кубанские земли крестьян, которые будут лучше местных обрабатывать землю.

В конце выступления Л. Каганович предложил создать шесть комиссий крайкома партии для выработки конкретных действий (о Кубани, о планах хлебозаготовок и сева для районов, о чистке партийной и комсомольской организации, о комсомоле, о мерах по линии Красной Армии, о мерах по линии ОГПУ). В этот же день Л. Каганович обратился к Сталину с предложением снизить план хлебозаготовок по Северному Кавказу на 358 600 тонн.

2 ноября прошло совещание 26 секретарей райкомов партии, на котором прозвучали прямые политические обвинения в их адрес. Б. Шеболдаев так и заявил: «Основная политическая задача — сломить сопротивление, начиная с вас, секретарей райкомов, и кончая колхозниками, и добиться, чтобы в деревне не было единого фронта против хлебозаготовок и сева. Надо до конца доводить репрессии, чтобы не смеялись над нашей близорукостью».

Еще жестче была позиция Л. Кагановича: «Надо помнить, что не может быть жалости и мягкости к классовому врагу. Чем тверже, тем меньше придется применять репрессии... Кто не способен на большевистскую борьбу — пусть скажет и отойдет». Интересно, что в своем дневнике Каганович против последнего предложения поставил карандашом знак вопроса.

После совещания заседали комиссии по разработке проектов постановлений крайкома партии. Л. Каганович лично редактировал эти постановления. В них предусматривалось занести на «черную доску» станицы Ново-Рождественскую Тихорецкого, Медведовскую Тимашевского и Темиргоевскую Курганенского районов.

Это влекло за собой немедленное прекращение подвоза товаров и кооперативной и государственной торговли на месте, а также вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров; полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников; прекращение кредитования и досрочное взыскивание кредитов и других финансовых обязательств; проверку и очистку от всякого рода чуждых и примазавшихся элементов в колхозных, кооперативных и государственных аппаратах; изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа; чистку партийных и комсомольских организаций. Жителей занесенных на «черную доску» станиц предупреждали, что в случае «продолжения саботажа сева и хлебозаготовок» краевые организации поставят перед правительством вопрос о выселении станиц в северные области СССР.

В Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий, Старо-Минский, Кущевский, Павловский, Кропоткинский, Ново-Александровский и Лабинский районы полностью прекращался завоз товаров. В отношении Ейского, Краснодарского, Курганенского, Кореновского, Отрадненского, Каневского, Тихорецкого, Армавирского, Тимашевского и Ново-Покровского районов предусматривалось еще и вывезти все запасы со складов и баз.

У единоличников, которые отказывались от земли и сева, забирали усадебные земли. Этих людей выселяли в северные области, а имущество передавали в колхозы. На их место переселяли колхозников из малоземельных областей. Предусматривалось также арестовывать единоличников, которые отказывались передавать своих лошадей колхозам для вывоза хлеба и посевных работ.

Прокуратуре и органам ОГПУ поручалось в пятидневный срок рассмотреть все дела о расхищении колхозного и государственного имущества, применив к виновным «меры суровых наказаний», предусмотренные декретом СНК об охране социалистической собственности.

Готовя чистку сельских партийных организаций Северного Кавказа, в первую очередь районов Кубани, в соответствующем постановлении Л. Каганович сформулировал ее центральную задачу следующим образом: «Чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, разложившихся элементов, проводящих кулацкую политику и плетущихся в хвосте отсталых настроений и не способных проводить политику партии в деревне».

Совместные решения комиссии Л. Кагановича и Северо-Кавказского крайкома партии предполагали и широкомасштабные репрессии силами органов

ОГПУ. В трехдневный срок чекисты обязаны были изъять «контрреволюционных организаторов» саботажа хлебозаготовок и сева, «засевших в колхозных и станичных советских аппаратах, МТС», а также белогвардейцев (бухгалтеры, учетчики, кладовщики, завхозы и т. п.) из станиц Темиргоевской, Ново-Рождественской, Ново-Мышастовской, Уманской, Упорной, Поповической, Вознесенской, Урупской, Казанской, Полтавской, Крыловской и Платнировской.

Лиц, уличенных в хищениях и укрывательстве хлеба, должны были арестовывать и предавать суду. Всех единоличников, которые отказывались от земли и сева,— брать на учет, чтобы впоследствии выселить их на Север. Полномочному Представительству ОГПУ по Северо-Кавказскому краю предоставлялось право ареста коммунистов на селе за «разбазаривание», хищение хлеба, злостное сопротивление хлебозаготовкам.

Уполномоченный Наркомата юстиции обязывался в пятидневный срок выслать всех заключенных, получивших приговоры от 3 лет и выше и находившихся в тюрьмах края. Чтобы предотвратить вывоз хлеба за пределы края, на горных перевалах, Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорогах устанавливались оперативные кордоны. Руководили ими чекисты, которым помогали 70 коммунистов — курсантов школы милиции.

Репрессивные меры намечалось предпринять по линии краевой прокуратуры и суда. Самая показательная из них касалась дела председателя партийной ячейки в станице Отрадная Тихорецкого района Котова, который раздал собранный хлеб крестьянам. Постановление обязывало краевой суд пересмотреть мягкий приговор районного народного суда (Котов был осужден к 10 годам заключения) в течение суток[87]. В результате 18 ноября 1932 г. Котов вместе с 15 членами станичного комитета был приговорен к расстрелу[88].

Кроме того, усилить хлебозаготовки в районах должны были четыре группы военных по двадцать человек в каждой, а также ударные бригады красноармейцев-коммунистов.

3 ноября Сталин шифровкой сообщил Л. Кагановичу о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложение о дополнительном снижении плана хлебозаготовок по Северо-Кавказскому краю на 358 600 тонн[89].

4 ноября Л. Каганович провел с краевыми партработниками, руководителями совхозов совещания, посвященные заготовкам сельскохозяйственных культур, уборке кукурузы, осеннему севу. На совещаниях была намечена мобилизация 11 тыс. человек для работы на селе (3 тыс. осоавиахимовцев, 3 тыс. переменников-красноармейцев, 3 тыс. комсомольцев, 1 тыс. коммунистов и 1 тыс. командиров Красной Армии)[90].

В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о чистке сельских парторганизаций Северного Кавказа, в первую очередь Кубани. Вычищенных из партии высылали как политически опасные элементы.

Сталин лично отредактировал постановление Северо-Кавказского крайкома партии «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани» и написал резолюцию «Опубликовать местной печати». На следующий день оно было опубликовано в газете «Молот»[91].

5 ноября Л. Каганович отправил Сталину письмо, в котором дал краткую оценку ситуации на Северном Кавказе: «Контрреволюционеры сидят спокойно. Да и обстановка, и наша негодная работа, т. е. работа местных организаций, либерализм, бездействие и оппортунизм благоприятствуют созданию антисоветских организаций. Теперь приходится возмещать то, что пропущено, это неизбежно приведет к некоторым перегибам. Будем бороться, чтобы их не допускать, но так как все это будет предприниматься ударно, то всего до конца трудно будет избежать. Во всяком случае, главная задача здесь сейчас — это сломить саботаж, несомненно организованный и руководимый из единого центра.

Ну, на этом сейчас кончу. Сейчас еду из Краснодара в станицы. Думаю направиться в самую злостную Полтавскую, где имеется 400 человек учителей, врачей и техников + полковники, есаулы и т. п.»[92].

Затем Л. Каганович выехал в районы, чтобы лично ознакомиться с ситуацией. В станице Ново-Титаровской Краснодарского района он впервые встретился с простыми станичниками. Показательно, что собранные местными активистами люди сначала отмалчивались, но потом, после вопросов Л. Кагановича: «Как работают?»,— отвечали: «С чего работать, сегодня получила 90 граммов хлеба», «Раньше хорошо работали, зато досыта ели, а теперь в мерку хлеба дают», «Конечно, не как в своем хозяйстве», «Заинтересованности нет, сегодня бригада работает на одном участке, а завтра ее перебрасывают в другое место», «Трудодень женщины выработать не в силах, устают, от этого плохое качество молотьбы».

Вечером этого же дня на собрании районного партийного актива местные работники явно не хотели отвечать Л. Кагановичу на его вопросы о «лице и методах работы классового врага». Раздраженный ученик Сталина начал откровенно угрожать присутствующим: «Некоторые понимают классовую борьбу упрощенно. Только контриков (белых офицеров) различают. Классовая борьба была в гражданскую войну, при нэпе, ликвидации кулачества и теперь. Кулак сейчас бьет по плохой обработке полей, добивается пониженной урожайности и расхищения хлеба. Саботаж сева и заготовок — вот где классовая борьба. “Для себя посею, а государству сеять не буду, пусть дохнет с голода”. Дело идет не только о заготовках, но и о судьбе колхозного движения. Коммунисты в этой обстановке растерялись... Боятся идти к колхознику. Другая часть коммунистов [идет] на поводу у кулака — “как же мы останемся без хлеба”. Часть таких коммунистов находится и среди присутствующих здесь. Надо помнить, что старый партийный стаж не страхует. Были Зиновьев и Каменев членами ПБ

[Политбюро], да выдохлись. Такого рода коммунисты внутри себя думают как кулаки. Вот для них-то и нужна чистка».

Еще более резкими, нередко переходящими в грубость, были высказывания Л. Кагановича в станице Медведовской, куда он приехал 6 ноября.

В дневнике Л. Кагановича сохранились записи, в которых дана краткая характеристика этой станицы. Ее население составляло 24 тыс. жителей. Из 4 тыс. дворов 1 300 были единоличными хозяйствами, причем за год 500 хозяйств вышли из колхозов. Во время хлебозаготовок 1932 г. станица сдала зерна в шесть раз меньше, чем в 1931 г. В 1918 г. здесь располагался казачий гарнизон, многие из станичников были белыми офицерами. На площади стоял мраморный памятник погибшим в 1878—1908 гг. уроженцам Медведовской — генералам, полковникам и офицерам. С начала коллективизации из станицы было выслано 146 кулацких семейств, переселено 178 белогвардейских семейств, арестовано 230 человек «активно действовавшего контрреволюционного актива».

Эта характеристика станицы в дневнике свидетельствовала о том, что Л. Каганович рассматривал все ее население как «классово враждебное» советской власти. Поэтому начал он свое выступление с откровенной грубости. Когда его встретили традиционными аплодисментами, он обратился к станичникам: «Чего хлопаете, уже прохлопали. 400 коммунистов и комсомольцев станицы, если бы они хорошо работали, не допустили того, что есть. Они забыли азбуку коммунизма, что нет единой станицы, а есть кулаки, середняки, беднота. Кулак пролезает в колхоз с тем, чтобы быть там равным. В колхозе есть люди, которые против колхоза и ждут его развала... Мы не называем вас кулаками, но можно не быть кулаком, но помогать ему».

Последняя фраза Л. Кагановича была очень красноречивой. Чем могли помогать кулакам их соседи-станичники? Оказывается, у многих людей не было отношения к социалистической собственности как к своей личной. Это, по мнению, Л. Кагановича, было проявлением кулацкой идеологии. Как и нежелание голодных крестьян проводить сев. «Мы переселим на Север тех, кто не хочет сеять,— утверждал Л. Каганович.— Ваша станица перешла на борьбу с советской властью».

Широкомасштабные репрессии против «носителей кулацкой идеологии» ожидали не только Медведовскую, но и станицу Полтавскую. На общестаничном собрании колхозников и единоличников 6 ноября Б. Шеболдаев прямо поставил вопрос о репрессиях по отношению к жителям станицы. Л. Каганович поддержал его: «Не сеющие и не сдающие хлеба кубанцы идут и не знают, куда идут, к чему их приведет такое поведение. А приведет их к борьбе против советской власти, к восстановлению капитализма. Кулак теперь пролезает в колхозы, борется не с колхозами, а против сева и заготовок, против государства.

Важен не физический кулак, а кулацкая идеология. Основа ее — враждебное отношение к общественной собственности. Частная собственность, дескать, была от бога, а общественная от черта, ее сам бог велел расхищать. С этой кулацкой идеологией мы ведем решительную борьбу, так же, как и со старыми традициями, пережитками единоличника…

Что же от вас, полтавцев, станичников, передать правительству — Калинину, Сталину, Молотову, Ворошилову, Буденному и другим? Если мы увидим, что в станице начался перелом, есть сдвиг, по-честному сдают имеющийся хлеб, мы пойдем навстречу, поможем вам. Если нет, советская власть найдет достаточно силы и крепости, чтобы переселить срывающих государственные задания на Север, а на их место переселить с Севера трудолюбивых крестьян. Кубанские земли — прекрасные земли, они не заслуживают такого обращения с ними, как это делаете вы. Так засорить кубанские земли — это ганьба (позор, подлость)»[93].

8 ноября Сталин и В. Молотов вызвали Л. Кагановича в Москву[94]. На протяжении недели советское руководство обсуждало ситуацию, сложившуюся с хлебозаготовками и централизованным снабжением страны продовольствием. Были сокращены нормы ежесуточной выдачи хлеба в некоторых промышленных центрах страны, в том числе в Москве.

Л. Каганович и В. Молотов сопротивление хлебозаготовкам однозначно оценивали как антисоветскую деятельность «контрреволюционных элементов». Мы не знаем, насколько искренне верили они в то, что существует разветвленная сеть антисоветских организаций, да еще и руководимых из одного центра (как об этом Л. Каганович писал Сталину). Но Сталин и его единомышленники решили во что бы то ни стало создать централизованные запасы зерна в стране, не останавливаясь перед применением самых жестких репрессивных мер на местах. Об этом свидетельствовали действия В. Молотова, который возвратился в Украину, и Л. Кагановича на Северном Кавказе.

Л. Каганович вновь прибыл туда 18 ноября. В течение двух дней он объехал Миллеровский, Тарасовский и Каменский районы края. По его приказу сотрудники ОГПУ опечатывали амбары колхозов и совхозов, обыскивали крестьянские хозяйства, арестовывали сельских работников и крестьян. Суды, органы прокуратуры и ОГПУ на Северном Кавказе в массовом порядке выносили приговоры о расстрелах арестованных.

21 ноября Л. Каганович и Б. Шеболдаев направили Сталину постановление крайкома о выселении «саботажников» за пределы края. 22 ноября Сталин сообщил Л. Кагановичу о решении Политбюро ЦК ВКП(б): «Принять предложение Шеболдаева и Кагановича о выселении из районов Кубани в двухдекадный срок двух тысяч кулацко-зажиточных семей, злостно срывающих сев. Районы вселения определить совместно СевКавкрайкому ВКП(б) и ОГПУ». Выселение

коснулось 45 станиц 14 районов Кубани. 1000 хозяйств подлежала отправке в Северный край, 1000 — на Урал. Вместо них на Кубань вселялись хозяйства из засушливых районов Ставрополья (красноармейцы, сельские коммунисты и комсомольцы)[95].

Утром 23 ноября Л. Каганович провел заседание крайкома партии. Б. Шеболдаев доложил ему о том, что за третью пятидневку ноября заготовлено 80 тыс. тонн зерна, а за четвертую — 101 тыс. тонн. Л. Каганович подверг критике ошибки, допущенные крайкомом в хлебозаготовке, и заявил, что «корни саботажа» на Кубани следует рассматривать с учетом истории классовой борьбы и политических особенностей Кавказа. Он нацелил краевое руководство на немедленную заготовку семян для весеннего сева путем обысков и изъятия «украденного зерна».

После выступлений северокавказских руководителей, каявшихся в ошибках и намеревавшихся решительно «драться за план», Л. Каганович потребовал от крайкома партии уделить особое внимание чистке партийных организаций Кубани. По его предложению были приняты резолюция и приветствие Северо-Кавказской краевой парторганизации Сталину.

Вечером того же дня перед активом Северо-Кавказской парторганизации Л. Каганович произнес большую речь. В самом начале он перечислил меры, предпринятые в крае для усиления хлебозаготовок и осеннего сева. Эти меры позволили выполнить план заготовок на 64%.

Далее он остановился на причинах, побудивших Политбюро ЦК ВКП(б) сделать политический вывод о «саботаже» хлебозаготовок и послать на Северный Кавказ возглавляемую им комиссию. ЦК ВКП(б) имел материалы о выступлениях коммунистов и руководителей колхозов против хлебозаготовок, о подпольных собраниях коммунистов, на которых принимались решения раздать крестьянам зерно. Примером стал поступок уже упоминавшегося секретаря партячейки Котова, расцененный Л. Кагановичем как измена делу партии и «контрреволюция».

ЦК ВКП(б) также располагал сведениями о массовых хищениях и разбазаривании колхозного и совхозного хлеба, нападениях крестьян на скирды, молотилки, амбары и элеваторы. Л. Каганович заявил, что все это подтвердили его поездки в 8 районов края и встречи с людьми, и сделал вывод, что «кулацкая идеология проникла не только в ряды единоличников, но захватила часть колхозников и даже часть коммунистов».

Особое внимание в докладе обращалось на 355 тыс. единоличных хозяйств, которые составляли 27% всех крестьянских хозяйств края. Из разговоров с единоличниками Л. Каганович вынес убеждение, что они имели «типичные взгляды правых оппортунистов, которые как нельзя лучше отражали мечты и думки кулацко-зажиточных элементов деревни».

Он достаточно подробно объяснил свою позиции в отношении кулачества. По его мнению, кулак в основном был ликвидирован как класс. Но не было ликвидировано кулацкое сопротивление, оставались острые противоречия в деревне между разрушавшимся фундаментом капиталистической экономики и создаваемым фундаментом социалистической экономики.

Мышление Л. Кагановича однозначно находилось в рамках марксистских категорий классовой борьбы. Для него по одну стороне «классовых баррикад» были руководители компартии и все те, кто поддерживал их политику. По другую — «враги» на селе, особенно на Кубани: невыселенные кулаки, зажиточные крестьяне, сбежавшие из ссылки и скрывавшиеся у родственников, а иногда у членов партии, представители буржуазной, белогвардейской, казаческой интеллигенции, «часть петлюровцев, перекочевавших весной из Украины». Все они вели контрреволюционную агитацию, распускали слухи о близкой иностранной военной интервенции и падении советской власти, развале колхозов.

В качестве примера Л. Каганович использовал станицу Полтавскую Славянского района. Там было арестовано 40 человек по обвинению в связях с бывшим станичным атаманом, членом Кубанской Рады времен гражданской войны Григорием Омельченко. Основанием для обвинений этих людей в том, что они входили в контрреволюционную, кулацкую, белогвардейскую организацию, послужили письма Омельченко станичникам из Чехословакии.

Для Л. Кагановича центральным «контрреволюционным» тезисом Омельченко был следующий: «Укреплять население в духе казачьей самостийности, сохранять казачью самобытность и традиции, а в целях сохранения ведущей роли за оставшимися в станице старыми казачьими авторитетами последним всеми способами сохранять себя, проникать в советские и хозяйственные организации станицы».

В докладе специально цитировался этот тезис. По моему мнению, это означало, что советское руководство стремилось до конца разрушить извечный уклад жизни донских и кубанских казаков, его традиционность и автономность. Казаки должны были стать советскими колхозниками, беспрекословно выполняющими все государственные повинности. Тех, кто был не согласен с этим, Л. Каганович считал «контрреволюционерами».

Недаром он зачитал показания арестованного в станице Полтавской старого казака Белика: «Мне 61 год. Я казак и за дело казачества готов умереть. Я вижу, что политика советской власти направлена на то, чтобы разорить и поработить казачество. Преследованием лучших казаков станицы советская власть хочет подавить борьбу казачества за свои права и привилегии, за вольную Кубань и хорошую жизнь по-старому… Теперь я разорен советской властью. За неуплату налогов и несдачу хлеба у меня конфисковали весь скот и инвентарь… Я сознательно не вступил в колхоз. Я считаю, что колхозы невыгодны казачеству… Если мы пойдем в колхоз, то землю мы потеряем вовсе, а казак без

собственной земли — не казак». Эту психологию «в головах и поступках многих колхозников» Каганович определял как «кулацкую» и более опасную для власти, чем конкретные кулаки.

«Классовые враги», по словам Л. Кагановича, изменили тактику и стремились разложить колхозы изнутри, разжигая мелкособственническую психологию и жажду частного хозяйственного накопления. Они пытались «выхолостить из колхозов их социалистическую сущность и превратить их в своего рода крестьянские союзы, организующие крестьян против советского государства, против пролетарской диктатуры». Методами их борьбы внутри колхозов, продолжал оратор, были противопоставление колхозов пролетарскому государству путем саботажа сева и заготовок, расхищение колхозной собственности, подрыв трудовой дисциплины и низкая производительность труда. По логике сталинского воспитанника абсолютное большинство крестьян попадало в разряд антисоветских элементов и «классовых врагов».

Против советской власти, оказывается, было направлено воровство, которое нанесло огромный ущерб колхозам и государству. Л. Каганович утверждал, что по самым минимальным расчетам раскрадено 40%, а то и половина всего хлеба. В результате повальных обысков, санкционированных им лично, в ноябре 1932 г. на Кубани обнаружили 1 349 ям и 110 «черных амбаров», в которых нашли 345 тыс. пудов (5 623 тонны) зерна. Для Л. Кагановича это было очень убедительным доказательством классовой борьбы, в которой многие местные коммунисты повели себя как предатели и провокаторы, защищали интересы не государства, а крестьян. Эти «чуждые люди», «классовые враги» пролезли в партию из-за близорукости районных руководителей. Всех их следовало «вычистить» из партии.

В заключительной части доклада Каганович остановился на достигнутых СССР успехах, а также дал краткую характеристику стратегического курса советского руководства: «Мы твердо знаем, как знает вся партия, рабочий класс, трудящиеся массы нашей страны, что вся политика нашей партии основана на ясных расчетах, на том, что либо мы напряжем все свои силы и выполним 5-летку в 4 года для того, чтобы социализм стал непобедимым, либо нас разобьют. Мы выполнили пятилетку в 4 года, мы окончательно разрешили вопрос кто кого, и историческая победа осталась за нами».

После актива на ночном заседании бюро крайкома были приняты предложения Л. Кагановича продолжить чистку парторганизаций Кубани, а также дальнейшие репрессивные меры. Затем комиссия Л. Кагановича уехала в Москву[96].

В конце 1932 — начале 1933 гг. Северо-Кавказский крайком партии реализовал все установки Л. Кагановича. Только из четырех кубанских станиц, занесенных на «черную доску» (Полтавской, Медведовской, Урупской, Уманской),

выслали в северные районы страны 51 600 человек, из других станиц — не менее 10 000. Было арестовано и брошено в тюрьмы около 100 000 человек (из них 26 000 вывезли). Из партии исключили почти 40 000 коммунистов, большинство репрессировали. Еще 30 000 коммунистов, не снимаясь с партийного учета, покинули свои организации и бежали из края[97].

Аналогичные меры были осуществлены в Поволжье. По требованию Сталина и В. Молотова районам, «саботировавшим» хлебозаготовки, объявлялся экономический бойкот. Завоз продовольствия в них полностью прекращали, а руководство репрессировали.

1 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Командировать Постышева в качестве уполномоченного ЦК и СНК СССР на Нижнюю Волгу для обеспечения плана хлебозаготовок в установленные сроки»[98]. По инициативе секретаря ЦК ВКП(б) П. Постышева, приехавшего на Нижнюю Волгу через несколько дней, в крае были сняты с работы 9 секретарей райкомов партии, 3 председателя райисполкомов, десятки председателей колхозов и сельсоветов. 23 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) решило выселить из Нижне-Волжского края «за саботаж хлебозаготовок» 300—400 семей единоличников, а 30 декабря санкционировало массовые аресты в Нижне-Чирском и Котельниковском районах края[99].

Огромный размах репрессии приобрели в Украине. 24 ноября Сталин, осуществляя высказанные несколькими месяцами ранее мысли о необходимости кадровых перемен в ее руководстве, назначил заместителя председателя ОГПУ СССР В. Балицкого особоуполномоченным ОГПУ в Украине. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) ему были подчинены все чекистские органы в республике[100].

После отъезда комиссии В. Молотова темпы хлебозаготовок в Украине резко снизились. 27 ноября Политбюро ЦК КП(б)У направило обкомам партии директиву, в которой указало, что сопротивление и «саботаж» хлебозаготовок во многих колхозах не сломлены. В отношении таких колхозов предусматривалось изъять организаторов «саботажа» и привлечь их к судебной ответственности. В первую очередь арестовывать нужно «переродившихся, пособляющих кулачеству членов партии из числа руководящих должностных лиц колхоза» — счетоводов, кладовщиков, завхозов и весовщиков.

Коммунистов, «помогающих обманывать государство и организующих саботаж хлебозаготовок», предлагалось судить особенно строго. Секретари обкомов партии вместе с начальниками областных отделов ГПУ обязывались собрать наиболее серьезные дела по арестам членов правлений колхозов, провести по ним в ускоренном порядке суды с самыми строгими приговорами. Кроме этого, исключенных из партии коммунистов, прежде всего руководящих сельских и районных работников, следовало выслать как «политически опасный элемент».

В некоторых районах репрессии охватили до 20% правлений колхозов. Из сел вывозили все зерно, включая семенные фонды. В колхозах, занесенных постановлениями ЦК КП(б)У и СНК УССР на «черную доску», прекратили завозить товары, запретили торговлю. В них изымали «вражеские элементы», а имущество распродавали. Такая политика должна была показать, «что советская власть умеет беспощадно расправляться с организаторами саботажа хлебозаготовок, с кулацкими элементами и их пособниками».

Для «улучшения руководства судебными репрессиями» в областях создавались комиссии, состоявшие из первого секретаря обкома партии, председателя областной контрольной комиссии, начальника облотдела ГПУ и областного прокурора. Их ориентировали на «беспощадное разоблачение вредительской роли осужденных членов партии, переродившихся и ставших на деле кулацкими агентами», а также на то, чтобы ускорить судебное рассмотрение дел арестованных[101].

В начале декабря 1932 г. С. Косиор сообщил Сталину, что за ноябрь и 5 дней декабря в связи с хлебозаготовками ГПУ УССР арестовало 1 230 человек, в том числе 340 председателей колхозов, 750 членов правлений, 140 счетоводов, 140 бригадиров, 265 завхозов и весовщиков, 195 других работников колхозов. Под суд отдано 327 коммунистов за «саботаж» хлебозаготовок. На «черную доску» решением ЦК КП(б)У и СНК УССР занесено шесть сел, а постановлениями облисполкомов — до 400 колхозов[102].

Шквал репрессий, нараставший в республике, сопровождался повсеместным вывозом всех колхозных фондов, в том числе и семенных. Это грозило тем, что зерна на весенний сев 1933 г. не останется. Поэтому ЦК КП(б)У 29 ноября принял решение о недопустимости «огульного» изъятия всех колхозных фондов[103]. Оно вызвало серьезное недовольство в Кремле.

В эти же дни возникло так называемое «Ореховское дело». К Сталину поступила информация ОГПУ, что руководители Ореховского района Днепропетровской области до выполнения планов хлебозаготовок разрешили колхозам засыпать посевной и страховой фонды зерна. Сталин был крайне возмущен и 7 декабря отправил всем партийным органам циркуляр, в котором назвал ореховских руководителей обманщиками и ворами, успешно осуществлявшими кулацкую политику. В документе содержалось требование арестовать их и приговорить к 5—10 годам тюремного заключения[104].

8 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило окончательный объем вывоза зерна из СССР на экспорт до конца года в 100 млн. пудов (1,62 млн. тонн). 9 декабря был рассмотрен план использования зерновых ресурсов в 1933 г., в соответствии с которым надо было заготовить к июню 1 263 млн. пудов (20 460 600 тонн). Экспорт зерна планировался в том же размере, что и в

1932 г. На продовольственное снабжение СССР предполагалось использовать 436,5 млн. пудов (7 071 300 тонн). В исторической литературе уже отмечалось, что план использования зерна на 1932/1933 сельскохозяйственный год был построен на иллюзиях советского руководства. Запасы зерна в Госфонде и Непфонде, а также в так называемых переходных фондах были запланированы в размере 3,699 млн. тонн на 1 июля 1933 г. Запасы зерна оставляли только в хлопкопроизводящих и некоторых других специализированных сельскохозяйственных регионах. Из сельской местности всех остальных районов СССР запасы зерна вывозили.

9 декабря 1932 г. были также утверждены планы расхода хлеба на первый квартал и на январь 1933 г. По Советскому Союзу планировали соответственно 1,51 млн. и 503 тыс. тонн, по Украине — 280 и 93,3 тыс. тонн[105]. Для многомиллионной республики этого было совершенно недостаточно.

10 декабря на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) слушали доклады ЦК КП(б)У, Северо-Кавказского крайкома и Западного обкома партии о хлебозаготовках. Выступили С. Косиор, Б. Шеболдаев, М. Чернов и В. Куйбышев. Сталин подверг украинских руководителей резкой критике, нередко переходившей в откровенную брань. Он обвинил их не просто в неумении или нежелании выполнять планы хлебозаготовок, а в неправильной политической линии, «мягкотелости», отсутствии настойчивости в борьбе с «саботажниками». Особо нападал Сталин на Н. Скрыпника за «небольшевистскую» политику украинизации и связь с «националистическими элементами». Подобные обвинения против Н. Скрыпника были не случайными.

Для выработки проекта постановления о хлебозаготовках была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), в которую вошло 10 человек, в том числе украинские руководители С. Косиор и В. Строганов. 14 декабря постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» принято опросом Политбюро ЦК ВКП(б)[106]. Украинских большевиков и правительство республики обязывали обеспечить план заготовок зерновых и подсолнуха до конца января 1933 г., а Северо-Кавказский крайком и крайисполком должны были до 10—15 января заготовить зерновые и до конца января — подсолнух.

На местные парторганизации Украины и Северного Кавказа возлагалась вина за крайне слабую работу и отсутствие политической бдительности, что позволило «контрреволюционным элементам» проникнуть в руководство, а также управленческий аппарат колхозов и низовых советских органов. Эти элементы стремились организовать «контрреволюционное движение», «саботаж» хлебозаготовок и сева. Лидеров Украины и Северного Кавказа обязывали «искоренить» их путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед расстрелами.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывали, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являлись «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане». По отношению к ним предусматривались судебные репрессии — осуждение на 5—10 лет концлагеря или расстрел. Шестнадцать арестованных районных работников Украины, в том числе 5 человек из Ореховского района, предавали суду и приговаривали к 5—10 годам заключения в концлагерях. Всех исключенных из партии за «саботаж» хлебозаготовок и сева коммунистов выселяли в северные области наравне с кулаками.

Эти крайне жесткие меры сопровождались обвинениями в ошибочной национальной политике. Утверждалось, что «механическая», без учета конкретных особенностей каждого района украинизация облегчила буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам создание контрреволюционных ячеек и организаций. На Северном Кавказе «небольшевистская украинизация» почти половины районов дала легальную форму сопротивлению мероприятиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады.

В Украине предлагалось изгнать петлюровские и буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, а также обеспечить систематическое партийное руководство украинизацией и контроль за ней. На Северном Кавказе все делопроизводство, газеты и журналы, преподавание в школах переводились на русский язык «как более понятный для кубанцев».

15 декабря последовало новое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором осуждались выступления «отдельных украинских товарищей» (в частности, имелись в виду статьи Н. Скрыпника) об обязательной украинизации ряда районов СССР — в Дальневосточном крае, Казахстане, Средней Азии, Центрально-Черноземной области. В постановлении подчеркивалось: «Подобные выступления могут только играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу». Партийные и советские органы этих регионов СССР обязывались немедленно приостановить дальнейшую украинизацию[107].

Почему советское руководство пошло на такие действия? По моему мнению, высказанное Сталиным в августе 1932 г. опасение «потерять Украину» из-за недовольства и сопротивления в республике хлебозаготовкам дает ключ к пониманию этих событий.

Хорошо известно, что для советских лидеров национальный вопрос был подчинен классовому подходу. Они прекрасно помнили, какую сложную политическую и вооруженную борьбу пришлось выдержать в 1917—1920 гг. с

украинским национальным движением. Начатая в 1923 г. украинизация призвана была расширить социальную базу коммунистического режима, придать ему психологическую легитимность и привлекательность в общественном сознании как внутри республики, так и за ее пределами. При этом кремлевские руководители всегда подчеркивали обязательность «советскости» (преданности компартии, ее вождю) всех украинских национальных устремлений.

Одновременно чекистские органы отслеживали проявления «украинского сепаратизма» и докладывали о них в ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б). Действия чекистов основывались на демагогической установке руководства компартии о том, что «украинские националисты» хотят «продать Украину полякам», — ее во второй половине 1920-х гг. использовали, чтобы компрометировать украинское национальное движение[108].

В условиях нараставшего в Украине в конце 1932 г. социально-экономического и политического кризиса Сталин предпочитал рассматривать сопротивление хлебозаготовкам в обществе и компартии как дело «внутренней украинской контрреволюции», связанной с «польской агентурой» Пилсудского. С одной стороны, это давало универсальную возможность подавить сопротивление и выполнить планы хлебозаготовок, применяя широкомасштабные государственные репрессии против «классовых врагов», в разряд которых попадали все недовольные и сопротивлявшиеся. С другой стороны, политические обвинения в адрес руководства Украины позволяли ликвидировать его определенную автономность и самостоятельность. Национал-коммунисты во главе с Н. Скрыпником, отвечавшие за украинизацию, оказывались виноватыми как пособники буржуазно-националистических элементов.

Таким образом, осуществление национальной политики в Украине переходило непосредственно в руки Кремля. Лидеры украинской компартии утрачивали и эту сферу относительной политической самостоятельности. Последствия подобной централизации управленческих функций «центр—республика» не заставили себя долго ждать.

16 декабря М. Хатаевич обратился к Сталину с просьбой разрешить обмен рядовых семян на сортовые для обеспечения весеннего сева 1933 г. Ответ Сталина и В. Молотова был незамедлительным и угрожающим: «ЦК и СНК указывают Вам, что Ваше предложение об обмене семян теперь, когда заготовки катастрофически падают на Украине, отражает гнило-либеральное отношение к заданиям партии и правительства, от которого давно пора освободиться Вам, если не хотите нарваться на неприятности»[109].

Вероятно, именно в эти дни Сталин в беседе с секретарем ЦК КП(б)У и Харьковского обкома партии Р. Тереховым, сообщившим ему о массовом голоде в Украине, отреагировал на сообщение: «Нам говорили, что Вы, товарищ

Терехов, хороший оратор, оказывается, Вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но — не выйдет! Не лучше ли Вам оставить пост секретаря обкома и ЦК КП(б) и пойти работать в союз писателей; будете сказки писать, а дураки будут читать»[110].

19 декабря новое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине» указывало на то, что без коренного перелома в Днепропетровской, Харьковской и Одесской областях Украина не в состоянии выполнить дважды сокращенный план. Украинские работники «явным образом проваливали» задания «благодаря своему несерьезному отношению к заданиям партии и правительства». Л. Кагановичу и П. Постышеву поручалось выехать в Украину, «засесть в решающих областях» в качестве особоуполномоченных ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР и вместе с С. Косиором, В. Чубарем и М. Хатаевичем принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения плана хлебозаготовок[111].

20 декабря в 10 часов вечера посланцы Кремля приехали в Харьков. Сразу же состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б)У, которое продолжалось до четырех часов утра. Краткие записи выступлений С. Косиора, М. Хатаевича, Р. Терехова в дневнике поездки Л. Кагановича дают возможность представить картину повальных обысков, охвативших Украину. Выступавшие были убеждены в том, что зерно спрятано крестьянами в «черных» амбарах или закопано в ямах.

Репрессии в республике приобрели неслыханный размах. В. Балицкий доложил, что за четыре месяца после начала хлебозаготовок (с 1 июля до 15 ноября) по хлебозаготовительным делам было арестовано 11 тыс. человек, а с 15 ноября по 15 декабря — 16 тыс. Только так называемой «тройкой» (спецкомиссией ЦК КП(б)У, созданной 21 ноября) были приговорены к расстрелу 108 человек, дела еще на 100 находились на рассмотрении. В результате обысков за две недели декабря сотрудники ГПУ, уполномоченные по хлебозаготовкам и местные активисты выявили 7 тыс. ям и 100 «черных» амбаров, в которых нашли 11 340 тонн зерна. Одновременно, продолжал В. Балицкий, чекисты «вскрыли крупные повстанческие группировки польского происхождения, организованные правительством УНР» (Украинской Народной Республики), арестовали много бывших укапистов (членов УКП — Украинской коммунистической партии, распущенной в 1925 г.), а также членов КП(б)У, студентов и преподавателей киевских вузов, работников украинского Тракторцентра. Только в колхозах было обнаружено 589 «группировок, саботировавших хлебосдачу и разлагавших колхозы».

Настрой московской комиссии четко выразил М. Чернов, который потребовал, чтобы украинские руководители рассказали о мерах воздействия, примененных к директорам совхозов, не выполнившим план хлебосдачи. В ответ

С. Косиор заявил, что в некоторых совхозах хлеба фактически не было, а если снимать и арестовывать за невыполнение планов, то это пришлось бы делать в отношении практически всех директоров.

Центральным на этом заседании стало выступление Л. Кагановича, объяснившего свой приезд снижением планов хлебозаготовок и необходимостью «слома» настроений украинских работников, якобы не желавших заготовлять хлеб. Он потребовал отменить решение ЦК КП(б)У от 29 ноября о создании различных колхозных фондов, разослать во все райкомы партии пункт решения ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1932 г. об аресте и предании суду нескольких районных работников Украины, снять с работы 10 уполномоченных по хлебозаготовкам и передать их дела о пребывании в партии в Центральную контрольную комиссию, арестовать и судить четырех «наиболее злостно срывающих хлебосдачу директоров совхозов». Кроме этого, ОГПУ поручалось не только выявлять «контрреволюционные организации», но и осуществлять текущую борьбу за хлеб. На практике это означало, что чекисты приходили к колхозным руководителям и угрожали им арестом, если они не сдали хлеб.

После перерыва до двенадцати часов дня заседание Политбюро ЦК КП(б)У продолжилось. На нем произошел конфликт: Р. Терехов не хотел называть фамилии плохо работавших уполномоченных по хлебозаготовкам, из чего Л. Каганович сделал вывод, что «харьковчане не мобилизовались на выполнение плана» и «обком пасует перед этой задачей». Можно предположить, что Р. Терехов в результате этого столкновения утратил доверие Л. Кагановича.

В конце заседания были одобрены предложенные ранее Л. Кагановичем меры, а также принят дополнительный пункт о мобилизации 140 человек (среди них 40 военных) в качестве районных уполномоченных по хлебозаготовкам. Отменены решения Политбюро ЦК КП(б)У от 29 ноября (о колхозных фондах) и от 15 декабря 1932 г. (о проверочных группах для повторной проверки совхозных ресурсов и запрещении вывозить посевные материалы из совхозов).

П. Постышев, С. Косиор, С. Реденс направлялись на хлебозаготовки в Днепропетровскую область, Л. Каганович, М. Чернов и В. Балицкий — в Одесскую, В. Чубарь — в Черниговскую, М. Хатаевичу было поручено наблюдение за Харьковской областью.

Сообщив телеграммой Сталину об этих событиях, в пять часов дня Л. Каганович уехал в Одесскую область. 22 декабря, сразу по приезде, он провел совещание с членами бюро Одесского обкома партии. Первый секретарь обкома М. Майоров рассказал о серьезном сопротивлении крестьян хлебозаготовкам, заявлениях уполномоченных о нереальности планов, «перерождении» некоторых сельских коммунистов. Было решено провести совещания секретарей

райкомов, председателей райисполкомов, уполномоченных ЦК и обкомов по группам районов (Одесса — 23 декабря, Вознесенск — 24 декабря, Херсон — 25 декабря), а также опубликовать в областной и районной прессе приговоры о расстрелах за сопротивление хлебозаготовкам и невыполнение планов.

Потом Л. Каганович выехал в районы. 23 декабря в телеграмме Сталину он просил отменить решение Политбюро ЦК КП(б)У от 18 ноября 1932 г. Это решение редактировал В. Молотов, поэтому Л. Каганович нуждался в такой санкции. В телеграмме он объяснял свою просьбу: «Сама постановка вопроса о создании и закреплении фондов, а также запрещение перечислять семенные фонды в хлебозаготовки является легальным обоснованием и оформлением укоренившихся настроений о нереальности плана хлебозаготовок, хотя и не высказываемых открыто. Из бесед с областными работниками, а также из посещения сегодня района и колхоза мы убедились, что заботы о фондах, в том числе и семенных, серьезным образом тормозят и портят дело хлебозаготовок. Эти настроения питаются постановлением ЦК КП(б)У от 18 ноября».

Курс на изъятие всех фондов в счет хлебозаготовок оставлял колхозы без зерновых запасов. Если учитывать, что в виде штрафов за невыполнение хлебозаготовок, в результате варварских действий уполномоченных и местных активистов, применявших массовые обыски, у крестьян забирались любые продовольственные запасы, то повторение голода в украинском селе становилось неизбежным.

Сталин и Л. Каганович знали о ситуации на местах и сознательно санкционировали такие действия низовых работников. На совещании секретарей райкомов партии Одесской группы районов Л. Каганович говорил: «Хлебозаготовки — лучший экзамен для партийца. Издевательство — собирать по полпудика авансов (зерно, розданное голодавшим крестьянам с начала жатвы. — ***Авт.***) и проходить "мимо" засыпанных колхозных фондов. Решения ЦК КП(б)У от 18 и 29 ноября отменены. Но значит ли это, что мы не должны собирать семена? Нет. Семена нужно собрать, но после выполнения плана хлебозаготовок. За семена нужно драться. И, возможно, придется пойти на путь самообложения колхозников...

У многих секретарей нет ясности — чего можно и чего нельзя. Их с прошлого года мамка на перегибах ушибла... И вот боятся "перекручивания". Украинская пословица говорит: "Крути, да не перекручивай". А они решили "зовсім не крутить" *(смех)*. В морду бить никогда не следует. Но умело проведенные обыски, и не только у единоличников, но и колхозников, рабочих, коммунистов — это не перегиб. Надо село взять в такой "штосс", чтобы сами крестьяне раскрыли ямы. Добровольно вскрывающим ямы надо дать амнистию...

Кто не умеет видеть классового врага под маской колхозника, тот не большевик, а народник, эсер. Коммунист без идейной политической вооруженности — мещанин. Либо социалистический колхоз, либо крестьянский союз».

После совещания Л. Каганович встретился с сотрудниками ОГПУ, требуя более активного их участия в хлебозаготовках. 24—26 декабря он объехал несколько районов Одесской области, поставив перед местными работниками такие главные задачи: «1) вывезти наличие хлеба из амбаров, хотя бы он хранился под видом всяких фондов, 2) ускорить обмолот, 3) искать разворованный хлеб, в особенности у единоличников. И искать так, чтобы сами добровольно раскрывали ямы, так как иначе у нас не хватит сил перекопать всю землю».

26 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило предложения Л. Кагановича и В. Балицкого о высылке 500 крестьянских семей из Одесской области. Одновременно, по просьбе С. Косиора, Сталин разрешил выселить 300 семейств «кулаков» из Черниговской области. 27 декабря П. Постышев сообщил Сталину об организованных им массовых арестах возчиков зерна к ссыпным пунктам в Днепропетровской области.

В этот же день Л. Каганович вернулся в Одессу, где провел новое заседание обкома партии. Были приняты решения о высылке 500 семей «саботажников» хлебозаготовок, а также 500 глав крестьянских семей. 50 исключенных из партии коммунистов отправляли в концлагерь. 500 крестьянских хозяйств лишались усадьбы, их имущество распродавали. Планировалось несколько показательных судебных процессов с публикацией приговоров в районной и областной печати. Из партии исключали секретаря Октябрьского райкома, а других секретарей райкомов предупреждали, что если они в течение 2—3 дней не добьются перелома, то им будет грозить такая же участь. Для усиленного вывоза хлеба из дальних сел области открывались 32 глубинных хлебоприемных пункта.

28 декабря в четыре часа дня Л. Каганович выехал в Харьков. В дороге он принимал в своем вагоне руководителей Вознесенского и Зиновьевского районов Одесской области. Вероятно, он также встретился на станции Знаменка с П. Постышевым, который передал ему свои предложения по усилению хлебозаготовок в Днепропетровской области. Здесь же были получены шифровки от Сталина, который одобрил все действия Л. Кагановича.

29 декабря в Харькове Л. Каганович принял участие в заседании Политбюро ЦК КП(б)У, на котором присутствовали С. Косиор, М. Хатаевич, В. Балицкий, Р. Терехов, А. Шлихтер. После выступлений республиканских лидеров Л. Каганович проанализировал особенности экономической и политической ситуации в стране. Он сразу заявил о том, что первой заповедью украинских руководителей являлся сбор хлеба, а второй — сбор семян.

Далее он прокомментировал просьбу одного из секретарей ЦК КП(б)У (видимо, С. Косиора или М. Хатаевича) о снижении плана хлебозаготовок для Украины на 10 млн. пудов (162 тыс. тонн), чтобы развернуть колхозную торговлю.

Л. Каганович сказал, что колхозная торговля была введена в мае 1932 г. с целью «успокоить бушевавшего украинского мужика», а также чтобы дать нерентабельным колхозам возможность получить хоть какие-то доходы для распределения между крестьянами. Однако «зацепить» крестьянина «за интерес» не удалось, и торговля оказалась «против» политики советского руководства. Крестьянин-индивидуал заботился сам о себе, а колхозник считал, что колхоз должен его обеспечивать. По социальному положению крестьянин стал коллективистом, а по сознанию еще оставался собственником.

Поэтому компартия должна организованно вести сев и уборку урожая. Но Северо-Кавказский крайком партии и ЦК КП(б)У «оторвались» от колхозной жизни, от Москвы, членов ЦК ВКП(б), и только в конце года Б. Шеболдаев и С. Косиор поняли, как надо заготовлять хлеб и вести себя в отношении колхозных фондов.

Намеки Л. Кагановича на то, что региональные лидеры не поняли или не хотели осуществлять курс Сталина, были совершенно очевидны. Недаром он повторил слова Сталина о том, что если в колхозах сидят социалисты, то колхозы социалистические, а если там «враги», то колхозы капиталистические. «Если мы ими (колхозами.— ***Авт.***) не руководим,— утверждал Каганович,— то ими руководят враги. Классовая борьба до того обострена, что не может быть нейтрального».

Он подчеркивал, что «враг» поменял тактику, действовал «тихой сапой», перешел к саботажу и вредительству. В таких условиях «дипломатия» местного руководства (по отношению к хлебозаготовкам), на которую соответствующим образом не отреагировали обкомы партии, была обманом центра. Авторы такой «мягкой» политики добились максимума репрессий.

«Чем она кончилась, товарищи Шеболдаев, Косиор, Хатаевич?» — риторически спрашивал Л. Каганович. Когда «засухи нет, урожай сносный, если не лучше 31 года», а хлеб взять не удалось,— виноваты, по мнению Кагановича, не крестьяне, а коммунисты-руководители. Естественно, что их виной он считал не голод вследствие непомерных хлебозаготовок, а невыполнение хлебозаготовительных планов. В конце выступления Л. Каганович жестко потребовал от украинских руководителей выполнить план хлебозаготовок к 15 января 1933 г.

На заседании было решено послать письма обкомам и райкомам партии о том, чтобы в течение 5—6 дней колхозы, не выполнившие план, сдали все зерно, включая семенные фонды. Задержка с выполнением этих требований расценивалась как саботаж со стороны районного руководства.

М. Хатаевич подготовил проект письма о фактах перегибов и хулиганства во время хлебозаготовительной кампании, но его отвергли, опасаясь, что оно станет тормозом для хлебозаготовок. Зато одобрили распродажу всего имущества, лишение усадебной земли и построек «наиболее злостно саботирующих

хлебосдачу единоличников» по Харьковской области в количестве 1000 хозяйств, по Днепропетровской — 500 семей, а также высылку из Днепропетровской области 700 крестьянских семей.

Вечером 29 декабря 1932 г. Л. Каганович выехал из Харькова в Москву[112]. 1 января 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О хлебозаготовках на Украине», в котором говорилось: «Предложить ЦК КП(б)У и СНК УССР широко оповестить через сельсоветы колхозы, колхозников и трудящихся единоличников, что:

а) те из них, которые добровольно сдают государству ранее расхищенный и скрытый хлеб, не будут подвергаться репрессиям;

б) в отношении колхозов, колхозников и единоличников, упорно продолжающих укрывать расхищенный и скрытый от учета хлеб, будут применяться строжайшие меры взысканий, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 7-го августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности"».

Одновременно было принято предложение ЦК КП(б)У выслать из 20—25 сел отстающих по хлебозаготовкам районов 700 крестьянских семей. Руководителям украинских чекистов К. Карлсону и С. Реденсу поручалось организовать высылку на Север 700 «злостных элементов и кулаков» без семей. ЦК КП(б)У должен был составить список 50 исключенных из партии для немедленной отправки в концлагерь.

3 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло новое предложение ЦК КП(б)У о дополнительной высылке на Север 400 семейств из Харьковской области и 40 исключенных из партии[113].

Это усилило применение репрессивных мер в республике. Если в декабре 1932 г. за отказ от сдачи хлеба в Украине (без Винницкой и Донецкой областей) было репрессировано 8 407 человек, то за вторую пятидневку января 1933 г. по 153 районам УССР — 2 709 человек, из них 56 расстреляно за «контрреволюционный саботаж»[114].

7—12 января в Москве проходил объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Тщательно спланированный Сталиным, он должен был продемонстрировать обществу и компартии правильность «генерального курса» советского руководства. Недаром на пленуме было заявлено об успешном выполнении плана первой пятилетки. Сталин выступал на пленуме несколько раз, подробно излагая свое видение политической ситуации в стране.

По его мнению, важнейшим результатом проводившейся в последние годы политики стала победа коллективизации, в основном завершенной. Теперь акцент в политике компартии на селе переносился на организацию труда в колхозах и поднятие урожайности.

Сталин специально обосновал тезис о выгодности объединенного в колхозах труда крестьян по сравнению с индивидуальным хозяйствованием. Достижением коллективизации он назвал замену традиционных для сельского хозяйства сохи, ручного посева, серпа и косы трактором, механизированной сеялкой, комбайном. Других доказательств выгодности колхозного строя не приводилось.

Одновременно Сталин утверждал, что сельское хозяйство страдало от старого, частнособственнического сознания колхозников. Это «пережиточное» сознание использовали «бывшие люди» из эксплуататорских классов для организации массового воровства. Тем самым «расшатывалась» основа социалистического строя — общественная собственность.

Коммунисты боролись за то, чтобы закрепить новые социалистические формы хозяйствования. Поэтому был издан закон об охране общественной собственности (от 7 августа 1932 г.).

Для того, чтобы «разбить воровские махинации остатков умирающих классов», необходима сильная и мощная диктатура пролетариата. В связи с этим Сталин подчеркнул несостоятельность появившихся кое у кого идей об уничтожении классового общества и отмирании государства.

Из сталинской корректировки марксизма (как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что государство отмирает по мере перехода общества к коммунизму) вытекал вывод о том, что необходимо максимально усилить государственную власть, чтобы «покончить» с «бывшими элементами» быстро и без особых жертв.

Теоретические положения Сталин сопровождал оценкой текущей хлебозаготовительной кампании. Он прямо заявил, что валовый сбор зерна в 1932 г. был больше, чем в 1931 г., но хлебозаготовки осуществлялись с трудом. Первой причиной этого он считал разрешение колхозам торговать хлебом. Допуск «квазирыночных» отношений в экономику, по логике Сталина, привел к отрицательным последствиям, поскольку коммунисты на местах пошли на поводу у крестьян, придерживавших зерно для продажи и поэтому не сдававших его государству. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в свою очередь, переоценили «ленинскую закалку и прозорливость наших работников на местах». Таким образом, «работники на местах» вновь оказались виноваты в том, что не понимали и искажали «генеральную линию». Их вина состояла и в том, что они не осознали необходимости взять на себя руководство колхозами, а также помочь колхозникам в развитии хозяйства на основе науки и техники.

Бывшие белые офицеры, петлюровцы и вообще враги советской власти «тихой сапой» проникли в колхозы и стали «заправлять» в них, воспользовавшись отсутствием классовой бдительности у местных коммунистов. Колхозы

представляли собой готовую форму массовой организации крестьян. Вопрос состоял в том, кто будет возглавлять колхозы — коммунисты или «враги рабочих и крестьян».

«Нейтральных колхозов», а значит, и «нейтральных колхозников», с точки зрения Сталина, быть не могло. По моему мнению, рассуждения Сталина о невозможности «нейтральных колхозов» были своеобразным теоретическим мостиком к характерной для этих лет подмене понятия «классовый враг» дефиницией «враг народа»[115]. Любой колхозник, коммунист, а тем более единоличник или «бывший человек» могли быть обвинены в «антисоветизме», если они не хотели выполнять, например, хлебозаготовки. При подобном «красно-белом» видении ситуации руководство компартии оказывалось по одну сторону «классовых баррикад», а все остальное общество, включая большинство самой компартии,— по другую.

Поскольку низовые партийно-советские структуры не могли эффективно осуществлять «генеральный курс» партии, необходимо было иметь на местах параллельную контролирующую властную структуру, напрямую подчиненную центру.

Поэтому одним из главных на пленуме был вопрос о создании политических отделов при МТС и совхозах. С докладом по этому вопросу выступал Л. Каганович, который конкретизировал положения, высказанные Сталиным. Л. Каганович начал с примеров успешной работы отдельных колхозов, где крестьянам живется зажиточно, и заявил, что в расстановке классовых сил позиции компартии сильны как никогда.

Но острая классовая борьба продолжалась. Об этом говорил Сталин на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 27 ноября 1932 г. Именно он сделал вывод о том, что против классовых врагов необходимо применять всю силу и мощь пролетарской диктатуры. Трудности хлебозаготовок Сталин объяснил двумя обстоятельствами: «а) проникновением в колхозы и совхозы антисоветских элементов и организацией там вредительства, саботажа и б) неправильным, немарксистским подходом значительной части наших деревенских коммунистов к колхозам и совхозам».

Л. Каганович, подчеркнув роль Сталина в проведении жесткого курса на подавление сопротивления хлебозаготовкам, повторил уже высказанные им на Северном Кавказе и в Украине идеи о борьбе с «кулацкой психологией». Он вновь осудил действия местных работников по созданию колхозных фондов, а также отметил, что выполнение плана хлебозаготовок является первейшей заповедью коммуниста, орудием сплочения преданных советской власти людей.

Если в промышленности политическое воспитание и подъем масс (имелись в виду социалистическое соревнование и ударничество) шли параллельно с

освоением новой техники, то в деревне компартия «сильно отстала». Сельские большевистские ячейки не отделены «китайской стеной» от мелкобуржуазной крестьянской среды, поэтому во многих случаях начинают обманывать государство, противопоставлять ему свои интересы.

Потому Сталин и внес в ЦК ВКП(б) предложение об организации политотделов МТС и совхозов. Они должны обеспечить «партийный глаз и контроль» на селе. Недаром комиссия ЦК ВКП(б) во главе с Л. Кагановичем по указанию Сталина персонально отбирала первую тысячу работников политотделов, среди них немало военных. Их главной задачей была борьба с ворами и вредителями, расхитителями общественной собственности, что «политически сплачивало и перевоспитывало» колхозников.

А для большей эффективности партийной работы в селе необходим беспартийный актив колхозников, «который будет вместе с нами драться во всех и всяких случаях»,— завершал свою цепочку рассуждений Л. Каганович.

Таким образом, политотделы были призваны усилить влияние компартии в селе, а также обеспечить контроль центра над низовыми звеньями партийно-советских структур.

Секретарь ЦК ВКП(б) П. Постышев посвятил свою речь на пленуме недостаткам работы местных парторганизаций, основываясь на впечатлениях от поездок в Нижне-Волжский край и Днепропетровскую область Украины. Его резкую критику местных коммунистов и руководителей явно вдохновлял Сталин, который неоднократно перебивал П. Постышева различными репликами, демонстрируя полное одобрение этого откровенно грубого и жестокого выступления.

Региональные руководители С. Косиор, В. Чубарь, Б. Шеболдаев полностью поддержали «генеральный курс» Сталина и его группы, критикуя «правых», особенно М. Томского (именно его Сталин избрал очередной мишенью политических обвинений), а также «разоблаченную» незадолго до пленума группу Эйсмонта-Толмачева-Смирнова.

Б. Шеболдаев специально отметил роль Сталина в мобилизации наступления Северо-Кавказской партийной организации на «классового врага». Основным методом этого наступления было государственное принуждение, то есть аресты, расстрелы, выселение целых станиц, а также исключение из партии более половины состава местных ячеек. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома даже процитировал отрывок из письма расстрелянного Котова, в котором тот после первого приговора к 10 годам заключения писал: «Если кто тебе (секретарю райкома партии) рассказал из присутствующих на суде, как реагировала масса на решение суда, то станет понятно, что мы все не заслужили такого наказания. Я этим не хочу сказать, что мы надували массы, подделывались

под массы. Я, например, лично со своей стороны, когда принимал участие в раздаче двух натуральных авансов (а они выдали сначала один аванс открыто, а второй тайно)..., то не имел этого в виду. Мне и большинству из нас, осужденных, хотелось стимулировать выполнение хозяйственно-политических кампаний. Это самое главное». Б. Шеболдаев расценил высказывание несчастного Котова как «скатывание к позициям классового врага».

С. Косиор и В. Чубарь единогласно подвергли критике «правый уклон» М. Томского, а также сообщили об огромных успехах первой пятилетки в Украине. В индустриализации были достигнуты колоссальные результаты: сооружен Днепрострой, шло строительство четырех мощных металлургических заводов, крупнейшего в мире Краматорского завода тяжелого машиностроения, крупных турбинного и танкового заводов в Харькове, Луганского паровозостроительного завода, значительного числа коксохимических и химических заводов. Заметно выросла энергетическая база промышленности, на полях республики работали 36 тыс. тракторов.

Эти успехи наносили «тяжелый удар» по заявлениям украинских националистов о том, что «большевики грабят и опустошают богатейшую хлебную Украину». Наоборот, коммунистам удалось ликвидировать безработицу, они решают острейшую проблему перенаселенности Подолья и Волыни. Говоря о правильности этой политики, скрывая реалии голодавшей Украины, С. Косиор не постеснялся откровенной лжи и провозгласил: «...с документами в руках можем утверждать, что с каждым годом у нас положение рабочего класса и крестьянских масс непрерывно улучшается».

Трудности хлебозаготовок, которые многие «левые и правые оппозиционеры» расценивали как результат неправильной политики партии, по его мнению, были вызваны исключительно «недостатками нашего практического руководства на местах». Линия и указания ЦК правильные, подчеркивал С. Косиор, но украинские коммунисты их «полностью не усвоили, не поняли, не сумели провести в жизнь так, как того требовал Центральный Комитет».

После такого подобострастного заявления последовало «раскаяние» в том, что руководство КП(б)У «прозевало» проникновение враждебных элементов в колхозы, «засоренность» партийных рядов, активизацию националистических контрреволюционных организаций. Исправление допущенных ошибок необходимо для того, чтобы дальше наступать на «фронте социалистического строительства на враждебные классовые элементы».

Первому секретарю ЦК КП(б)У вторил В. Чубарь. Он сказал, что успехи индустриализации Украины сопровождались ожесточенной классовой борьбой, которую кулачество развернуло против коллективизации. Не деградация сельского хозяйства и хронический недостаток кормов привели к огромным

потерям в животноводстве. Во всем было виновато массовое истребление скота, которое производили «отсталые элементы крестьянства под влиянием кулацкой агитации, кулацкой борьбы против коллективизации».

«Не овладев колхозами», руководство республики допустило значительные потери конского состава, зерна, сельскохозяйственных машин. Переход на районную систему в 1930 г. ослабил централизованное влияние на местные партийно-советские органы. Эти ошибки пришлось исправлять Сталину и В. Молотову, по настоянию которых в Украине были образованы области. Постановление ЦК ВКП(б) о политотделах МТС призвано сыграть решающую роль в укреплении низовых кадров, очистке местных парторганизаций от враждебных элементов, большевистском воспитании колхозников.

Недостатки и ошибки украинского руководства В. Чубарь обещал исправить в 1933 г. Он повторил сталинскую мысль о необходимости превратить Украину из отсталого района СССР в передовой в деле построения социалистического общества[116].

Из украинских лидеров только Н. Скрыпник, которого уже подвергли политическому остракизму в цитировавшемся постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 декабря 1932 г., хотел выступить против Сталина. Во время пленума Н. Скрыпник говорил своей жене Марии Николаевне, что намерен резко высказаться о национальной политике, которую Сталин проводил в Украине. Но по каким-то, пока не известным нам причинам, он этого не сделал[117].

Признание С. Косиором и В. Чубарем на пленуме ЦК ВКП(б) собственных ошибок и безоговорочная поддержка ими сталинского курса были оценены Кремлем, хотя и не уменьшили его недовольства состоянием дел в Украине. В последний день пленума, 12 января, Политбюро ЦК ВКП(б) решило снизить для Украины план хлебозаготовок с урожая 1932 г. на 28 млн. пудов (456 400 тонн). Окончательный план хлебозаготовок в республике должен был составить 260 млн. пудов (4,238 млн. тонн). План снижался также для Северного Кавказа на 2 млн. пудов (32 600 тонн), Уральской области и Казахстана — по 500 тыс. пудов (8 150 тонн)[118].

14 января Политбюро ЦК КП(б)У решило продолжить хлебозаготовки в Винницкой и Киевской областях, которые выполнили годовой план. Обкомам партии этих областей было указано, что они должны добиться плановых показателей в каждом районе, селе, колхозе. Для проверки выполнения этой директивы в Киев и Винницу послали Н. Скрыпника.

Дело было не только в желании обеспечить план республики хлебом именно этих областей. На 1 января 1933 г. государственные запасы зерна в СССР достигли максимума — 3,034 млн. тонн[119]. Но расчеты показывали, что запасы хлеба будут резко уменьшаться вследствие огромного внутреннего потребления.

На протяжении 1932 г. возрастало число лиц, находившихся на централизованном снабжении, что серьезно угрожало всей продовольственно-карточной системе. К концу года в СССР более 40 млн. человек имели продовольственные карточки.

В ноябре-декабре 1932 г. советское руководство приняло ряд решений, которые должны были снизить текучесть рабочей силы и закрепить рабочих на предприятиях, а также ужесточить там производственную дисциплину, «разгрузить» города от «лишних», по мнению властей, элементов и сократить число лиц, имевших право на продовольственные карточки. Постановление СНК СССР от 15 ноября предусматривало за прогул на производстве немедленное увольнение, выселение нарушителей с места жительства и лишение продовольственных карточек. Постановление от 4 декабря предоставляло предприятиям право самим решать, кого следует лишить карточек, а также преследовало цель выявить «мертвые души», обманным путем внесенные в списки домовых комитетов на продовольственные карточки[120].

23 ноября, за день до своего назначения особоуполномоченным ОГПУ в Украине, В. Балицкий отправил Сталину служебную записку, в которой сообщал, что комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов признала несовершенным порядок удостоверения личности. Личность удостоверял любой документ, даже справка, выданная домоуправлениями и сельсоветами. «Этих же документов достаточно и для прописки, и для получения продовольственной карточки,— отмечал В. Балицкий,— что дает самую благоприятную почву для злоупотреблений, поскольку домоуправления, на основании ими же выданных документов, сами производят прописку и выдают карточки»[121].

27 декабря был введен государственный паспорт. Все взрослые городские жители получили паспорта, выданные службами НКВД. Эти паспорта были действительны только при наличии прописки. Города разделили на две категории: «закрытые» и «открытые». «Закрытые» (Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Минск, Владивосток, Харьков, Ростов-на-Дону) имели привилегии в снабжении. Прописку в «закрытом» городе можно было получить либо родившись в нем, либо вступив в брак с жителем этого города, либо устроившись на работу «за прописку». В «открытых» городах прописку получить было легче. Прописка определяла преимущества городского жителя: социальное страхование, право на жилье, продуктовую карточку.

В этих условиях общесоюзные органы уменьшили план хлебоснабжения Украины на первый квартал 1933 г. Потребность республики в муке удовлетворялась преимущественно за счет гарнцевого сбора, план которого выполнялся всего на 35%. 16 января Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило предложение И. Акулова о выдаче в Донбассе мяса 3 раза в месяц, сохранив старый порядок выдачи — один раз в месяц[122].

Практически одновременно были приняты решения по организации весеннего сева в Украине и на Северном Кавказе. В Украине был создан под председательством С. Косиора Комитет по весеннему севу, в который вошли М. Хатаевич, В. Чубарь, С. Реденс, А. Одинцов и уполномоченный Наркомата совхозов СССР. Комитет сразу же назначил посевные тройки в Одесской и Днепропетровской областях из областных руководящих работников[123].

19 января Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило государственный план заготовок зерновых культур из урожая 1933 г. Во всем СССР предусматривалось заготовить 881 млн. пудов (14 360 300 тонн) в колхозах и 130 млн. пудов (2 119 000 тонн) в единоличном секторе. Украина должна была обеспечить 232 млн. пудов (3 781 600 тонн) в колхозах и 24 млн. пудов (391 200 тонн) в единоличном секторе[124]. Таким образом, план заготовок зерна в Украине из урожая 1933 г. был таким же, как и окончательный план 1932 г. Если сравнить эти цифры с принятым 6 мая 1932 г. планом в размере 5,696 млн. тонн, то видно, что уменьшение составило более 1,5 млн. тонн. Хотя доля Украины в общесоюзных заготовках снизилась с 31–35% в 1930–1931 гг. до 25% по плану на 1933 г., все же она продолжала оставаться значительной.

Но общее уменьшение планов было заметно. Несомненно, что советское руководство отреагировало на голод в Украине и других регионах страны, масштабы которого увеличивались. Во-первых, хлебозаготовительный план отразил более реалистические взгляды членов Политбюро ЦК ВКП(б) на создание государственных запасов зерна в стране. Во-вторых, молчаливо признавалось, что в деревне, в частности в украинской, огромных запасов якобы спрятанного от государства зерна не было. В-третьих, судя по этому решению, Сталин и другие руководители компартии испытывали явную тревогу за разрушенное их политикой сельское хозяйство и будущий урожай 1933 г.

Но конкретные действия советских лидеров демонстрировали вовсе не заботу о спасении голодающих и умирающих людей, а полную бесчеловечность и аморальность коммунистических руководителей.

В конце 1932 — начале 1933 гг. крестьяне массово бежали в города, а также выезжали из Украины в другие районы СССР в поисках хлеба. Зная об этом из сообщений ОГПУ, руководители страны решили блокировать голодающих крестьян, чтобы предотвратить распространение информации о голоде, а также нарастание социальной напряженности в разных регионах Советского Союза. О том, что подобная блокировка обрекала на голодную смерть десятки тысяч людей, кремлевская верхушка предпочитала не думать.

22 января партийным и советским организациям, органам ОГПУ была разослана директива, подписанная Сталиным и В. Молотовым. В ней отмечалось, «что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации

"через крестьян" в северных районах СССР против колхозов и вообще против советской власти». В связи с этим органам власти и ГПУ Украины и Северного Кавказа предписывалось не пускать крестьян в другие районы, а органам ГПУ Московской, Западной, Центрально-Черноземной областей, Белоруссии, Средней и Нижней Волги «немедля арестовывать пробравшихся на Север "крестьян" Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных на места их жительства».

23 января Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело эту директиву и приняло решение не повторять ошибки 1932 г. и не пропустить подобной контрреволюционной затеи «врагов соввласти». В. Балицкий подписал соответствующее указание органам ГПУ Украины. На железнодорожных станциях республики полностью прекратили продавать билеты на поезда. Транспортные отделы ГПУ отвечали за возвращение бежавших крестьян. Практически одновременно было решено в феврале очистить железнодорожный транспорт от «антисоветского элемента», что предусматривало депортацию на Север всех выявленных «кулацких, петлюровских и других антисоветских контрреволюционеров».

В результате этих операций, по сведениям ОГПУ СССР, к 13 марта задержаны 219 460 человек, из которых 186 588 возвращены на места проживания, 9 385 привлечены к судебной ответственности, 2 823 осуждены, 10 657 находились в фильтрационных пунктах[125].

Нарастание голода и новый виток тяжелейшего социально-экономического кризиса усилили недовольство Сталина руководителями регионов, особенно тех, которые не выполнили план хлебозаготовок, а также испытывали острый недостаток продовольствия. Получив единогласную политическую поддержку на январском пленуме ЦК ВКП(б), Сталин сразу же начал смену республиканских кадров. 21 января освобожден с поста первого секретаря Казахского крайкома ВКП(б) Ф. Голощекин, а 24 января с поста первого секретаря ЦК компартии Азербайджана и секретаря Закавказского крайкома В. Полонский[126].

Однако самые серьезные кадровые изменения произошли в руководстве Украины. После перемещения в Украину осенью 1932 г. И. Акулова, С. Саркисова, М. Хатаевича и В. Балицкого Сталин продолжал «укреплять» республику лично преданными ему людьми, которые смогли бы выполнять планы хлебозаготовок и надежно контролировать ситуацию как в обществе, так и в самой КП(б)У.

С октября 1932 г. секретарь ЦК КП(б)У М. Хатаевич напрямую получал указания от Сталина, минуя С. Косиора и контролируя действия последнего. Анализ протоколов Политбюро ЦК КП(б)У показывает, что именно М. Хатаевич выносил на рассмотрение украинских руководителей основные политические вопросы и предлагал соответствующие постановления. Но в нескольких случаях (брошюра, текст которой правил В. Молотов, а также письма на имя

Сталина с просьбами уменьшить планы хлебозаготовок в Украине) М. Хатаевич показал себя человеком, не равнодушным к «местным интересам». Столкнувшись с голодом, он занял более реалистическую позицию, чем Кремль.

Видимо, это не понравилось Сталину. К тому же в конце января 1933 г. стало понятно, что Украина вновь не выполняет план хлебозаготовок. 24 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об укреплении парторганизаций ЦК КП(б)У», в котором отмечалось: «ЦК ВКП(б) считает установленным, что парторганизации Украины не справились с возложенной на них партией задачей организации хлебозаготовок и выполнения плана хлебосдачи, несмотря на троекратное сокращение и без того сокращенного плана.

ЦК ВКП(б) считает, что основными областями, которые решают судьбу сельского хозяйства Украины и которые нужно прежде всего укрепить, являются Одесская, Днепропетровская и Харьковская области.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1) Наметить вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем Харьковского обкома секретаря ЦК ВКП(б) т. Постышева.

2) Наметить первым секретарем Днепропетровского обкома т. Хатаевича с оставлением его одним из секретарей ЦК КП(б)У.

3) Наметить первым секретарем Одесского обкома т. Разумова.

4) Освободить т.т. Майорова, Строганова и Терехова от занимаемых ими ныне должностей и направить их в распоряжение ЦК ВКП(б).

5) Товарищам Постышеву, Хатаевичу и Разумову приступить к исполнению своих обязанностей по новой работе не позднее 30 января»[127].

Через неделю решили оставить Разумова первым секретарем Татарского обкома ВКП(б), а на пост первого секретаря Одесского обкома партии назначить Е. Вегера — первого секретаря Крымского обкома ВКП(б)[128].

Таким образом, Сталин взял под личный контроль ситуацию в Украине. Как показали последующие события, П. Постышев, который оставался секретарем ЦК ВКП(б), контролировал все действия не только украинского руководства, но и первого секретаря ЦК КП(б)У С. Косиора, члена Политбюро ЦК ВКП(б).

Требование Сталина превратить Украину в «настоящую советскую крепость» осуществлялось с помощью экономических, административных и репрессивных мер.

В начале января 1933 г. советское руководство установило новый порядок государственных заготовок: для колхозов были введены твердые погектарные нормы сдачи зерна. 6 февраля, когда голод в Украине приобрел катастрофические размеры, Политбюро ЦК ВКП(б) остановило в республике хлебозаготовки с урожая 1932 г.[129]

Во время весеннего сева (март-июнь 1933 г.) ЦК ВКП(б) и СНК СССР предоставили Украине 559 090 тонн зерна: 371 640 тонн семян, 84 760 тонн продовольственной помощи, 102 690 тонн фуража[130]. Преимущественно это зерно было изъято у крестьян в предыдущие месяцы хлебозаготовок и находилось в государственных складах и хранилищах на территории Украины. Что же касается продовольственной помощи, то ее размер был меньшим, чем месячная потребность республики в хлебе для лиц, которые состояли на централизованном снабжении (так называемые «особый» список и «списки № 1–3»). Но предоставленные семена позволили засеять весной 1933 г. почти на 2 млн. гектаров земли больше, чем в 1932 г.

Одновременно советское руководство резко увеличило поставки в Украину сельскохозяйственной техники. За 1933 г. количество тракторов в республике стало больше на 15 тыс., комбайнов — на 2,5 тыс. В конце года на украинских полях работало 48,5 тыс. тракторов, 4,5 тыс. комбайнов, около 9 тыс. грузовых автомашин[131].

Во время весеннего сева, а также сбора урожая руководством Украины была инициирована новая волна коллективизации. В колхозы уже не загоняли силой. Колхозники на полевых работах получали от государства хоть мизерное общественное питание, а единоличники оставались на произвол судьбы. Поэтому процент коллективизации в течение 1933 г. вырос. В начале 1934 г. в Украине было обобществлено 85,5% всей пахотной земли, а в 24 191 колхозе состояло 73% крестьянских хозяйств[132].

Благоприятные климатические условия 1933 г. позволили собрать один из лучших урожаев за все 30-е гг. По оценкам республиканских органов валовый сбор зерновых в Украине составил 22 264 тыс. тонн[133] — на 70% больше, чем в 1932 г. Общий размер государственных заготовок хлеба исчислялся в 5 890,9 тыс. тонн, т. е. 26% от валового сбора. В украинском селе оставили 16 373 тыс. тонн хлеба[134], вследствие чего широкомасштабный голод постепенно прекратился (хотя в областных архивах Украины хранятся документы о том, что люди опухали и умирали от голода в 1934 и 1935 гг.).

Составной частью политики советского руководства в Украине оставались разнообразные административные меры, призванные улучшить систему управления, а также усилить контроль над ситуацией на местах. В первой половине 1933 г. по просьбе П. Постышева в Украину было послано более 100 ответственных партийно-советских работников из различных регионов СССР. Опираясь на их поддержку, сталинский наместник осуществил серьезные кадровые перестановки в управленческих структурах республики. Немало смещенных с постов работников, среди которых было много выходцев с Западной Украины, репрессировали.

П. Постышев на пленуме ЦК КП(б)У в июне 1933 г. обвинил этих людей в том, что они насаждали «культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских...». В их руках оказалось дело украинизации, и они, утверждал П. Постышев, прикрывали свою «шпионскую, диверсионную» деятельность лозунгом «соборной Украины», а также «широкой спиной» одного из старейших членов Политбюро ЦК КП(б)У Н. Скрыпника.

В 1927 г. на IX съезде КП(б)У Н. Скрыпник выступил с докладом о задачах культурного строительства в Украине. Он отмечал: «Советская Украина является Пьемонтом для всего украинского народа, расположенного на всей территории этнографической Украины... Мы проводим культурно-хозяйственное строительство, которое является примером для угнетенных масс западных украинских земель, как дело строительства социализма в нашей стране является примером и образцом для угнетенных и порабощенных масс всех земель всего земного шара»[135].

Однако распространенные в 20-х годах представления о советской Украине как о Пьемонте для Западной Украины и своеобразном мосте, по которому коммунистическая революция перейдет в страны Западной Европы, оказались совсем не нужными советскому руководству в первой половине 30-х годов. Нарастание угрозы новой мировой войны, события на Дальнем Востоке, приход фашистов к власти в Германии, ухудшение отношений с Польшей заставляли менять акценты не только во внешней, но и во внутренней политике.

В условиях глубокого социально-экономического кризиса, охватившего СССР в начале 30-х годов, Украина Сталину представлялась Пьемонтом для населения украинских этнографических земель в России[136].

Призывы Н. Скрыпника украинизировать некоторые районы РСФСР напоминали по своей сути лозунг «соборности Украины» и входили в явное противоречие с централизацией управления в Советском Союзе.

Кроме того, недовольных и сопротивляющихся сталинской политике в украинском обществе и в самой компартии можно было обвинить в «украинском национализме». Недаром еще в феврале 1933 г. П. Постышев на пленуме ЦК КП(б)У говорил: «Вспомните ореховских героев, которые агитировали: “москали хлеб забирают, будет, похлебали мы кукурузной похлебки, пусть Москва поест”. Разве мало было таких разговоров в украинских парторганизациях?.. Враги, пролезшие в партию, прекрасно поняли, что интересы пролетарского государства должны для большевиков быть на первом плане, и именно поэтому старались, в первую очередь, ударить по этим интересам государства». Далее П. Постышев заявил о серьезных ошибках Наркомата просвещения Украины, которым руководил Н. Скрыпник, в украинизации[137].

Критиковали Н. Скрыпника провокационно откровенно и грубо после 23 февраля 1933 г., когда состоялась его последняя личная встреча со Сталиным. Скрыпник пробыл в кабинете Сталина 40 минут[138]. Мы не знаем, о чем шел разговор. Но после этой встречи П. Постышев приложил максимум усилий, чтобы имя Н. Скрыпника ассоциировалось с ошибочностью национальной политики, проводившейся украинским руководством с определенной долей самостоятельности. Политическая травля Н. Скрыпника привела к его самоубийству.

Чтобы преодолеть недовольство и сопротивление низовых партийно-советских работников, в украинской компартии была объявлена «чистка». До 15 октября 1933 г. ее прошли 120 тыс. коммунистов, среди которых 27,5 тыс. (23%) были «вычищены» как «классово враждебные элементы». В течение десяти месяцев 1933 г. ЦК КП(б)У направил в обкомы 233 новых работника. На руководящую районную работу отправлено 1 340 человек. Назначено 278 новых секретарей райкомов (70% от общего числа).

Стало намного больше ответственных партийных работников непосредственно в колхозах. Если на 1 января 1933 г. в колхозах республики было 7 908 секретарей партячеек и кандидатских групп, то на 1 ноября их количество возросло до 10 365. Кроме того, в колхозы направлены 6 500 партийных организаторов и 16 500 парторгов бригад. В целом из областных и районных центров послано в колхозные ячейки 15 929 человек, из которых 3 592 — на постоянную работу председателями колхозов, секретарями партячеек и парторгами колхозов[139].

В начале года в республике появилась параллельная райкомам партии контролирующая управленческая структура — политотделы МТС. П. Постышев лично утверждал начальников политотделов, в подавляющем большинстве военных политработников. Была также введена должность заместителя начальника политотдела МТС по ГПУ.

Основной задачей политотделов и ГПУ УССР стала «чистка классово враждебных элементов». Размах репрессивных мер, осуществленных ими в 1933 г., огромен. После организации в марте 649 политотделов МТС и 203 политотделов совхозов прошла проверка кадров. По 455 МТС «вычищено» 8 691 человек, или 26,1% проверенных, т. е. «политическая проверка» охватила приблизительно 33 300 работников. Если экстраполировать эти цифры на все МТС, то «проверено» около 47 тыс. человек. Только среди директоров МТС сняли с работы 400[140].

Еще более значительным был масштаб репрессий в колхозах.

Результаты «чистки» управленческого аппарата 11 420 колхозов, проведенной политотделами 455 МТС, отображены в таблице[141]:

Название должности	Количество проверенных	«Вычищено» и снято с должности	% «вычищенных» к общему количеству проверенных
Председатель колхоза	11 420	6 089	53,3
Завхоз	9 651	4 928	51,1
Члены правлений колхозов	34 092	6 372	18,7
Бухгалтер, счетовод	14 244	3 409	23,2
Кладовщик	11 221	4 397	39,5
Конюх	61 774	12 359	20,0
Зав. товарной фермой	5 757	1 830	31,6
Бригадир	33 213	8 748	23,5
Счетовод в бригаде	21 867	3 763	17,2
Всего	203 068	51 896	25,3

Кроме управленцев, из этих колхозов «вычистили» 38 030 человек. Общее количество «вычищенных» из колхозов в районах деятельности 455 МТС составило 89 926, т. е. в среднем на каждый колхоз пришлось 8 человек[142]. С учетом того, что в Украине на то время было 24 191 колхоз, «вычищенных» насчитывалось 193 528 человек.

По 443 совхозам было проверено 95 517 человек, из которых «вычищено» 14 680 (15,4%). С должностей снято 60% директоров совхозов Наркомата совхозов и 42% — Наркомата земледелия. Поголовная проверка сельскохозяйственных кадров охватила 74 тыс. трактористов республики, из которых 6 400 снято с работы, а также 5 820 шоферов, среди которых «вычищено» 765[143].

В 1933 г. ЦК КП(б)У и обкомы партии проверили систему Заготзерна — работников ссыпных пунктов, элеваторов, межрайонных и областных контор. Из 9 215 проверенных снято с работы 1 041, в том числе 500 «активных петлюровцев, белогвардейцев, кулаков и торговцев», 300 «разоблаченных в различного рода злоупотреблениях, кражах и мошенничестве», 241 «непригодный работник», 150 «белогвардейских офицеров». В систему Заготзерна направлено 850 «политически надежных работников», а также 200 коммунистов на должности заведующих ссыпными пунктами[144].

«Политические проверки» охватили систему потребительской кооперации, где из 45 тыс. проверенных было снято с должностей 4,1 тыс. «растратчиков, активных петлюровцев и белогвардейцев, кулаков и торговцев». На их место в потребкооперацию направлено более 3 тыс. человек[145].

П. Постышев лично инициировал и контролировал «политические проверки» руководящего состава различных управленческих структур в Украине. В частности, при проверке центрального и областных аппаратов Госплана Украины было снято с работы 98 человек, вместо которых назначено 24 коммуниста с высшим образованием. В Управлении народнохозяйственного учета СНК УССР уволен с должности 151 «меньшевик, эсер и другие классово враждебные элементы», а взамен направлен 21 коммунист с высшим образованием[146].

Особенно тщательно ГПУ республики провело «чистку» Наркомата земледелия (НКЗ), ответственных работников которого обвиняли в создании голода. В начале года там была разоблачена «контрреволюционная организация», а в июне 44 работника сняли как «контрреволюционные националистические элементы». В то же время заменили большинство заведующих областными земельными управлениями и управляющих областными тракторными конторами. В августе-сентябре разгромили Всеукраинскую академию сельскохозяйственных наук, президиум которой был обновлен на 80–90%[147]. Репрессиям подверглись многие другие республиканские организации и учреждения[148].

Наибольшие «достижения» отмечались на низших ступенях управленческих структур. П. Постышев на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У заявил о том, что из низовых советских учреждений «вычищено» около 40 тыс. работников. К XII съезду КП(б)У (18–23 января 1934 г.) в республике были заменены 60% председателей райисполкомов и 60% председателей сельсоветов[149].

Досталось и сельским комсомольцам. За 15 месяцев, с ноября 1932 г. до января 1934 г., из рядов ЛКСМУ было исключено 57 655 человек, преимущественно в селе. Из городов в села направлено 2 500 секретарей колхозных комсомольских ячеек[150].

Таким образом, в 1933 г. действия советского руководства предопределили несколько взаимосвязанных процессов, происходивших в украинском обществе.

Во-первых, республику охватил широкомасштабный голод, который привел к гибели от 3 до 3,5 млн. людей (прямые потери населения)[151].

Во-вторых, упрочилась политическая структура, краеугольным камнем которой стала колхозная система, просуществовавшая до 90-х годов XX века.

В-третьих, произошла настоящая кадровая революция. Посланные из различных городов СССР и Красной Армии коммунисты установили непосредственный контроль над ситуацией в украинском селе.

В-четвертых, «политические проверки» и репрессивные «чистки» охватили все ступени республиканских управленческих структур, приобретя особый размах в колхозах, совхозах и МТС. Им подверглись более полумиллиона людей, сотни тысяч попали в разряд «классово враждебных элементов».

У нас до сих пор нет обобщающей статистики репрессий в республике в 1933 г., но историк Ю. Шаповал, на мой взгляд, имел все основания считать,

что в это время Украина, украинское село превратились в полигон сталинских репрессий.

В целом 1933 г. стал одним из решающих моментов «советизации» Украины, упрочения в республике сталинской политической системы, а также усиления репрессивности тоталитарного режима.

*

1. См.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No 3 (Fall 1995).— P. 650.

2. См.: Колективізація і голод на Україні, 1929—1933.— К., 1993.— С. 10; Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 315; Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Там же.— С. 334.

3. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 335—336.

4. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (дальше — ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 4, 45.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (дальше — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 867. Л. 10; Д. 871. Л. 11, 15, 50—51; Д. 872. Л. 4; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 45, 48, 57, 59—60, 62.

6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 110.

7. См.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 110—115; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 25; Оп. 20. Д. 4354. Л. 7.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 172; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 70.

9. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 116, 119; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 872. Л. 15; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 82.

10. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 337; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 98.

11. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 121.

12. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 205; Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К.,1990.— С. 129; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. З. Д. 876. Л. 1.

13. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 131, 133.

14. Там же.— С. 137—143; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 155.

15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 30—31, 37, 84, 108.

16. Там же. Л. 108.

17. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 313.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 877. Л. 41; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 110; Д. 236. Л. 57.

19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (дальше — ЦГАВОВУ Украины). Ф. 318. Оп. 1. Д. 647. Л. 6.

20. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 147—148; ЦГАОО Украины Ф. 1. Оп. 6. Д. 235. Л. 5, 8—9.

21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 882. Л. 7; Д. 883. Л. 2; Оп. 162. Д. 12. Л. 115. Политбюро ЦК ВКП(б) признало нецелесообразным создавать Комитет фондов при СНК УССР.

22. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы.— М., 1996.— С. 56; Колективізація і голод на Україні, 1929—1933.— К., 1993.— С. 525—531; Чорні жнива: Голод 1932—1933 рр. у Валків. та Коломац. р-нах Харківщини.— К.; Харків; Нью-Йорк; Філадельфія, 1997.— С. 72, 335; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 236. Л. 52.

23. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы.— М., 1996.— С. 57—58.

24. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 196; Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 300; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 126, 132, 134, 149.

25. ЦГАОО Украины. Ф. 1, Оп. 6. Д. 236. Л. 92; ЦГАВОВУ Украины. Ф. 813. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

26. Мейс Д. Політичні причини голодного мору //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1993.— С. 15—16; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 236. Л. 79.

27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 153.

28. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 236. Л. 105—107.

29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 886. Л. 11.

30. Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45—46.

31. Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 175.

32. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 139. Л. 144—153, 162—165.

33. Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 62—63.

34. Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 180—181.

35. См.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 183.

36. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 67—68.

37. Так в тексте. См.: Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 337—338.

38. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.— М., 1995.— С. 241—242. Подчеркивания в письме сделаны Сталиным.

39. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 186—187.

40. Там же. С. 190. Датирование документа в книге ошибочно. Решение от 20 июня 1932 г. за № 67/27 «О продпомощи Украине (телеграмма Косиора)» содержится в протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 105 от 23 июня 1932 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 889. Л. 15.

41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 192.

42. Там же. Л. 153.

43. Там же. Л. 166.

44. Там же. Оп. 3. Д. 889. Л. 25.

45. Там же. Оп. 162. Д. 13. Л. 4.

46. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.— М., 1995.— С. 242; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 889. Л. 16; Д. 890. Л. 8.

47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 891. Л. 10.

48. Там же. Оп. 162. Д. 13. Л. 15.

49. См.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 194. В ссылке на архивный источник неверно указан лист. См.: ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 236. Л. 152—153, 166.

50. III Всеукраинская конференция КП(б)У уже неоднократно анализировалась историками. См.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 36—40; Комуністична партія України: з'їзди і конференції.— К., 1991.— С. 146—153; Шаповал Ю. Стенограма і протокол III конференції КП(б)У як джерело вивчення голоду 1931—1932 рр. і голодомору 1932—1933 рр. //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 149—156.

51. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

52. Там же.

53. Там же.

54. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 306, 308.

55. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Там же.— С. 355.

56. См.: Реабилитация: Полит. процессы 30—50-х гг.— М., 1991.— С. 92—104.

57. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 236. Л. 228.

58. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 338; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45—46.

59. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 894. Л. 11; Оп. 162. Д. 13. Л. 55.

60. Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 145—151, 170—171.

61. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 2, 8, 27.

62. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 76.

63. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 32.

64. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 339.

65. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 897. Л. 15.

66. Там же. Л. 19.

67. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 340; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 50.

68. Kuromia H. Freedom and Terror In Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s.— Cambridge University Press, 1998.— P. 168.

69. Блинов А. С. Иван Акулов.— М., 1967.— С. 70—71; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933.— London, 1996.— P. 381; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 900. Л. 34; Оп. 2. Д. 500. Л. 26.

70. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 902. Л. 9.

71. Там же. Д. 903. Л. 8, 13, 17; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 81, 84—85, 92, 120; ЦГАВОВУ Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 67.

72. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 340.

73. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Л. 11, 15.

74. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 125.

75. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 7.

76. Там же. Л. 12—16, 18; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 177.

77. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 178, 187—188, 193—194; Оп. 16. Д. 9. Л. 46.

78. См.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 250—261; ЦГАВОВУ Украины. Ф. 813. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

79. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 647. Л. 8—10, 13.

80. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 42.

81. Там же. Л. 29—30.

82. См.: Подкур Р. Ю. Документи радянських спецслужб як джерело до вивчення політичних, соціально-економічних, культурних процесів в Україні (20—30-ті рр. XX ст.): Дис. ... канд. іст. наук.— Дніпропетровськ, 1999.— С. 46.

83. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 55; Ф. 17. Оп. 3. Д. 907. Л. 17—18; Оп. 162. Д. 14. Л. 17.

84. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 74—76. Через несколько дней Политбюро ЦК КП(б)У по предложению самого М. Хатаевича изъяло эту брошюру из обращения для внесения в нее необходимых изменений. См.: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 140. Л. 127.

85. Там же. Оп. 3. Д. 214. Л. 214.

86. Shimotomai N. A Note on Kuban Affair (1932—1933): The crisis of Kolkhos agriculture in the North Caucasue //Acta Slavica Iaponica.— Sapporo (Japan), 1983.— Tomus I.— P. 46.

87. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 1—4, 8, 11, 167—169, 177, 183—184.

88. Правда.— 1932.— 19 нояб.; Shimotomai N. A Note on Kuban Affair (1932—1933): The crisis of Kolkhos agriculture in the North Caucasue //Acta Slavica Iaponica.— Sapporo (Japan), 1983.— Tomus I.— P. 48.

89. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 19.

90. Там же. Д. 214. Л. 13. 5 ноября 1932 г. Сталин сообщил Л. Кагановичу о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило эти предложения. См.: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 22.

91. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 209; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 906. Л. 10.

92. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 740. Л. 180.

93. Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 18—22, 26, 37—38.

94. Там же. Д. 232. Л. 24.

95. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов).— М., 1996.— С. 210; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 27.

96. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 84—85, 88—90, 92, 94, 97, 102, 148.

97. Осколков Е. Голод 1932—1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 120.

98. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 909. Л. 12.

99. Кондрашин В. Голод в Поволжье //Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки: Міжнар. наук. конф.— К., 1995.— С. 130.

100. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 907. Л. 20.

101. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 21—22, 37—38, 53—56, 93.

102. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 283; Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 350.

103. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 32.

104. Правда.— 1988.— 16 сент.

105. См.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No. 3 (Fall 1995).— P. 652; Гинцберг А. И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов: По материалам «особых папок» ЦК ВКП(б) //Вопр. истории.— 1999.— № 10.— С. 124—125; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 34, 38.

106. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 910. Л. 3; Д. 911. Л. 11.

107. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 283; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911. Л. 42—43.

108. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 51, 59, 129; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 79; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931—1934).— К., 1999.— С. 79—80; Васильєв В. Причини та механізми здійснення масових політичних репресій на території Вінницької області в 20—30-і рр. //Політичні репресії на Поділлі (20—30-і рр. XX ст.).— Вінниця, 1999.— С. 13.

109. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 912. Л. 44.

110. Правда.— 1964.— 26 мая.

111. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 912. Л. 54.

112. Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 1—3, 5—8, 10—17, 23—33; Д. 232. Л. 42, 45—48, 53—53 об., 56, 62; Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 43; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 179—181.

113. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 308—309; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 11, 14; Оп. 162. Д. 14. Л. 45; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 281. Л. 1—3, 7.

114. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 50.

115. По этому вопросу см.: Kuromia H. Ukraine and Russia in the 1930s //Harvard Ukrainian Studies.— 1994.— V. 18 (3/4) (December).— P. 331; Kuromia H. Freedom and Terror In Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s.— Cambridge University Press, 1998.— P. 151.

116. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Вып. I. Л. 9, 12—12 об., 33—34 об., 42—43, 50 об.—52; Вып. II. Л. 3—3 об., 4 об.—9 об., 17 об.—20.

117. М. Н. Скрыпник ответила, что если Н. А. Скрыпник выступит с подобной критикой Сталина, то она выбросится из окна, покончит жизнь самоубийством. Возможно, именно эта угроза остановила Скрыпника. См.: Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг.— М., 1999.— С. 244.

118. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 15.

119. См.: Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S. G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932—1933 //Slavic Review.— V. 54, No. 3 (Fall 1995).— P. 652.

120. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии.— М., 1999.— С. 180.

121. Архив Гуверовского института архивов. Центр хранения современных документов. Ф. 89. Перечень 48. Док. 25. Л. 1—2. Автор имел возможность работать в Гуверовском институте архивов в октябре 1996 г.

122. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 25; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 281. Л. 37, 131.

123. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л.26; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 281. Л. 39.

124. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 45.

125. См.: Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? //Судьбы российского крестьянства.— М., 1996.— С. 357; Ивницкий Н. А. Хлебозаготовки 1932—1933 годов и голод 1933 года //Голод-геноцид 1933 року в Україні: Іст.-політол. аналіз соц.-демогр. та морально-психол. наслідків: Міжнар. наук.-теорет. конф. Київ, 28 листоп. 1998 р.: Матеріали.— К.; Нью-Йорк, 2000.— С. 113—114; Сергійчук В. Міграційні процеси в Україні на початку 30-х років як наслідок голодомору //Там же.— С. 113—114; Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии.— М., 1999.— С. 170.

126. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 9, 13.

127. Там же. Л. 13.

128. Там же. Л. 23.

129. Там же. Д. 915. Л. 16.

130. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 405. Л. 5—6, 123.

131. Там же. Д. 420. Л. 5.

132. Там же. Д. 436. Л. 110.

133. Эта цифра была «биологическим» урожаем, а не количеством реально собранного зерна.

134. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 124.

135. Там же. Д. 413. Л. 42—43.

136. Это уже отмечал американский историк Терри Мартин. См.: Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing //The Journal of Modern History.— 1998.— № 70 (December).— P. 844—846.

137. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 413. Л. 29 об.

138. См.: Ист. архив.— 1994.— № 6; 1995.— № 2—6; 1996.— № 2—6; 1997.— № 1; 1998.— № 4.

139. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 422. Л. 13; Д. 436. Л. 287.

140. Там же. Л. 141, 455.

141. Там же. Л. 147.

142. Там же. Л. 148.

143. Там же. Л. 457—458, 463.

144. Там же. Л. 465.

145. Там же. Л. 467.

146. Там же. Л. 469—470.

147. Там же. Л. 451; Шаповал Ю. І. Україна 20—50-х років: Сторінки ненаписаної історії.— К., 1993.— С. 129.

148. См.: Даниленко В., Касьянов Г., Кульчицький С. Сталінізм на Україні (20—30-ті роки).— К.; Едмонтон, 1991; Касьянов Г., Даниленко В. Сталінізм і українська інтелігенція (20—20-і рр.).— К., 1991; Конквест Р. Жнива скорботи: Рад. колективізація і голодомор.— К., 1993; Шаповал Ю. І. Україна 20—50-х років: Сторінки ненаписаної історії.— К., 1993; Кульчицький С. В. Україна між двома війнами (1921—1939 рр.).— К., 1999 и другие.

149. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 421. Л. 165; Д. 436. Л. 474.

150. Там же. Д. 436. Л. 485—486.

151. См.: Кульчицький С. В. Україна між двома війнами (1921—1939 рр.).— К., 1999.— С. 183; см. также статью С. Уиткрофта в нашей книге.

Юрій Шаповал

III КОНФЕРЕНЦІЯ КП(б)У: ПРОЛОГ ТРАГЕДІЇ ГОЛОДУ

У жовтні 1932 року в Харкові у видавництві «Пролетар» вийшла друком книга «Третя конференція КП(б)У. 6–9липня 1932 року. Стенографічний звіт». Відтоді, здається, лише один раз ця стенограма була об'єктом спеціального аналізу. Йдеться про підготовлену Юрієм Бабком і Миколою Бортнічуком невеличку за обсягом книгу «Третя Всеукраїнська конференція КП(б)У», яка побачила світ у Києві 1965 року[1].

Підготовлена за канонами історіографії «застійної» доби, ця книжка, зрозуміло, не могла дати належного наукового аналізу матеріалів III конференції КП(б)У. Тим часом ці матеріали необхідно дослідити спеціально, оскільки вони є важливим джерелом для вивчення передумов виникнення голодомору в Україні на початку 30-х років.

III конференція розпочалась 6 липня 1932 року в Харкові у приміщенні Державної опери. Серед 252 делегатів конференції з вирішальним голосом 158 осіб (або 62,7%) складали секретарі сільських і районних комітетів[2]. Саме ці люди разом з керівниками райвиконкомів були безпосередніми виконавцями жорстких директив центру. Вони розуміли, чим загрожують Україні вимоги неухильного виконання хлібозаготівельних планів. Їм, зокрема, була відома постанова ЦК ВКП(б) від 23 червня 1932 року: «Обмежитись вже ухваленими рішеннями ЦК і додаткового завозу хліба на Україну не здійснювати»[2а].

Однак в них жевріла надія, що III конференція, на яку прибули високі московські сановники в особі Вячеслава Молотова і Лазаря Кагановича, дасть центральному керівництву точне уявлення про стан сільського господарства в Україні, можливо пом'якшить їхнє ставлення до України.

Багато очікували від конференції й безпартійні. Це, зокрема, засвідчує лист з Тирасполя, надісланий 18 травня 1932 року на адресу президії партійного зібрання. Процитуємо уривок з цього листа: «Товариші! Про те, що ми переживаємо серйозні труднощі у сільському господарстві, про те, що є ряд кричущих безчинств, як перегинів, так і окозамилювання, гадаю, не слід описувати»[3].

А далі автор листа, власне, зупиняється на конкретних недоліках. Ось що він, зокрема, пише: «Село потерпає від частих змін керівництва… Зверніть увагу на чехарду уповноважених з міста. Кожного разу приїжджає інший і намагається забезпечити тільки те, що в даний момент від нього вимагається. Наприклад, під час хлібозаготівлі уповноважені йшли на те, щоб здати посівматеріали, не думаючи про посівкампанії… Село повинно мати авторитетного постійного партійця, а на факті ми бачимо, що кращі сили прагнуть із села втікати»[4].

Певні надії покладало на конференцію і вище партійно-державне керівництво України. Його члени також були добре обізнані з реальним станом справ на селі і не мали жодних ілюзій, до чого насправді йде. Вони точно знали те, що сучасні дослідники формулюють у такий спосіб: хлібозаготівлі з урожаю 1931 року слугували безпосередньою причиною голоду в Україні в першій половині 1932 року. Тоді кількість заготовленого у зимові місяці хліба становила менше третини від обсягу, заготовленого влітку й восени. Взимку 1932–1933 років було зібрано майже таку саму кількість хліба, що й попередньої зими, одначе тепер вона становила дві третини від обсягу, зібраного у нормальний час. Чим пояснити те, що з українського села вдалося витиснути таку саму кількість зерна, як і раніше? Пояснення вкрай просте — нещадне і жорстке пограбування села[5].

Невипадково Голова Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету Григорій Петровський писав генсеку ЦК КП(б)У Станіславу Косіору у 1932 році: «Через те, що продовольче становище починає важко складатись для районів Дніпропетровської, Одеської, Харківської, Київської і Вінницької областей і не тільки села, а й деяких робітничих міст, я вважаю за необхідне: 1. Написати доповідну записку до ЦК ВКП(б)... 2. Прохати ЦК ВКП(б) видати постанову про припинення хлібозаготівель на Україні...»[6].

Знаючи все це, стенограму III конференції, незважаючи на те, що вона зафіксувала обов'язкові тогочасні політичні ритуали (як обрання «почесної президії», «почесного голови» в особі Сталіна, привітання тощо), сприймаєш як акт історичної трагедії під назвою «Голод в Україні». Була в цьому акті і своя окрема драматургія. Придивімось до цього уважніше.

На порядку денному конференції стояло одне питання: «Про підсумки весняної засівної кампанії, про хлібозаготівну та збиральну кампанії і завдання організаційно-господарського зміцнення колгоспів». Доповідь зробив С. Косіор, який — слід пам'ятати! — був членом Політбюро ЦК ВКП(б). Саме це чималою мірою визначало суть і навіть тональність його виступу.

Тут доречно нагадати і про той лист, який він надіслав Сталіну 26 квітня 1932 року. В ньому, зокрема, зазначалося: «У нас є окремі випадки і навіть села, що голодують, одначе це лише наслідок місцевого головотяпства, перегинів, особливо стосовно колгоспів. Всілякі розмови про "голод" на Україні слід категорично відкинути»[7].

І це писалося тоді, коли Україна стояла на порозі голодомору. Виконання хлібозаготівельного плану 1931 року, що затяглося до зими 1932 року, відчутно вдарило по тваринництву, започаткувало голод. «...У нас,— зазначав в доповіді С. Косіор,— у хлібозаготівельній кампанії припустилися багатьох помилок, були перекручення й неподобства. Але що й хто тут винен? Чи план хлібозаготівель, чи неправильне керування, погана робота нашої партійної організації? Намагання прикрити всі серйозні хиби нашої роботи планом хлібозаготівель треба рішуче викрити, засудити, бо це є не що інше, як тільки

капітуляція перед труднощами і скочування на позиції ворожих елементів, на антипартійний шлях»[8].

У доповіді С. Косіора була представлена точка зору ЦК КП(б)У на причини труднощів, що виникли. По-перше, серйозною, хоча й не головною причиною були названі складні кліматичні умови 1932 року (як відомо, складні кліматичні умови завжди заважали більшовикам керувати господарством колишнього Радянського Союзу). По-друге, труднощі весняної засівної кампанії пов'язувалися «з незадовільним керуванням організацією господарства колгоспів, проведенням торішньої осінньої збиральної і хлібозаготівельної кампанії». По-третє, джерелом багатьох проблем була названа безгосподарність у колгоспах[9].

«Збиральна, як і хлібозаготівельна кампанія,— підкреслював С. Косіор,— відбуватиметься в обставинах загостреної класової боротьби. Ця боротьба вже розгорнулася, надто там, де почалося збирання врожаю. Всілякі контрреволюційні елементи, куркульня, підкуркульники, що пролізли до колгоспів, використовуючи помилки минулого року, проводять тепер боротьбу проти скиртування хліба, поширюють всілякі чутки, агітують за розтягання хліба. Найменша розговтаність, бездіяльність з нашого боку — на руку ворогові. Нам, нашим сільським організаціям, треба негайно піднятися, взяти керування міцно в руки, мобілізувати всі свої сили, сили колгоспників, щоб дати згубну одсіч куркулеві і його агентурі і ні в якому разі не припустити ніяких втрат. Ми повинні так поставити всю свою роботу, щоб цілком зібрати врожай і забезпечити успішне виконання плану хлібозаготівель»[10].

В доповіді фактично нічого не було сказано про хибність «воєнно-комуністичних», натискних, адміністративних методів керівництва аграрним сектором, які насамперед і спричиняли катастрофічний стан на селі.

Керівники КП(б)У фактично не хотіли про це говорити. Чому? Значною мірою це пояснює лист Голови Ради Народних Комісарів УСРР Власа Чубаря В. Молотову і Й. Сталіну, який був надісланий у Москву ще до III конференції, а саме 10 червня 1932 року. Ось уривок з цього листа: «Ваші закиди в тому, що ми, українці, не знаємо, що діється на селі, і що ми не займались як слід селом, цілком і повністю справедливі. Оптимістична оцінка становища нашого села перед засівною кампанією була помилковою та базувалася більше на поверхових враженнях відповідальних працівників, які бували на селі (браку кількості працівників, які сиділи місяцями на селі, не було), ніж на аналізі облікових даних статистики, оперативної звітності з низки заготівельних кампаній та вивченні дійсного стану справ у районах, де ці товариші працювали як уповноважені.

Переоцінка наших можливостей мала місце у прийнятому нами плані хлібозаготівель, у плані м'ясозаготівель тощо. Зараз, перед новим урожаєм,

коли вичерпуються старі ресурси, у період найвищого напруження сил для виконання плану весняної засівної кампанії, розкриваються з особливою гостротою всі слабкі місця. Кількість районів, які знаходяться у важкому становищі, зростає (вочевидь частина цього приросту йде за рахунок виявлення раніше не виявлених, а частина за рахунок вичерпання внутрірайонних ресурсів на кінець господарського року).

Зараз уже можна вважати мінімум 100 районів (замість 61, які налічувалися на початок травня), що потребують продовольчої допомоги та зривають план весняної сівби. Вони ж будуть зривати обробіток і збирання врожаю технічних культур і хліба»[11].

Ось, виявляється, що думали у Кремлі: українці надто «оптимістично» ставилися до можливостей села, а відтак самі собі створили проблему з голодом, що — повторимо — розпочався вже наприкінці 1931 року і на початку 1932-го. На думку московських вождів, місцеві керівники переоцінювали власні можливості у хлібозаготівлях. Зрозуміло, тут у словах і «зізнаннях» В. Чубаря була гра: слід покаятися — і раптом вдасться випросити легші умови хлібозаготівель. Недаремно наприкінці свого листа він писав: «Правильне ведення господарства порушено у нас в УСРР на такій великій ділянці, що вимагає внесення спеціальних корективів до планів хлібозаготівель, м'ясозаготівель та інших завдань в галузі сільського господарства, про що доведеться входити в ЦК і Раднарком окремо»[12].

Характерно, що і в листі В. Чубаря, і у ще одному надзвичайно цікавому документі — листі Г. Петровського до В. Молотова і Й. Сталіна — без жодних евфемізмів вживалось поняття «голод», як відомо суворо заборонене в офіційних відкритих публікаціях. Процитуємо уривок з листа «всеукраїнського старости»: «У роботі з засівної кампанії в районах Прилуцькому, Лохвицькому, Варвинському, Чорнухинському, Пирятинському і Мало-Дівицькому я став, так би мовити, обличчям до села, та це, звичайно, не означає, що до цього часу ми, українські комуністи, не знали, що в нас діється на селі (хоча нас тепер і звинувачують у відірваності від села). Ми знали, що у хлібозаготівлях у нас буде суворий тиск і горшки будуть биті. Як на мене, заходившись виконувати 510 млн. пудів хлібозаготівлі на Україні, ЦК КП(б)У завинив у тому, що він без заперечень це зробив, підкоряючись владній необхідності зберегти узяті нами темпи соціалістичного будівництва, а також враховуючи напружений стан міжнародного моменту. У цьому сенсі я розумів необхідність виконання директиви ЦК ВКП(б) про хлібозаготівлі, яку було прийнято нами до неухильного виконання.

Однак ми знали, що виконання хлібозаготівель на Україні буде нелегке, але те, що я тепер побачив на селі, говорить за те, що в цій справі дуже переборщили

в нас, перестаралися. Я був у багатьох селах цих районів і всюди бачив, що добряча частина села охоплена голодом. Небагато, але є й пухлі з голоду, головним чином, бідняків і навіть середняки. Вживають такі сурогати, що далі нема куди, та й сурогатів цих часом нема. На великих зборах по селах мене, звісно, лають на всі заставки, тітки плачуть, а трапляється й дядьки. Іноді критика становища, що склалося, заходить дуже глибоко та широко — навіщо створили штучний голод, адже в нас був урожай; навіщо засівматеріал забирали — цього не було навіть за старого режиму; чому українцям треба у тяжких умовах їхати по хліб у нехлібні краї, а не привозять хліб сюди тощо.

Важко за таких умов давати пояснення. Свариш, звичайно, тих, хто наробив перегинів, та загалом крутишся, як карась на пательні. На відчайдушний крик про допомогу засівматеріалами та хлібом для продовольства я щодо засівматеріалу дещо обіцяв, примушую селян вишукувати насіння в себе на місцях, а щодо продовольчої допомоги хлібом я не можу нічого обіцяти чи обіцяєш мало. Зараз на ґрунті голоду по селах розвиваються масові крадіжки, здебільшого птиці — крадуть курей, качок, забирають рештки картоплі, ріжуть вночі телят і корів та з'їдають їх»[13].

Отже, ще до конференції партійно-державне керівництво в Харкові і у Москві чудово знало, що реально відбувається. Власне, свідченням цієї поінформованості була присутність на конференції Л. Кагановича і В. Молотова. А у своїй доповіді С. Косіор запропонував офіційне обґрунтування приїзду відразу двох «сталінських соколів»: «Україна в Радянському Союзі посідає дуже видатне, коли не сказати вирішальне, місце в галузі сільського господарства. Від того, як іде соціалістична реконструкція сільського господарства України, як розвивається колгоспне будівництво і як працює в цьому напрямі наша партійна організація,— залежить у значній мірі виконання народногосподарського плану цілого Радянського Союзу. Ось чому ми сьогодні бачимо тут, на нашій конференції, і т. Кагановича, і т. Молотова, яких відрядив ЦК ВКП(б), щоб разом з нами обговорити і накреслити заходи, щоб якомога швидше просунути вперед сільське господарство України, піднести продуктивність наших колгоспів, виправити цілу низку хиб, що є в нашій роботі на селі»[13a]. Це дуже важливий момент для розуміння багатьох колізій на III конференції.

На п'яти (з шести) засіданнях тривало обговорення доповіді С. Косіора. В дебатах виступили 33 особи. Серед них були секретарі 18 райкомів партії, секретарі обкомів — М. Майоров, В. Чернявський, М. Демченко, Р. Терехов, а також В. Затонський, П. Любченко, Г. Петровський, М. Скрипник, В. Чубар, О. Шліхтер та інші делегати.

Деякі районні керівники робили спробу в своїх доповідях не тільки окреслити складність ситуації на селі, а й показати, що не можна перекладати

основну відповідальність за цю ситуацію на низові ланки, насамперед на нещодавно створені райони. Не випадково, до речі, у надрукованому у 1932 році стенографічному звіті III конференції були вилучені або ретельно відредаговані саме ті фрагменти з виступів районних керівників, які мали гострокритичну спрямованість. Саме на ці виступи доцільно звернути увагу дослідникам при роботі з архівним варіантом стенограми.

Ось що говорив, зокрема, представник Смілянського району Г. Фомін: «До питання про безпосередню допомогу районам з боку ряду відповідальних працівників, навіть окремих членів уряду, які приїздять для надання допомоги районам. Я не хочу говорити персонально, але вважаю, що окремі (товариші), приїжджаючи до нас, не тільки не допомагали районам, не тільки не вивчали економічні умови районів для того, щоб конкретно допомогти, а створювали умови, що деморалізували райони... У нас був такий уповноважений, котрий сидів небагато, але наробив надзвичайно багато справ і викликав панічний стан окремих сільських керівників. Товариш приїздив у село і замість ділової роботи, замість ділових вимог казав: "Я тебе ось посаджу на 24 години, зніму штани і посаджу на сніг, тоді ти план виконаєш" *(шум)*.

Голоси: Хто це? Назви прізвище.

Тов. Фомін: Якщо потрібно буде, то назву.

Голос: Ти скажи, хто? *(Шум у залі)*

Фомін: Я гадаю, що вимагати не варто, а якщо потрібно буде, то я напишу про це заяву у ЦКК або у президію конференції *(шум)*.

Голос: А ти вважаєш непотрібною цю справу зараз, ти замазуєш.

Фомін: Я не замазую, я називаю факти, які були не тільки у нашому районі, а й у ряді інших районів.

Голос: Ти назви його прізвище.

Фомін: Його прізвище Поляков *(шум)*»[14].

В офіційно друкованій стенограмі конференції цей фрагмент виглядає так: «Далі про уповноважених. Я вважаю, що керівництво уповноважених, що надсилаються, повинно бути гнучке. Уповноважені повинні конкретно допомагати в здійсненні директив партії щодо сівби і хлібозаготівель. А товариші приїздять і часто-густо нічого конкретного районовій організації не дають, бо не знають умов району. Звичайно, це стосується не до всіх уповноважених»[14a].

А ось що було вилучено з виступу представника Драбівського району П. Шерегова: «Драбівський район перебуває у дуже важкому стані. Там було забрано увесь посівний матеріал, відбувалось масове побиття колгоспників та колгоспниць, у трьох кімнатах засідав штаб буксирних бригад, де вимагали хліб, підписку на позику, виплату всіляких податків. Внаслідок і завдяки цим спеціальним штабам, буксирним бригадам створили(ся) несприятливі політичні настрої»[15].

З друкованого варіанту стенограми було вилучено й інший фрагмент виступу П. Шерегова. Ось він: «Я хотів би запитати тов. Косіора — я нова людина, у нас посіяно 11 тисяч га буряку, на 28-е число ми прорвали 38%, цього замало, безумовно замало, але уявіть собі таку картину, коли народ пухлий, коли є велика кількість людей, які лежать і не встають.

Косіор: Який це район?

Шерегов: Драбівський район.

Косіор: Ви нас не лякайте, ви краще про роботу розповідайте.

Шерегов: Я про роботу й розповім. На сьогодні, коли бракує харчів, колгоспнику нічого дати. У більшості випадків колгоспники йдуть напівголодні працювати»[16].

Щоправда, до надрукованої версії стенограми потрапив не менш цікавий момент з виступу П. Шерегова, який яскраво ілюструє методи і рівень тодішнього керівництва: «Тут т. Косіор цілком правильно зазначив, що центральні організації не знали району, райони не знали колгоспів і сіл. Я наведу один приклад: працюючи в іншому районі, де, окрім лісу, нічого нема, я одержав блискавку з Наркомпостачання: за 24 години заготувати й відвантажити моркву й капусту. Ми цього зробити не могли, бо ні того, ні того в нас нема. Через кілька день одержуємо телеграму про виклик представників заготівних організацій: "Чому не виконуєте нарядів?"

Косіор: Який це район?

Шерегов: Олевський. Цю капусту та моркву треба було відвантажити в Ленінград, а ми самі для постачання одержуємо з інших районів»[16a].

Можна лише уявити, як нелегко було наважитися районним керівникам відверто сказати такого роду речі у присутності найвищого начальства — членів Політбюро ЦК ВКП(б).

Вони наважилися і, зрозуміло, були піддані критиці. «На жаль,— відзначив, наприклад, В. Затонський,— на цій конференції у деяких виступах представники кількох районів плакалися перед нами. А як вони провадили партійну лінію в себе, що вони зробили, щоб не було таких втрат під час збирання хліба, що вони зробили для кращого обробітку землі, кращого осіннього засіву, для організації праці — про це вони нічого не казали»[17].

М. Демченко також повчав районних керівників: «Серед найменш стійких і загартованих партійців, особливо в тих районах, що мають найглибші прориви, невдачі викликають певну розгубленість і бажання спертися на "об'єктивні причини"... Ця позиція є абсолютно хибна, шкідлива і переростає в опортунізм найгіршого ґатунку, не кажучи вже про те, що така позиція є абсолютно безплідна, вона не дає змоги мобілізувати парторганізацію та робітничо-колгоспні маси на переборення труднощів»[17a].

Напередодні конференції члени Політбюро ЦК КП(б)У побували у багатьох районах України і зібрали великий матеріал, який і було покладено в основу їх виступів на конференції. М. Скрипник, зокрема, говорив: «Я не згоден з тими товаришами, які з теперішніх сільськогосподарських кампаній головну свою увагу віддають питанню хлібозаготівель. Не треба себе гіпнозувати тим, скільки треба взяти хліба з нашого врожаю. Треба зібрати повнотою все те, що ми засіяли. Коли ми зуміємо перебороти труднощі збиральної кампанії, коли питання боротьби з втратами зрозуміємо як питання політичне і господарське, у нас вистачить хліба цілком і повнотою і для виконання плану хлібозаготівель...»[18].

Характерно, що й у виступі М. Скрипника містилися положення, які не увійшли до друкованого стенографічного звіту III конференції. Процитуємо одне з них: «Багато товаришів підмінюють одне політичне питання другим. Замість питання про те, що є причиною наших проривів, вони зараз ставлять інше питання — хто є причиною наших проривів. Сама постановка цього питання невірна. Ми мусимо вияснити, що є причиною наших проривів. Ми люди, живемо і боремось, і, значить, помилки, які є, мають причини. Ми —ЦК КП(б)У — ні в якому разі не знімаємо з себе відповідальності за цілу працю цілої нашої парторганізації. Ні в якому разі не знімаємо, тому що причиною є неповне розуміння, неповне усвідомлення глибини політичних процесів, які відбулись»[19].

З притаманною йому обережністю спробував привернути увагу до проблем села і Г. Петровський: «Треба одверто сказати, що деякі райони перебувають у скрутному харчовому стані. Ви знаєте, товариші, що у нас багато хліба лишилося на полях. І причина тут та, що наша організація праці в колгоспах, масова політична робота була не на потрібній висоті... Я проїздив кілька сіл; питаю секретаря — чи давно ви тут? Говорить, місяців 2—3, а голова — місяців 3—4. Звісно, це неправильно. Коли на селі буде така плинність керівного активу, то ми не доб'ємося стійкості і в самих колгоспах»[20].

Однак і обережні спроби декого з керівників УСРР, а особливо представників районів, вказати на складність ситуації у сільському господарстві України не викликали довіри у двох сталінських посланців, які брали участь у конференції,— В. Молотова і Л. Кагановича. Останній, звертаючись до делегатів конференції, говорив: «Ви повинні підготувати й розгорнути роботу, щоб цілком виконати план хлібозаготівель, рішуче переборюючи всі і всілякі демобілізаційні, а часто капітулянтські, правоопортуністичні настрої щодо хлібозаготівель. Ви повинні на селі, в районі зламати настрої деяких активістів, що сьогодні у вас демобілізовані»[21].

У виступах Молотова і Кагановича було не просто значно звужено спектр факторів, що спричиняли труднощі у сільському господарстві України. Ці виступи, по суті, засвідчили, що центр однозначно зайняв жорстку позицію щодо українського селянства.

У своїй промові В. Молотов, зазначивши, що план хлібозаготівель не виконаний і що «у ряді районів унаслідок помилок, припущених під час хлібозаготівель, утворився важкий харчовий стан», піддав гострій критиці райкоми партії, а також ЦК КП(б)У. «Тепер,— підкреслював В. Молотов,— є намагання затерти хиби роботи в сільському господарстві на Україні, зваливши негативні факти останньої хлібозаготівної кампанії на Україні на "зовнішні" причини, на розмір хлібозаготівного плану і т. ін. Треба дати рішучу одсіч цим антибільшовицьким спробам»[22]. Головне питання, за твердженням В. Молотова, полягало в тому, як розверстати план хлібозаготівельі як проводити цей план.

Дуже влучну характеристику місії В. Молотова та Л. Кагановича дав один з британських дипломатів, який у своєму повідомленні від 18 липня 1932 року зазначив: «Хоча Молотов і Каганович люб'язно присолодили пігулку невдоволення центрального уряду, вихваляючи помітні досягнення українських більшовиків у галузі промисловості, з їхніх виступів було зрозуміло, що вони прибули головним чином для того, щоб дати українській партійній організації сувору прочуханку»[23].

В заключному слові Станіслав Косіор знов піддав критиці виступи деяких секретарів райкомів партії, підкресливши: «Не всі ще усвідомили відповідальність за виконання завдань... З такими настроями треба рішуче поквитатися. Після всього того, що говорилося на конференції, після виступів тт. Молотова і Кагановича і вашого одностайного схвалення цих виступів ми повинні по-більшовицькому розгорнути роботу і забезпечити швидке подолання тих труднощів, які переживають окремі райони України»[24].

Делегати конференції ухвалили резолюцію, яку 9 липня 1932 року затвердив пленум ЦК КП(б)У і якою «до безумовного виконання» приймався встановлений для України план хлібозаготівель — 356 млн. пудів по селянському сектору. Цей план згодом тричі скорочувався, а до 1 листопада 1932 року від селянського сектора України надійшло лише 136 млн. пудів хліба[25].

Негативно позначилася на становищі сільського господарства і шкідлива практика виключення з партії та віддання до суду як зрадників і організаторів саботажу секретарів райкомів партії, голів райвиконкомів та інших керівних працівників. Так, у 1931 році і в першій половині 1932 року було замінено 80% секретарів райкомів партії. Саме таку практику заохочували В. Молотов і Л. Каганович.

Те, що московське керівництво було невдоволено ситуацією в Україні, яскраво засвідчує лист Сталіна до Л. Кагановича, написаний 11 вересня 1932 року:

«...Найголовніше зараз Україна. Справи на Україні вкрай погані. Погано за партійною лінією. Кажуть, що е двох областях України (здається, в Київській і Дніпропетровській) близько 50-ти райкомів висловились проти плану хлібозаготівель, визнавши його нереальним. В інших райкомах стоїть справа, як

стверджують, не краще. На що це схоже? Це не партія, а парламент, карикатура на парламент. Замість того, щоб керувати районами, Косіор увесь час лавірував між директивами ЦК ВКП(б) та вимогами райкомів і ось — долавірувався до краю. Правильно казав Ленін, що людина, яка не має мужності піти у потрібний момент проти течії, не може бути справжнім більшовицьким керівником. Погано за лінією радянською. Чубар — не керівник. Погано за лінією ҐПУ. Реденсу не до снаги керувати боротьбою з контрреволюцією у такій великій і своєрідній республіці, як Україна.

Якщо не візьмемося вже тепер за виправлення становища на Україні, Україну можемо втратити.

Майте на увазі, що Пілсудський не дрімає, і його агентура на Україні набагато сильніша, ніж гадає Реденс чи Косіор. Майте також на увазі, що в Українській компартії (500 тисяч членів, хе-хе) пробуває не мало (так, не мало!) гнилих елементів, свідомих і позасвідомих петлюрівців, нарешті — безпосередніх агентів Пілсудського. Як тільки справи погіршаться, ці елементи не забаряться відкрити фронт всередині (та за межами) партії, проти партії. Найгірше це те, що українська верхівка не бачить цих небезпек... Поставити собі за мету перетворити Україну у найкоротший термін на справжню фортецю СРСР, на дійсно взірцеву республіку. Грошей на це не шкодувати»[25а].

Невдовзі розпочалося «виправлення становища» в Україні. Зокрема, наприкінці жовтня 1932 року (на виконання рішення Політбюро ЦК ВКП(б) від 22 жовтня 1932 року) в Україні розгорнула свою роботу «надзвичайна комісія» на чолі з В. Молотовим. Вже 30 жовтня останній повідомив Сталіна: «Довелося жорстко покритикувати Українську організацію і особливо ЦК КП(б)У за демобілізованість у заготівлях»[25б]. В. Молотов надав новий імпульс здійсненню репресій проти колгоспного активу, партійних і радянських працівників. ЦК КП(б)У почав публікувати списки партійців, директорів радгоспів, голів колгоспів та уповноважених із хлібозаготівель, яких виключали з партії й віддавали до суду за невиконання плану хлібозаготівель. 5 листопада В. Молотов і секретар ЦК КП(б)У М. Хатаєвич надіслали директиву обкомам партії, вимагаючи від них термінових і рішучих дій з виконання закону від 7 серпня 1932 року «з обов'язковим і швидким проведенням репресій і нещадної розправи із злочинними елементами у правліннях колгоспів».

Ось як розповідав про такого роду дії і про тодішню ситуацію голова ҐПУ УСРР В. Балицький: «За 4 місяці від початку хлібозаготівель до 15 листопада було заарештовано у хлібозаготівельних справах 11 тис. осіб. За місяць з 15 листопада по 15 грудня — 16 тис. осіб, зокрема 435 партійців, 2260 осіб з колгоспного апарату, зокрема 409 голів і 441 бухгалтер і рахівник, а також 107 голсільрад. До розстрілу трійкою засуджено 108, але ще на розгляді

100 осіб. За 2 останні декади в ямах и чорних коморах (7 тис. ям і 100 комор) знайдено 700 тис. пудів хліба. Одноосібники ховають у колгоспників, надто тих колгоспів, які виконали хлібозаготівлі…

Останні 2—3 дні на Харківщині ми застосували нову форму впливу. Приходить до колгоспу співробітник ОҐПУ в формі та веде бесіду з головою, членами правління про здавання хліба. Розмова наполеглива. В результаті колгосп "Червоний господар" за 2 дні підвищив хлібоздачу з 58% плану до 96%, "Нов[е] життя" з 54% до 80% тощо. Думаємо це поширити й на інші області»[26].

20 листопада 1932 року Раднарком УСРР ухвалив рішення про запровадження натуральних штрафів: «До колгоспів, що допустили розкрадання колгоспного хліба і злісно зривають план хлібозаготівель, застосувати натуральні штрафи порядком додаткового завдання з м'ясозаготівель в обсязі 15-місячної норми здавання даним колгоспом м'яса як усуспільненої худоби, так і худоби колгоспників». 6 грудня ухвалено постанову ЦК КП(б)У і Раднаркому УСРР «Про занесення на "чорну дошку" сіл, які злісно саботують хлібозаготівлі». Це рішення спричинило збільшення жертв голодомору.

19 грудня 1932 року ЦК ВКП(б) і Раднарком СРСР знов повертаються до питання про хлібозаготівлі в Україні. Вони визнають ситуацію незадовільною і доручають «виправити» її Л. Кагановичу та П. Постишеву як «особливоуповноваженим»[26a]. Про те, який стиль наведення порядку ті сповідували, яскраво свідчить телеграма, що її Каганович надіслав Сталіну вже 21 грудня 1932 року: «Увечері 20 і 21 грудня на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У накреслили низку практичних заходів з посилення хлібозаготівель. З огляду на те, що значна частина уповноважених відсиджується, потурає бездіяльності, а часом прямому зрадництву районних працівників, розіслали рішуче попередження всім уповноваженим, а 10 найгірших зняли з роботи і справу про їхнє перебування в партії передали до ЦКК. З десяти знятих 7 були відряджені ЦК КП(б)У і 3 обкомами.

38 основних районів України мають ще дати 32 міл. пудів хліба — понад 40% хліба, що лишився до заготівлі без мірчука по республіці. Ще 50 потужних районів мають дати близько 30% хліба, що лишився до заготівлі. З 38 основних районів — 21 у Дніпропетровській і 15 в Одеській областях. На цих районах зосереджуємо нашу увагу. Дібрали ще 40 керівних працівників уповноваженими в ці основні райони, а близько сотні міцних військових і харківських працівників їм на допомогу. Одночасно натискаємо на райони, де лишилось виконати небагато.

Оскільки є велика небезпека, що Київська, Вінницька області знизять темпи й затягнуть виконання решти 7-8% плану, надіслали їм категоричну директиву закінчити план у найближчі дні. Ще більш рішучу телеграму надіслали Донецьобкому.

Вкрай неблагополучно з Харківською областю. Харків'яни не мобілізувались на виконання плану. Одноосібники області повинні здати ще близько 6 міл.

пудів. Склалося враження, що обком пасує перед цим завданням. Довелось сердито поговорити з Тереховим. Запропонували більш енергійно взятися за хлібозаготівлі, зокрема в одноосібників.

На наше наполягання скасовані 2 постанови ЦК КП(б)У від 29 листопада і 15 грудня, які, на нашу думку, дають підставу місцевим організаціям притримувати хлібозаготівлі під виглядом закріплення та створення колгоспних фондів і повторної перевірки ресурсів радгоспів. Детально розповім по приїзді.

Сьогодні ухвалили заарештувати й притягти до суду з опублікуванням у пресі чотирьох директорів радгоспів, які найбільш злісно зривали хлібоздачу.

Косіор на власне бажання виїздить знов у Дніпропетровськ, Чубар у Чернігів. Хатаєвичу доручили спостереження за Харковом.

О 4 годині я виїхав до Одеси. Привіт. Каганович»[27].

Наслідки подальших подій відомі: політичний терор був підсилений голодом, який, в свою чергу, сталінське керівництво використало для активного згортання політики «українізації» і наступу на «український націоналізм» і «петлюрівщину». Саме на них було списано причини виникненння голодомору. Зокрема, 14 грудня 1932 року Сталін разом з В. Молотовим підписали постанову ЦК ВКП(б) і Раднаркому СРСР у зв'язку із проведенням хлібозаготівельної кампанії. Разом з тим цей документ вимагав «правильного проведення українізації» в Україні й поза її межами, в регіонах, де компактно мешкали українці. Документ також містив категоричну вимогу боротися з петлюрівськими та іншими «контрреволюційними» елементами. По суті це означало смерть «українізації».

Підсумовуючи, слід зазначити, що протокол і стенограма III конференції КП(б)У, матеріали, пов'язані з її підготовкою, є важливими джерелами, що дають можливість розширити уявлення про першовитоки трагедії голоду, що її пережила Україна на початку 30-х років. Відтак ці джерела ще потребують всебічної уваги дослідників.

*

1. Бабко Ю., Бортнічук М. Третя Всеукраїнська конференція КП(б)У.— К.: Політвидав України, 1968.— 190 с.

2. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі — ЦДАГО України). Ф. 1. Оп. 1. Спр. 385. Арк. 6.

2а. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 190.

3. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 376. Арк. 10.

4. Там само. Арк. 10—11.

5. Див.: Кульчицький С. В. Ціна «великого перелому».— К., 1991.— С. 306.

6. Эта жуткая правда //Сел. жизнь.— 1990.— 4 авг.

7. Там само.

8. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 9—10.

9. Там само. С. 10—11.

10. Там само. С. 17.

11. Російський державний архів соціально-політичної історії (далі — РДАСПІ). Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 144.

12. Там само. Арк. 153.

13. Там само. Арк. 162—163.

13а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 5.

14. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 379. Арк. 21—22.

14а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 44.

15. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 379. Арк. 24.

16. Там само. Спр. 377. Арк. 210.

16а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 45.

17. Там само. С. 90.

17а. Там само. С. 91.

18. Там само. С. 104.

19. ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 379. Арк. 186.

20. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 110—111.

21. Там само. С. 156.

22. Там само. С. 117.

23. Україна: голод 1932—1933 років //Всесвіт.— 1989.— № 11.— С. 154.

24. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 145, 147.

25. Кульчицький С. В. 1933: трагедія голоду.— К, 1989.— С. 33.

25а. Из неизданной переписки И. В. Сталина с членами Политбюро ЦК ВКП(б) //Независим. газ.— 2000.— 30 нояб.

25б. Голод-геноцид 1933 року в Україні: Іст.-політол. аналіз соц.-демогр. та морально-психол. наслідків.— К.; Нью-Йорк, 2000.— С. 100.

26. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 11.

26а. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 295.

27. РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 53—53 зв.

Юрий Шаповал

III КОНФЕРЕНЦИЯ КП(Б)У: ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ ГОЛОДА

В октябре 1932 года в Харькове в издательстве «Пролетар» вышла из печати книга «Третья конференция КП(б)У. 6–9 июля 1932 г. Стенографический отчет» (на украинском языке). С тех пор, кажется, только однажды эта стенограмма была объектом специального анализа. Речь идет о подготовленной Юрием Бабко и Николаем Бортничуком небольшой по объему книге «Третья Всеукраинская конференция КП(б)У» (на украинском языке), увидевшей свет в Киеве в 1965 году[1].

Подготовленная по канонам историографии «застойной» эпохи, эта книга, понятно, не могла дать надлежащего научного анализа материалов III конференции КП(б)У. Между тем эти материалы необходимо исследовать специально, поскольку они являются важным источником для изучения предпосылок возникновения голодомора в Украине в начале 30-х годов.

III конференция началась 6 июля 1932 года в Харькове в помещении Государственной оперы. Среди 252 делегатов конференции с решающим голосом 150 человек (или 62,7%) составляли секретари сельских и районных комитетов[2]. Именно эти люди вместе с руководителями райисполкомов были непосредственными исполнителями жестких директив центра. Они понимали, чем грозят Украине требования неуклонного исполнения хлебозаготовительных планов. Им, в частности, было известно постановление ЦК ВКП(б) от 23 июня 1932 года: «Ограничиться уже принятыми решениями ЦК и дополнительного завоза хлеба на Украину не осуществлять»[2a].

Но в них теплилась надежда, что III конференция, на которую прибыли высокие московские сановники в лице Вячеслава Молотова и Лазаря Кагановича, даст центральному руководству точное представление о состоянии сельского хозяйства в Украине, возможно смягчит их отношение к Украине.

Многого ожидали от конференции и беспартийные. Это, в частности, подтверждает письмо из Тирасполя, присланное 18 мая 1932 года в адрес президиума партийного форума. Процитируем отрывок из этого письма: «Товарищи! О том, что мы переживаем серьезные трудности в сельском хозяйстве, о том, что есть ряд вопиющих бесчинств, как перегибов, так и очковтирательства, думаю, не следует описывать»[3].

А дальше автор письма, собственно, останавливается на конкретных недостатках. Вот что он, в частности, пишет: «Село страдает от частых смен руководства… Обратите внимание на чехарду уполномоченных из города. Всякий раз приезжает другой и старается обеспечить только то, что в данный момент от

него требуется. Например, во время хлебозаготовки уполномоченные шли на то, чтобы сдать посевматериалы, не думая о посевкампаниях... Село должно иметь авторитетного партийца, а по факту мы видим, что лучшие силы стремятся из села сбегать»[4].

Определенные надежды возлагало на конференцию и высшее партийно-государственное руководство Украины. Его члены также были хорошо знакомы с реальным положением вещей в селе и не имели никаких иллюзий, к чему на самом деле идет. Они точно знали то, что современные исследователи формулируют таким образом: хлебозаготовки с урожая 1931 года послужили непосредственной причиной голода в Украине в первой половине 1932 года. Тогда количество заготовленного в зимние месяцы хлеба составляло менее трети объема, заготовленного летом и осенью. Зимой 1932/1933 годов было собрано почти такое же количество хлеба, что и в предыдущую зиму, однако теперь оно составляло две трети объема, собранного в нормальное время. Чем объяснить то, что из украинского села удалось выжать такое же количество зерна, как и раньше? Объяснение предельно простое — беспощадное и жесткое ограбление села[5].

Не случайно Председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Григорий Петровский писал генсеку ЦК КП(б)У Станиславу Косиору в 1932 году: «Из-за того, что продовольственное положение начинает тяжело складываться для районов Днепропетровской, Одесской, Харьковской, Киевской и Винницкой областей и не только сел, но и некоторых рабочих городов, я считаю необходимым: 1. Написать докладную записку в ЦК ВКП(б)... 2. Просить ЦК ВКП(б) издать постановление о прекращении хлебозаготовок на Украине...»[6].

Зная все это, стенограмму III конференции, несмотря на то, что она зафиксировала обязательные тогдашние политические ритуалы (как избрание «почетного президиума», «почетного председателя» в лице Сталина, приветствия и т. п.), воспринимаешь как акт исторической трагедии под названием «Голод в Украине». Была в этом акте и своя отдельная драматургия. Присмотримся к этому внимательнее.

В повестке дня конференции стоял один вопрос: «Об итогах весенней посевной кампании, о хлебозаготовительной и уборочной кампании и задания организационно-хозяйственного укрепления колхозов». Доклад сделал С. Косиор, который — следует помнить! — был членом Политбюро ЦК ВКП(б). Именно это в немалой степени определяло суть и даже тональность его выступления.

Тут уместно напомнить и о том письме, которое он отправил Сталину 26 апреля 1932 года. В нем, в частности, значилось: «У нас есть отдельные случаи и даже села голодающие, однако это лишь результат местного головотяпства,

перегибов, особенно касательно колхозов. Всяческие разговоры о “голоде” на Украине надо категорически отбросить»[7].

И это писалось тогда, когда Украина стояла на пороге голодомора. Выполнение хлебозаготовительного плана 1931 года, затянувшееся до зимы 1932 года, чувствительно ударило по животноводству, положило начало голоду. «...У нас,— отмечал в докладе С. Косиор,— в хлебозаготовительной кампании допустили много ошибок, были искажения и нелепости. Но что и кто тут виноваты? План хлебозаготовок или неправильное руководство, плохая работа нашей партийной организации? Попытки прикрыть все серьезные просчеты нашей работы планом хлебозаготовок надо решительно разоблачить, осудить, ибо это есть не что иное, как только капитуляция перед трудностями и скатывание на позиции вражеских элементов, на антипартийный путь»[8].

В докладе С. Косиора была представлена точка зрения ЦК КП(б)У на причины возникших трудностей. Во-первых, серьезной, хоть и не главной причиной были названы сложные климатические условия 1932 года (как известно, сложные климатические условия всегда мешали большевикам руководить хозяйством бывшего Советского Союза). Во-вторых, трудности весенней посевной кампании связывались «с неудовлетворительным руководством организацией хозяйства колхозов, проведением прошлогодней осенней уборочной и хлебозаготовительной кампании». В-третьих, источником многих проблем была названа бесхозяйственность в колхозах[9].

«Уборочная, как и хлебозаготовительная кампания,— подчеркивал С. Косиор,— будет происходить в условиях обостренной классовой борьбы. Эта борьба уже развернулась, особенно там, где началась уборка урожая. Всяческие контрреволюционные элементы, кулачье, подкулачники, пролезшие в колхозы, используя ошибки прошлого года, проводят теперь борьбу против скирдования хлеба, распространяют всяческие слухи, агитируют за растаскивание хлеба. Малейшая расхлябанность, бездеятельность с нашей стороны — на руку врагу. Нам, нашим сельским организациям, надо немедленно подняться, взять руководство крепко в руки, мобилизовать все свои силы, силы колхозников, чтобы дать губительный отпор кулаку и его агентуре и ни в коем случае не допустить никаких потерь. Мы должны так поставить всю работу, чтобы целиком собрать урожай и обеспечить успешное выполнение плана хлебозаготовок»[10].

В докладе фактически ничего не было сказано об ошибочности «военно-коммунистических», нажимных, административных методов руководства аграрным сектором, которые прежде всего и были причиной катастрофического положения в селе.

Руководители КП(б)У фактически не хотели об этом говорить. Почему? В значительной степени это объясняет письмо Председателя Совета Народных

Комиссаров УССР Власа Чубаря В. Молотову и И. Сталину, отправленное в Москву еще до III конференции, а именно 10 июня 1932 года. Вот отрывок из этого письма: «Ваши упреки в том, что мы, украинцы, не знаем, что делается на селе и что мы не занимались как следует селом, целиком и полностью справедливы. Оптимистическая оценка положения нашего села перед посевной кампанией была ошибочной и базировалась больше на поверхностных впечатлениях ответственных работников, бывавших на селе (недостатка в количестве работников, сидевших месяцами на селе, не было), чем на анализе учетных данных статистики, оперативной отчетности по ряду заготовительных кампаний и изучении действительного положения дел в районах, где эти товарищи работали как уполномоченные.

Переоценка наших возможностей имела место в принятом нами плане хлебозаготовок, в плане мясозаготовок и др. Сейчас, перед новым урожаем, когда исчерпываются старые ресурсы, в период наивысшего напряжения сил для выполнения плана весенней посевной кампании, вскрываются с особой остротой все слабые места. Количество районов, находящихся в тяжелом положении, растет (очевидно, часть этого прироста идет за счет выявления ранее не выявленных, а часть за счет исчерпания внутрирайонных ресурсов к концу хозяйственного года).

Сейчас уже можно считать минимум 100 районов (вместо 61, считавшихся к началу мая), нуждающихся в продовольственной помощи и срывающих план весеннего посева. Они же будут срывать обработку и уборку урожая технических культур и хлеба»[11].

Вот, оказывается, что думали в Кремле: украинцы слишком «оптимистически» относились к возможностям села, а стало быть, сами себе создали проблему с голодом, который — повторим — начался уже в конце 1931 года и в начале 1932-го. По мнению московских вождей, местные руководители переоценивали собственные возможности в хлебозаготовках. Понятно, тут в словах и «признаниях» В. Чубаря была игра: нужно покаяться — и вдруг удастся выпросить более легкие условия хлебозаготовок. Недаром в конце своего письма он писал: «Правильное ведение хозяйства нарушено у нас в УССР на таком большом участке, что требует внесения специальных корректив в планы хлебозаготовок, мясозаготовок и других заданий в области сельского хозяйства, о чем придется входить в ЦК и Совнарком особо»[12].

Характерно, что и в письме В. Чубаря, и в еще одном, чрезвычайно интересном документе — письме Г. Петровского В. Молотову и И. Сталину — безо всяких эвфемизмов употреблялось понятие «голод», как известно строго запрещенное в официальных открытых публикациях. Процитируем отрывок из письма «всеукраинского старосты»: «В работе по посевной кампании в районах

Прилукском, Лохвицком, Варвинском, Чернухинском, Пирятинском и Мало-Девицком я стал, так сказать, лицом к селу, но это, конечно, не значит, что до этого времени мы, украинские коммунисты, не знали, что у нас делается на селе (хотя нас теперь и обвиняют в оторванности от деревни). Мы знали, что в хлебозаготовках у нас будет суровый нажим и горшки будут биты. По-моему, взявшись выполнить 510 млн. пудов хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения. В этом смысле я понимал необходимость выполнения директивы ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках, которая и была принята нами к неуклонному исполнению.

Однако мы знали, что выполнение хлебозаготовок на Украине будет нелегкое, но то, что я теперь увидел на селе, говорит за то, что в этом деле сильно переборщили у нас, перестарались. Я был во многих селах этих районов и везде видел, что порядочная часть села охвачена голодом. Немного, но есть и опухшие от голода, главным образом, бедняков и даже середняки. Употребляют такие суррогаты, что дальше некуда, да и суррогатов этих подчас нет. На больших собраниях по селам меня, конечно, ругают почем зря, бабы плачут, а бывает и мужики. Иногда критика создавшегося положения заходит очень глубоко и широко — зачем создали искусственный голод, ведь у нас был урожай; зачем посевматериал забирали — этого не было даже при старом режиме; почему украинцам нужно при тяжелых условиях ехать за хлебом в нехлебные края, а не привозят хлеб сюда и т. д.

Трудно при таких условиях давать объяснения. Ругаешь, конечно, тех, кто наделал перегибы, но в общем вертишься, как карась на сковородке. На отчаянный крик о помощи посевматериалом и хлебом для продовольствия я относительно посевматериала кое-что обещал, заставляю крестьян выискивать семена у себя на местах, а насчет продовольственной помощи хлебом я не могу ничего обещать или обещаешь мало. Сейчас на почве голода по селам развиваются массовые кражи, главным образом, птицы — крадут кур, уток, забирают остатки картофеля, режут ночью телят и коров и съедают их»[13].

Следовательно, еще до конференции партийно-государственное руководство в Харькове и в Москве прекрасно знало, что реально происходит. Собственно, свидетельством этой информированности было присутствие на конференции Л. Кагановича и В. Молотова. А в своем докладе С. Косиор предложил официальное обоснование приезда сразу двух «сталинских соколов»: «Украина в Советском Союзе занимает очень выдающееся, если не сказать решающее, место в области сельского хозяйства. От того, как идет социалистическая реконструкция сельского хозяйства Украины, как развивается колхозное

строительство и как работает в этом направлении наша партийная организация,— зависит в значительной степени выполнение народнохозяйственного плана всего Советского Союза. Вот почему мы сегодня видим тут, на нашей конференции, и т. Кагановича, и т. Молотова, которых командировал ЦК ВКП(б), чтобы вместе с нами обсудить и наметить мероприятия, чтобы как можно скорее продвинуть вперед сельское хозяйство Украины, поднять производительность наших колхозов, исправить целый ряд недостатков, имеющихся в нашей работе на селе»[13а]. Это очень важный момент для понимания многих коллизий на III конференции.

На пяти (из шести) заседаниях продолжалось обсуждение доклада С. Косиора. В дебатах выступили 33 человека. Среди них были секретари 18 райкомов партии, секретари обкомов — М. Майоров, В. Чернявский, Н. Демченко, Р. Терехов, а также В. Затонский, П. Любченко, Г. Петровский, Н. Скрыпник, В. Чубарь, А. Шлихтер и другие делегаты.

Некоторые районные руководители делали попытку в своих докладах не только очертить сложность ситуации в селе, но и показать, что нельзя перекладывать основную ответственность за эту ситуацию на низовые звенья, прежде всего на недавно созданные районы. Не случайно, кстати, в напечатанном в 1932 году стенографическом отчете III конференции были изъяты или тщательно отредактированы именно те фрагменты из выступлений районных руководителей, которые имели острокритическую направленность. Именно на эти выступления целесообразно обратить внимание исследователям при работе с архивным вариантом стенограммы.

Вот что говорил, в частности, представитель Смелянского района Г. Фомин: «К вопросу о непосредственной помощи районам со стороны ряда ответственных работников, даже отдельных членов правительства, приезжающих для оказания помощи районам. Я не хочу говорить персонально, но считаю, что отдельные (товарищи), приезжая к нам, не только не помогали районам, не только не изучали экономические условия районов для того, чтобы конкретно помочь, а создавали условия, которые деморализовали районы... У нас был такой уполномоченный, который сидел немного, но наделал чрезвычайно много дел и вызвал паническое состояние отдельных сельских руководителей. Товарищ приезжал в село и вместо деловой работы, вместо деловых требований говорил: "Я тебя вот посажу на 24 часа, сниму штаны и посажу на снег, тогда ты план выполнишь" *(шум)*.

Голоса: Кто это? Назови фамилию.

Тов. Фомин: Если надо будет, то назову.

Голос: Ты скажи, кто? *(Шум в зале.)*

Фомин: Я думаю, что требовать не стоит, а если нужно будет, то я напишу об этом заявление в ЦКК или в президиум конференции *(шум)*.

Голос: А ты считаешь ненужным это дело сейчас, ты замазываешь.

Фомин: Я не замазываю, я называю факты, которые были не только в нашем районе, но и в ряде других районов.

Голос: Ты назови его фамилию.

Фомин: Его фамилия Поляков *(шум)*»[14].

В официально напечатанной стенограмме конференции этот фрагмент выглядит так: «Дальше об уполномоченных. Я считаю, что руководство присылаемых уполномоченных должно быть гибкое. Уполномоченные должны конкретно помогать в осуществлении директив партии насчет сева и хлебозаготовок. А товарищи приезжают и частенько ничего конкретного районной организации не дают, так как не знают условий района. Конечно, это относится не ко всем уполномоченным»[14a].

А вот что было изъято из выступления представителя Драбовского района П. Шерегова: «Драбовский район находится в очень тяжелом положении. Там был забран весь посевной материал. происходило массовое избиение колхозников и колхозниц, в трех комнатах заседал штаб буксирных бригад, где требовали хлеба, подписки на заем, уплаты всяческих налогов. В результате и благодаря этим специальным штабам, буксирным бригадам создали(сь) неблагоприятные политические настроения»[15].

Из печатного варианта стенограммы был изъят и другой фрагмент выступления П. Шерегова. Вот он: «Я хотел бы спросить тов. Косиора — я новый человек, у нас посеяно 11 тысяч га свеклы, на 28-е число мы пропололи 38%, этого очень мало, безусловно очень мало, но представьте себе такую картину, когда народ опухший, когда есть большое количество людей, которые лежат и не встают.

Косиор: Какой это район?

Шерегов: Драбовский район.

Косиор: Вы нас не пугайте, вы лучше о работе рассказывайте.

Шерегов: Я о работе и расскажу. На сегодня, когда недостает продуктов, колхознику нечего дать. В большинстве случаев колхозники идут полуголодные работать»[16].

Правда, в напечатанную версию стенограммы попал не менее интересный момент из выступления П. Шерегова, ярко иллюстрирующий методы и уровень тогдашнего руководства: «Тут т. Косиор вполне правильно отметил, что центральные организации не знали района, районы не знали колхозов и сел. Я приведу один пример: работая в другом районе, где, кроме леса, ничего нет, я получил молнию из Наркомснаба: за 24 часа заготовить и отгрузить морковь и капусту. Мы этого сделать не могли, потому что ни того, ни того у нас нету. Через несколько дней получаем телеграмму о вызове представителей заготовительных организаций: “Почему не выполняете нарядов?”

Косиор: Какой это район?

Шерегов: Олевский. Эту капусту и морковь надо было отгрузить в Ленинград, а мы сами для снабжения получаем из других районов»[16а].

Можно лишь представить, как нелегко было отважиться районным руководителям откровенно сказать такие вещи в присутствии высшего начальства — членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Они отважились и, понятно, были подвергнуты критике. «К сожалению,— отметил, например, В. Затонский,— на этой конференции в некоторых выступлениях представители нескольких районов плакались перед нами. А как они проводили партийную линию у себя, чтобы не было таких потерь во время уборки хлеба, что они сделали для лучшей обработки земли, лучшего осеннего сева, для организации труда — об этом они ничего не сказали»[17].

Н. Демченко также поучал районных руководителей: «Среди наименее стойких и закаленных партийцев, особенно в тех районах, где имеются самые глубокие прорывы, неудачи вызывают определенную растерянность и желание опереться на "объективные причины"... Эта позиция абсолютно ошибочна, вредна и перерастает в опортунизм наихудшего сорта, не говоря уже о том, что такая позиция абсолютно бесплодна, она не дает возможности мобилизовать парторганизацию и рабоче-колхозные массы на преодоление трудностей»[17а].

Накануне конференции члены Политбюро ЦК КП(б)У побывали во многих районах Украины и собрали большой материал, который и был положен в основу их выступлений на конференции. Н. Скрыпник, в частности, говорил: «Я не согласен с теми товарищами, которые из теперешних сельскохозяйственных кампаний главное свое внимание отдают вопросу хлебозаготовок. Не нужно себя гипнотизировать тем, сколько надо взять хлеба с нашего урожая. Нужно собрать сполна все то, что мы засеяли. Если мы сумеем перебороть трудности уборочной кампании, если вопрос борьбы с потерями поймем как вопрос политический и хозяйственный, у нас хватит хлеба целиком и полностью и для выполнения плана хлебозаготовок...»[18].

Характерно, что и в выступлении Н. Скрыпника содержались положения, не вошедшие в печатный стенографический отчет III конференции. Процитируем одно из них: «Многие товарищи подменяют один политический вопрос другим. Вместо вопроса о том, что является причиной наших прорывов, они сейчас ставят другой вопрос — кто является причиной наших прорывов. Сама постановка этого вопроса неверна. Мы должны выяснить, что является причиной наших прорывов. Мы люди, живем и боремся, и, значит, у имеющихся ошибок есть причины. Мы — ЦК КП(б)У — ни в коем случае не снимаем с себя ответственности за всю работу всей нашей парторганизации. Ни в коем случае не снимаем, потому что причина — неполное понимание, неполное осознание глубины произошедших политических процессов»[19].

С присущей ему осторожностью попытался привлечь внимание к проблемам села и Г. Петровский: «Нужно откровенно сказать, что некоторые районы находятся в тяжком продовольственном положении. Вы знаете, товарищи, что у нас много хлеба осталось на полях. И причина тут та, что наша организация труда в колхозах, массовая политическая работа была не на нужной высоте... Я проезжал несколько сел; спрашиваю секретаря — давно ли он тут? Говорит, месяца 2—3, а председатель — месяца 3—4. Ясно, это неправильно. Если на селе будет такая текучесть руководящего актива, то мы не добьемся устойчивости и в самих колхозах»[20].

Однако и осторожные попытки кое-кого из руководителей УССР, а особенно представителей районов, указать на сложность ситуации в сельском хозяйстве Украины не вызвали доверия у двух сталинских посланцев, принимавших участие в конференции,— В. Молотова и Л. Кагановича. Последний, обращаясь к делегатам конференции, говорил: «Вы должны подготовить и развернуть работу, чтобы целиком выполнить план хлебозаготовок, решительно перебарывая все и всяческие демобилизационные, а часто капитулянтские, правооппортунистические настроения насчет хлебозаготовок. Вы должны в селе, в районе переломить настроения некоторых активистов, которые сегодня у вас демобилизованы»[21].

В выступлениях Молотова и Кагановича был не просто значительно сужен спектр факторов, вызывавших трудности в сельском хозяйстве Украины. Эти выступления, по сути, показали, что центр однозначно занял жесткую позицию по отношению к украинскому крестьянству.

В своей речи В. Молотов, отметив, что план хлебозаготовок не выполнен и что «в ряде районов вследствие ошибок, допущенных во время хлебозаготовок, возникло тяжелое продовольственное положение», подверг острой критике райкомы партии, а также ЦК КП(б)У. «Теперь,— подчеркивал В. Молотов,— есть попытки затереть просчеты работы в сельском хозяйстве на Украине, свалив отрицательные факты последней хлебозаготовительной кампании на Украине на "внешние" причины, на размер хлебозаготовительного плана и т. п. Надо дать решительный отпор этим антибольшевистским попыткам»[22]. Главный вопрос, по утверждению В. Молотова, состоял в том, как разверстать план хлебозаготовок и как проводить этот план.

Очень меткую характеристику миссии В. Молотова и Л. Кагановича дал один из британских дипломатов, отметивший в своем сообщении от 18 июля 1932 года: «Хотя Молотов и Каганович любезно подсластили пилюлю неудовольствия центрального правительства, расхваливая заметные достижения украинских большевиков в области промышленности, по их выступлениям было понятно, что они прибыли главным образом для того, чтобы дать украинской партийной организации суровую выволочку»[23].

В заключительном слове Станислав Косиор вновь подверг критике выступления некоторых секретарей райкомов партии, подчеркнув: «Не все еще осознали ответственность за выполнение заданий… С такими настроениями нужно решительно покончить. После всего того, что говорилось на конференции, после выступлений тт. Молотова и Кагановича и вашего единогласного одобрения этих выступлений мы должны по-большевистски развернуть работу и обеспечить быстрое преодоление тех трудностей, которые переживают отдельные районы Украины»[24].

Делегаты конференции приняли резолюцию, которую 9 июля 1932 года утвердил пленум ЦК КП(б)У и которой «к безусловному исполнению» принимался установленный для Украины план хлебозаготовок — 356 млн. пудов по крестьянскому сектору. Это план впоследствии трижды сокращался, а к 1 ноября 1932 года от крестьянского сектора Украины поступило лишь 136 млн. пудов хлеба[25].

Отрицательно сказалась на положении сельского хозяйства и вредная практика исключения из партии и отдачи под суд как предателей и организаторов саботажа секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов и других руководящих работников. Так, в 1931 году и в первой половине 1932 года было заменено 80% секретарей райкомов партии. Именно такую практику поощряли В. Молотов и Л. Каганович.

О том, что московское руководство було недовольно ситуацией в Украине, ярко свидетельствует письмо Сталина Л. Кагановичу, написанное 11 сентября 1932 года: «…Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП(б) и требованиями райкомов и вот — долавировался до ручки. Правильно говорил Ленин, что человек, не имеющий мужества пойти в нужный момент против течения, не может быть настоящим большевистским руководителем. Плохо по линии советской. Чубарь — не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять.

Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в

Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей...

...Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть»[25а].

Вскоре началось «выправление положения» в Украине. В частности, в конце октября 1932 года (во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 октября 1932 года) в Украине развернула свою работу «чрезвычайная комиссия» во главе с В. Молотовым. Уже 30 октября последний сообщил Сталину: «Пришлось жестко покритиковать Украинскую организацию и особенно ЦК КП(б)У за демобилизованность в заготовках»[25б]. В. Молотов придал новый импульс осуществлению репрессий против колхозного актива, партийных и советских работников. ЦК КП(б)У начал публиковать списки партийцев, директоров совхозов, председателей колхозов и уполномоченных по хлебозаготовкам, исключенных из партии и отданных под суд за невыполнение плана хлебозаготовок. 5 ноября В. Молотов и секретарь ЦК КП(б)У М. Хатаевич направили директиву обкомам партии, требуя от них срочных и решительных действий по исполнению закона от 7 августа 1932 года «с обязательным и быстрым проведением репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов».

Вот как рассказывал о подобных действиях и о тогдашней ситуации председатель ГПУ УССР В. Балицкий: «За 4 месяца после начала хлебозаготовок до 15 ноября было арестовано по хлебозаготовительным делам 11 тыс. чел. За месяц с 15 ноября по 15 декабря — 16 тыс. чел., в том числе 435 партийцев, 2260 чел. из колхозного аппарата, в том числе 409 председателей и 441 бухгалтер и счетовод, а также 107 предсельсоветов. К расстрелу тройкой приговорено 108, но еще на рассмотрении 100 человек. За 2 последние декады в ямах и черных амбарах (7 тыс. ям и 100 амбаров) найдено 700 тыс. пудов хлеба. Единоличники прячут у колхозников, особенно тех колхозов, которые выполнили хлебозаготовки...

Последние 2—3 дня на Харьковщине мы применили новую форму воздействия. Приходит в колхоз сотрудник ОГПУ в форме и ведет беседу с председателем, членами правления о сдаче хлеба. Разговор настойчивый. В результате колхоз "Червоный господарь" за 2 дня повысил хлебосдачу с 58% плана до 96%, "Нов[е] життя" с 54% до 80% и т. п. Думаем это распространить и на другие области»[26].

20 ноября 1932 года Совнарком УССР принял решение о введении натуральных штрафов: «К колхозам, допустившим разворовывание хлеба и злостно срывающим план хлебозаготовок, применить натуральные штрафы в порядке дополнительного задания по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы сдачи данным колхозом мяса как обобществленного скота, так и скота колхозников». 6 декабря принято постановление ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР «О занесении на "черную доску" сел, злостно саботирующих хлебозаготовки». Это решение стало причиной увеличения жертв голодомора.

19 декабря 1932 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР вновь возвращаются к вопросу о хлебозаготовках в Украине. Они признают ситуацию неудовлетворительной и поручают «исправить» ее Л. Кагановичу и П. Постышеву как «особоуполномоченным»[26а]. О том, какой стиль наведения порядка те исповедовали, ярко свидетельствует телеграмма, которую Каганович послал Сталину уже 21 декабря 1932 года: «Вечером 20 и 21 декабря на заседании Политбюро ЦК КП(б)У наметили ряд практических мер по усилению хлебозаготовок. Ввиду того, что значительная часть уполномоченных отсиживается, покрывает бездеятельность, а порой прямое предательство районных работников, разослали решительное предупреждение всем уполномоченным, а 10 наихудших сняли с работы и дело об их пребывании в партии передали в ЦКК. Из десяти снятых 7 были посланы ЦК КП(б)У и 3 обкомами.

38 основных районов Украины должны еще дать 32 мил. пудов хлеба — свыше 40% оставшегося к заготовке без гарнца хлеба по республике. Еще 50 мощных районов должны дать около 30% оставшегося к заготовке хлеба. Из 38 основных районов — 21 в Днепропетровской и 15 в Одесской областях. На этих районах сосредоточиваем наше внимание. Подобрали еще 40 руководящих работников уполномоченными в эти основные районы, а около сотни крепких военных и харьковских работников им в помощь. Одновременно нажимаем на районы, где осталось выполнять немного.

Так как есть большая опасность, что Киевская, Винницкая области снизят темпы и затянут выполнение оставшихся 7-8% плана, послали им категорическую директиву закончить план в ближайшие дни. Еще более решительную телеграмму послали Донецобкому.

Крайне неблагополучно с Харьковской областью. Харьковчане не мобилизовались на выполнение плана. Единоличники области должны сдать еще около 6 мил. пудов. Сложилось впечатление, что обком пасует перед этой задачей. Пришлось сердито поговорить с Тереховым. Предложили более энергично взяться за хлебозаготовки, в частности у единоличников.

По нашему настоянию отменены 2 постановления ЦК КП(б)У от 29 ноября и 15 декабря, которые, по нашему мнению, дают основание местным организациям придерживать хлебозаготовки под видом закрепления и создания

колхозных фондов и повторной проверки ресурсов совхозов. Подробно расскажу по приезду.

Сегодня постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывавших хлебосдачу директоров совхозов.

Косиор по своему желанию выезжает вновь в Днепропетровск, Чубарь в Чернигов. Хатаевичу поручили наблюдение за Харьковом.

В 4 часа я выехал в Одессу. Привет. Каганович»[27].

Последствия дальнейших событий известны: политический террор был усилен голодом, который, в свою очередь, сталинское руководство использовало для активного свертывания политики «украинизации» и наступления на «украинский национализм» и «петлюровщину». Именно на них были списаны причины возникновения голодомора. В частности, 14 декабря 1932 года Сталин вместе с В. Молотовым подписали постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР в связи с проведением хлебозаготовительной кампании. Одновременно этот документ требовал «правильного проведения украинизации» в Украине и за ее пределами, в регионах, где компактно проживали украинцы. Документ также содержал категорическое требование бороться с петлюровскими и другими «контрреволюционными» элементами. По сути это означало смерть «украинизации».

Подытоживая, следует заметить, что протокол и стенограмма III конференции КП(б)У, материалы, связанные с ее подготовкой,— важные источники, дающие возможность расширить представления о первопричинах трагедии голода, которую пережила Украина в начале 30-х годов. А значит, эти источники еще требуют всестороннего внимания исследователей.

*

1. Бабко Ю., Бортнічук М. Третя Всеукраїнська конференція КП(б)У.— К.: Політвидав України, 1968.— 190 с.

2. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 1. Д. 385. Л. 6.

2а. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 190.

3. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 376. Л. 10.

4. Там же. Л. 10—11.

5. См.: Кульчицький С. В. Ціна «великого перелому».— К., 1991.— С. 306.

6. Эта жуткая правда //Сел. жизнь.— 1990.— 4 авг.

7. Там же.

8. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 9—10.

9. Там же. С. 10—11.

10. Там же. С. 17.

11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 139. Л. 144.

12. Там же. Л. 153.

13. Там же. Л. 162—163.

13а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 5.

14. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 21—22.

14а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 44.

15. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 24.

16. Там же. Д. 377. Л. 210.

16а. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 45.

17. Там же. С. 90.

17а. Там же. С. 91.

18. Там же. С. 104.

19. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 186.

20. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 110—111.

21. Там же. С. 156.

22. Там же. С. 117.

23. Україна: голод 1932—1933 років //Всесвіт.— 1989.— № 11.— С. 154.

24. Третя конференція КП(б)У. 6—9 лип. 1932 р.: Стеногр. звіт.— Харків, 1932.— С. 145, 147.

25. Кульчицький С. В. 1933: трагедія голоду.— К, 1989.— С. 33.

25а. Из неизданной переписки И. В. Сталина с членами Политбюро ЦК ВКП(б) //Независим. газ.— 2000.— 30 нояб.

25б. Голод-геноцид 1933 року в Україні: Іст.-політол. аналіз соц.-демогр. та морально-психол. наслідків.— К.; Нью-Йорк, 2000.— С. 100.

26. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 11.

26а. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.— С. 295.

27. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 232. Л. 53—53 об.

Стівен Уїткрофт

СУЧАСНЕ УЯВЛЕННЯ ПРО ПРИРОДУ ТА РІВЕНЬ СМЕРТНОСТІ ПІД ЧАС ГОЛОДУ 1931–1933 РОКІВ В УКРАЇНІ

Сьогодні ми знаємо, що таємні радянські документи 1932–1934 рр. чітко свідчать про випадки локального голоду в 1932 р. і широкомасштабний голод у 1933 р. За наявними оцінками у 1933 р., порівняно з попередніми роками, рівень смертності в СРСР зріс у 3 рази, а в Україні в 5 разів. Одночасно різко знизився рівень народжуваності.

Коли у 1934 р. створили НКВД СРСР, на нього поклали відповідальність за реєстрацію народжуваності та смертності. Це одразу ж призвело до різкого посилення репресій проти осіб, які займалися реєстрацією (працівників районних відділів статистики). Їх звинувачували у «ворожому» перебільшенні смертності та применшенні народжуваності.

По заявах Сталіна на XVII з'їзді ВКП(б) (березень 1934 р.) про ріст населення СРСР у 1933 р. стало вкрай небезпечно згадувати про голод навіть у таємних документах[1]. Вперше такі таємні документи з фондів колишнього республіканського партійного архіву були оприлюднені в 1990 р. в Україні[2]. Копії багатьох таких документів надсилали в ОҐПУ СРСР і Політбюро ЦК ВКП(б), і деякі з них планується опублікувати в Москві[3].

Детальні відомості про смертність часів голоду знаходяться у справах Центрального управління народногосподарського обліку, які зберігаються в Російському державному архіві економіки в Москві. У цих справах містяться деталізовані щомісячні записи смертності в українських областях, починаючи з 1932 р. Є також записи про смертність і народжуваність по районах України. У деяких випадках є специфічні дані, наприклад про рівень смертності у містах чи про вік померлих. Перші спроби аналізу цих даних здійснені у 1990–1991 рр.[4]

У справах Управління народногосподарського обліку України, які знаходяться в Центральному державному архіві вищих органів влади та управління України, цілком відсутні демографічні відомості за цей період[5]. У справах українського Держплану містяться тільки окремі, неповні відомості за 1931 р. Це ті матеріали, які надійшли до Держплану до створення УНГО УСРР[6]. Наскільки мені пощастило з'ясувати, у місцевих українських архівах також відсутні досить повні демографічні відомості за цей період[7].

Крім того, наявні статистичні дані про рівень смертності не зовсім вірогідні. Порівнюючи чисельність населення за переписами 1926, 1937 і 1939 років, ми

отримаємо вищий рівень смертності, ніж це випливає з відомостей статистиків, які реєстрували смертність. Тому визначення рівня незареєстрованої смертності потребує серйозної наукової дискусії.

Шляхом співставлення різних статистичних даних з різних переписів за ознакою віку та статі можна створити та проаналізувати серії рівнів смертності для всього періоду, охопленого переписами. Затим одержані в такий спосіб рівні смертності необхідно порівняти з очікуваним рівнем «нормальної» смертності за ці роки для того, щоб підрахувати надмірну (понаднормову) смертність.

Така методика підрахунків має дві незначні практичні проблеми та три ґрунтовні теоретичні проблеми. Почнемо з перших. Для отримання відносно вірогідних наслідків треба припустити, що не було пересувань (міграцій) населення з одного регіону СРСР до іншого. Таке припущення, справедливе для всього СРСР, непридатне для його національних республік і міст.

Крім того, слід припустити, що показники переписів за віком досить певні і тому не впливають на наші кінцеві результати. Але нам добре відомий феномен, характерний для всіх ранніх переписів: населення подавало неточні відомості про свій вік, прагнучи його «заокруглити» чи до цілого року, чи до половини. Помітним було також бажання «додати» собі кілька років. Внаслідок цього у більшості випадків демографічні піраміди населення скоріш нагадують різдвяні ялинки, аніж рівні, однорідні стіни пірамід. У нас є статистичні методи, які вирівнюють ці відмінності у даних, але вони роблять менш вірогідними результати співставлення даних за віком.

Тепер перейдемо до основних проблем методики підрахунків: 1) визначення рівня «нормальної» смертності; 2) наукова обробка цих даних; 3) розподіл отриманих даних про смертність всередині різних років, які були охоплені переписами.

Хоча існує велика спокуса припустити, що реєстраційні відомості були відносно приступні та вірогідні для більшості з цих років, за винятком голодного 1933 р., але насправді це інакше. Таке припущення не виправдане історією реєстраційної системи і не підтверджується документами, що зберігаються в центральних архівах.

Ми знаємо, що смертність почала збільшуватися у багатьох регіонах країни невдовзі по перепису 1926 р. Це стало причиною централізованого припинення публікацій демографічних даних у 1928 р. в СРСР, а в 1930 р. в Україні[8]. Відмова від оприлюднення демографічної статистики супроводжувалася адміністративним і політичним тиском влади на всю систему статистики з метою фальсифікації даних. Статистичні перекручення, як і публікації цифр, що демонстрували дострокове виконання планів, досягли свого піку в 1930–1931 роках. У ці роки Центральне статистичне управління втратило свою структурну

незалежність і вольовим рішенням було перетворено на сектор Держплану (спочатку статистико-економічний сектор, а затим сектор загальносоюзних економічних розрахунків). Одночасно лунали пропозиції анулювати результати перепису 1930 р. й побутувала віра у те, що об'єктивну статистику можуть заступити соціалістичні планові розрахунки. Внаслідок цього масові перекручення статистики охопили всі сфери розрахунків.

Ситуація настільки погіршилася, що уряд країни у грудні 1931 р. відновив певну незалежність центрального статистичного органу (який названо Центральним управлінням народногосподарського обліку). Тепер управління мало власну структуру, незалежну від Держплану, і нового впливового керівника, який одночасно став заступником голови Держплану. Призначення на цю посаду в січні 1932 р. М. Осинського, який користувався повагою у вищих партійно-радянських структурах, досить прямого і незалежного у судженнях, показало, що зміни у статистиці відбуваються серйозні.

М. Осинський провів справжню реконструкцію чи відродження статистичної діяльності. Та «ренесанс» статистики тривав не дуже довго. Незалежні погляди М. Осинського незабаром спричинилися до конфлікту з Політбюро ЦК ВКП(б), яке в 1933 р. винесло йому офіційну партійну догану і з метою контролю призначило його заступником затятого сталініста Й. Краваля.

Зрештою Й. Краваль став головою ЦУНГО, але впродовж 1932– 1933 рр., під час піку голоду, радянська статистична система у багатьох регіонах країни працювала набагато краще, ніж у 1930–1931 рр. чи в 1934– 1939 рр.

Становище з реєстрацією загсами демографічних подій стало значно заплутанішим після 1934 р. Як вже зауважувалося вище, одразу по створенні НКВД чекісти заявили, що керівники і співробітники органів статистики здійснювали ворожу діяльність, надаючи високі показники смертності та занижуючи «реальну» народжуваність.

Тому, враховуючи історичні та політичні мотиви, ми маємо вагомі підстави припустити, що демографічні дані фальсифікувалися скоріше в 1930–1931 і 1934–1939 рр., аніж у 1932–1933 рр. Звичайно, такі висновки не заперечують існування неповних реєстрацій у період голоду 1932–1933 рр. Вочевидь будь-яка реєстраційна система гальмуватиме в умовах масового голоду. Та детальні відомості, наявні в нас, показують лише незначні прогалини в реєстраційних даних[9].

Щомісячні реєстраційні відомості, які в нас є, показують, що справді відбувалося зниження народжуваності та зростання смертності. В принципі ми так і сподівались[10]. Детальні регіональні демографічні дані за період після 1933 р. не містять ознак серйозних прогалин[11]. Те ж саме можна сказати стосовно щомісячних даних з дитячої смертності[12].

Отож виникає ситуація, в якій можна спробувати визначити можливі рівень і природу смертності. а також надмірної смертності для України часів голоду. В таблиці № 1 я розмістив підрахунки мінімальних даних з рівня смертності від голоду, надмірної смертності та втрат населення на підставі невивірених реєстраційних відомостей про народжуваність та смертність. У таблиці № 2 згруповані серії вивірених підрахунків, які ґрунтуються на різних версіях розподілу надмірної смертності в Україні у роки, охоплені переписами.

Таблиця № 1. Мінімальні рівні надмірної смертності і втрат населення в СРСР і УСРР (1931–1934 рр.):

Роки	Надмірна смертність		Втрати народжуваності		Втрати населення	
	Україна	СРСР	Україна	СРСР	Україна	СРСР
а) Надмірна смертність і втрати населення за рівнями 1928 р. (у млн. осіб):						
1931–1933(34)	1,5	3,1	1,7	6,9	3,1	10,0
1933(34)	1,4	2,5	1,2	4,6	2,6	7,1
1928–1934	1,6	3,5	2,6	9,2	4,2	12,7
б) Надмірна смертність і втрати населення за рівнями 1935 р. (у млн. осіб):						
1931–1933(34)	2,0	3,0	–	3,0	2,0	6,0
1933(34)	1,5	2,5	0,5	2,6	2,0	5,1
1928–1934	2,7	3,3	0,5	3,0	3,2	6,3
в) Надмірна смертність і втрати населення за середніми рівнями 1928–1935 рр. (у млн. осіб):						
1931–1933(34)	1,8	3,1	0,9	4,9	2,7	8,0
1933(34)	1,5	2,5	0,9	3,6	2,4	6,1
1928–1934	2,1	3,4	1,5	6,1	3,6	9,5

Слід відзначити, що вже були спроби аналізу переписів населення та співставлення отриманих результатів з реєстраційними даними. Ми з Р. Девісом вивчали оцінки Ф. Лоримера; С. Максудова; Є. Андреєва, Л. Дарського, Т. Харкової (надалі— «АДХ»); первісну пропозицію Курмана (у березні 1937 р. цей службовець ЦУНГО СРСР запропонував збільшити чисельні дані про кількість населення СРСР із 162 млн. до 163 млн. осіб), а також порівняно недавні оцінки В. Цапліна та «АДХ»[13].

В. Цаплін стверджує, що зазначені вченими 8 млн. незареєстрованих смертей в СРСР, які сталися між груднем 1926 р. і січнем 1937 р., можуть бути знижені таким чином: 1, 3 млн. становить смертність серед казахів та міграція під

час голоду; 2,8 млн. — незареєстрована смертність в системі НКВД. З урахуванням цих цифр ми маємо зареєструвати смертність 3,9 млн. осіб.

«АДХ» висловили думку про те, що не можна прямо (без огляду на деякі фактори) оцінювати зареєстровану смертність, оскільки, наприклад, дані будуть спотворені без обліку народжуваності. Смертність новонароджених за реєстраційними даними обумовлювала більшу смертність населення порівняно з наслідками переписів.

Навіть якщо це правда, ми маємо сумнів, що реєстраційні дані містять такі високі показники дитячої смертності. Ми скоріше згодні з Ф. Лоримером, що «нормальна» зареєстрована дитяча смертність і народжуваність дітей, які померли до року життя, була досить високою, але серйозно не зростала у період голоду. І, як я вже пояснював, це був час відносно доброї праці реєстраційної системи.

Тому ми, ймовірно, повинні додатково включити 3,9 млн. смертей, які трапилися з грудня 1926 р. по січень 1934 р. в СРСР. Та не цілком зрозуміло, чи слід більше половини цього числа, тобто близько 2 млн., віднести до часів голоду 1931–1934 рр. і більш ніж 25%, тобто близько 1 млн., до цього періоду для України. Це змушує мене бути дуже обережним, а також серйозно вагатися щодо високої міри вірогідності підрахунків.

Таблиця № 2. Можливий рівень надмірної смертності і втрат населення в СРСР і УСРР (1931–1934 рр.) (у млн. осіб)

Роки	Надмірна смертність		Втрати народжуваності		Втрати населення	
	Україна	СРСР	Україна	СРСР	Україна	СРСР
а) Зареєстрована надмірна смертність і падіння народжуваності:						
1931–1933(34)	1,8	3,1	0,9	4,9	2,7	8,0
1933(34)	1,5	2,5	0,9	3,6	2,4	6,1
б) Незареєстрована надмірна смертність і падіння народжуваності:						
1931–1933(34)	1–2	2–4				
1933	0,5–1	1–2				
1927–1936	1–2	4				
в) Загальна надмірна смертність і надмірна народжуваність:						
1931–1933(34)	2,8–3,8	5–7	0,9	4,9	3,7–4,7	10–12
1933	2,0–2,5	3,5–4,5	0,9	3,6	2,9–3,4	7–8

Реєстраційні відомості показують, що в Україні був масовий голод у 1931–1933 рр., який спричинився щонайменше до 1,8 млн. надмірної смертності та 2,7 млн. втрат населення. Хоча найбільш імовірними є показники в 3–3,5 млн. смертей і 4 млн. людей — прямі втрати населення. Ці дані вказують на те, що це найбільші втрати населення в XX столітті, можливо перевершені тільки голодом під час «великого стрибка» в Китаї у 1958–1961 рр.

Більш детальні відомості є в нас із щомісячної динаміки смертності та народжуваності в ці роки для міського та сільського населення УСРР, а також динаміка за областями (також для міського і сільського населення УСРР). Всі ці дані показують таку структуру надмірної смертності та дефіциту народжуваності.

Таблиця № 3. Обласні дані з надмірної смертності (невивірені реєстраційні відомості):

Регіон	Надмірна смертність					
	Рівні смертності на тисячу осіб			У тисячах осіб		
	Міське населення	Сільське населення	Все населення	Міське населення	Сільське населення	Все населення
1) Полісся						
Чернігівська область	52,9	33,3	35,8	15	89	106
2) Правобережжя	49,8	68,3	65,7	65	653	718
Київська область	49,8	88,1	81,9	49	453	502
Вінницька область	39,3	44,9	44,5	16	198	214
3) Лівобережжя						
Харківська область	40,0	74,4	68,0	50	363	416
4) Степ	27,9	35,8	33,8	119	274	402
Дніпропетровська область	30,4	39,1	37,3	31	111	144
Одеська область	32,6	39,3	37,7	31	93	125
Донецька область	23,9	23,1	24,6	53	43	100
Автономна Молдавська СРР	31,1	47,5	45,9	2	26	28
УСРР	34,6	54,7	50,8	248	1,353	1,620

Слід відзначити, що ці показники фіксують більш високий рівень надмірної смертності у 1932—1934 рр., ніж загальний рівень для 1931—1935 рр., а також те, що вони можуть бути скореговані новими реєстраційними даними, які будуть віднайдені в архівах. Ці показники свідчать про винятково високі рівні смертності сільського населення в Київській і Харківській областях. Порівняно з ними низький рівень для Донецької області. Також звертають на себе увагу високі рівні смертності міського населення, порівняно з сільським, у Чернігівській і Донецькій областях. Хоча ці показники потребують деякого корегування, мені видається вельми сумнівним, що корегування згладить тенденції, які простежуються на підставі наведених вище цифр.

* * *

Сьогодні невідомо, який матеріал надсилався Молотову і Кагановичу під час їхніх поїздок в Україну. Змінені дані, які ґрунтувалися на наслідках пізніших переписів, звичайно, не є вірними. Щорічні демографічні звіти за 1932 р. були укладені не раніше липня 1933 р. Щомісячні звіти по різних районах і областях були приступні Молотову та Кагановичу, та чи мали вони бажання ознайомитися з ними? Але цілком імовірно, що вони мали доступ до секретних звітів ОҐПУ і ЦК, які обговорювалися членами Політбюро ЦК ВКП(б). Ми повинні дізнатися, який матеріал був підготовлений різними інстанціями для вищого керівництва країни цього часу і хто саме мав доступ до нього. Все це питання, які необхідно дослідити надалі.

*

1. Більш детально про це див. в опублікованому викладі моєї доповіді на конференції в Торонто в 1996 р.

2. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.

3. Сподіваємося, що така ситуація зміниться з наступною публікацією двох багатотомних збірників документів: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: В 5 т.; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т.

4. Wheatcroft S. G. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s //Soviet Studies.— 1990.— April.— P. 355—367; Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их?: (Анализ демогр. статистики ЦГАНХ СССР) //История СССР.— 1991.— № 5.— С. 18—26.

5. Див.: ЦДАВОВУ України. Ф. 318. Оп. 1. Спр. 1435—1499. Сектор населення і смертності.

6. Там само. Спр. 1158—11608.

7. Я хочу висловити подяку старшому науковому співробітнику Інституту історії України Валерію Васильєву за цю інформацію.

8. Остання деталізована публікація даних про смертність і народжуваність в СРСР була: Естественное движение населения СССР. 1926.— М., 1929; а в Україні: Природний рух людності в Україні в 1929 р.— Харків, 1932.

9. Порівняння рівнів падіння народжуваності і зростання смертності внаслідок голоду з рівнем «нормальної» (природної) смертності дає змогу дуже легко віднайти наявні випадки пропуску даних. Те ж саме стосується місячних реєстраційних даних і демографічних відомостей за регіонами СРСР — ми бачимо відсутність серйозних прогалин у них.

10. Деякі деталі цього обговорювалися з російськими демографами Є. Андреєвим, Л. Дарським і Т. Харковою на міжнародній конференції, присвяченій історії радянської демографії, в Торонто в 1996 р. Вони дотримуються точки зору, що зниження природного приросту населення є винятково наслідком наявних концепцій зменшення народжуваності; у 1931—1932 рр. голоду в Україні не було; таке різке зниження приросту населення навесні та влітку 1933 р. є скоріше наслідком статистичних похибок, ніж реальним феноменом. Я стверджував у Торонто і продовжую стверджувати, що це помилка. Досвід потверджує, що в більшості зафіксованих в історії людства випадків широкомасштабного голоду відбувалося зниження народжуваності, яке збігалося з піком смертності, і що в 1931—1932 рр. був серйозний голод в Україні, який передував ще більш серйозному голоду 1932—1933 рр. Це й спричинилося до зниження природного приросту населення у вказані роки.

11. Російський державний архів економіки. Ф. 1562. Оп. 329. Спр. 53.

12. Там само. Оп. 20. Спр. 41.

13. Див.: Wheatcroft S. G., Davies R. W. Population //Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945.— Cambridge, 1994.— P. 72—77.

Стивен Уиткрофт

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИРОДЕ И УРОВНЕ СМЕРТНОСТИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1931–1933 ГОДОВ В УКРАИНЕ

Сегодня мы знаем, что секретные советские документы 1932—1934 гг. четко свидетельствуют о случаях локального голода в 1932 г. и широкомасштабном голоде в 1933 г. По существующим оценкам в 1933 г., по сравнению с предыдущими годами, уровень смертности в СССР возрос в 3 раза, а в Украине в 5 раз. Одновременно резко снизился уровень рождаемости.

Когда в 1934 г. создали НКВД СССР, на него возложили ответственность за регистрацию рождаемости и смертности. Это сразу же привело к резкому усилению репрессий против лиц, занимавшихся регистрацией (работников районных отделов статистики). Их обвиняли во «вражеском» преувеличении смертности и преуменьшении рождаемости.

После заявлений Сталина на XVII съезде ВКП(б) (март 1934 г.) о росте населения СССР в 1933 г. стало крайне опасно упоминать о голоде даже в секретных документах[1]. Впервые подобные секретные документы из фондов бывшего республиканского партийного архива были опубликованы в 1990 г. в Украине[2]. Копии многих таких документов были посланы в ОГПУ СССР и Политбюро ЦК ВКП(б), и некоторые из них планируется опубликовать в Москве[3].

Подробные сведения о смертности в период голода находятся в делах Центрального управления народнохозяйственного учета, которые хранятся в Российском государственном архиве экономики в Москве. В этих делах содержатся детализированные ежемесячные записи смертности в украинских областях, начиная с 1932 г. Есть также записи о смертности и рождаемости по районам Украины. В некоторых случаях имеются специфические данные, например об уровнях смертности в городах или о возрасте умерших. Первые попытки анализа этих данных осуществлены в 1990—1991 гг[4].

В делах Управления народнохозяйственного учета Украины, которые находятся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины, совершенно отсутствуют демографические сведения за этот период[5]. В делах украинского Госплана содержатся только отдельные, неполные сведения за 1931 г. Это те материалы, которые поступили в Госплан до образования УНХУ УССР[6]. Насколько мне удалось выяснить, в местных украинских архивах также отсутствуют достаточно полные демографические сведения за этот период[7].

Кроме того, существующие статистические данные об уровне смертности не совсем достоверны. Сравнивая численность населения по переписям 1926, 1937 и 1939 годов, мы получим более высокий уровень смертности, чем это следует из сведений статистиков, регистрировавших смертность. Поэтому определение уровня незарегистрированной смертности нуждается в серьезной научной дискуссии.

Путем сопоставления различных статистических данных из разных переписей по признаку возраста и пола можно создать и проанализировать серии уровней смертности для всего периода, охваченного переписями. Затем полученные таким образом уровни смертности необходимо сравнить с ожидаемым уровнем «нормальной» смертности за эти годы для того, чтобы подсчитать избыточную (превышающую норму) смертность.

У подобной методики подсчетов имеются две небольшие практические проблемы и три основные теоретические проблемы. Начнем с первых. Для получения относительно достоверных результатов необходимо предположить, что не было передвижения (миграций) населения из одного региона СССР в другой. Данное предположение, верное для всего СССР, неприменимо для его национальных республик и городов.

Кроме того, необходимо предположить, что показатели переписей по возрасту достаточно достоверны и поэтому не влияют на наши окончательные результаты. Но нам хорошо известен феномен, характерный для всех ранних переписей: население давало неточные сведения о своем возрасте, стремясь его «округлить» или к целому году, или к его половине. Заметным было также желание «прибавить» себе несколько лет. В результате в большинстве случаев демографические пирамиды населения скорее напоминают рождественские елки, нежели ровные, однородные стены пирамид. У нас есть статистические методы, выравнивающие эти различия в данных, но они делают менее достоверными результаты сопоставления данных по возрасту.

Теперь перейдем к основным проблемам методики подсчетов: 1) определение уровня «нормальной» смертности; 2) научная обработка этих данных; 3) распределение полученных данных о смертности внутри различных лет, которые были охвачены переписями.

Хотя существует большое искушение предположить, что регистрационные сведения были относительно доступны и достоверны для большинства из этих лет, за исключением голодного 1933 г., но на самом деле это не так. Подобное предположение не оправдано историей регистрационной системы и не подтверждается документами, которые хранятся в центральных архивах.

Мы знаем, что смертность начала возрастать во многих регионах страны вскоре после переписи 1926 г. Это стало причиной централизованного прекращения публикаций демографических данных в 1928 г. в СССР, а в 1930 г. в Украине[8]. Отказ от обнародования демографической статистики сопровождался административным и политическим давлением власти на всю систему статистики с целью фальсификации данных. Статистические искажения, как и публикации цифр, демонстрировавших досрочное выполнение планов, достигли своего пика в 1930—1931 годах. В эти годы Центральное статистическое управление потеряло свою структурную независимость и волевым решением было превращено в сектор Госплана (сначала статистико-экономический сектор, а затем сектор общесоюзных экономических расчетов). Одновременно звучали

предложения аннулировать результаты переписи 1930 г. и существовала вера в то, что объективная статистика может быть заменена социалистическими плановыми расчетами. В результате массовые искажения статистики охватили все сферы расчетов.

Ситуация настолько ухудшилась, что правительство страны в декабре 1931 г. восстановило определенную независимость центрального статистического органа (названного Центральным управлением народнохозяйственного учета). Теперь управление имело собственную структуру, независимую от Госплана, и нового влиятельного руководителя, который одновременно стал заместителем председателя Госплана. Назначение на этот пост в январе 1932 г. Н. Осинского, пользовавшегося уважением в высших партийно-советских структурах, достаточно прямого и независимого в суждениях, показало, что изменения в статистике предприняты серьезные.

Н. Осинский провел настоящую реконструкцию или возрождение статистической деятельности. Но «ренессанс» статистики продолжался не очень долго. Независимые взгляды Н. Осинского вскоре привели его к конфликту с Политбюро ЦК ВКП(б), которое в 1933 г. вынесло ему официальный партийный выговор и с целью контроля назначило его заместителем ярого сталиниста И. Краваля.

В конце концов, И. Краваль стал главой ЦУНХУ, но на протяжении 1932–1933 гг., во время пика голода, советская статистическая система во многих регионах страны работала намного лучше, чем в 1930–1931 гг. или в 1934–1939 гг.

Положение с регистрацией загсами демографических событий стало гораздо более запутанным после 1934 г. Как уже отмечалось выше, сразу после образования НКВД чекисты заявили, что руководители и сотрудники органов статистики осуществляли вражескую деятельность, предоставляя высокие показатели смертности и занижая «реальную» рождаемость.

Поэтому, учитывая исторические и политические мотивы, мы имеем веские основания предположить, что демографические данные фальсифицировались скорее в 1930–1931 и 1934–1939 гг., нежели в 1932–1933 гг. Конечно, такие выводы не отрицают существования неполных регистраций в период голода 1932–1933 гг. Очевидно, что любая регистрационная система будет давать сбои в условиях массового голода. Но подробные сведения, которые мы имеем, показывают лишь незначительные пробелы в регистрационных данных[9].

Ежемесячные регистрационные сведения, которые у нас есть, показывают, что действительно происходило снижение рождаемости и рост смертности. В принципе мы так и ожидали[10]. Подробные региональные демографические данные за период после 1933 г. не содержат признаков серьезных пропусков[11]. То же самое можно сказать в отношении ежемесячных данных по детской смертности[12].

В результате возникает ситуация, в которой можно попытаться определить возможные уровень и природу смертности, а также избыточной смертности для Украины в период голода. В таблице № 1 я разместил подсчеты минимальных данных по уровню смертности от голода, избыточной смертности и потерь населения на основе невыверенных регистрационных сведений о рождаемости и смертности. В таблице № 2 сгруппированы серии выверенных подсчетов, которые основаны на разных версиях распределения избыточной смертности в Украине в годы, охваченные переписями.

Таблица № 1. Минимальные уровни избыточной смертности и потерь населения в СССР и УССР (1931–1934 гг.):

Годы	Избыточная смертность		Потери рождаемости		Потери населения	
	Украина	СССР	Украина	СССР	Украина	СССР
а) Избыточная смертность и потери населения по уровням 1928 г. (в млн. чел.):						
1931–1933(34)	1,5	3,1	1,7	6,9	3,1	10,0
1933(34)	1,4	2,5	1,2	4,6	2,6	7,1
1928–1934	1,6	3,5	2,6	9,2	4,2	12,7
б) Избыточная смертность и потери населения по уровням 1935 г. (в млн. чел.):						
1931–1933(34)	2,0	3,0	–	3,0	2,0	6,0
1933(34)	1,5	2,5	0,5	2,6	2,0	5,1
1928–1934	2,7	3,3	0,5	3,0	3,2	6,3
в) Избыточная смертность и потери населения по средним уровням 1928–1935 гг. (в млн. чел.):						
1931–1933(34)	1,8	3,1	0,9	4,9	2,7	8,0
1933(34)	1,5	2,5	0,9	3,6	2,4	6,1
1928–1934	2,1	3,4	1,5	6,1	3,6	9,5

Необходимо отметить, что уже предпринимались попытки анализа переписей населения и сопоставления полученных результатов с регистрационными данными. Мы с Р. Дэвисом изучали оценки Ф. Лоримера; С. Максудова; Е. Андреева, Л. Дарского, Т. Харьковой (далее — «АДХ»); первоначальное предложение Курмана (в марте 1937 г. этот служащий ЦУНХУ СССР предложил увеличить цифровые данные о численности населения СССР с 162 млн. до 163 млн. человек), а также сравнительно недавние оценки В. Цаплина и «АДХ»[13].

В. Цаплин утверждает, что отмеченные учеными 8 млн. незарегистрированных смертей в СССР, которые произошли между декабрем 1926 г. и январем 1937 г., могут быть снижены следующим образом: 1,3 млн. составляет смертность среди казахов и миграция во время голода; 2,8 млн.— незарегистрированная смертность в системе НКВД. С учетом этих цифр мы должны зарегистрировать смертность 3,9 млн. человек.

«АДХ» высказали мнение о том, что нельзя прямо (без учета некоторых факторов) оценивать смертность, так как, например, данные будут искажены без учета рождаемости. Смертность новорожденных по регистрационным данным обусловливала большую смертность населения в сравнении с результатами переписей.

Даже если это правда, мы сомневаемся, что регистрационные данные содержат такие высокие показатели детской смертности. Мы скорее согласны с Ф. Лоримером, что «нормальная» зарегистрированная детская смертность и рождаемость детей, умерших до года жизни, была достаточно высокой, но серьезно не возрастала в период голода. И, как я уже объяснял, это было время относительно хорошей работы регистрационной системы.

Поэтому мы, вероятно, должны дополнительно включить 3,9 млн. смертей, произошедших с декабря 1926 г. по январь 1937 г. в СССР. Но не вполне ясно, следует ли более половины этого числа, то есть около 2 млн., отнести к периоду голода 1931–1934 гг. и более чем 25%, то есть около 1 млн., к этому периоду для Украины. Это вынуждает меня быть очень осторожным, а также серьезно сомневаться в высокой степени достоверности подсчетов.

Таблица № 2. Возможный уровень избыточной смертности и потерь населения в СССР и УССР (1931–1934 гг.)(в млн. чел.)

Годы	Избыточная смертность		Потери рождаемости		Потери населения	
	Украина	СССР	Украина	СССР	Украина	СССР
а) Зарегистрированная избыточная смертность и падение рождаемости:						
1931–1933(34)	1,8	3,1	0,9	4,9	2,7	8,0
1933(34)	1,5	2,5	0,9	3,6	2,4	6,1
б) Незарегистрированная избыточная смертность и падение рождаемости:						
1931–1933(34)	1–2	2–4				
1933	0,5–1	1–2				
1927–1936	1–2	4				
в) Общая избыточная смертность и избыточная рождаемость:						
1931–1933(34)	2,8–3,8	5–7	0,9	4,9	3,7–4,7	10–12
1933	2,0–2,5	3,5–4,5	0,9	3,6	2,9–3,4	7–8

Регистрационные сведения показывают, что в Украине был массовый голод в 1931–1933 гг., который послужил причиной минимум 1,8 млн. избыточной смертности и 2,7 млн. потерь населения. Хотя самыми вероятными являются показатели в 3–3,5 млн. смертей и 4 млн. человек — прямые потери населения. Эти данные указывают на то, что это самые большие потери населения в XX столетии, возможно превзойденные только голодом во время «большого скачка» в Китае в 1958–1961 гг.

Более подробные сведения есть у нас по ежемесячной динамике смертности и рождаемости в эти годы для городского и сельского населения УССР, а также динамика по областям (тоже для городского и сельского населения УССР). Все эти данные показывают такую структуру избыточной смертности и дефицита рождаемости.

Таблица № 3. Областные данные по избыточной смертности (невыверенные регистрационные сведения):

Регион	Избыточная смертность					
	Уровни смертности на тысячу человек			В тысячах человек		
	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население	Все население
1) Полесье						
Черниговская область	52,9	33,3	35,8	15	89	106
2) Правобережье	49,8	68,3	65,7	65	653	718
Киевская область	49,8	88,1	81,9	49	453	502
Винницкая область	39,3	44,9	44,5	16	198	214
3) Левобережье						
Харьковская область	40,0	74,4	68,0	50	363	416
4) Степь	27,9	35,8	33,8	119	274	402
Днепропетровская область	30,4	39,1	37,3	31	111	144
Одесская область	32,6	39,3	37,7	31	93	125
Донецкая область	23,9	23,1	24,6	53	43	100
Автономная Молдавская ССР	31,1	47,5	45,9	2	26	28
УССР	34,6	54,7	50,8	248	1,353	1,620

Необходимо отметить, что эти показатели фиксируют более высокий уровень избыточной смертности в 1932—1934 гг., чем общий уровень для 1931—1935 гг., а также то, что они могут быть скорректированы новыми регистрационными данными, которые будут найдены в архивах. Эти показатели свидетельствуют об исключительно высоких уровнях смертности сельского населения в Киевской и Харьковской областях. По сравнению с ними низок уровень для Донецкой области. Также обращают на себя внимание более высокие уровни смертности городского населения, по сравнению с сельским, в Черниговской и Донецкой областях. Хотя эти показатели нуждаются в некоторой корректировке, мне представляется весьма сомнительным, что корректировки сгладят тенденции, которые прослеживаются на основе приведенных выше цифр.

* * *

Сегодня неизвестно, какой материал направлялся Молотову и Кагановичу во время их поездок в Украину. Измененные данные, основанные на результатах более поздних переписей, конечно, не верны. Ежегодные демографические отчеты за 1932 г. были составлены не ранее июля 1933 г. Ежемесячные отчеты по различным районам и областям были доступны Молотову и Кагановичу, но имели ли они желание ознакомиться с ними? Но вполне вероятно, что они имели доступ к секретным отчетам ОГПУ и ЦК, которые обсуждались членами Политбюро ЦК ВКП(б). Мы должны узнать, какой материал был подготовлен различными инстанциями для высшего руководства страны в это время и кто именно имел доступ к нему. Все это вопросы, которые необходимо исследовать в дальнейшем.

*

1. Более подробно об этом см. в опубликованном изложении моего доклада на конференции в Торонто в 1996 г.

2. Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів.— К., 1990.

3. Надеемся, что такая ситуация изменится с предстоящей публикацией двух многотомных сборников документов: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: В 5 т.; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т.

4. Wheatcroft S. G. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s //Soviet Studies.— 1990.— April.— P. 355—367; Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их?: (Анализ демогр. статистики ЦГАНХ СССР) //История СССР.— 1991.— № 5.— С. 18—26.

5. См.: ЦГАВОВУ Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1435—1499. Сектор населения и смертности.

6. Там же. Д. 1158—11608.

7. Я хочу выразить благодарность старшему научному сотруднику Института истории Украины Валерию Васильеву за эту информацию.

8. Последняя детализированная публикация данных о смертности и рождаемости в СССР была: Естественное движение населения СССР. 1926.— М., 1929; а в Украине: Природний рух людності в Україні в 1929 р.— Харків, 1932.

9. Сравнение уровней падения рождаемости и роста смертности по причине голода с уровнем «нормальной» (естественной) смертности дает возможность очень легко обнаружить имеющиеся случаи пропусков данных. То же относится к месячным регистрационным данным и демографическим сведениям по регионам СССР — мы видим отсутствие серьезных пробелов в них.

10. Некоторые подробности этого обсуждались с российскими демографами Е. Андреевым, Л. Дарским и Т. Харьковой на международной конференции, посвященной истории советской демографии, в Торонто в 1996 г. Они придерживаются точки зрения, что снижение естественного прироста населения является исключительно следствием существующих концепций уменьшения рождаемости; в 1931—1932 гг. голода в Украине не было; столь резкое снижение прироста населения весной и летом 1933 г. является скорее результатом статистических неточностей, чем реальным феноменом. Я утверждал в Торонто и продолжаю утверждать, что это заблуждение. Опыт свидетельствует, что в большинстве зафиксированных в истории человечества случаев широкомасштабного голода происходило снижение рождаемости, которое совпадало с пиком смертности, и что в 1931—1932 гг. был серьезный голод в Украине, который предшествовал еще более серьезному голоду 1932—1933 гг. Это и послужило причиной снижения естественного прироста населения в указанные годы.

11. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 53.

12. Там же. Оп. 20. Д. 41.

13. См.: Wheatcroft S. G., Davies R. B. Population //Davies R. B., Harrison M., Wheatcroft S. G. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945.— Cambridge, 1994.— P. 72—77.

Авторизованный перевод с английского В. Васильева

Лариса Малашенко

ДОКУМЕНТИ ОСОБОВИХ ФОНДІВ Л. КАГАНОВИЧА ТА В. МОЛОТОВА ЯК ДЖЕРЕЛА ВИВЧЕННЯ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ В XX СТОЛІТТІ

Останніми роками вчені з різних країн світу активно працювали з архівними матеріалами особових фондів двох найближчих соратників Сталіна — Л. М. Кагановича та В. М. Молотова. Ці політичні діячі впродовж багатьох років радянської історії обіймали вищі партійно-державні посади, чимало їздили по СРСР і у певні періоди свого життя були тісно пов'язані з Україною.

Входячи до невеликої групи керівників, які вирішували найважливіші питання життя радянського суспільства, Л. Каганович і В. Молотов, слідом за Сталіним, багато в чому визначили складну і трагічну долю України в XX столітті. Тому дослідникам сучасної історії України буде цікаво ознайомитися із змістом їхніх особових фондів, які зберігаються в Російському державному архіві соціально-політичної історії (РДАСПІ).

Документи особового фонду Л. Кагановича надходили з різних джерел до архіву VI сектора Загального відділу ЦК КПРС упродовж 1957 р. Всі матеріали знаходилися в необробленому стані. Внаслідок первісного перегляду були виокремлені дублети та документи, які не підлягають збереженню.

На підставі рішення Секретаріату ЦК КПРС від 13 лютого 1975 р. до Центрального партійного архіву Інституту марксизму-ленінізму при ЦК КПРС (ЦПА ІМЛ) передано невелику частину документів особового архіву Л. Кагановича. Це були копії документів, які характеризують працю Л. Кагановича в Нижнєгородській, Саратовській, Воронізькій і Юзівській парторганізаціях (1917–1920 рр.), а також діяльність Київської підпільної організації. Копії одержано з різних партійних і радянських архівів.

Крім цього, до ЦПА ІМЛ передано копії стенограм пленумів ЦК КП(б)У, протоколів засідань Політбюро та Оргбюро ЦК КП(б)У, інших документів, присвячених роботі української парторганізації. Серед архівних матеріалів є стенографічні звіти (друковані видання) партконференцій і пленумів Московської парторганізації, мандати, посвідчення, делегатські квитки та запрошення, вітальні листи і телеграми; друковані видання виступів Л. Кагановича та підшивки газетних статей.

Документи Секретаріату Л. Кагановича, що стосуються його праці на посаді заступника Голови Ради Міністрів СРСР, передано у березні 1975 р. за приналежністю до Ради Міністрів СРСР.

В архіві VI сектора Загального відділу ЦК КПРС фонду документальних матеріалів архіву Л. Кагановича було надано № 54. (При надходженні документів на збереження у РДАСПІ йому надано новий номер — 81.) Внаслідок науково-технічної обробки та уточнення фондової приналежності сформовано 431 одиницю збереження за період від 1918 до 1957 рр.

Документальні матеріали особового фонду відображають партійну, державну, військову та громадську діяльність Л. Кагановича. За своїм характером більшість документів являє собою проекти, тези та стенограми доповідей і виступів на з'їздах РКП(б)-ВКП(б)-КПРС, пленумах ЦК і ЦКК, нарадах і комісіях ЦК ВКП(б), записки та листи з резолюціями й зауваженнями Сталіна, копії матеріалів і особисті нотатки про боротьбу з опозицією, підсумки чистки партії, листи та телеграми Л. Кагановича до центральних і місцевих партійних організацій, керівникам КПРС і радянського уряду. У цій групі документів багато матеріалів, що стосуються української парторганізації.

До особового архіву включено документи, які характеризують працю Л. Кагановича у наркоматах і міністерствах шляхів сполучення, важкої, паливної та нафтової промисловості, промисловості будівельних матеріалів, у Комітеті Ради Міністрів СРСР з матеріально-технічного постачання народного господарства (Держпостач СРСР), а також записки та копії виступів з питань підприємств шкіряної промисловості, що носили ім'я Л. Кагановича.

У фонді є рукописи статей Л. Кагановича, плани та підготовчі матеріали до них, календарні записи на блокнотних аркушах стосовно поточної роботи.

Біографічні документи включають особові анкетні листки, автобіографію та проекти біографій Л. Кагановича для друку, службові посвідчення особи, мандати і делегатські квитки, членські квитки громадських організацій, медичні довідки про стан здоров'я, друковані видання з дарчими написами авторів. Великий інтерес становлять написані у 1920-х роках Л. Кагановичем «Короткі відомості про моє життя та діяльність».

Значна частина документів — це листування Л. Кагановича з організаціями та окремими особами з питань партійної, господарської, профспілкової й комсомольської роботи.

Усередині розділів фонду документи розташовані у хронологічній послідовності за винятком тих документів, які за своєю тематикою виділені в окремі одиниці збереження.

З матеріалів про працю Л. Кагановича в Україні в 1925—1928 рр., а також у 1947 р. в окремих одиницях описані документи про національне питання в Україні, діяльність Компартії Західної України, доповідні записки ҐПУ-НКВД-МҐБ СРСР, записки Л. Кагановича про поїздки вздовж західного кордону України (1927 р.).

Діяльність Л. Кагановича в українській парторганізації відображена в матеріалах І Всеукраїнської партійної конференції, стенограмах його виступів на IX (1925 р.) і X (1927 р.) з'їздах КП(б)У, чорнових начерках, проектах ухвал партійних форумів з правками автора.

Багатогранність проблем політичного керівництва та оперативного управління, з якими стикався Л. Каганович, працюючи в Україні, засвідчують стенограми його виступів на пленумах ЦК КП(б)У, засіданнях Політбюро та Оргбюро ЦК КП(б)У, плани робіт, записки, інші чорнові начерки, присвячені роботі Політбюро ЦК КП(б)У.

Збереглися стенограми виступів Л. Кагановича на пленумах Київського, Ворошиловградського, Сталінського та інших обкомів партії, зборах обласних партійних активів Харкова, Полтави, Донбасу, нарадах у штабі Київського військового округу (1925–1928 рр.), нарадах господарських і партійних керівників вугільної промисловості (1947 р.).

У них дослідники можуть знайти нову цікаву інформацію про перевибори партійних і радянських органів; здійснення українізації, хлібозаготівель; конфлікт з О. Шумським і розкол Компартії Західної України (1925–1928 рр.); відбудову промисловості та підйом сільського господарства у післявоєнний період (1947 р.).

Особливу групу матеріалів становить листування Л. Кагановича з Й. Сталіним, В. Молотовим, іншими радянськими керівниками про українізацію державного апарату, роботу вугільної промисловості Донбасу, підготовку сільськогосподарських кадрів (1925–1928 р.); розвиток видобутку та переробки нафти в УРСР, сівбу, постачання автомашинами України, зрошування посушливих районів півдня України (1947 р.).

У фонді є документи ҐПУ-НКВД-МҐБ СРСР, які надсилалися на ім'я Л. Кагановича: доповідні записки, довідки, спеціальні повідомлення, огляди про «економічну контрреволюцію» в Донбасі, націоналістичний рух в Україні, Білорусі, на Кубані, політичну ситуацію в УСРР (1926–1928 рр.), антирадянські прояви в колах української інтелігенції, діяльність ОУН (1947 р.).

Для вчених будуть цікаві документальні матеріали про поїздку Л. Кагановича у Донбас (квітень 1933 р.), що містять резолюції та зауваження Й. Сталіна. Крім цього, є документи про роботу Донецької залізниці, створення політвідділів МТС, постанови та директиви з питань сільського господарства в 1930–1932 рр., короткі щоденники Л. Кагановича та стенограми його виступів під час поїздок в Україну (1934, 1936, 1937 рр.).

Архівні матеріали, які становлять особовий фонд В. Молотова, відкладалися в Секретаріаті Голови, заступника Голови Ради Народних Комісарів, Ради Міністрів СРСР і Ради Праці та Оборони. У фонді є оригінали та копії документів з позначками В. Молотова, які спрямовувалися секретарям ЦК і членам Політбюро ЦК КПРС, а також фотокопії та передруки різних документів. В архіві Загального відділу ЦК КПРС фонду В. Молотова було надано № 56. При надходженні документів на збереження до РДАСПІ фонд одержав новий номер — 82.

При науково-технічній обробці документальних матеріалів архівного фонду В. Молотова сформовано 1712 одиниць збереження за період з 1907 по 1986 рр. Вони упорядковані здебільшого за тематичною ознакою. Документи всередині них розташовані у хронологічній послідовності. Матеріал систематизований і згрупований за чотирнадцятьма розділами.

У третьому розділі містяться документи про призначення В. Молотова у Донбас секретарем ЦК КП(б)У (1920 р.), а також про його діяльність, пов'язану з Україною в 1920–1930-і рр. Серед них — директиви ЦК ВКП(б) і РНК СРСР, доповіді та виступи В. Молотова під час поїздок Україною (1928, 1931–1932 рр.), записки, телеграми місцевих партійних і державних органів з різних питань партійного та господарського будівництва.

У фонді є стенограми доповідей, обговорень і заключного слова В. Молотова на зборах активу Харківської партійної організації про підсумки Пленумів ЦК і ЦКК ВКП(б) (січень, квітень 1928 р.), а також про хлібозаготівлі в СРСР і в Україні (грудень 1931 р.– січень 1932 р., жовтень-листопад 1932 р.); листування В. Молотова зі Сталіним та іншими радянськими керівниками під час його поїздок в Україну (телеграми, шифротелеграми, листи) (грудень 1931 — жовтень 1932 рр.), нотатки, зроблені у поїздках, матеріали ЦК КП(б)У з питань хлібозаготівель, інформаційно-статистичні відомості про ситуацію в Україні, підготовлені для В. Молотова різними центральними інстанціями.

Запровадження до наукового обігу широкого кола архівних матеріалів, які містяться в особових фондах Л. Кагановича та В. Молотова, поза сумнівом, дозволить ученим повніше осмислити і реконструювати історичні процеси, що відбувалися в Україні впродовж XX століття.

Лариса Малашенко

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ Л. КАГАНОВИЧА И В. МОЛОТОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ В XX ВЕКЕ

За последние годы ученые из разных стран мира активно работали с архивными материалами личных фондов двух ближайших соратников Сталина — Л. М. Кагановича и В. М. Молотова. Эти политические деятели на протяжении многих лет советской истории занимали высшие партийно-государственные должности, немало ездили по СССР и в определенные периоды своей жизни были тесно связаны с Украиной.

Входя в небольшую группу руководителей, которые решали важнейшие вопросы жизни советского общества, Л. Каганович и В. Молотов, вслед за Сталиным, во многом определили сложную и трагическую судьбу Украины в XX столетии. Поэтому исследователям современной истории Украины будет интересно ознакомиться с содержанием их личных фондов, которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Документы личного фонда Л. Кагановича поступали из разных источников в архив VI сектора Общего отдела ЦК КПСС в течение 1957 г. Все материалы находились в необработанном состоянии. В результате первичного просмотра были выделены дублеты и документы, не подлежащие хранению.

На основании решения Секретариата ЦК КПСС от 13 февраля 1975 г. в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) передана небольшая часть документов личного архива Л. Кагановича. Это были копии документов, характеризующих работу Л. Кагановича в Нижегородской, Саратовской, Воронежской и Юзовской парторганизациях (1917–1920 гг.), а также деятельность Киевской подпольной организации. Копии получены из разных партийных и советских архивов.

Кроме этого, в ЦПА ИМЛ переданы копии стенограмм пленумов ЦК КП(б)У, протоколов заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, других документов, посвященных работе украинской парторганизации. Среди архивных материалов имеются стенографические отчеты (печатные издания) партконференций и пленумов Московской парторганизации; мандаты, удостоверения, делегатские и пригласительные билеты, поздравительные письма и телеграммы; печатные издания выступлений Л. Кагановича и подшивки газетных статей.

Документы Секретариата Л. Кагановича, относящиеся к его работе в должности заместителя Председателя Совета Министров СССР, переданы в марте 1975 г. по принадлежности в Совет Министров СССР.

В архиве VI сектора Общего отдела ЦК КПСС фонду документальных материалов архива Л. Кагановича был присвоен № 54. (При поступлении документов на хранение в РГАСПИ ему присвоен новый номер — 81.) В результате научно-технической обработки и уточнения фондовой принадлежности сформирована 431 единица хранения за период с 1918 по 1957 гг.

Документальные материалы личного фонда отражают партийную, государственную, военную и общественную деятельность Л. Кагановича. По своему характеру большинство документов представляет собою проекты, тезисы и стенограммы докладов и выступлений на съездах РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, пленумах ЦК и ЦКК, совещаниях и комиссиях ЦК ВКП(б), записки и письма с резолюциями и замечаниями Сталина, копии материалов и личные заметки о борьбе с оппозицией, итогах чистки партии, письма и телеграммы Л. Кагановича в центральные и местные партийные организации, руководителям КПСС и советского правительства. В этой группе документов много материалов, относящихся к украинской парторганизации.

В личный архив включены документы, характеризующие работу Л. Кагановича в наркоматах и министерствах путей сообщения, тяжелой, топливной и нефтяной промышленности, промышленности строительных материалов, в Комитете Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению народного хозяйства (Госснаб СССР), а также записки и копии выступлений по вопросам предприятий кожевенной промышленности, носивших имя Л. Кагановича.

В фонде имеются рукописи статей Л. Кагановича, планы и подготовительные материалы к ним, календарные записи на блокнотных листах касательно текущей работы.

Биографические документы включают личные анкетные листки, автобиографию и проекты биографий Л. Кагановича для печати, служебные удостоверения личности, мандаты и делегатские билеты, членские билеты общественных организаций, медицинские справки о состоянии здоровья, печатные издания с дарственными надписями авторов. Большой интерес представляют написанные в 1920-х годах Л. Кагановичем «Краткие сведения о моей жизни и деятельности».

Значительная часть документов — это переписка Л. Кагановича с организациями и отдельными лицами по вопросам партийной, хозяйственной, профсоюзной и комсомольской работы.

Внутри разделов фонда документы расположены в хронологической последовательности за исключением тех документов, которые по своей тематике выделены в отдельные единицы хранения.

Из материалов о работе Л. Кагановича в Украине в 1925–1928 гг., а также в 1947 г. в отдельных единицах описаны документы о национальном вопросе в Украине, деятельности Компартии Западной Украины, докладные записки ГПУ-НКВД-МГБ СССР, записки Л. Кагановича о поездках по западной границе Украины (1927 г.).

Деятельность Л. Кагановича в украинской парторганизации отражена в материалах I Всеукраинской партийной конференции, стенограммах его выступлений на IX (1925 г.) и X съездах КП(б)У (1927 г.), черновых набросках, проектах резолюций партийных форумов с правками автора.

Многогранность проблем политического руководства и оперативного управления, с которыми сталкивался Л. Каганович, работая в Украине, засвидетельствована в стенограммах его выступлений на пленумах ЦК КП(б)У, заседаниях Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, в планах работ, записках, других черновых набросках, посвященных работе Политбюро ЦК КП(б)У.

Сохранились стенограммы выступлений Л. Кагановича на пленумах Киевского, Ворошиловградского, Сталинского и других обкомов партии, собраниях областных партийных активов Харькова, Полтавы, Донбасса, совещаниях в штабе Киевского военного округа (1925–1928 гг.), совещаниях хозяйственных и партийных руководителей угольной промышленности (1947 г.).

В них исследователи могут найти новую интересную информацию о перевыборах партийных и советских органов; осуществлении украинизации, хлебозаготовок; конфликте с А. Шумским и расколе Компартии Западной Украины (1925–1928 гг.); восстановлении промышленности и подъеме сельского хозяйства в послевоенный период (1947 г.).

Особую группу материалов представляет собой переписка Л. Кагановича с И. Сталиным, В. Молотовым, другими советскими руководителями об украинизации государственного аппарата, работе угольной промышленности Донбасса, подготовке сельскохозяйственных кадров (1925–1928 гг.); развитии добычи и переработки нефти в УССР, севе, снабжении автомашинами Украины, орошении засушливых районов юга Украины (1947 г.).

В фонде имеются документы ГПУ-НКВД-МГБ СССР, направлявшиеся на имя Л. Кагановича: докладные записки, справки, специальные сообщения, обзоры об «экономической контрреволюции» в Донбассе, националистическом движении в Украине, Белоруссии, на Кубани, политической ситуации в УССР (1926–1928 гг.), антисоветских проявлениях в кругах украинской интеллигенции, деятельности ОУН (1947 г.).

Для ученых будут интересны документальные материалы о поездке Л. Кагановича в Донбасс (апрель 1933 г.), содержащие резолюции и замечания

И. Сталина. Кроме этого, есть документы о работе Донецкой железной дороги, создании политотделов МТС, постановления и директивы по вопросам сельского хозяйства в 1930—1932 гг., краткие дневники Л. Кагановича и стенограммы его выступлений во время поездок в Украину (1934, 1936, 1937 гг.).

Архивные материалы, составившие личный фонд В. Молотова, откладывались в Секретариате Председателя, заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, Совета Министров СССР и Совета Труда и Обороны. В фонде имеются подлинники и копии документов с пометками В. Молотова, рассылавшиеся секретарям ЦК и членам Политбюро ЦК КПСС, а также фотокопии и перепечатки различных документов. В архиве Общего отдела ЦК КПСС фонду В. Молотова был присвоен № 56. При поступлении документов на хранение в РГАСПИ фонд получил новый номер — 82.

При научно-технической обработке документальных материалов архивного фонда В. Молотова сформированы 1712 единиц хранения за период с 1907 по 1986 гг. Они составлены, главным образом, по тематическому признаку. Документы внутри них расположены в хронологической последовательности. Материал систематизирован и сгруппирован по четырнадцати разделам.

В третьем разделе содержатся документы о назначении В. Молотова в Донбасс секретарем ЦК КП(б)У (1920 г.), а также о его деятельности, связанной с Украиной в 1920—1930-е гг. Среди них — директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР, доклады и выступления В. Молотова во время поездок по Украине (1928, 1931—1932 гг.), записки, телеграммы местных партийных и государственных органов по различным вопросам партийного и хозяйственного строительства.

В фонде имеются стенограммы докладов, прений и заключительного слова В. Молотова на собраниях актива Харьковской партийной организации об итогах Пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) (январь, апрель 1928 г.), а также о хлебозаготовках в СССР и в Украине (декабрь 1931 г. — январь 1932 г., октябрь-ноябрь 1932 г.); переписка В. Молотова со Сталиным и другими советскими руководителями во время его поездок в Украину (телеграммы, шифротелеграммы, письма) (декабрь 1931 г. — октябрь 1932 г.), заметки, сделанные в поездках, материалы ЦК КП(б)У по вопросам хлебозаготовок, информационно-статистические сведения о ситуации в Украине, подготовленные для В. Молотова различными центральными инстанциями.

Введение в научный оборот широкого круга архивных материалов, содержащихся в личных фондах Л. Кагановича и В. Молотова, несомненно, позволит ученым полнее осмыслить и реконструировать исторические процессы, происходившие в Украине на протяжении XX столетия.

ДОКУМЕНТИ

I

Цей розділ відкривають листи Голови РНК УСРР В. Я. Чубаря та Голови ВУЦВК УСРР Г. І. Петровського на адресу Голови РНК СРСР В. М. Молотова і Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Й. В. Сталіна про сільське господарство України у першій половині 1932 р. (документи № 1—2).

Українські лідери повідомляли про глибоку соціально-економічну кризу в Україні. На їхню думку, дезорганізація сільського господарства під час примусової колективізації, а також надміру високі плани заготівель продукції були головними причинами голоду.

Звичайно, українські керівники не піддавали сумніву курс на колективізацію сільського господарства, який цілком підтримали на листопадовому (1929 р.) пленумі ЦК ВКП(б)*. Але вони просили Сталіна прийняти низку рішень, аби нормалізувати ситуацію в республіці, а також надати Україні продовольчу допомогу.

Сталін відчув певний опір своєму курсу з боку керівників України. Він запропонував В. М. Молотову і секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу взяти участь у III Всеукраїнській конференції КП(б)У (6—9 липня 1932 р.), щоб домогтися там політичної підтримки.

Перед поїздкою В. Молотову були підготовлені довідки та доповідні записки Держплану СРСР, Центрального управління народногосподарського обліку СРСР, Комітету Заготівель при Раді Праці та Оборони СРСР, Тракторцентру СРСР, Постійного Представництва УСРР при ВЦВК і РНК СРСР, які характеризували стан економіки України (документи № 3—19). Крім цього, В. Молотову були передані підготовлені в апараті ЦК КП(б)У списки районів України, які голодували.

На III Всеукраїнській конференції КП(б)У сталінським посланцям вдалося домогтись необхідниих їм рішень. Але не були подолані незадоволення та опір у суспільстві та партії. Не лише селяни, а й численні партійно-радянські працівники, голови колгоспів відмовлялися здавати хліб державі.

Провал планів хлібозаготівель у другій половині 1932 р. спонукав Політбюро ЦК ВКП(б) 22 жовтня 1932 р. спрямувати в Україну хлібозаготівельну комісію на чолі з В. Молотовим. Так були додатково заготовлені в Україні сотні тисяч тонн збіжжя, що прирікало населення до широкомасштабного голоду. Діяльність комісії, відображена в документах № 20—42, свідчить про те, що забирали хліб з голодуючого українського села. Зміст телеграм, якими обмінювалися Сталін, Молотов, українські керівники, дозволяє зрозуміти репресивні методи хлібозаготівель, а також стверджувати, що вище політичне керівництво СРСР несло персональну відповідальність за голод і репресії в Україні.

---

* Див.: Васильев В., Виола Л. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 — март 1930 гг.).— Винница, 1997.

Этот раздел открывают письма Председателя СНК УССР В. Я. Чубаря и Председателя ВУЦИК УССР Г. И. Петровского в адрес Председателя СНК СССР В. М. Молотова и Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина о сельском хозяйстве Украины в первой половине 1932 г. (документы № 1—2).

Украинские лидеры сообщали о глубоком социально-экономическом кризисе в Украине. По их мнению, дезорганизация сельского хозяйства в ходе насильственной коллективизации, а также непомерно высокие планы заготовок продукции были главными причинами голода.

Конечно, украинские руководители не ставили под сомнение курс на коллективизацию сельского хозяйства, который полностью поддержали на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б)*. Но они просили Сталина принять ряд решений, чтобы нормализовать ситуацию в республике, а также оказать Украине продовольственную помощь.

Сталин почувствовал определенное сопротивление своему курсу со стороны руководителей Украины. Он предложил В. М. Молотову и секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу принять участие в III Всеукраинской конференции КП(б)У (6—9 июля 1932 г.), чтобы добиться там политической поддержки.

Перед поездкой В. Молотову были подготовлены справки и докладные записки Госплана СССР, Центрального управления народнохозяйственного учета СССР, Комитета Заготовок при Совете Труда и Обороны СССР, Тракторцентра СССР, Постоянного Представительства УССР при ВЦИК и СНК СССР, которые характеризовали состояние экономики Украины (документы № 3—19). Кроме этого, В. Молотову были переданы подготовленные в аппарате ЦК КП(б)У списки голодавших районов Украины.

На III Всеукраинской конференции КП(б)У сталинским посланцам удалось добиться необходимых им решений. Но не были преодолены недовольство и сопротивление в обществе и партии. Не только крестьяне, но и многие низовые партийно-советские работники, председатели колхозов отказывались сдавать хлеб государству.

Провал планов хлебозаготовок во второй половине 1932 г. побудил Политбюро ЦК ВКП(б) 22 октября 1932 г. направить в Украину хлебозаготовительную комиссию во главе с В. Молотовым. Так были дополнительно заготовлены в Украине сотни тысяч тонн зерна, что обрекало население на широкомасштабный голод. Деятельность комиссии, отраженная в документах № 20—42, свидетельствует о том, что забирали хлеб из голодающего украинского села. Содержание телеграмм, которыми обменивались Сталин, Молотов, украинские руководители, позволяет понять репрессивные методы хлебозаготовок, а также утверждать, что высшее политическое руководство СССР несло персональную ответственность за голод и репрессии в Украине.

---

* См.: Васильев В., Виола Л. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 — март 1930 гг.).— Винница, 1997.

1. Лист Голови Ради Народних Комісарів УСРР В. Я. Чубаря Голові Ради Народних Комісарів СРСР В. М. Молотову та Генеральному секретареві ЦК ВКП(б) Й. В. Сталіну про сільське господарство України

10 червня 1932 р.

Совершенно секретно.

Ваши упреки в том, что мы, украинцы, не знаем, что делается на селе и что мы не занимались как следует селом, целиком и полностью справедливы. Оптимистическая оценка положения нашего села перед посевной кампанией была ошибочной и базировалась больше на поверхностных впечатлениях ответственных работников, бывавших на селе (недостатка в количестве работников, сидевших месяцами на селе, не было), чем на анализе учетных данных статистики, оперативной отчетности по ряду заготовительных кампаний и изучения действительного положения дел в районах, где эти товарищи работали как уполномоченные.

Переоценка наших возможностей имела место в принятом нами плане хлебозаготовок, в плане мясозаготовок и др. Сейчас, перед новым урожаем, когда исчерпываются старые ресурсы, в период наивысшего напряжения сил для выполнения плана весенней посевной кампании, вскрываются с особой остротой все слабые места. Количество районов, находящихся в тяжелом положении, растет (очевидно, часть этого прироста идет за счет выявления ранее не выявленных, а часть за счет исчерпания внутрирайонных ресурсов к концу хозяйственного года).

Сейчас уже можно считать минимум 100 районов (вместо 61, считавшихся к началу мая), нуждающихся в продовольственной помощи и срывающих план весеннего посева. Они же будут срывать обработку и уборку урожая технических культур и хлеба.

Не задаваясь целью в этом письме дать полную картину этим «тяжелым» районам (мы на сегодня еще не имеем этой картины тщательно обработанной), я ограничусь лишь некоторыми иллюстративными показателями и остановлюсь на некоторых выводах, которые, по моему мнению, следует сделать.

В два приема (с небольшим перерывом) я пробыл 15 дней в наиболее тяжелых районах и селах Киевской и Винницкой областей. За это время я ознакомился с положением дела в 13-ти районах Киевской области (с посещением 4 сел) и в 4 районах Винницкой области (с посещением 8 сел). Должен оговориться, что я, конечно, не мог с

одинаковой углубленностью собрать и проверить показатели по каждому району и селу. Все же основные факты во всех этих районах и селах настолько сходны, что позволяют сделать ряд общих заключений.

Что же, собственно, произошло в этих районах, что они к весне вышли чрезвычайно ослабленными (некоторые села в прямом смысле разбитыми)?

Неурожай бобовых и яровых культур в этих районах, прежде всего, не был учтен и недобор по этим культурам, перекрывали, для выполнения планов хлебозаготовок, продовольственными культурами. При общей непосильности плана хлебозаготовок, основной причиной чего являлся более низкий урожай по Украине в целом и колоссальные потери при уборке урожая (результат слабого организационно-хозяйственного состояния колхозов и совершенно недостаточного руководства ими из районов и из центра), практиковалась система изъятия у единоличников хлеба полностью, включая и семенные фонды, и почти полного изъятия всего наличия у колхозов. Даже в случаях, когда тот или иной колхоз выполнял плановое задание, он получал дополнительно второе, а нередко и третье. Нередки случаи, когда хлеб, выданный колхозникам авансом на трудодни, забирался бригадами в хлебозаготовки. Таким образом большинство колхозов в этих районах остались без хлеба, без концкормов для рабочего скота, без фондов для нетрудоспособных, для учителей и т. п.

И без того слабая трудовая дисциплина в колхозах в этих условиях совершенно развалилась, и гибель рабочего скота — лошадей приняла массовый характер. Наиболее предприимчивые элементы начали уходить из колхозов, не оформляя своего выхода, и к весне в ряде колхозов и сел этих районов осталось всего около половины мужчин.

Случаи недоедания и голодовки отмечались уже в декабре-январе как среди единоличников (особенно в той части, хозяйства которых распродали до основания, включая и мелкие вещи, за невыполнение заданий по хлебу), так и среди колхозников, особенно многосемейных. Пострадали больше всего колхозники, имевшие мало трудодней, и это вначале создавало картину, будто бы без хлеба остались лишь единицы. С марта-апреля недоедающих, голодающих, опухших и умирающих с голода в каждом селе набирались уже десятки и сотни; появились брошенные родителями дети и сироты. Продовольственную помощь организовывали районы и области из внутренних ресурсов, но возрастающая нужда, психология голода вызывала рост требований помощи, и под давлением обстановки колхозы, сельсоветы и районы

должны были развернуть широкую сеть общественного питания при остром недостатке продуктов питания вообще и хлеба в особенности.

Просо, отпущенное ЦК ВКП(б) в апреле месяце в размере 3 000 тонн, оказало очень существенную помощь, но его оказалось недостаточно для ликвидации выявившихся очагов голода.

Мобилизация внутренних ресурсов для оказания продовольственной помощи нуждающимся районам развертывалась очень слабо, т. к. все силы брошены были на мобилизацию семенных ресурсов. Эта задача решалась неудовлетворительно, и уже в период сева мы вынуждены были обратиться к Вам с просьбой о помощи семенами, а позже и с просьбой о продовольственной помощи.

Та колоссальная семенная помощь, которую мы получили для Украины, покрывала (правда, по пониженным нормам высева) всю колхозную площадь и значительную часть площадей единоличников, но эти ресурсы таяли в связи с затяжкой весны, и к концу мая в районах с большим количеством единоличников выявилась недостача семян при невысеве семян ранних яровых культур по целому ряду районов, где было напряженное положение с тягловой силой.

В районах, посещенных мною, вопрос сева решало тягло. В некоторых селах погибло лошадей от 50 до 80% имевшегося наличия на 1-ое октября 1931 года. Из числящихся погибшими значительная часть лошадей съедена. Оставшиеся в живых были в таком состоянии, что 80–90, а то и 100% не могли выполнять тяжелых работ (тянуть плуг, сеялку, даже подвозить горючее к тракторам). Лошади начали гибнуть осенью в период осеннего сева, вывозки свеклы, возки на сахарные заводы камня, топлива, вывозки леса и т. п. Плохой уход при недостатке концкормов и перегрузка работой в условиях осенней распутицы вывели из строя не худших, а лучших лошадей, т. к. в работу брались лучшие. Только к концу мая, после почти полуторамесячного выпаса, лошади стали на ноги и около 50% из них даже начали таскать плуг, культиватор, сеялки.

Наряду с уменьшением конского состава резко уменьшился состав крупного и мелкого рогатого скота, свиней и птицы. Хозяйственное ослабление группы т. н. тяжелых районов Украины таково, что без специальных плановых (срочных и решительных) мероприятий они будут висеть камнем на шее нашего народного хозяйства, не только УССР, но и СССР в целом. Дело в том, что это почти все свекловично-пшеничные районы и районы бобовых культур.

Первая и ближайшая угроза — это обработка сахарной свеклы и огородных культур. Уже выяснилось на ряде живых примеров, что

отпущенных 600 000 пуд. ржи для обработки свеклы недостаточно. Люди настолько слабы, что при дневном пайке в 400 грамм не могут вырабатывать обычных норм. Нужно еще минимум 200 грамм, чтобы люди могли работать хотя бы 8 часов, а следовало бы работать 12 часов, т. к. дорог каждый час полки. Это составляет еще 300 000 пуд. хлеба.

Вторая угроза — уборка хлебов. Чтобы обеспечить себя на зиму лучше, чем в истекшем году, начнется массовое хищение хлеба. То, что наблюдается сейчас — вырывание посаженного картофеля, свекловичных высадок, лука и т. д.,— будет воспроизведено в гораздо больших размерах в период созревания озимых хлебов, поскольку фондов питания из отпущенных ресурсов позже, чем до 1 июля, не хватит. По ряду сел они будут исчерпаны на неделю – 10 дней раньше.

Третья и наиболее тяжелая угроза создается для уборки свеклы. Тягловой силы совершенно недостаточно, чтобы справиться с осенними работами: посев озимых, вывозка хлеба, вывозка свеклы, топлива, камня для сахарных заводов, вывозка леса, пахота на зябь и т. п.

Нужно провести комплекс мероприятий, чтобы обеспечить работу сахзаводов, а именно:

1) Ко всем заводам, находящимся на расстоянии 10–15 километров от ж. д., подвести подъездные пути широкой или узкой колеи (для подвозки топлива, камня, части свеклы, вывозки сахара).

2) К моменту подвозки свеклы бросить к заводам необходимое количество тракторов на гусеничном ходу с прицепными платформами и автогрузовики (нужно тщательно подсчитать потребное количество и возможное к отпуску).

3) Лошадей завезти из других районов Союза, хотя бы по 1000 шт. на район, и хотя бы по 500–600 волов.

4) Заготовить (для обеспечения более интенсивных перевозок живым тяглом и особенно в распутицу дековилек (легких узкоколейных рельс в звеньях) минимум 1 200 км, дабы переносить их от массива к массиву.

Живую тягловую силу нужно использовать, по преимуществу, на подвоз свеклы с поля к дековильке или маршруту курсирования грузовиков и тракторов. Живое тягло нужно интенсивно кормить, чтобы оно не сдавало темпов и не срывало работы механизмов.

По каждому заводу должен быть составлен технический оперативный план, но уже до составления этих планов нужно заказать рельсы, скрепления, шпалы и вагонетки, а также отпустить материалы (лес, цемент, гвозди) для укрепления мостов на магистралях, кои будут пропускать трактора и грузовики.

Борьба за устранение этих угроз не снимает вопроса о разработке и осуществлении плана мероприятий, обеспечивающих восстановление хозяйства этих районов.

В этих районах, как правило, стоимость трудодня в колхозах за 1931 год колеблется от 25 до 65 коп., причем даже по этим нормам расчеты полностью с колхозниками еще не проведены. Много хозяйственных построек начаты и не закончены. Животноводство на недопустимо низком уровне.

Без специальных кредитов для организованного завоза лошадей, телят, для выращивания волов, свиней и даже птицы эти районы не встанут на ноги в течение 2-х — 3-х лет и будут срывать наши темпы. Подсчеты потребной помощи производятся и в ближайшие 3 декады будут представлены.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о перегибах в руководстве хозяйственными кампаниями и нарушениях революционной законности, имевших место в этих районах и несомненно повлиявших на хозяйственное состояние районов. Они в основном сводились к следующему:

1) Посевные задания спускались районам (как правило) с нарушением севооборота, чем толкали районы давать несуразные задания колхозам, пренебрегая мнением и опытом колхозников и колхозной агрономии: заставляли сеять озимь по жнивью, чем заведомо снижали урожайность, и т. п. В результате, например, в Бабанском районе, при возможности получить 150–200 пуд. пшеницы с га, собирали 60–70.

2) Перегрузка районов разного рода работами срывала осенью сроки сева, пахоту на зябь, особенно глубокую вспашку под сахарную свеклу, что в свою очередь вело к снижению урожайности и отсюда заинтересованности колхозов. В этих районах весьма редко встречались колхозы, которые осенью подготовили полностью землю под свеклу; как правило подготовили всего от 30 до 50%.

3) При борьбе за хлеб злоупотребляли правом продажи имущества злостных несдатчиков хлеба (закон 1929 г.). Урожай единоличников собрали и обмолотили на так называемых «красных токах», с которых все намолоченное зерно сдали в заготовки, а потом еще доводили твердое задание «до двора» и, т. к. это задание не выполнялось, продавали все имущество, включая постройки, домашний скарб, обувь, одежду и т. п. В некоторых селах продано 20% и больше хозяйств. Если добавить к этому еще издевательства, чинившиеся над отдельными единоличниками, в большинстве своем будущими колхозниками, а также и над

колхозниками, вчера лишь исключенными из колхоза, то становится ясным, почему у единоличников нет тягла, не было отведено им земли, нет скота. У кого не продали скот в порядке репрессий, те сами заблаговременно продавали или резали его. Свирепствовали бригады, руководства которыми не было почти никакого. Перегибщиков судили, но дело, сделанное ими, одним судом не исправишь.

Кроме хлебозаготовок, тот же метод применяли к заготовке картофеля и особенно в заготовке мяса. Встает вопрос: не пора ли в районах сплошной коллективизации систему продаж (поскольку орудия и средства производства распроданы) отменить?

Понятно, что после таких действий на местах почти не осталось ни председателей сельсоветов, ни актива, которые проводили предыдущие кампании. Одних судили и сняли, другие сами разбежались. Редко сохранилось и районное руководство. Новые же люди, очутившись под колоссальным давлением массы, требующей хлеба, возврата незаконно проданного имущества, неправильно обобществленного скота и т. п., растерялись.

Кулацкие элементы, разгромленные в основном в 1930 г., но не высланные с мест, получили для комплектования своих сторонников значительные количества обиженных середняков и бедноты. Возросли петлюровские и другие антисоветские настроения. Чрезвычайное развитие мелких и крупных краж усугубляет положение.

В этих условиях повернуть массу лицом к производству, к выполнению плана посевной кампании чрезвычайно трудно. Выручают трактора и те небольшие (прямо нужно сказать) группы передовиков, энтузиастов колхозников, которые в условиях страшных лишений своим горбом вытягивают всю массу работы. Полученная на местах продовольственная помощь дает перелом в настроениях и обезоруживает кулака, убеждавшего массу в том, что будто бы советская власть ограбила всех и бросила их на произвол судьбы. Даже единоличники в массе стремятся сеять, получая семенную ссуду или получая помощь пахотой под свеклу со стороны МТС. Но продпомощи не хватит до нового урожая, и в этих районах мы можем вступить ослабленными в уборочную кампанию. Для предупреждения этого нам нужно раздобыть не менее миллиона пудов продовольственных культур.

Трудности весеннего сева текущего года сорвали паровую кампанию, и таким образом мы будем сеять озимые на неподготовленной почве. Это создает определенную угрозу урожайности, особенно озимой пшеницы.

Правильное ведение хозяйства нарушено у нас в УССР на таком большом участке, что требует внесения специальных корректив в планы хлебозаготовок, мясозаготовок и других заданий в области сельского хозяйства, о чем придется входить в ЦК и Совнарком особо.

Мне кажется, что следует уже сейчас, особенно учитывая итоги переписи скота на 1-ое февраля 1932 года по СССР, в более широком масштабе поставить вопрос об осуществлении правильного севооборота в колхозах, устойчивости и качественности семенных материалов в районах, поставить вопрос о целом комплексе хозяйственных и организационных мероприятий, направленных к действительному повышению урожайности по всему фронту, на базе развития инициативы колхозов и колхозной агрономии. Агронома, зоотехника и других специалистов сельского хозяйства нужно выдвинуть на позиции, занимаемые инженерами в промышленном производстве. Особенно важно, в условиях Украины, безотлагательно добиться в области сельского хозяйства решительного перелома в сторону качества хозяйствования и достижения качественных результатов за счет смелого отказа от инерции количественного расширения заданий. Над этим делом нужно сейчас основательно поработать.

Прилагаю две таблички иллюстративных данных по группе районов и сел[1].

(В. Чубарь)

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 144—153. Машинопис. Підпис — автограф В. Я. Чубаря.

Примітки:

1. Таблиці не знайдено.

2. Лист Голови Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету Г. І. Петровського В. М. Молотову та Й. В. Сталіну про сільське господарство України

10 червня 1932 р.

Совершенно секретно.

В работе по посевной кампании в районах Прилукском, Лохвицком, Варвинском, Чернухинском, Пирятинском и Мало-Девицком я стал, так сказать, лицом к селу, но это, конечно, не значит, что до этого времени мы, украинские коммунисты, не знали, что у нас делается на селе (хотя нас теперь и обвиняют в оторванности от деревни). Мы знали, что в хлебозаготовках у нас будет суровый нажим и горшки будут биты. По-моему, взявшись выполнить 510 млн. пудов хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это

сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения. В этом смысле я понимал необходимость выполнения директивы ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках, которая и была принята нами к неуклонному исполнению.

Однако мы знали, что выполнение хлебозаготовок на Украине будет нелегкое, но то, что я теперь увидел на селе, говорит за то, что в этом деле сильно переборщили у нас, перестарались. Я был во многих селах этих районов и везде видел, что порядочная часть села охвачена голодом. Немного, но есть и опухшие от голода, главным образом, бедняков и даже середняки. Употребляют такие суррогаты, что дальше некуда, да и суррогатов этих подчас нет. На больших собраниях по селам меня, конечно, ругают почем зря, бабы плачут, а бывает и мужики. Иногда критика создавшегося положения заходит очень глубоко и широко — зачем создали искусственный голод, ведь у нас был урожай; зачем посевматериал забирали — этого не было даже при старом режиме; почему украинцам нужно при тяжелых условиях ехать за хлебом в нехлебные края, а не привозят хлеб сюда и т. д.

Трудно при таких условиях давать объяснения. Ругаешь, конечно, тех, кто наделал перегибы, но в общем вертишься, как карась на сковородке. На отчаянный крик о помощи посевматериалом и хлебом для продовольствия я относительно посевматериала кое-что обещал, заставляю крестьян выискивать семена у себя на местах, а насчет продовольственной помощи хлебом я не могу ничего обещать или обещаешь мало. Сейчас на почве голода по селам развиваются массовые кражи, главным образом птицы — крадут кур, уток, забирают остатки картофеля, режут ночью телят и коров и съедают их.

Сейчас мужики сеют просо и гречиху. Для проса дни посева кончаются, а для гречки еще нет и ее ждут от нас крестьяне. Против овса мужики везде возражали, потому что считали труд для этого дела пропащим, так как овес в этой местности не вызреет, даже травы хорошей с него трудно будет получить. В этих районах против прошлогодней площади будет недосев. До нового хлеба еще месяц или полтора. Значит, голод будет усиливаться. Поэтому я прямо ставлю перед Вами вопрос — нельзя ли оказать помощь украинской деревне в размере двух или, в крайнем случае, полутора миллионов пудов хлеба. Если эту помощь можно оказать, то партия имела бы за собой не только бедняков, но и всех середняков против наших классовых врагов и, без сомнения, коллективизация укрепилась бы. Помощь нужно

оказать еще и потому, что от голода крестьяне будут снимать недозревший хлеб и его много может зря погибнуть. Особенно тяжелое положение интеллигенции на селе.

На почве суровой хлебозаготовки уйма искривлений на селе, грубость, безобразия, особенно в отношении единоличников, середняков. Тут нужно много поработать, чтобы выправить их, а главное — чтобы такие моменты не повторялись.

Относительно посевов и всходов. Так как посевной материал почти повсеместно забирался в хлебозаготовку, то засев производился часто недоброкачественным материалом и всходы по этим районам хотя и хорошие, поля без бурьянов, но хлеба редкие. По-видимому, и высев был по уменьшенной норме. К тому же в некоторых случаях колос озимых короткий, тощий и имеет мало зерен. Бросается в глаза много незасеянной земли. Крестьяне говорят мне — пойди, посмотри кругом села,— разве можно допускать так много незасеянной площади. На этом основании и по другим мотивам многие крестьяне говорят, что новые хлебозаготовки будут еще тяжелее для села, чем прошлогодние. И это, пожалуй, верно. На хлебозаготовках я не был, но на посеве был в начале марта в Одесской области и в Молдавии, и там я не видел ни одного района (в Роздельнянском я не был), чтобы хлебофуражный баланс не был очень напряженным. К чему хлебозаготовки привели Молдавию — Вам известно.

Коллективизация широко охватила крестьянские массы, но как организации — колхозы еще слабые. Зато, хотя и грубый, но выработался прочный колхозный актив на селе, который будет драться за колхозы не на живот, а на смерть.

Колхозы и парторганизации на селе переживают сейчас из-за голода особые трудности в борьбе с кулачеством, так как кулак оживился, распоясывается вовсю и на собраниях группы раскулаченных и их родственники затевают волынки, выступают против политики партии и советской власти, ругаются, тычут искривлениями. Середняк колеблется, частью присоединяется к ним, бедняк голодный молчит. Кроме того, у колхозников создается ограниченная корпоративность. Они ради колхозных интересов нажимают на середняка по всем линиям, как по налоговой, так и по разным обязательствам и сильно перегибают. Кроме того, отталкивают, оттесняют его от хозяйствования вообще и в отношении хозяйственной инициативы в частности.

В кооперативных лавках на селе товаров очень мало и они очень и очень дороги. Съестных продуктов нет. Будучи в селах, я не мог купить даже хлеба, а сахара, селедок, тарани, каких-нибудь конфет и в помине нет.

Из-за общего голода, как Вам известно, на станцию Дно, ЦЧО, в Белоруссию и на Северный Кавказ стихийно двинулось село. Иногда две трети мужиков покидают село и едут за хлебом, ибо на ст. Дно хлеб 30–40 руб. за пуд, а тут 100–140 р. пуд. Конечно, на станциях, на транспорте творится ералаш. На этой почве развивается и спекуляция. Дальше такое положение терпеть нельзя. Я предложил повести агитацию за организованные поездки за хлебом через кооперацию и колхозы, но тут дня 2–3 тому назад появилось от НКПС чуть ли не запрещение поездок за хлебом. Не дают билетов крестьянам или дают в очень ограниченном количестве. Мне уже мужики ставили вопрос — почему запрещают поездки за хлебом. А кулаку и это дело на руку. Каждый такой факт используется против партии, против колхозов. За последнее время усилились антиколхозные настроения. В некоторых местах выходят из колхозов, разбирают лошадей и другое имущество.

Я это письмо написал в Прилуках. В Харькове я никого не застал и без тов. Косиора и других членов Политбюро посылаю Вам его. В конце еще раз прошу рассмотреть все способы и средства, чтобы оказать срочную продовольственную помощь украинскому селу хлебом и дать как можно скорее гречки на посев, чтобы перекрыть незасеянное.

(Г. Петровский)

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 162–165. Машинопис. Підпис — автограф Г. І. Петровського.

3. Кількість МТС та площа зораної землі у колгоспах, які вони обслуговують в УСРР, за даними Тракторцентру СРСР 4-5 липня 1932 р.

	На 1 мая			Предполагается дать в III квартале
	1930	1931	1932	
Число МТС	47	299	445	120
в них тракторов штук	2 151	13 675	18 409	3 400
мощность в HP	23 821	159 961	220 746	51 000

Запаханная в колхозах, обслуживаемых МТС (тракторами и лошадьми), площадь яровых и озимых посевов по УССР:

1930		915 000 га
1931		8 280 000 га
1932:		
	Яровых	7 500 000 га
	План озимых	5 500 000 га
Итого:		13 000 000 га

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 177. Машинопис. Копія.

4. Видавання зерна радгоспам і колгоспам на насіння та продовольство в 1932 р. за даними Комітету Заготівель при Раді Праці та Оборони СРСР (у тис. пудів)

4–5 липня 1932 р.

		СССР	Украина
ВСЕГО отпущено:	а) на семена	81 046	9 469
	б) продпомощь	25 916	3 602
	ИТОГО	106 962	13 071
В том числе отпущено:	совхозам		4 286
	колхозам		8 785
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ:	ВСЕГО	80 507	9 170
	в т. ч. семян	66 090	7 595
	продовольствия	14 417	1 575

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 178. Машинопис. Копія.

5. Площа ярої сівби в 1930–1932 рр. за даними Наркомзему СРСР (у млн. га)

4–5 липня 1932 р.

	1930	1931	1932			
			План	Посеяно на 20.06.1932	% выполнения плана	Ожидаемое исполнение
СССР	88 843	97 485	102450	94 493	92,3	97 400
в том числе:						
Украина	18 625	18 514	19100	16 883	83,6	17 000
Средняя Волга	5 858	7 315	7 500	7 540	100,5	–
Нижняя Волга	5 563	7 006	6 147	5 880	95,6	6 000
ЦЧО	6 804	7 030	7 400	7 086	95,8	7 200
Сев. Кавказ	7 711	8 191	8 630	8 667	100,4	–

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 179. Машинопис. Копія.

6. Дані Держплану СРСР про врожайність зернових та технічних культур в УСРР за 1928-1931 рр. (у цнт з га)
4-5 липня 1932 р.

	1928	1929	1930	1931
Пшеница озимая	8,74	10,2	12,16	10,8
Пшеница яровая	6,22	8,13	7,59	5,8
Кукуруза	5,2	8,64	8,02	11,9
Ячмень	6,87	10,22	10,95	8,7
Все зерновые	5,5	7,3	10,55	9,5
Сахарная свекла	130,0	83,5	136,1	87,8
Картофель	75,6	78,7	75,3	67,6
Хлопок	–	–	0,7	2,6
Махорка	–	19,1	22,3	14,0
Подсолнух	–	5,1	4,6	6,6

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 180. Машинопис. Копія.

7. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про врожайність в СРСР та УСРР (у цнт з га).
4-5 липня 1932 р.

Культуры	СССР				УССР			
	1928	1929	1930	1931	1928	1929	1930	1931
Пшеница озимая	7,79	7,91	10,58	*	8,77	10,20	12,16	9,9
Пшеница яровая	7,97	5,91	7,32		6,22	8,13	7,59	5,3
Кукуруза	7,43	8,52	7,59		5,20	8,64	8,02	13,6
Ячмень (яровой)	7,72	8,97	9,43		6,88	10,22	10,95	8,2
Все зерновые	7,93	7,47	8,48	6,7	7,07	9,26	10,55	8,5
Сахарная свекла	131,8	81,1	135,3	86,4	130,0	83,5	137,1	87,8
Картофель	81,8	80,2	86,0	72,7	75,6	78,7	75,3	67,6
Хлопок	8,5	8,2	7,0	6,2	–	–	0,7	2,6
Махорка	23,4	20,4	22,2	12,0	21,6	19,1	22,3	14,0
Подсолнечник	5,4	4,9	4,8	5,5	4,0	5,1	4,6	6,6

Примечания:

* По 1931 г. в среднем по всем зерновым урожай 6,7; по культурам в настоящее время не рассчитан. По расчету на 1.VIII.32 (по материалам НКЗ) эти данные таковы: пшеница озимая 9,7; пшеница яровая 4,9 ; кукуруза 11,2; ячмень 8,9; все зерновые 7,5.

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 181. Машинопис. Копія.

8. Дані Наркомату землеробства СРСР про засівні площі в УСРР за 1929–1932 рр. (в тис. га).

5 липня 1932 р.

		1929	1930	1931	1932
Вся уборочная посевная площадь		25 554	28 363	29 307	27 210
Все зерновые		20 187	22 312	21 512	18 821
В том числе:	Пшеница	4 704	7 451	7 925	7 729
	Овес	2 543	2 335	1 889	1 471
	Просо	1 502	560	464	480
	Ячмень	3 995	3 368	2 999	2 445
	Гречиха	963	602	626	150
	Кукуруза	1 578	1 691	1 683	1 336
Технические	Свекла сахарная	664	935	1 229	1 223
	Подсолнух	1 201	1 001	1 056	983
	Хлопок	–	20	145	201
	Лен	83	81	159	162
	Конопля	144	153	187	172

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 182. Машинопис. Копія.

9. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про кількість худоби в УСРР за 1916–1932 рр. (в тис. голів)

4–5 липня 1932 р.

ГОДЫ	Лошади		Крупн. рог. скот		Овцы	Свиньи
	Все	В т. ч. рабочие	Весь	В т. ч. коровы		
1916 г.— июль	5 463	4 425	7 702	3 138	6 336	4 626
1924 г.— июнь	3 957	3 208	8 258	3 716	9 592	5 133
1925 г.–"—	4 121	3 268	8 122	3 841	10 106	4 429
1926 г.–"—	4 582	3 557	8 304	3 933	9 421	4 539
1927 г.–"—	5 074	3 918	8 394	3 875	9 421	4 539
1928 г.–"—	5 486	4 090	8 604	3 987	8 065	6 963
1929 г.–"—	5 607	4 199	7 611	3 873	6 991	4 161
1930 г.–"—	5 308	3 721	6 274	3 471	4 506	3 061
1931 г.–"—	4 781	3 593	6 189	3 377	3 344	3 738
1932 г.— февраль	4 324	3 617	4 827	3 116	2 083	3 040

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 185. Машинопис. Копія.

10. Дані Держплану СРСР про структуру засівних (збиральних) площ, врожайність, валовий збір за групами культур, поголів'я худоби в 1928-1932 рр. в УСРР

4-5 липня 1932 р.

			1928	1929	1930	1931	План 1932	Факт. выполнено на 20.VI.1932
Абсолютно — тыс. га	Все зерновые		19658	20187	21977	21570	21342	18670
	В том числе	Пшеница	4735	4704	7298	7894	8713	7692
		Рожь	3565	4356	5599	5205	4005	4005
		Кормовое зерно*	8330	8042	7135	6388	6662	5224
	Технические		2214	2142	2252	3096	3329	2787
	Кормовые**		682	987	1649	2470	2710	2989
	Огороды		2085	1931	2010	2213	2228	1882
	Прочие		290	297	86	–	–	764
	Итого		24929	25544	27974	29350	29609	27092
Структура	Все зерновые		78,9	79,0	78,4	73,6	72,0	68,9
	В том числе	Пшеница	19,0	18,4	25,8	26,9	29,3	28,4
		Рожь	14,7	17,1	20,1	17,7	13,5	14,7
		Кормовое зерно*	33,4	31,8	25,5	21,8	22,6	19,3
	Технические		8,9	8,4	8,1	10,5	11,4	10,3
	Кормовые**		2,7	3,9	5,7	7,6	9,1	13,9
	Огороды		8,3	7,5	7,3	7,5	7,5	6,9
	Прочие		1,2	1,2	0,5	0,8	–	–
	Итого		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* ячмень, овес, кукуруза.

** Силосные культуры, кормовые корнеплоды, сеяные травы

		1928	1929	1930	1931	План 1932
Урожайность	Пшеница озимая	8,74	10,2	12,16	10,8	11,0
	Пшеница яровая	6,22	8,13	7,59	5,8	7,7
	Кукуруза	5,2	8,64	8,02	11,9	10,0
	Ячмень	6,87	10,22	10,95	8,7	9,6
	Все зерновые	5,5	7,3	10,55	9,5	10,0
	Сах. свекла	130,0	83,5	136,1	87,8	145,0
	Картофель	75,6	78,7	75,3	67,6	88,0
Валовый сбор в т. цит	Пшеница озимая	14037,9	15668	47974,1	60262,8	71544,0
	Пшеница яровая	19487,8	25771,2	25444,7	13449,4	17009,3
	Кукуруза	12371,7	13637,0	11646,3	18603,0	17100,0
	Ячмень	25520,7	40830,6	36998,1	25785,3	29539,2
	Все зерновые	138991,0	187017,0	231760,7	204341,3	213756,5
	Сах. свекла	84150	53155	116383	97636	182000
	Картофель	102124	101016	90394	83566,9	112464,0

Валовой сбор в натуральном выражении

	Зерновые в млн. центн.		Сахарн. свекла	
	СССР	УССР	СССР	УССР
По 5-тилетнему плану на последний год 5-летки (1932/33 г.)	1058	229	195518	148397
Предполагаемый сбор 1932 г. по данным на 15/VI и плановой урожайности по зерновым	809	183	183840*	126000*
% выполнения 5-тилетнего плана	76,4%	80,0%	93,8%	85,1%

* Урожайность взята ожидаемая (110–120 центн.) при плановой 145 центн.

Поголовье скота по УССР за 1928–1932 г. (в тыс. гол.)

	Лошади рабочие	Крупн. рог. скот	Коровы	Овцы	Свиньи
Июнь 1928 г.	4090,5	8604,8	3 987,0	8 065,2	6 962,9
Июнь 1931 г.	3593,1	6189,5	3 377,0	3 344,7	3 738,3
Февраль 1932 г.	3617,2	4827,9	3 115,9	2 083,8	3 089,9
Намечалось по 5-лет. плану на 32/33 гг.	4477,0	9 288,0	4 390,0	7 013,0	8 396,0

Всего по СССР

	Лошади рабочие	Крупн. рог. скот	Коровы	Овцы	Свиньи
Наличие на февраль 1932 г.	17 532,6	38 808,5	22 400,3	46 112,6	10 986,2
Намечалось по пятилетнему плану на 32/33 гг.	25 570,0	80 937,0	35 524,0	14 5847,0	34 849,0

Зам. нач. ЦПБ (Лозовский)

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 186. Машинопис. Копія.

11. Дані про валовий збір зернових в УСРР за 1927–1932 рр.[1] 5 липня 1932 р.

	Данные Комитета Заготовок	Данные Госплана СССР	Данные ЦУНХУ	Данные Наркомзема СССР
1927	18 676	–	–	–
1928	13 899	13 899	13 885	–
1929	18 701	18 701	18 701	–
1930	23 172	23 176	23 172	–
1931	19 434	20 434	17 600	18 100
1932 — план	21 395	21 376		

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 187. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Всі дані в тисячах тонн.

12. Дані Комітету Заготівель СРСР про заготівлі зернових в СРСР та УСРР за 1927–1932 рр.[1] [4–5 липня 1932 р.]

Годы	СССР	УССР	СССР	УССР
	в тыс. тонн		в млн. пудов	
1927	10 057	4 039	675	247
1928	9 349	1 443	571	88
1929	13 780	4 653	841	278
1930	19 812	6 921	1 211	422
1931	21 168	6 870	1 292	419
1932 (план)	20 541	6 306	1 254	385

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 188. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Дані без мірчука.

13. Дані Комітету Заготівель СРСР про виконання плану хлібозаготівель районами СРСР в 1931–1932 рр.[1]

[4–5 липня 1932 р.]

Районы	Годовой план	Заготовки на 25 июня (с гарнцем)	% выполнения
Южные районы			
Крым	17 500	18 234	104,1
Закавказье	6 220	6 398	102,8
Средняя Азия	27 840	27 958	100,5
Северный Кавказ	200 000	197 308	98,7
Украина	510 000	440 371	86,3
Нижняя Волга	88 000	84 721	96,3
Дагестан	1 562	1 519	97,2
Центральные районы			
Центрально-Черноземная область	150 000	144 507	96,4
Средняя Волга	78 000	75 533	96,8
Татария	34 000	33 081	97,3
Восточные районы			
Казахстан	56 279	45 191	80,3
Урал	55 000	46 652	84,9
Башкирия	30 000	29 097	97,0
Западная Сибирь	65 000	64 230	98,8
Восточная Сибирь	36 000	64 230	98,8
Остальные районы			
Северный край	3 500	3 753	106,0
Карелия	–	–	–
Ленинградская область	7 000	6 853	97,6
Западная	14 500	12 165	83,9
Московская	38 000	38 638	101,7
Ивановская	8 000	7 142	89,3
Нижегородский край	39 000	35 971	92,2
Дальневосточный край	10 324	10 821	104,6
Белоруссия	10 500	9 629	91,7
СССР	1 486 225	1 375 874	92,6

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 189. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Дані у тисячах тонн.

14. Дані Комітету Заготівель СРСР про хлібозаготівлі по районах СРСР на 25 червня 1932 р. у порівнянні з 1931 р.[1]

[4–5 липня 1932 р.]

Районы	Заготовлено на 20 июня		% отношения 31/32 г. к 30/31 г.
	1932	1931	
Южные районы:			
Крым	18 234	8 206	222,2
Закавказье	6 398	7 721	82,6
Средняя Азия	27 958	23 774	117,6
Северный Кавказ	197 308	137 880	143,1
Украина	440 371	463 823	94,9
Нижняя Волга	84 721	97 499	86,9
Дагестан	1 519	1 518	100,0
Центральные районы:			
Центрально-Черноземная область	144 507	121 274	119,2
Средняя Волга	75 533	85 582	88,2
Татария	33 081	16 685	198,3
Восточные районы:			
Казахстан	45 191	46 423	97,3
Урал	46 652	79 290	68,8
Башкирия	29 097	38 924	74,8
Западная Сибирь	64 230	80 445	79,8
Восточная Сибирь	64 230	28 651	126,0
Остальные районы:			
Северный край	3 753	2 827	132,8
Ленинградская область	6 853	6 039	113,4
Западная	12 165	14 139	86,0
Московская	38 638	26 427	146,2
Ивановская	7 142	6 299	113,4
Нижегородский край	35 971	24 598	145,6
Дальневосточный край	10 821	7 414	145,9
Белоруссия	9 629	9 867	97,6
СССР	1 375 874	1 335 405	103,0

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 190. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Дані у тисячах пудів з мірчуком.

15. Дані Комітету Заготівель СРСР про надходження мірчука у 1930/31 та 1931/32 рр.[1]

[4–5 липня 1932 р.]

	1931/1932 год			Всего поступило за 1930/31 гг.
	Годовой план	Поступило на 20.VI.1932 г.	% выполнения	
Северный край	836	832	99,5	1 132
Ленинградская область	1 300	832	64,0	1 038
Западная	3 400	2 153	63,3	3 373
Московская	5 494	4 180	76,1	4 880
Ивановская	1 898	1 219	64,2	1 495
Нижегородская	4 901	4 113	83,9	4 838
Урал	5 200	2 904	55,8	7 323
Башкирия	2 441	1 551	63,5	3 146
Татария	3 021	1 508	49,9	2 461
Средняя Волга	6 714	4 739	70,6	7 296
Центрально-Черноземная область	12 360	9 432	76,3	11 481
Нижняя Волга	7 898	3 521	44,6	8 019
Северный Кавказ	13 612	10 406	76,4	13 601
Дагестан	110	100	90,9	91
Крым	824	835	101,3	645
Казахстан	2 399	1 449	60,4	1 525
Западная Сибирь	6 718	3 772	56,1	6 834
Восточная Сибирь	1 300	1 347	103,6	1 571
Дальневосточный край	598	378	63,2	591
Украина	42 728	21 047	49,3	41 410
Белоруссия	3 845	3 019	78,5	3 315
Закавказье	403	460	114,1	524
Средняя Азия	855	917	107,3	835
СССР	128 855	80 714	68,6	127 426

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 191. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Дані у тисячах пудів.

16. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про виконання п'ятирічного плану промисловістю УСРР

[4–5 липня 1932 р.]

	СССР	УССР
I. Вся продукция промышленности		
1. Продукция базисного года пятилетки 1927–28 г. (в млн. рублей по ценам 1926–27 г.)	10 909	2 146
2. План пятого года пятилетки (в млн. рублей по ценам 1926–27 г.)	30 455	5 575
3. Рост продукции за 5 лет по плану (1932–33 г. в % к 1927–28 г.)	279,2	259,8
4. Продукция 1931 г. по кругу пятилетки (в млн. рублей по ценам 1926–1927 г.)	22 021	4 365
5. То же в % к плану пятого года пятилетки (1932–33 г.)	72,3	78,3
II. Каменный уголь (Донбасс)		
Выпуск по плану пятого года (1932–33 г.) пятилетки (млн. тонн)	75,0	52,7
Рост выпуска за 5 лет по плану (1932–33 г.) в % к 1927–28 г.	212,0	192,0
Выпуск 1931 г. в % к плану пятого года (1932–33 г.)	74,7	76,5
III. Чугун		
Выпуск по плану пятого года (1932–33 г.) пятилетки (млн. тон.)	10,0	6,2
Выпуск 1931 г. в % к плану пятого года (1932–33 г.)	49,0	56,5
Выпуск 1931 г. (млн. тонн)	4,9	3,5

В настоящей таблице приводятся данные по кругу промышленности, включенной в пятилетний план (т. е. по планируемой промышленности без ряда отраслей, без лесозаготовок, мукомольной, крупяной, мясной, рыбной и т. д.). Все новые производства, возникшие в годы пятилетки, включены в приводимые цифры.

Данные продукции за 1931 г. по УССР приводятся предварительные: по каменному углю приводятся данные по всему Донбассу, а по чугуну — с включением Керченского завода, как это указано в материалах пятилетнего плана.

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 199. Машинопис. Копія.

17. Дані Постійного Представництва УСРР при ВЦВК та РНК СРСР про підсумки виконання першої п'ятирічки промисловістю України

[4–5 липня 1932 р.]

	В млн. руб.		% испол-нения	По годам			
	Намечалось по пятилетнему плану	Исполнено за 4 года		28/29 г.	30 г.	31 г.	32 г.
А. Капиталовложения	4 201	4 880	115,9	448	809	1307	–
Б. Валовая продукция в неизмененных ценах 26/27 г.	5 575	8 427	151,1	3 782	4 693	5 590	8 427

1. 1932 р. взят по плану.
2. На 1932/1933 г.
3. В 1932 г. по плану.

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 200. Машинопис. Копія.

18. Список голодуючих районів України[1]

[4–5 липня 1932 р.]

СПИСОК ТЯЖЕЛЫХ РАЙОНОВ[2]

I. Киевская область:

✓1. Букский. ✓2. Тетиевский. 3. Жашковский.
4. Ставищанский. ✓5. Володарский. ✓6. Богуславский.
7. Лисянский. 8. Звенигородский. 9. Тальновский.
10. Белоцерковский. ✓11. Ракитянский. 12. Сквирский.

II. Днепропетровская область:[3]

1. Александрийский. ✓2. Н. Пражский. 3. Каранский.
✓4. Долинский. 5. Межевский.

III. Харьковская область:

1. Семеновский. 2. Кобелякский. 3. Чутовский.
4. Глобинский. 5. Нехворощанский. 6. Оржицкий.
7. Оболонский.

IV. Винницкая область:

✓1. Умань. ✓2. Бабанка. ✓3. Оратов.
✓4. Плисков. 5. Погребище. 6. Липовец.
7. Ильинцы. 8. Тростянец. 9. Томашполь.

Верно: Власенко

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 208. Машинопис. Завірена копія.

Примітки:

1. Список відповідає «Списку районів, які найбільш потребують додаткової продовольчої допомоги» з додатку до протоколу Політбюро ЦК КП(б)У від 21 червня 1932 р. Див.: Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. — К., 1990. — С. 188.

2. На документі є напис олівцем: «Ни одна из этих областей не выполнила плана хлебозаготовок».

3. Праворуч написи олівцем: «33 р-на (из них наиболее тяжелых — 11 р-ов)», «✓ — наиболее тяжелые районы» (підкреслено у документі).

19. Список голодуючих районів Харківської області [4-5 липня 1932 р.]

Список районов Харьковской области, пораженных в большей степени в продовольственном положении с обозначением выданной им продовольственной помощи за период весеннего сева и прополки буряка.

№№ п/п	Название района	Количество сел пораженных в районе	Отпущено прод. помощь району — в центнерах	Примечание
1.	Семеновский	17	1 680	Первые 7 районов получили харчовую помощь, как пораженные районы. Остальным районам хлеб отпущен для прополочных работ
2.	Кобыляцкий	10	1 150	
3.	Чутовский	9	1 500	
4.	Глобинский	11	1 866	
5.	Нехворощанский	7	1 250	
6.	Оржицкий	5	1 000	
7.	Оболонский	11	1 030	
8.	Опишнянский	13	350	
9.	Недригайловский	5	1 020	
10.	В. Богачанский	9	366	
11.	Решетиловский	9	600	
12.	Зиньковский	4	416	
13.	Красный Кут	8	1 216	
14.	Чернуховский	13	615	
15.	Липово-Долинский	5	381	
16.	Прилукский	8	500	
17.	Ульяновский	9	1 600	
18.	Сахновщанский	13	950	

№№ п/п	Название района	Количество сел пораженных в районе	Отпущено прод. помощь району — в центнерах	Примечание
19.	Карловский	8	1 780	
20.	Миропольский	9	1 255	
21.	Н. Санжарский	3	458	
22.	Пирятинский	7	850	
23.	Гадячский	6	750	
24.	Лохвицкий	13	550	
25.	Куп'янский			

Зав. Агитмасс

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 211. Машинопис. Незавірена копія.

Примітки:

1,2. Написано від руки.

20. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про засідання Політбюро ЦК КП(б)У за участю секретарів обкомів партії, присвячене хлібозаготівлям

29 жовтня 1932 р.

Москва ЦК ВКП(б) тов. Сталину

1) Подробно обсудили в Политбюро ЦК КП(б)У с участием секретарей обкомов план хлебозаготовок. Как известно, Косиор в письме намечал снижение плана на 50 миллионов пудов, а Хатаевич в письме предлагал снижение плана на 70 миллионов пудов. Опрос секретарей обкомов показал, что все области считают необходимым снижение своих планов, а именно: Харьковская на 26,9; Киевская на 5,7; Винницкая на 3,5; Одесская на 14; Днепропетровская на 16,4; Донбасс на 9,7; АМССР на 0,8, а всего при этом счете снижение плана достигает 77 млн. пудов. Кроме того, областники предлагали снизить задания по гарнцу всего на 4,9 млн. пуд. При обсуждении общей цифры снижения плана назывались цифры снижения от 60 до 70 млн. пудов. Я высказался за возможность пойти на снижение плана на 60–70 млн. с тем, чтобы остающийся план в 165–175 млн. пудов вместо 235 млн. пудов был выполнен безусловно полностью и не снижать ничего по гарнцу. Пришлось жестко покритиковать Украинскую организацию и особенно ЦК КП(б)У за крайнюю демобилизованость в хлебозаготовках, наличие которой члены ЦК полностью подтверждали.

2) В течение 30 октября проработаем в ЦК КП(б)У, как провести указанное снижение по областям, секторам и культурам, и окончательно установим цифру снижения плана.

3) В связи с снижением общего плана по Украине прошу разрешить мне совместно с ЦК КП(б)У пересмотреть ноябрьское задание в 110 млн. пудов, несколько его снизив.

4) Завтра сообщу окончательный план по областям, секторам и культурам, исходя из сниженной окончательно цифры общего плана по Украине.

5) Прошу дать санкцию ЦК на мое предложение.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 6. Машинопис. Копія.

21. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про роботу з хлібозаготівель в Україні

30 жовтня 1932 р.

Москва ЦК ВКП[1] тов. Сталину.

1) Окончательно дополнительное снижение плана хлебозаготовок установлено для Украины в 70 миллионов пудов. При этом, за исключением принятой 2,9 миллионов пудов страховки по единоличникам, другой страховки в украинском плане не имеется.

2) По секторам снижение плана достигает у колхозов 39 млн. пудов, у единоличников 18,9 миллионов, у совхозов 12,1 млн. пудов.

3) На ноябрь план принят в 90 миллионов, в том числе семссуда 4 миллиона.

4) Основные работники ЦК КП(б)У выезжают немедленно на места. Производится мобилизация на хлебозаготовки других партийных сил.

5) Считаю необходимым посылку из Москвы 50–70 товарищей с партийным опытом, вроде секретарей губкомов-окружкомов, на месяц для работы по хлебозаготовкам. Нужно как можно скорее сломить имеющиеся демобилизационные настроения, прикрываемые зачастую беспринципной оппортунистической аллилуйщиной в парторганизациях, перед которыми в ноябре стоит большая задача по хлебозаготовкам.

6) Всячески напираю на оргработу, которая здесь до крайности слаба. Добиваюсь, чтобы обкомы и ЦК КП(б)У серьезно рассмотрели и проверили план заготовок по отдельным районам, МТС и совхозам и обеспечили оперативное руководство ими в хлебозаготовках, чего сейчас совершенно не имеется.

7) Используем промтовары как средство поощрения, а лишение части промтоваров как репрессию в отношении колхозов и особенно в отношении единоличников.

8) Выезжаю в Одессу.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 7. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Так в тексті.

2. Підкреслено в документі.

22. Телеграма Й. В. Сталіна В. М. Молотову щодо скасування наказу Наркомату землеробства СРСР від 26 вересня 1932 р. про насіння

3 листопада 1932 р.

Шифровка из Москвы.
Для т. Молотова.
Циркулярно. Нац. ЦК, крайкомам, обкомам.

Сообщается постановление ЦК от 3 ноября:

"Ввиду того, что приказ Наркомзема о семенах от 26 сентября создает опасность демобилизационных настроений в деле хлебозаготовок и дает повод для неправильного толкования известного постановления СНК и ЦК о хлебозаготовках, предложить Наркомзему СССР Яковлеву отменить этот приказ и разослать постановление об отмене всем обкомам, крайкомам, нац. ЦК и секретарям районных комитетов партии".

Секретарь ЦК И. Сталин

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 99. Машинопис. Копія.

23. Телеграма секретаря ЦК ВКП(б) П. П. Постишева В. М. Молотову з викладенням тексту телеграми А. І. Мікояна про сушіння та квашення овочів.

3 листопада 1932 р.

Серия «Г»
Из Харькова 3.XI

Передаю полученную из Москвы телеграмму:

«Передаю текст телеграммы, присланной Микояном ЦК из Харькова:

"ЦК КП(б)У не считает для себя обязательной сушку овощей [по] причине неполучения прямой директивы Политбюро. Наш план предусматривает Украине до первого января [заготовить] три тысячи двести тонн[, на] первый квартал две тысячи тонн. Постановлением Политбюро Украины зоны заводов Укрплодоовощ открыты. Снабжение сушильных заводов картофелем запрещено. Сушка и квашение проваливается. Прошу вашего указания ЦК КП(б)У. *Микоян*".

Может быть поговорите Косиором этому вопросу. 12307. *Постышев*».

№ 09б1443/т Канов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 100. Машинопис. Копія.

24. Телеграма секретаря ЦК КП(б)У М. М. Хатаєвича першому секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косіору, В. М. Молотову, В. Я. Чубарю з пропозиціями щодо стимулювання хлібозаготівель[1]

4 листопада 1932 р.

Записка по прямому проводу из Харькова 4.XI
Зиновьевск Косиору
Помощная Молотову
Мелитополь Чубарю

Для усиления отгрузок товаров [на] село [по] хлебозаготовкам вношу предложение:

1) Немедленно прекратить отгрузку городам до выполнения ноябрьского плана [отправки] товаров [в] село, первоочередностью стимулируя хлебозаготовки.

2) Просить ЦК ВКП(б) [о] немедленной отгрузке мануфактуры — плановой [и] коммерческой [на] рублей — 16,5 млн., галош — 2,5 млн., платков — 2 млн. рублей.

3) Пересмотреть план завоза товаров областям, районам [в] соответствии [с] измененным планом хлебозаготовок.

4) Осуществить сокращение завоза промтоваров [в] районы[,] плохо выполнившие план хлебозаготовок — по Одесской [области], [а также] — семь районов Днепропетровской — последним прекращается отпуск товаров.

6) Хлопчатка, обувь, оконное стекло продается только аккуратным сдатчикам хлеба, [в] первую очередь пшеницы, рожь, бобовые, овес примерно 50–60 копеек за рубль сдаваемого хлеба.

7) Указанный порядок распространяется [на] плановые[, а] также коммерческие товары.

8) Остальные товары продаются [в] порядке нормальной советской торговли.

9) 10% лучших дефицитных товаров продается ударникам обмолота хлебосдачи по спискам восемь — Харьковской [области], восемь — Киевской [области], пять — Донбассу [с] выполнением плана от 14 до 30 процентов.

10) Селькомиссии содействия хлебозаготовкам совместно [с] сельсоветами составляют списки не выполняющих плана комиссий содействия.

Прошу срочно телеграфировать Ваше мнение. Полный текст проекта послал нарочным.

ЦК КП(б)У Хатаевич

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 102. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. На документі внизу напис олівцем: «Хатаевичу. Считаю своевременным активизацию дела снабжения промтоварами как рычага хлебозаготовок. Имею возражения по отдельным пунктам. Надеюсь Вас видеть сегодня в Харькове и договориться по всем вопросам. Молотов. Синельниково. 5.XI.32". Підпис — автограф В. Молотова.

25. Телеграма В. М. Молотова керівникам Новоукраїнського району Одеської області Козиреву, Пахомову про організацію судового процесу над винними у необліку другого сорту пшениці при обмолоті

5 листопада 1932 р.

Три адреса
Новоукраинка райком КП(б)У Козыреву, Пахомову
Копия Одесса обком КП(б)У Майорову
Копия Зиновьевск ДТО ОГПУ
вручить по месту нахождения Косиору

Нами установлено, что в колхозе «Червоное казачество» Фурмановского сельсовета учитывается у паровой молотилки только первый сорт пшеницы и не учитывается второй сорт пшеницы, составляющий 25–30 процентов обмолота. Расследуйте это дело срочно, отдайте виновных под суд, все дело широко используйте в печати и массовой работе, не откладывая дела в долгий ящик. Результаты сообщите ЦК КП(б)У и мне.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 16. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. 10 листопада 1932 р. секретар Одеського обкому КП(б)У М. М. Майоров надіслав В. М. Молотову телеграму такого змісту: «Москва. Молотову. Указанные Вами факты [в] колхозе "Червоное казачество" Новоукраинского района подтвердились. Виновные преданы суду, все Ваши указания приняты [к] исполнению. Майоров». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 21.

26. Телеграма В. М. Молотова секретарю Одеського обкому КП(б)У М. М. Майорову про організацію судового процесу над керівниками колгоспу, які незаконно видали зайві 9% хліба колгоспникам

5 листопада 1932 р.

Два адреса
Одесса обком КП(б)У Майорову
копия Зиновьевск ДТО ОГПУ
вручить немедленно во месту нахождения Косиору

На совещании с районщиками [в] Одессе второго ноября Даненбург указывал на то, что в одном не выполнившем план хлебозаготовок колхозе его района, кроме пятнадцати процентов аванса, было выдано девять процентов озадков хорошей пшеницы. Ввиду явно преступного поведения данного колхоза прошу срочно и строго расследовать этот факт, отдать под суд руководителей колхоза, взыскав с колхоза незаконно выданные лишние девять процентов хлеба, в первую очередь взяв их с членов правления и других должностных лиц. Этот факт надо широко использовать с публикацией в печати и с осуждением в других колхозах преступной деятельности обманщиков и расхитителей колхозного хлеба. О результатах информируйте ЦК КП(б)У и меня.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 15. Машинопис. Копія.

27. Телеграма членів комісії В. М. Молотова М. М. Хатаєвичу, С. В. Косіору, М. М. Майорову щодо посилення хлібозаготівель

5 листопада 1932 р.

Три адреса
Харьков ЦК КП(б)У Хатаевичу
Знаменка вручить Косиору
Копия Одесса обком КП(б)У Майорову

На основе ознакомления с положением дел по хлебозаготовкам в Одесской области считаем необходимым немедленное проведение следующих мероприятий:

1) Для быстрейшего окончания молотьбы путем полного использования всех имеющихся в МТС и колхозах молотилок как механических, так и конных создать при райкомах, а также при МТС и сельсоветах тройки в составе: в районе — председатель райисполкома, завземотделом и заведующий ремонтной мастерской Тракторoцентра;

при МТС — директор МТС, секретарь партячейки и заведующий мастерской; в сельсоветах — председатель сельсовета, секретарь партячейки и механик участка МТС. Возложить на указанные тройки: правильную расстановку всего парка молотилок по колхозам и его максимальную загрузку, организацию срочного ремонта тракторов и молотилок, наблюдение за своевременным (ранним) выходом колхозников на работу, подбор квалифицированных барабанщиков к молотилкам. На районные тройки возложить также получение ежедневных сведений о работе каждой молотилки и принятие немедленных мер к устранению перебоев в работе молотилок и тракторов (двигателей) и по обеспечению их рабочей силой.

2) На каждую работающую молотилку райпарткомам выделить специальных контролеров из числа мобилизованных на хлебозаготовки как местных, так и командированных в районы работников — для организации строгого учета обмолачиваемого зерна и для проведения мер борьбы против всех видов утечки, потерь и расхищения зерна, а также для обеспечения срочного вывоза зерна на заготпункты. Контролеры назначаются на работу от имени МТС; оплачиваются за счет фондов, отпущенных на усиление хлебозаготовок, а в случае недостаточности их — за счет особых расходов Заготзерно. Снабжение продовольствием указанных контролеров производится сельсоветом и потребкооперацией, но отнюдь не самими колхозами. Ответственность за руководство работой контролеров возложить на секретарей райпарткомов. Для инструктирования контролеров собирать по мере надобности (вначале, по крайней мере, раз в три-пять дней) совещания контролеров при МТС под руководством секретаря райпарткома.

3) Ввести на практике учет оплаты работы МТС для колхозов в натуральном исчислении зерном согласно существующего договора между МТС и колхозом. Довести до сведения каждого колхоза о том, какое качество хлеба причитается с него МТС за произведенные ею работы и какое количество хлеба колхоз должен сдать непосредственно в порядке хлебозаготовок. При этом количество хлеба, сдаваемого колхозами в порядке натуроплаты работы МТС, вместе с количеством хлеба, сдаваемым колхозом непосредственно в порядке хлебозаготовок, должно в сумме составлять то количество хлеба, которое установлено общим планом хлебосдачи государству для данного колхоза. Директорам МТС вести расчет с колхозами не только в денежном, но и обязательно в натуральном выражении с установлением культур сдаваемого хлеба по согласованию с заготовительными органами

(преимущественно продовольственными культурами). В сводках хода хлебозаготовок обязательно отражать отдельно сдачу хлеба колхозами в счет натуроплаты услуг МТС.

4) Предложить Заготзерно немедленно восстановить за счет существующих штатов институт уполномоченных по хлебозаготовкам при МТС, возложив на них работу по организации хлебосдачи колхозами, обслуживаемыми МТС.

5) Обязать райисполкомы и райсоюзы потребкооперации немедленно начать проводить на практике жесткое ограничение завоза промтоваров (за исключением таких товаров, как соль, спички, керосин) в села и колхозы, неудовлетворительно выполняющие план хлебозаготовок, и применять также переброску товаров из этих сел в села, успешно выполняющие план хлебосдачи. Особо обратить внимание на ограничение продажи промтоваров единоличникам, не сдающим хлеба.

6) Ввиду наблюдающихся до сих пор фактов расхода хлеба и муки на общественное питание в колхозах вопреки категорическому запрещению предложить райпарткомам немедленно проверить положение в отдельных колхозах и полностью устранить указанные факты.

7) Предложить секретарям обкомов, а также секретарям райкомов свести к минимуму свои выезды из областных (районных) центров на места и на деле обеспечить повседневное руководство работой местных и областных (районных) организаций, быстрые ответы на запросы с мест, немедленное устранение выявляемых практикой работы недочетов, особое содействие слабым и отстающим организациям.

8) В соответствии с этим предлагаем ЦК КП(б)У дать немедленные указания областным организациям.

Молотов, Маркевич, Калманович, Кренцель

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 12—14. Машинопис. Копія.

28. Телеграма М. М. Хатаєвича та В. М. Молотова секретарям обкомів КП(б)У про необлік значної частини хліба при обмолоті

5 листопада 1932 р.

Секретно

Секретарям обкомов КП(б)У
Копия: тов. Косиору.

По нашим наблюдениям на Украине сплошным явлением стало следующее: при учете немолоченого[1] хлеба учитывается у молотилок только более чистая часть хлеба и не учитывается значительная часть хлеба, достигающая в некоторых случаях 30 процентов обмолота,

которая колхозами относится к неучитываемым отходам и поэтому не учитывается как часть валового сбора. Просим срочно сообщить ЦК КП(б)У и Молотову Ваше мнение по этому вопросу и о необходимых мерах в связи с этим.

Хатаевич, Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 12—14. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Так в тексті. Слід «намолоченного».

2. Надруковано у 3 примірниках 6 листопада 1932 р.

29. Телеграма М. М. Хатаєвича та В. М. Молотова секретарям обкомів КП(б)У з вимогою судових репресій серед членів правлінь колгоспів

5 листопада 1932 р.

Секретарям обкомов КП(б)У
Копия: тов. Косиору

В сообщениях областных органов ОГПУ имеется много сведений о расхищении, преступном разбазаривании и сокрытии колхозного хлеба при участии и под руководством правлений колхозов и в том числе некоторых правленцев-комунистов, являющихся на деле кулацкой агентурой, разлагающей колхозы. Несмотря на это, ЦК КП(б)У неизвестно, что предпринимается обкомами для борьбы с этими явлениями. Отмечая недопустимое бездействие судов и прокуратуры и пассивность печати в отношении соответствующих конкретных фактов, ЦК КП(б)У категорически требует от обкомов немедленных и решительных мер борьбы с этими явлениями с обязательным и быстрым проведением судебных репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов на основе известного декрета об охране общественной собственности, [с] освещением этих фактов в печати, вынесением осуждающих эти факты решений колхозных собраний. Пассивность в этом деле обкомов и райкомов и недоведение до конца соответствующих репрессий, особенно теперь, когда необходимо во что бы то ни стало обеспечить решительный перелом в хлебозаготовках, ЦК КП(б)У будет рассматривать как худший вид гнилого либерализма, нетерпимого в большевистской партии. О принимаемых мерах сообщите 10 ноября ЦК КП(б)У.

Хатаевич, Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 18. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Надруковано у 3 примірниках.

30. Телеграма В. М. Молотова керівникам Синельниківського району Борщу та Поплавському про необхідність виконання плану хлібозаготівель

6 листопада 1932 р.

Три адреса

Синельниково райком КП(б) Борщу, Поплавскому
Копия — Днепропетровск обком КП(б)[У] Строганову
Копия — Харьков ЦК КП(б)[У] Косиору, Хатаевичу

Ознакомившись с сообщениями товарищей, выезжавших 5 ноября в колхозы Синельниковщины, считаю на основе всех имеющихся у меня данных установленный для района план хлебозаготовок безусловно выполнимым, а Ваши заявления о невыполнимости плана считаю опасным для партийной организации проявлением слабости политического руководства в Синельниковском районе, слабости, прикрываемой убаюкивающими парторганизацию рассуждениями о «передовом» районе. Действительно передовым в наших условиях можно назвать только такой район, который честно и в срок полностью выполняет также и план хлебозаготовок, выполнение которого является важнейшим показателем большевистского руководства делом организационно-хозяйственного укрепления колхозов, которое, в свою очередь, безусловно требует твердой и умелой борьбы с потерями, расхищением и сокрытием от государства колхозного хлеба, что нередко проделывается под носом у наших районных органов кулацкой агентурой в колхозах и в том числе даже некоторыми правленцами-коммунистами, безнаказанность которых является преступлением перед рабочим классом и передовым колхозным крестьянством. Никакими рассуждениями бесхребетных руководителей, будь то в районе, или в области, или выше, нельзя оправдать беспомощности в выполнении вполне посильного плана хлебозаготовок. Если по сути дела небольшевистские руководители не осознают и не исправят своих ошибок, партийная организация должна выправить положение, не останавливаясь перед самыми решительными мерами.

Не возражаю против опубликования этой записки в печати района и области.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 19—20. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Телеграма відправлена з м. Серпухова Московської області.

31. Телеграма В. М. Молотова секретарю Новоукраїнського райкому КП(б)У Козиреву з вимогою підтвердити високі темпи хлібозаготівель в районі[1]

18 листопада 1932 р.

Копия

Новоукраинка райпар[т]ком Козыреву
Копия Одесса Обком КП(б)У Майорову

Ваши цифры роста хлебозаготовок за первые три пятидневки ноября можно приветствовать за темпы, если не сдадите завоевываемых позиций.

Сообщите немедленно кратким письмом, чем объясняются эти первые ваши успехи и насколько они надежны.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 22. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Повідомлення Козирєва на адресу В. М. Молотова не знайдено.

2. Телеграма відправлена з м. Харкова.

32. Телеграма С. В. Косіора В. М. Молотову з приводу постанови про чистку п`яти районних партійних організацій[1]

19 листопада 1932 р.

Из Харькова 19.XI
Молотову

Следует ли опубликовывать полностью постановление о чистке пяти районных организаций и в частности пункт о высылке? Я считал бы необходимым для опубликования постановления несколько перередактировать и исключить пункт о высылке.

Нужно ли посылать постановление о чистке и другие пункты постановления на утверждение ЦК ВКП(б)?

Прошу ответа.

С. Косиор

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 101. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Рішення про чистку 5 районних парторганізацій було прийнято на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У за участю В. М. Молотова 18 листопада 1932 р.

2. В тексті документа є правка, зроблена С. Косіором.

33. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про роботу в зв'язку з хлібозаготівлями в Україні

20 листопада 1932 р.

Копия[1]

Секретно

ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

Пришлось два дня пробыть в Харькове.

1) Разработали новые практические указания ЦК по хлебозаготовкам, которые высланы ЦК ВКП(б).

2) Собирали отборный харьковский актив для разъяснения задач в связи с хлебозаготовками, так как у немалой части украинских работников есть оппортунистические колебания в этом вопросе.

3) Пришлось дать директиву о мобилизации на хлебозаготовки 600 рабочих-коммунистов из активистов в крупнейших промцентрах Украины. Надеюсь[,] с этим согласитесь.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 42. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Документ надруковано у 3 примірниках.

2. 20 листопада 1932 р. Й. В. Сталін надіслав В. М. Молотову шифровку: «Говорил с Косиором на ту же тему по телефону. Посоветовал взять шестьсот человек не с производства, а с ячеек и завкомов, не связанных с производством. Сталин». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 107. Машинопис. Копія.

34. Телеграма В. М. Молотова керівникам Чубарівського району Дніпропетровської області Константинову та Булаві, голові Дніпропетровського облвиконкому М. О. Алексеєву про партійне керівництво хлібозаготівлями в районі[1]

20 листопада 1932 р.

Копия

Чубаревка райпар[т]ком Константинову,
Райисполком Булаве
Председателю облисполкома Алексееву
копия: Днепропетровск обком КП(б)У — Строганову.

Считаю нужным оставить Вам свои краткие замечания в связи с тем, что я успел выяснить во время пребывания в Чубаревском районе.

По-моему, для улучшения партруководства по хлебозаготовкам в районе необходимо, во-первых, партактиву по-настоящему понять теперешнюю тактику классового врага в деревне, где агенты кулачества забрались во многие колхозные щели и дырки и умело

прикидываются «друзьями» колхозников, пролезая в правления и иногда облюбовывая для себя посты счетоводов и завхозов, причем преступная «работа» этих примазавшихся к колхозам лжедрузей во многом облегчается оппортунистической слепотой и бесхарактерностью части коммунистов.

Во-вторых, направить острие политической работы на раскрытие в колхозах всех и всяких хитростей и ухищрений кулацкой агентуры и плетущихся за нею подпевал, изощряющихся в разного рода надувательствах честных колхозников и нашего рабоче-крестьянского государства путем растаскивания и расхищения колхозного общественного хлеба, и открыть на все это глаза колхозникам. Без решительной и неустанной борьбы с ворами и кучкой их пособников в колхозе нельзя сберечь интересы колхозной массы и отдельных честных колхозных тружеников, нельзя укреплять и поднимать хозяйство колхоза, нельзя обеспечить выполнение основных обязанностей колхозов перед государством, а эти обязанности перед советской властью, породившей наши колхозы, должны быть поставлены сознательными колхозниками выше всех других дел.

В-третьих, при всей важности постоянной агитационно-разъяснительной роботы в период хлебозаготовок не полагаться всецело или главным образом на словесно-агитационные меры, хотя бы и с добавлением к ним большого числа постановлений о партвзысканиях в отношении плохих работников.

В-четвертых, сосредоточить внимание в проведении хлебозаготовок на практических мерах — на действительно правильной расстановке партийных сил и организационном сплочении колхозного актива для полного и безусловного выполнения установленного плана хлебозаготовок; на организации действительно надежного контроля при молотьбе при весах, при перевозке и в амбарах при хранении колхозного хлеба; на проведении продуманных деловых мер по выявлению и возврату колхозу сокрытого и растащенного кем-либо по наущению кулацкой сволочи хлеба; на своевременном проведении некоторых мер экономического воздействия в отношении отдельных срывающих заготовки колхозов, где без этого нельзя обойтись, при обязательном обеспечении выполнения плана хлебосдачи единоличниками; на твердом проведении до конца репрессивных мер в отношении контрреволюционных саботажников хлебозаготовок.

И, в-пятых, проникнуться большевистским недоверием к таким постановлениям и обещаниям, проведение которых на деле не обеспечено должной активностью и умением их выполнять. Все это требует от всех нас обеспечить зоркую повседневную проверку проведения всех этих задач и практических мер, вовремя предупреждая попытки право-уклонистских и вообще партийно невыдержанных элементов прикрыть свою оппортунистическую беспомощность «левацким» криком и метанием в крайности.

На этом кончаю с пожеланием успеха в Вашей трудной, но крайне нужной рабочему классу работе.

В. Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 42. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Телеграма відправлена з м. Генічеська, тепер Херсонської області.

35. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про скасування постанови щодо продажу в районах сірників, солі, гасу

20 листопада 1932 р.

ЦК КП(б)У — тов. Косиору

До сих пор в районах действует распоряжение о продаже всюду спичек, соли и керосина. Есть об этом телеграмма Бляхера от 9 ноября. Надо немедленно это отменить и проследить исполнение.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 46. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. 21 листопада 1932 р. С. В. Косіор надіслав телеграму В. М. Молотову: «Тов. Молотову. По линии НКСнаба и Вукоспилки сегодня дано указание областям и районам относительно спичек, соли, керосина. Косиор». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 108.

36. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про відрядження відповідального парткерівника до Чернігівської області на хлібозаготівлі

21 листопада 1932 р.

Копия

ЦК КП(б)У — тов. Косиору

Копия — Черниговский обком — тов. Маркитану[1]

Нельзя терпеть такого положения, что целая область, а именно Черниговщина, пошла в четвертой пятидневке не вперед, а покатилась назад, снизив хлебозаготовки с 4,5 тыс. тонн до 3,6 тыс. тонн.

Надо кого-нибудь из наиболее ответственных партруководителей немедленно направить в Черниговщину. Может быть[,] временно командировать Скрыпника или Любченко?

Жду ответа.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 46. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. 21 листопада 1932 р. В. М. Молотов надіслав телеграму секретарю Чернігівського обкому партії П. П. Маркітану: «Прошу 22 ноября приехать в Красноград и сообщить о ходе хлебозаготовок». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 49.

2. 22 листопада 1932 р. С. В. Косіор надіслав телеграму В. М. Молотову: «Тов. Молотову. Наиболее целесообразным считаю послать в Черниговскую [область] Скрыпника, о чем посылаю ему телеграмму. Зайцев сегодня приехал в Харьков, задержал его до завтра. Косиор». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 116.

37. Телеграма В. М. Молотова, В. Я. Чубаря, секретаря Дніпропетровського обкому КП(б)У В. А. Строганова, М. Й. Калмановича Й. В. Сталіну щодо права спецкомісії ЦК КП(б)У під час хлібозаготівель приймати остаточне рішення про вищу міру покарання

21 листопада 1932 р.

Сов. секретно

ЦК ВКП(б) — тов. Сталину
Копия — ЦК КП(б)У — тов. Косиору

Предлагаем предоставить ЦК КП(б)У в лице спецкомиссии (Косиор, Реденс, Киселев из ЦКК) на период хлебозаготовок окончательное решение вопросов о приговорах к высшей мере наказания с тем, чтобы ЦК КП(б)У раз в декаду отчитывался о своих решениях по этим делам перед ЦК ВКП(б).

Молотов Чубарь Строганов Калманович

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 55. Машинопис. Копія.

38. Телеграма В. М. Молотова В. А. Строганову про необхідність підвищення темпів хлібозаготівель[1]

21 листопада 1932 р.

Днепропетровск обком КП(б)У — Строганову
для днепропетровского актива
копия: тт. Чубарю, Скрипнику

Секретарям обкомов:
Харьковского — т. Терехову
Киевского — т. Демченко
Винницкого — т. Чернявскому
Одесского — т. Майорову
Черниговского — т. Маркитану
Донецкого — т. Акулову
АМССР — т. Сирко

копия: ЦК КП(б)У тов. Косиору.

Последняя четвертая пятидневка по хлебозаготовкам в Днепропетровской области, да и в ряде др[угих] областей Украины (позорное исключение составляет Черниговщина), пятидневка, дающая некоторое увеличение против предыдущей, может создать у партийных и советских кадров опасные успокоительные иллюзии, которым так легко поддаются многие наши коммунисты, по-большевистски настоящим образом не воспитанные. Эту опасность надо устранить во что бы то ни стало и добиться еще большей мобилизации наших сил на практической работе для выполнения хлебозаготовительного плана. Политическая и практическая программа этой работы дана большевистской партией и в частности в ряде последних решений ЦК КП(б)У. Надо только обеспечить не на словах, не в обещаниях, не в новых резолюциях, а на деле, в крепко организованной работе парторганизаций и советских органов проведение в жизнь этих решений как по колхозам и совхозам, так обязательно и в отношении единоличников, не говоря уже о кулацких элементах.

С[о] своей стороны я послал обкому свои замечания о роботе по хлебозаготовкам на местах после ознакомления с делом в Чубаревском районе, а также обращая внимание на постановление от 20.XI Генического партактива, который в порядке основательной самокритики в общем правильно вскрывает свои слабости и намечает задачи в борьбе за хлеб, в борьбе с обнаглевшей в некоторых местах кулацкой агентурой.

Добавлю ко всему этому только одно: первейшей обязанностью обкома и всей днепропетровской организации является сейчас обеспечить неуклонный подъем хлебозаготовок из пятидневки в пятидневку

вплоть до тех пор, пока выполнение установленного годового плана на деле не будет полностью обеспечено.

Сделайте это делом всей пролетарской чести, двиньте силы в большевистском порядке, организуйте победу!

Прошу эту записку огласить на сегодняшнем партактиве в Днепропетровске и дать в областную печать.

В. Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 58—59. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Телеграма відправлена з залізничної станції Лозова.

2. 22 листопада 1932 р. В. А. Строганов надіслав В. М. Молотову телеграму: «Тов. Молотову. Вашу телеграмму от 21.XI по вине аппарата обкома получил 22.XI [в] один час дня, поэтому не мог огласить на собрании партактива 21.XI и сегодня 22.XI опубликовать в печати. Завтра 23.XI опубликую в областной и районной печати. Виновников в задержке передачи телеграммы накажем. Секретарь Днепропетровского обкома Строганов». Див.: РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 117.

39. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про очікування останніх повідомлень від обкомів КП(б)У з хлібозаготівель[1]

21 листопада 1932 р.

Копия

ЦК КП(б)У тов. Косиору

Копия секретарям обкомов:
Харьковский — тов. Терехову
Киевский — тов. Демченко
Одесский — тов. Майорову
Винницкий — тов. Чернявскому
Черниговский — тов. Маркитану
Днепропетровский — тов. Строганову
Донецкий — тов. Акулову
АМССР — тов. Сирко

Надеюсь 23 ноября в Харькове ознакомиться с последними сообщениями всех обкомов зпт с их оценкой последней четвертой пятидневки по хлебозаготовкам и с тем, как развертывается в областях работа по обеспечению выполнения всего хлебозаготовительного плана.

Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 66. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Телеграма відправлена з залізничної станції Близнята.

40. Пояснювальна записка В. М. Молотова Й. В. Сталіну про матеріали, щодо роботи в Україні 18-23 листопада 1932 р.

[23 листопада 1932 р.]

ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

Посылаю в ЦК постановления ЦК КП(б)У в связи с хлебозаготовками, принятые при участии командированной ЦК ВКП(б) на Украину группы, а также мои указания местным украинским организациям и другие материалы, относящиеся к работе моей и всей группы на Украине за период 18–23 ноября.

Посылаю также мою переписку с т. Хатаевичем и решения ЦК КП(б)У по вопросу о брошюре тов. Хатаевича.

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 71. Машинопис. Копія. Документ без підпису.

41. Лист М. М. Хатаєвича В. М. Молотову з приводу питань хлібозаготівель в його брошурі

[19-20 листопада 1932 р.]

Тов. Молотову

По поводу места на стр. 7 моей брошюры (от слов «Каждый наш партруководитель» и т. д.), вызвавшего наибольшие Ваши нападки, считаю необходимым напомнить Вам нижеследующее:

Ту же мысль, почти буквально, в тех же словах я высказал на заседании ПБ ЦК КП(б)У 29.X в Вашем присутствии и не встретил с Вашей стороны по этому поводу никаких возражений.

Я согласен, что в нынешних условиях, условиях борьбы за хлеб на Украине в текущем году было б с моей стороны неправильно оставлять в брошюре подобное место, ибо, чтобы накормить теперь немедленно рабочий класс и Красную Армию, нам придется брать любой хлеб в колхозах и где угодно, не считаясь с тем — товарный он или не товарный.

Но если ставить вопрос о хлебозаготовках в колхозах вообще, то я продолжаю считать формулировку, данную мною на стр. 7 брошюры, правильной. Я считаю, что мы должны заготовлять в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба. А для того, чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут.

Мне кажется, что из этого исходило постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 6-го мая с. г., в котором объявлялось о некотором уменьшении планов хлебоэаготовок и о колхозной торговле хлебом.

До сих пор во всех местах и случаях, где мне приходилось организовывать и проводить хлебозаготовки, я исходил именно из этого положения и глубокого убежден, что иначе, при общей постановке вопроса о хлебозаготовках, о борьбе за хлеб, и подходить невозможно.

Формула «КОЛХОЗЫ ДЛЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА, А НЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ДЛЯ КОЛХОЗОВ» для меня является более чем бесспорной. Но в колхозах есть еще колхозники, крестьяне — вчерашние единоличники, которые могут отвернуться от колхозов, махнуть на них рукой, если мы не обеспечим им должной заинтересованности в колхозном производстве. Рабочий класс и его партия должны подчинять себе и вести за собой крестьянство, особенно колхозное, но мы должны достигать этого, в первую очередь, мерами правильной ленинской политики в отношении к крестьянству, рассчитанной и построенной на том, чтобы обеспечить со стороны колхозного крестьянства, его передовой части в особенности, должную поддержку пролетарскому государству.

Я практик, совершенно мало и плохо знающий теорию, очень мало читавший (я это пишу не в порядке бравирования, а со стыдом), и, может быть, мои формулировки и несколько корявы, но они подсказаны мне всем моим опытом большевика-организатора.

Если в том, что я здесь написал, по-Вашему, есть оппортунизм, то Вам следует тогда отнести меня к разряду неисправимых оппортунистов.

С ком. приветом — М. Хатаевич

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 75—76. Машинопис. Копія.

42. Записка-відповідь В. М. Молотова на лист М. М. Хатаевича[1]

23 листопада 1932 р.

Тов. Хатаевич

Начал было писать ответ на В/письмо, но времени нет и потому ограничиваюсь несколькими строчками.

Ваша позиция в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд — минимальных[2] нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению, нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других «озадков».

Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства в первоочередном порядке.

С другой стороны, нельзя впадать в обратную оппортунистическую крайность: «брать любой[3] хлеб и где угодно, не считаясь и пр.». Эта позиция также небольшевистская и вытекает из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований.

Итак, Вам надо поправить свою ошибку, не настаивать на ней и вести работу по-большевистски, к чему у Вас много данных.

С товарищ. приветом — В. Молотов

РДАСПІ. Ф. 82. Оп. 2. Спр. 141. Арк. 74. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. Записка відправлена з м. Харкова.

2, 3. Підкреслено автором.

II

22 жовтня 1932 р. Політбюро ЦК ВКП(б) вирішило спрямувати на Північний Кавказ хлібозаготівельну комісію на чолі з секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем. 28—29 жовтня Л. Каганович написав проект постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про персональний склад комісії, яка після відповідного рішення виїхала на Північний Кавказ.

Діяльність комісії Л. Кагановича відображає «Щоденник поїздки на Північний Кавказ» (документи № 44, 53). Імовірно, за Л. Кагановичем постійно стенографували його висловлювання. Потім він переглядав машинописну копію, роблячи червоним олівцем позначки та виправлення.

Сталінський посланець підкреслював у щоденнику ключові моменти своїх виступів і реплік. Наприклад, на спільному засіданні бюро Північно-Кавказького крайкому партії та комісії 1 листопада це фраза: «Ми не можемо піти на ретельні розрахунки балансу хліба». У виступі перед мешканцями станиці Медведовської 6 листопада це слова: «Ваша станиця перейшла до боротьби з радвладою».

Л. Каганович особисто редагував постанови Північно-Кавказького крайкому партії від 4 листопада, які передбачали в краї широкомасштабні репресії (документи № 46—51). Одну з них — «Про хід хлібозаготівель і сівби на Кубані» — після правки Кагановича відредагував Сталін.

Зміст цих постанов, а також телеграм, якими обмінювалися Л. Каганович і Сталін, дозволяє проаналізувати не лише механізми здійснення репресій, а й особливості тодішнього мислення радянського керівництва.

Сталін та його найближче оточення вважали катастрофічну ситуацію в країні наслідком діяльності контрреволюційних елементів. Л. Каганович навіть заявив, що «саботаж» хлібозаготівель організований і скерований з одного центру.

Апокаліптична картина всесвітньої боротьби революціонерів-комуністів на чолі зі Сталіним і людського матеріалу, що не бажає ставати щасливим, виникала і з ідеологічних передумов, і з прагматичних міркувань.

Сталін і його група перекладали відповідальність за провал свого курсу на внутрішніх ворогів, пов`язаних із закордонними контрреволюційними центрами. До категорії внутрішньої контрреволюції потрапляли не лише «класові вороги», а й селяни, чия «дрібнобуржуазна» психологія не дозволяла їм стати справжніми радянськими людьми, тобто беззаперечно виконувати всі зобов`язання перед державою, цілком підлягати їй, рабськи коритися всім командам Кремля.

Такими поясненнями (див. документ №57) радянське керівництво намагалося політично та психологічно легітимізувати масові арешти, депортації, розстріли.

22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило направить на Северный Кавказ хлебозаготовительную комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичем. 28—29 октября Л. Каганович написал проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о персональном составе комиссии, которая после соответствующего решения выехала на Северный Кавказ.

Деятельность комиссии Л. Кагановича отражает «Дневник поездки на Северный Кавказ» (документы № 44, 53). Вероятно, за Л. Кагановичем постоянно стенографировали его высказывания. Затем он просматривал машинописную копию, делая красным карандашом пометки и исправления.

Сталинский посланец подчеркивал в дневнике ключевые моменты своих выступлений и реплик. Например, на совместном заседании бюро Северо-Кавказского крайкома партии и комиссии 1 ноября это фраза: «Мы не можем пойти на скрупулезные расчеты баланса хлеба». В выступлении перед жителями станицы Медведовской 6 ноября это слова: «Ваша станица перешла на борьбу с соввластью».

Л. Каганович лично редактировал постановления Северо-Кавказского крайкома партии от 4 ноября, предусматривавшие в крае широкомасштабные репрессии (документы № 46—51). Одно из них — «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани» — после правки Кагановича отредактировал Сталин.

Содержание этих постановлений, а также телеграмм, которыми обменивались Л. Каганович и Сталин, позволяет проанализировать не только механизмы осуществления репрессий, но и особенности тогдашнего мышления советского руководства.

Сталин и его ближайшее окружение считали катастрофическую ситуацию в стране следствием деятельности контрреволюционных элементов. Л. Каганович даже заявил, что «саботаж» хлебозаготовок организован и руководится из одного центра.

Апокалиптическая картина всемирной борьбы революционеров-коммунистов во главе со Сталиным и человеческого материала, не желавшего становиться счастливым, возникала и из идеологических предпосылок, и из прагматических соображений.

Сталин и его группа перекладывали ответственность за провал своего курса на внутренних врагов, связанных с заграничными контрреволюционными центрами. В разряд внутренней контрреволюции попадали не только «классовые враги», но и крестьяне, «мелкобуржуазная» психология которых не позволяла им стать настоящими советскими людьми, то есть беспрекословно выполнять все обязательства перед государством, полностью подчиняться ему, рабски повиноваться всем командам Кремля.

Подобными объяснениями (см. документ № 57) советское руководство пыталось политически и психологически легитимизировать массовые аресты, депортации, расстрелы.

43. Проект постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про хлібозаготівлі та сівбу на Північному Кавказі, написаний Л. М. Кагановичем[1]

[28–29 жовтня 1932 р.]

1) Направить на Северный Кавказ кроме т. Кагановича следующих тт.: Чернов, Микоян, Гамарник, Шкирятов, Ягода, Косарев.

2) Поручить этим тт. совместно с крайкомом выработать меры по усилению хлебозаготовок на Кубани и в особенности по безусловному выполнению плана озимого сева.

Основная задача означенной группы тт. — выработать и провести меры по слому саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани.

ноябрь 1932 г.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 214. Рукопис. Оригінал.

Примітки:

1. Документ являє собою рукопис чорним олівцем, зроблений Л. М. Кагановичем. 29 жовтня 1932 р. Політбюро ЦК ВКП(б) прийняло постанову «Про хлібозаготівлі та сівбу на Північному Кавказі» такого змісту: «а) Направить на Северный Кавказ кроме тт. Кагановича, Чернова, Юркина дополнительно тт. Микояна, Гамарника, Шкирятова, Ягоду и Косарева. б) Поручить всей группе товарищей совместно с крайкомом выработать меры по усилению хлебозаготовок по Северному Кавказу, особенно — на Кубани, и безусловному выполнению плана озимого сева. в) Основная задача означенной группы товарищей — выработать и провести меры по слому саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани». Див.: РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 905. Арк. 12. Протокол Політбюро за № 121 від 1 листопада 1932 р.

2. Датування помилкове.

44. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ

1–8 листопада 1932 р.

1 ноября

Приезд в Ростов в 15-15. Короткая информация в вагоне о ходе сева и заготовок и сниженных планах по районам. Совещание с членами группы.

В 19 час. заседание бюро крайкома с участием группы. Сообщения Клейнера (Заготзерно), Дорохова (КрайЗУ) и членов бюро, вернувшихся из районов.

КЛЕЙНЕР. План хлебозаготовок на 1 ноября выполнен (уменьшенный) на 39% — 749 т. по колх.-крест. сектору, а всего 928 т.

Особенности кампании этого года: 1) план из месяца в месяц не выполняется, 2) темпы снижены, 3) пониженные заготовки с 1 га, особенно по зерносовхозам — 1,4 центн. против 4,4 по плану, 4) еще большее отставание по пшенице. Обманывают с обмолотом. Напр., в Н-Александровском районе при проверке молотилок МТС выяснилось, что молотилка № 24 намолотила 1 200 центн., но 218 из них не показала — якобы «второй сорт». В Мечетинском районе секретарь ячейки — двадцатипятитысячник спрятал дома два мешка муки, осужден на 2 года.

ДОРОХОВ. Сев отстает по сравнению с прошлым годом на 270 тыс. га. Сев ржи перевыполнен. Особенно отстает пшеница. Основная ссылка районов — нет семян. Об этом заявили официально 13 районов в своих телеграммах крайкому. Заявка на 341 тыс. га. Мы уже раздали около 1 млн. пудов семян в виде семссуды. Невыходы на работу не хуже обычных. Лучше, чем в начале сентября, когда пытались отменить раздачу хлеба на общественное питание. Тогда были форменные забастовки. Пришлось восстановить раздачу хлеба, введя дифференцированные нормы от выработанных трудодней. Семена можно достать из необмолота в северной части края, 2-го сорта и 2-го обмолота.

ПИВОВАРОВ. Тихорецкий район. В ряде МТС действительно нет семян. Обменивают за работу в других колхозах (Плюшнинская МТС) или на мельницах (Люшковская МТС). Но в Рождественской станице семена еще есть, а сев выполнен на 22%. В ст[-це]. Отрадная вскрыли саботаж хлебозаготовок (секр. ячейки Котов), но подобные факты, еще не вскрытые, есть в ряде станиц. После обращения всего внимания севу хлебозаготовки фактически по всему району прекратились. Везут, что лично выявлено секретарем райкома,— 20–50 пудов.

У беспосевщиков-единоличников находили по 30–40 пудов пшеницы. Многие единоличники (до 40%) отказываются от земли, но сохраняют свои усадьбы, большие на Кубани, чем надел рязанского мужика, разводят там сорго, огороды и выручают по полторы, две тысячи руб., не платя налога и не выполняя заготовок. Надо их лишать усадебной земли. Лошадей единоличников используют не более чем на 30%, так как хозяева лошадей отказываются работать и уводят лошадей. В Прилеевской станице группа единоличников ежедневно проезжала около стансовета якобы на сев, а на самом деле пьянствовала в пристаничных камышах.

Производительность труда колхозников низка. Молчат даже партийцы. Председатели большей частью не местные, а завхозы часто из

чуждых и враждебных людей, они или влияют на председателя, или водят его за нос. Делом заправляют фактически они, а ответственность несет председатель. Также нужно встряхнуть не только секретарей партячеек, но и весь партколлектив.

Так как на Сев. Кавказе раздавали не 10–15% фактически обмолоченного, а 20% к предполагаемому фонду распределения, то передали много зерна, к этому прибавили непредусмотренный расход на общественное питание. Сигнализирует о возможной гибели подсолнуха и кукурузы. Их скосили, сложили, но не убирают. А в полях стада мышей.

МАТВЕЕВ. Объехал 9 сел Мечетинского района и убедился, что семян нет. Правда, смотрел только балансы, а по амбарам не ходил. Осталось еще не обмолоченных 335 га. Беспечно относились к озимой пшенице. Расчеты района и сел не сходятся. Предколхозов дали расписку об обеспеченности яровыми семенами и теперь не хотят везти яровую пшеницу на заготовки, заявляя, что этим затрагиваются семенные фонды. Я не знал, что делать. План по подсолнуху, по-моему, не выполним.

ЛАРИН. Был в Армавирском и Кропоткинском районах. Семена можно достать из 2-го обмолота и 2–3-го сорта. Спорят все об урожайности. Рабочий день в колхозах начинается поздно и кончается рано. Выявил разрыв между официальной раздачей хлеба и действительным положением вещей. Если бы раздали столько хлеба, сколько показывают,— давно бы у колхозников его не было. На деле раздали значительно больше. Актив «помалкивает», но за пшеничку держится крепко.

РЯБОКОНЬ. Каменский район. Сев закончил, но на хлебозаготовки не переключился. Еще не заскирдовано много хлеба. Район считает 6 тыс. га, я думаю — больше. После ареста 2 колхозников, у которых нашли украденный хлеб, в ночь было выброшено 2 тыс. пудов хлеба. В воровстве участвовали почти все поголовно.

КОЖЕВНИКОВ. Шофера зерносовхозов сбрасывают по 20 пудов из тонны зерна при перевозке. Секретари и уполномоченные работают до черта, а аппарат и вся организация в работу не втянуты. В Старо-Минском районе секретарь райкома из 700 человек организации считает 300 балластом. Сотни народу под Ростовом ночью несут мешки со стрижеными колосьями. Актив «висит» на телефонах, получает дутую отчетность, а массовой работы не ведет.

ПУТНИН. В Таганрогском и Матв[еево]-Курганском районах много хуторов, распыленность сельсоветов и колхозов. Из 18 тыс. лошадей

осталось только 8 тыс. из-за сапа. Большое сопротивление хлебозаготовкам. У коммунистов в станицах и хуторах часто нет возражений против кулацких выступлений. Партия вводится в заблуждение. Отчетность по ряду колхозов оборачивается против нас. Счетный аппарат засорен чуждыми элементами. В некоторых колхозах урожайность низкая из-за скверной обработки полей. Некоторые колхозы едут со своей молотилкой на Украину и там меняют пуд на пуд пшеницу яровую на семена озимой ржи.

ИВНИЦКИЙ. В Краснодарском районе большое сопротивление хлебозаготовкам. Коммунисты не принимают мер против хищения хлеба. Сильно развиты ручные мельницы.

ПИЛЯР. Цифры привлеченных к ответственности. Общие рассуждения о классовой борьбе. Недавно вернулся из отпуска и еще не вошел в курс дела.

ФРИДБЕРГ. За хищения хлеба привлечены 3 тыс. человек. Приговорены к расстрелу 150 человек. Кассац[ционная] коллегия Верхсуда рассмотрела пока 28 дел, 5 утвердила, 19 заменила 10 годами, 2 отменила, 2 прекратила. Из 3 тыс. — 1 300 на 10 лет, остальные на меньшие сроки, около 10% дел прекращено. На хищения направляют стариков, вдов, матерей с детьми, чтобы меньше наказали, если поймают. Мы рассматриваем дела в 10-тидневный срок, но слишком медленно они проходят через Верхсуд.

ШЕБОЛДАЕВ. Цитирует решение пленума КИКа от 1.IX. К анализу считает ненужным ничего добавлять. В этом году сопротивление больше, чем в прошлом. Ряд колхозов организованно выступает против хлебозаготовок, некоторые ячейки в целом идут в хвосте кулацких настроений. Учет посевов площадей и урожайности превратился в орудие борьбы против нас. Холодок в настроении колхозников. Но с озимой пшеницей плохо. Из-за переключения внимания [к] севу ослабили заготовки и разверстку снижения плана. Возможно, это ошибка. Мы оттягивали драку, не дали концентрированного удара по отстающим районам. Надо снизить план, а потом со всей жесткостью бороться за проведение. Подсолнух требует проверки урожайности. Как быть с семенным фондом яровых и с животноводческими фермами?

КАГАНОВИЧ. Задача группы, присланной ПБ. Совместно с крайкомом и активом. О снижении плана — в конце. Но о снижении нельзя говорить, когда план выполнен на 39%. Мы не можем пойти на скрупулезные расчеты баланса хлеба. Нас обманут в том случае, это будет означать отказ от заготовок. Ошибки: потеряли первые месяцы,

отчасти из-за дождей, затянувшейся уборки, долго провозились со скидками и демобилизовали районы, слишком механически поняли поворот к севу, а мужик диалектически связал сев с заготовками («раз у меня нечем сеять, как можно что-либо заготовлять»). Не на высоте оказались некоторые сельские парторганизации. А плохой коммунист хуже, чем вообще нет коммуниста, так как он партбилетом освящает, благословляет кулацкие настроения. Несомненно, среди приезжавших с Украины были организованные группы, ведшие работу, особенно на Кубани, где украинский язык. К колхозам нельзя подходить идеалистически, по-народнически. ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ? Объявить на черную доску 3–5 станиц, в них запретить торговлю, провести чистку, провести несколько процессов с опубликованием в печати. В 31 ведущий район уполномоченными послать крупных людей — членов бюро крайкома, КК, КИКа. Пустить слушок о переселении с Севера на кубанские земли крестьян, которые лучше будут обрабатывать кубанские плодороднейшие земли.

ВЫДЕЛЕНЫ ШЕСТЬ КОМИССИЙ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПРАКТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (о Кубани, о планах по районам, о чистке парт. и комсом. организации, о комсомоле, по линии Кр. Армии и ОГПУ).

2 ноября

В 11 часов открылось совещание 26 секретарей райкомов (преимущественно кубанских). Секретари делали информацию о ходе сева и хлебозаготовок.

1) Сюр — Тимашевский район. Рядом цифр иллюстрирует лучшую уборку по сравнению с прошлым годом. На 1 сентября 1931 года было посеяно 17 тыс. га, в этом году на это же число — 32 тыс. га. В прошлом году сеяли до 1 декабря. Поэтому из 50 тыс. га озимых погибло 15 тыс. В 1931 году на 1 ноября сдали 48 тыс. тонн, а в этом только 1,5 тыс. тонн. Признает это позорным. Семена изыскиваются из 2-х и 3-х сортов. Утверждает, что часть скота придется сдать государству из-за отсутствия фуража. Много случаев ночных хищений хлеба. 150 человек осудили. Половина женщин не выходит на работу — они опора кулака. Кулаки запугивали анонимными письмами и имеют влияние на коммунистов.

2) ИГНАТЕНКО — Ейский район. Посеяли 43 тыс. — 56%. Думаем засеять 63 тыс. га. Острый вопрос — семена. Есть настроения: «Чем меньше посеем, чем меньше обмолотим, тем больше распределим на трудодень». Колхоз Ново-Щербиновской станицы, получивший

Красное знамя за весенний сев, сейчас разложен наемным счетоводом — белогвардейским офицером. Отвратительно работает МТС — 70% тракторов не работает. Наши просчеты по урожайности подвели всех. [...] 22 тыс. тонн хлеба не выполним.

3) ЧЕРКАСОВ — Ново-Александровский район. Если мы ничего не оставим скоту, то сможем дать 8 тыс. тонн кукурузы. Районная комиссия определила урожай кукурузы в 3 цен[т]. с га, а мы считаем 5 цен[т]. с га. Судебными органами отобрано 380 цен[т]. хлеба у воров. В зерносовхозе один коммунист вывез 40 пудов хлеба на автомашине. Вез на базар. В полях много мышей. Из оставшихся 15 тыс. тонн хлеба сможем дать только 8 тыс. тонн.

4) ПОВАЛЮХИН — Армавирский район. В станицы вернулось много кулаков. Напр., в Вознесенскую станицу — 30 кулаков. Колхоз «Свобода» вернувшимися 25 кулаками разложен. Имеется саботаж в работе. Вместо того, чтобы убирать кукурузу, колхозники сидят в поле и плетут корзинки из кукурузных листьев.

В ряде сельпартячеек — паника. Ряд предколхозов отказались выполнять хлебозаготовки. На общ[ественное] питание выдано 2 900 тонн, или 350 грамм на 1 трудодень. За спекуляцию хлебом привлекли 50 человек. Агрономы сильно сопротивляются севу семенами 2-го и 3-го сорта. В поисках семян производим повторный обмолот. Дает 16–20 кг с 1 га.

5) ЛЯЩЕНКО — Тихорецкий район. В ряде колхозов основное требование — обеспечить хлебом по 10 пуд. на трудоспособного и 5 пуд. на нетрудоспособного. Выдали аванс по 440 грамм на трудодень. Были случаи, когда прибывшие за хлебом автомашины отгонялись порожняком от молотилок обратно.

Воровство хлеба начиналось с колоска, в первую очередь посылались ДЕТИ. Рассказал о случае с Котовым (с. Отрадная, колхоз им. 1[-й] Конной).

Сможем посеять 53 тыс. га из 83 тыс. по плану. Но для этого требуется получить 119 центнеров семян.

6) ПОМАЙЗЕЛЬ — Брюховецкий район. Из-за отсутствия семян можем посеять только 48% плана. Воровство производится мелкое и массовое. У молотилки работает 40 человек, а около нее 150 человек обирает колосья. Юстиция слаба. За кражу 20 хомутов и 4 лошадей из колхоза преступники приговорены к высшей мере наказания. На суде присутствовала женщина, В ПРОШЛОМ ГОДУ ПРИГОВОРЕННАЯ К РАССТРЕЛУ. После суда она говорила: «Все равно дадут амнистию и освободят». На 1 трудодень дали 820 грамм хлеба.

7) ПЧЕЛИНЦЕВ — Майкопский район. Сев выполнили на 43%. Семян имеем только на 56% плана. Ячмень и овес у нас погибли. Коммунисты в станицах плетутся в хвосте. Исключили из партии 10 человек. Колхозникам сможем дать не более 1 кгр на трудодень.

8) ДЕНИСЕНКО — Мечетинский район. Из 76 колхозов одна треть уже прекратила сев из-за отсутствия семян. Имеем необмолоченных 17 тыс. га яровой пшеницы. Средний урожай подсолнуха предполагался 6 центнеров с га, а соберем 1 цент. Можем дать 4 тыс. тонн пшеницы в том случае, если не давать по трудодням.

9) ШУБИН — Константиновский район. План хлебозаготовок выполнили на 35%. Сдали свыше 34 тыс. тонн, а в прошлом году за это же время 17,5 тыс. тонн. Обмолочено 52%, закончим обмолот к 1 декабря. Не заскирдовано 3 тыс. га. Коммунисты и комсомольцы не знают заданий району, станице, колхозу. 27 председателей колхозов не знают, по какой цене они сдают хлеб. Мы просили у крайкома скидку на 30 тыс. тонн, но нам отказали. (Во всей речи сильно путает цифры и расчеты, сумбурное выступление.)

10) ГРИГОРЬЕВ — Ново-Покровский район. Погибло 11 тыс. га озимой пшеницы. Смогли дать колхознику по 880 грамм на трудодень и ударнику по 4 пуда на едока за все трудодни. Если в прошлом году колхозники просили промтовары, то теперь просят обеспечения хлебом по 1 пуду в месяц на едока. Для воровства у молотилок колхозницы пошили себе широкие штаны, носят их под юбками и во время уборки подсыпают себе в эти штаны по горсточке. А получается около пуда за раз.

11) ЛЫСЕНКОВ — Сальский район. Большая пестрота урожая. У одних колхозов — 30 центн. с га, в других меньше. Средний по району 1,1 цент.

12) КОМАНЕВ — Отрадненский район. Сев выполнен на 50%. На 3 тыс. га посеяли больше, чем в прошлом году на это же число. Хлебозаготовки выполнили на 18%.

13) СТЕПАНОВ — Кореновский район. У единоличников, не сеявших яровых, находят по 10 пудов хлеба. Единоличник отказывается от земли в поле, засевает усадебную землю культурной сахарной сорго, выгоняет из нее мед, не выполняет заготовок, не платит налога, а зарабатывает до 1 000 рублей. Секретарь партячейки МТС взял муку в Ростов для обмена в Крайтракторе на запасные части, а остальное продать на базаре.

14) СВИТНЕВ — Кропоткинский район. Семян не хватает на 14% плана. Единоличники не сеют. Совхозы сильно отстают. Разрыв между вспаханной и засеянной площадями 3,5 тыс. га. Низка производительность. Весной сеяли в день 2,5 га на бункер, а теперь только 1,5 га. В

МТС из 224 тракторов не работает 99. За воровство в совхозах 2 приговорили к высшей мере. В хлебозаготовках имеется кулацкое сопротивление и большой «патриотизм» у коммунистов.

15) ШЕБОЛДАЕВ. Выступления секретарей производят угнетающе тяжелое впечатление. Нет боевого настроения бороться за хлеб. А некоторые перед лицом представителей ЦК говорят неправду. Слишком легко говорят о вопиющих недостатках и безобразиях в районах. Не чувствуют своей ответственности. У секретаря Мечетинского райкома даже тревоги за семена нет. Секретарь Обливского района выступил с заявлением, что у них нет семян, а райком прислал официальную телеграмму, где обещает закончить сев к 1 декабря. Секретари пытаются спекулировать на трудностях и сбросить 2/3 плана. Занимаются статистикой, а она большей частью кулацкая. Разучились за цифрами видеть классы и их борьбу. Это особенно видно из выступления Шубина. Основная политическая задача — сломить сопротивление, начиная с вас, секретарей райкомов, и кончая колхозниками, добиться, чтобы не было в деревне единого фронта против хлебозаготовок и сева. Надо до конца доводить репрессии, чтобы не смеялись над нашей близорукостью. Самая большая опасность, что некоторые сельские парторганизации потеряли свое большевистское лицо. Признает ошибки крайкома, что он недостаточно своевременно (должен был раньше взять решительный курс) ударил по саботажу хлебозаготовок и сева. Призывает дружной работой обеспечить выполнение плана.

16) ЧЕРНОВ. Сопротивление хлебозаготовкам есть у секретарей райкомов. Секр. Ново-Александровского райкома в выступлении обещал дать 8 тыс. тонн из 15, а спустившись в комиссию, потребовал снижения на 12 тыс. тонн. Брюховецкий секретарь на совещании просил снизить на 7 тыс. тонн, а в комиссии на 9 тыс. тонн.

Кубанские районы смело могут выполнить сниженный план. Первоначальный план по кубанским районам был 785 тыс. тонн, 1 раз скинули 215 тыс. тонн, осталось 570 тыс. тонн, заготовили 195 тыс. тонн, осталось 385 тыс. тонн. А секретари дали заявки на скидку 220 тыс. тонн, то есть хотят фактически ПРЕКРАТИТЬ ЗАГОТОВКИ, оставляя всего 160 тыс. тонн — 10 млн. пудов. И это тогда, когда еще не убраны 350 тыс. га кукурузы, которой одной можно перекрыть оставшийся план.

В 1928 г. вымерзло 1 млн. га озимой пшеницы, и то дали государству 346 тыс. тонн пшеницы. А в этом году сдали только 109 тыс. тонн. В чем причина? В кулацком сопротивлении и размагничении парторганизации. Секретарь Славянского райкома Алексеев в комиссии прямо

заявил: «Мы между молотом и наковальней, между орг.-хоз. укреплением колхозов и выполнением государственных заготовок». Он, таким образом, противопоставляет одно другому, не понимает, что без государственных заготовок нельзя выковать и по-большевистски укрепить колхозы.

Секретари оперируют цифрами. А как они проверяли балансы хлеба? Они гордятся тем, что считали наличие хлеба по амбарам плюс учтенный розданный хлеб. А сколько разворовано до поступления хлеба в амбары? В результате такого учета получается, что на хорошей земле в ст.[-це] Н.-Полтавской ячмень дал 2,5 центн. с га, а на гораздо худшей земле в стан. Николаевской 8 центн. В одной станице разворовали значительно больше, чем в другой.

Нельзя говорить о неурожае на Сев. Кавказе. Мы имеем лишь пониженный урожай. А с 1 га сдают меньше, чем в прошлом году в неурожайных районах Зап. Сибири и Казахстана (2,5 пуда с га, а в вост[очных] районах брали по 9–12 пудов).

Когда раздавали авансы, то урожайность преувеличивали, а сейчас преуменьшают. Сейчас такая же история начинается с кукурузой. Разговорчики о мышах должны оправдать двуногих мышей. Кукурузу нужно убрать не позднее 20 ноября. То же с подсолнухом.

17) ШКИРЯТОВ. Не было в речах мобилизующей воли. Не было мобилизации партии и масс вокруг конкретных вопросов для отпора классовому врагу, напр. по вопросу об Украине. У секретарей притупилась большевистская бдительность. Что это за разговорчики у секретаря Кропоткинского райкома о директоре МТС: «Он коммунист неплохой, но подпал под влияние классового врага».

Мы начнем чистить станичные ячейки и районные организации.

Плохо работает прокуратура. Но виноваты и секретари. Нельзя сказать: «Предал суду, а дальше не мое дело». Вас все должно касаться, как осужден, сидит ли и т. п. [...]

18) МИКОЯН. На Кубани трудности в работе. Исходя из пониженного урожая, ЦК пошел на снижение хлебозаготовительного плана. Но прения показали, что вы это неверно воспринимаете. Мы снижаем план, чтобы облегчить борьбу с классовым врагом и за хлеб, а в речах некоторых из вас сквозит желание кончить борьбу за хлеб.

Недосев грозит по Сев. Кавказу в будущем году потерей 100 млн. пудов. Используя трудности, классовый враг организует саботаж сева и хлебозаготовок, а это основы колхозов и партийной политики в деревне. Дело Котова — симптоматичное явление. Это кронштадтское

явление, вылазка кронштадтцев. Выявив его, в Тихорецком районе не сумели организовать процесса. После суда Котов вышел с ореолом героя, мученика за народные интересы.

Кулак обнаглел. Мне передают, что беглых кулаков в некоторых станицах даже коммунисты не выдают. Безобразие, что когда выносят расстрел, в зале приговор встречается смехом. А некоторые честные коммунисты так размагнитились, что по-народнически подходят к колхозу. А что это за колхоз, в котором весь учет и отчетность ведут 4 кулацких сынка? Секретари выступали с цифрами, забывая спросить, а кто эти цифры считал, как его фамилия, какое его классовое лицо. Нужна суровая проверка сельских партийных организаций, насколько они готовы к боевой партийной работе.

19) КАГАНОВИЧ. Ваши выступления, к сожалению, по-видимому правдиво отражают настроения кубанских парторганизаций.

Большевики всегда обогащали практику ясностью перспектив. Вы работаете много. В лености вас никто обвинить не может. Но в своей работе многие из вас потеряли прицел. Мы изучаем жизнь, но перерабатываем полученные факты по-своему, по-большевистски. Большевик не может быть простым фотографом, а вы оказались им.

В чем особенности настоящего момента? Генеральная линия партии победила. Против нее не осмеливаются выступать открыто. Но классовый враг продолжает борьбу против нас в замаскированных формах. Он сейчас не выступает открыто против колхозов, но пытается, местами используя слабости низовых коммунистов, превратить колхозы в своеобразные крестьянские союзы. Вы за генеральную линию, но на практике спускает[есь] до уровня людей против генеральной линии.

Мы поднялись на гигантскую высоту. В кубанских районах МТС обслуживают 87% колхозов. Мы индустриализовали нашу страну. Но у нас трудности освоения, переработки новых средств производства, нового строительства. Это очень остро стоит в промышленности, еще острее в сельском хозяйстве, где остра классовая борьба. А наши сельские коммунисты — честные не учли, не разглядели, не поняли новых форм классовой борьбы, а худшие стали во главе кулацкого саботажа севу и хлебозаготовкам. Кулак сейчас выступает за колхоз, но против государства. А парторганизации Кубани находятся в лучшем случае в состоянии обороны, а не нападения. ОГПУ дало богатый материал о разложении и перерождении ряда сельских коммунистов (зачитывает факты по Тихорецкому и Кореновскому районам). За последние

2,5 года сельские парторганизации Сев. Кавказа выросли в 2,5 раза. Но рост организации не сопровождался должной работой, в том числе воспитательной. Вы слабо боролись с трудностями, а большевистская партия резко борется с нытиками и хлюпиками. Надо помнить, что не может быть жалости и мягкости к классовому врагу. Чем тверже, тем меньше придется применять репрессии. Котов — провокатор. Он ссорит крестьянство с соввластью на руку кулаку. К таким провокаторам мы должны быть безжалостны. Кто не способен на большевистскую борьбу — пусть скажет и отойдет. Кубань решает сейчас ряд вопросов и экономически, и политически. Какие мы наметили практические меры: возвратившись с совещания, вы должны собрать коммунистов или актив, затем председсельсоветов, использовать газеты [...], просмотреть важнейшие дела против нарушителей соц. собственности и неисправимых коммунистов, сгруппировать вокруг себя актив не по формальному признаку, а по существу, лучше меньше, но из проверенных и надежных коммунистов и лучших беспартийных, которые не сдрейфят. В агитации во всей широте поставить вопрос о государстве, соввласти, необходимости крепить оборону, давать хлеб армии. От обороны перейти в наступление. Почему мало хлеба? Потому, что плохо работаете. Объявить 3-4 станицы на черной доске. Прекратить завоз товаров в ряд районов.

ПОСЛЕ СОВЕЩАНИЯ СЕКРЕТАРЕЙ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ ПОСТАНОВЛЕНИЙ БЮРО КРАЙКОМА.

4 ноября

С утра совещание по совхозам, об осеннем севе, уборке кукурузы и заготовках в них. Намечены: а) мобилизация на месяц 11 тыс. чел. (3 тыс. осоавиахимовцев, 3 тыс. переменников, 3 тыс. комсомольцев, 1 тыс. партийцев и 1 тыс. начсостава РККА) с использованием старых шинелей, палаток, походных кухонь, терсборов под руководством СКВО для уборки кукурузы в совхозах; б) переброска машин (около 200–300 автотонн) зерносовхозам на месяц — для уборки и возки кукурузы в совхозах; в) примерные наметки разбивки задания по хлебозаготовкам по совхозам.

С 15 до 20 часов происходило совещание директоров зерносовхозов Сев. Кавказа. Из выступлений на совещании:

1) Ингушский зерносовхоз. Погибло 3 300 га пшеницы. Составил акт о списании. В оставшейся половина колоса пустая, так как дождь во время цветения смыл опыление. Собрал по 6 (шесть) килограмм с га,

то есть по 15 фунтов. Убирал, потому что было постановление Севкавкрайкома обмолачивать все погибшие площади. Совхозу нужно помочь хлебом.

2) Чеченский зерносовхоз. Нужно обеспечить рабочих зерносовхозов централизованным снабжением хлебом. Из 12 800 га пшеницы погибло 9 тыс. С 15 га намолачивал 1 центнер. Урожай кукурузы в среднем 15–16 центн. 15 тонн кукурузы в зерне. Трактора — значительная часть не работает, так как нет запасных частей, преимущественно поршней. [...]

3) Гигант — Косько. Позднее созревание вызвало пониженную урожайность. Дальше повторяет общие фразы о пониженном урожае и трудностях работы.

4) Глубокинский зерносовхоз — Павлов. 11 лет директорствую в совхозах. Совхоз — не завод. На заводе испортил одну гайку, вторую можешь сделать исправной. А в совхозе нельзя ошибаться, ошибки непоправимы, один день весь год кормит. У нас не совхозы, а бандитизм, и мы бандиты. Так варварски мы обрабатываем землю. На поле выбрасывается половина урожая. Я писал уже т. Яковлеву, что если мы так будем хозяйничать, то из России царской и хлебной сделаем Россию социалистическую, но без хлеба и семян. [...]

5 ноября

Утром, по приезде в Краснодар, беседа с секретарем райкома Багровым (в Краснодаре всего лишь с октября, до этого был секретарем Приморо-Ахтарского райкома) и предрика Савиным. Окончательный план заготовок для района установлен в 18,75 тыс. тонн, против 28,5 тыс.тонн первоначального плана. Сдано по 5 ноября всего 7,4 тыс. тонн, 40% плана. Засеяно 18 тыс. га, 27% плана.

В 12 час. поехали в ст.[-цу] Ново-Титаровскую. По дороге присутствовали на собрании 1-й бригады колхоза № 4. Завхоз Войсковик делал отчет правления. Засыпал собрание цифрами. Спокойно сообщал о большом падеже скота и потерях, а также о невыполнении плана сева и заготовок (впоследствии выяснилось, что Войсковик жулик, был в белой армии, взят в плен в 1920 году у Адлера). Собравшиеся спокойно грызли семечки и не реагировали на сообщения о падеже, потерях и невыполнении плана. Характерны ответы колхозников на заданные т. Кагановичем и др. вопросы: «Как работают?» — Уклончиво: «По-разному», запальчиво: «С чего работать, сегодня получила 90 грамм хлеба», «Раньше хорошо работали, зато досыта ели, а теперь в мерку хлеба дают», «Конечно, не как в своем хозяйстве»,

«Заинтересованности нет, сегодня бригада работает на одном участке, а завтра ее перебрасывают в другое место», «Трудодень женщины выработать не в силах, устают, от этого плохое качество молотьбы» и т. п. Все признавали, что воровство идет кругом и повальное. В обмолоченных колосьях около молотилок — не вымолочено до одной трети зерен. Масса зерна рассыпана по току и никем не подбирается. Много зерна идет в топку (вместе с соломой).

Пахота около станицы идет (лошадьми) безобразно. До трети земли остается вообще нетронутой. Сев идет бесконтрольно, производится неопытными девушками.

В станице Н.-Титаровской познакомились с работой отдельных колхозов. Колхоз № 4 скрыл количество пшеницы 2-го сорта. Показал, что имеется 30–40 центнеров, а на деле выяснилось 250 центн. В колхозе № 1 за 2–3 ноября обмолотили 40 га, а в табличке не показали увеличения обмолота ни одного центнера. Станичные и районные власти эту «статистику» штамповали и включали в общие сводки, снижая размеры урожайности.

В колхозе № 7 (переселенческий из Ставрополя) — председатель Шустов — краснознаменец; счетовод Перов производит впечатление жулика (бывш[ий] член партии), раньше работал весовщиком на мельницах. Сводки и отчетность составляет на основе записок бригадиров безо всякой их проверки. Сама форма отчета составлена головотяпски: «свезено в амбары или роздано колхозникам» — все это включено в одну графу. Авансами на трудодень колхоз раздал по 600 грамм, да дает общ. питание по 800 гр. в день плюс 200 грамм муки на приварок. Амбары фактически раскрыты, на части совсем нет замков и ключей, на части ключи висят в пробоях замков. Председатель колхоза сообщил, что он задержал 20 чел. на колхозных полях, воровавших колосья и кукурузу. Передал их в милицию. О дальнейшей судьбе не знает. В колхозе 3 коммуниста, 4 канд. партии и 8 комсомольцев, а всего 307 трудоспособных и 830 едоков.

В станраде (сельсовете) кроме председателя и арестованных — больше народу нет. Посетители не ходят, их сельсовет оставляет в покое и они не волнуются. Предстанрады Козорезов — краснодарский рабочий зарылся в статистические таблицы, беспомощен. На единоличников не нажимает и никакой работы среди них не ведет. В станице 1300 хозяйств единоличников, план — 7 тыс. центнеров хлеба сдать, а пока сдано всего 200 центнеров. По 61-й статье никого не привлекали. Единственная надежда Козорезова — комсод. Пленум сельсовета созывает раз в месяц. Единоличников и рядовых колхозников на нем не бывает. Собраний о плане хлебозаготовок не проводил. Ограничился «проработкой» в политдень, преимущественно в колхозных бригадах.

На пленуме сельсовета с возражениями плану никто не выступал и хлеба не сдают. Колхозники и единоличники отмалчиваются. План предполагают частично выполнить за счет 2-го и 3-го сортов пшеницы и за счет кукурузы.

Вечером состоялось собрание районного партактива. Отчитывались директора МТС и секретари партячеек.

Директора МТС основную причину невыполнения плана сева видели в невыходах и невыполнении нормы выработки рабочей силой. Отношение к качеству работ легкомысленное (напр., Серегин – Ново-Титаровская МТС на реплику т. Кагановича об отвратительном качестве пахоты на поле колхоза № 4 отмахнулся тем, что плохое качество пахоты дело поправимое (?).

Все директора МТС признают, что воровство идет большое, примерно уворовано 20–30% всего хлеба. Тов. Серегин предлагал сильнее нажать на единоличника, который рассуждает так: «Нажимайте на колхозника, а не на меня, я для соввласти свободный, а не подневольный человек».

Алябьев (Динская МТС) жаловался на недостаток запасных частей (поршней). Директор Н.-Величковской МТС засыпал собрание цифрами по тетрадочке, а когда его спросили (не по тетрадочке) самые элементарные сведения — сколько посева всего, сколько убрано,— он не мог ответить, мотивируя плохой памятью и тем, что он в МТС всего несколько месяцев.

Директор Марьяновской МТС Ерошенко — член партии с 1918 г., служащий, несколько недель назад подал заявление об уходе из партии. На собрании, когда тов. Каганович задал ему об этом вопрос, признал, что совершил ошибку, и просил его не считать дезертиром и в партии оставить.

Секретари ячеек большей частью выступали как суррогат хозяйственников. Оперировали цифрами, путались в них, но толком не могли рассказать о политических настроениях, лице и методах работы классового врага (отделывались общими фразами, что классовый враг есть, но по фамилиям назвать не могли), приемах и каналах воровства колхозного хлеба. Тов. Кравцов (станица Н.-Титаровская) характеризовал настроение станицы как пассивное, молчащее и выжидающее. Анисимов (Марьинский станпартком) сообщил, что по анонимке нашли у одного колхозника в 7 ямах, в сарае и в хате 72 пуда кукурузы и 30 пудов ячменя. Пшеницы не находят в ямах. Пшеница есть, но ее своевременно не изъяли.

Анисимов (Марьинка), несмотря на ряд вопросов т. Кагановича, не мог рассказать конкретно, с фамилиями, настроения своих крестьян.

Рассказал только, что при проработке сентябрьского пленума ЦК в одном из «кубиков» (на собрании единоличников) один зажиточный задал вопрос: «Нам ничего не дают, а хлеб с нас берут, что мы будем есть?» Вместо того, чтобы ему ответить, его просто вывели с собрания под предлогом, что он выпивши.

Содержательнее других было выступление секретаря Старо-Корсунского станпарткома т. Ткаченко. Кулаки из станицы убраны, но остались их охвостья, а также разные лишенные избирательных прав до 250 человек. Выступают не против колхозов, а против сева и заготовок. В коммуне было провокационное ограбление лучшей колхозницы-ударницы неизвестно кем. Подозревает, что кулацким элементом. В своей работе опирается на 110 членов и кандидатов партии, красных партизан (50 чел.) [...], на комсомольцев, некоторых колхозников и колхозниц. Летом в одном из колхозов вспыхнула забастовка из-за отсутствия хлеба. Тогда Ткаченко сагитировал садоводческую бригаду, не бросившую работу, показать пример и повести за собой колхоз. Это удалось, и забастовка рассосалась. А вот при проработке постановления правительства об использовании лошадей единоличников на колхозной работе собрание было не подготовлено и оказалось сорванным. 116 единоличников обратились в РИК за семенами. Это произошло через голову станичных организаций из-за слабой их работы. Когда Ткаченко прикрепился к одной колхозной бригаде, то первые два дня колхозники его чурались и молчали, а потом сошлись и стали более разговорчивыми.

В заключение выступили тт. Шеболдаев, Чернов и Каганович. Тов. Чернов подверг критике выступления. Одни молчали, двое сказали, что не выполнят плана, остальные обещали выполнить, но по-разному. За шестую и первую пятидневку из 65 колхозов 40 ничего не сдали. Оказалось, райком партии до сих пор не имел учета хлебосдачи по колхозам, а только по станицам.

Тов. Шеболдаев зачитал постановление крайкома о кубанских районах, сообщил о предстоящей партийной чистке.

Тов. КАГАНОВИЧ. Некоторые понимают классовую борьбу упрощенно. Только контриков (белых офицеров) различают. Классовая борьба в гражданскую войну, при нэпе, ликвидации кулачества и теперь. Кулак сейчас бьет по плохой обработке полей, добивается пониженной урожайности и расхищения хлеба. Саботаж сева и заготовок — вот где классовая борьба. «Для себя посею, а государству сеять не буду, пусть дохнет с голоду». Дело идет не только о заготовках, но и

о судьбе колхозного движения. Коммунисты на Кубани в этой обстановке растерялись. В деревне не слышно уверенного, знающего, твердого голоса. Боятся идти к колхознику. Другая часть коммунистов на поводу у кулака: «Как же мы останемся без хлеба». Часть таких коммунистов находится и среди присутствующих здесь. Надо помнить, что старый партийный стаж не страхует. Были Зиновьев и Каменев членами ПБ, да выдохлись. Такого рода коммунисты внутри себя думают, как кулак. Вот для них-то и нужна чистка. А для честных коммунистов чистка поможет им решительнее бороться за генеральную линию партии на деле. Кубань имеет свою большую особенность. Здесь партия должна быть всегда начеку. На Кубань смотрит не только Сев. Кавказ, но и весь СССР. Кто не будет сеять, мы найдем кем заселить. Далее приводит факты из поездки в ст.[-цу] Н.-Титаровскую.

Краснодар — центр Кубани. Город тоже несет ответственность. 9 000 коммунистов города на позорной доске. Горком должен выделить 50 отв. работников и бросить их в 60 колхозов. Нужно формировать и выковывать актив из самих колхозников. Без него вы не сдвинете работу. «Через 10 дней я еще буду на Сев. Кавказе. Дайте прямо слово, что к 20 ноября выполните план сева и заготовок».

БАГРОВ. К 20 ноября мы обязуемся смыть позорное пятно по севу и заготовкам. (Л. М. [Каганович]: «Если не с вами, то через голову вас выполнить план».)

ДЛЯ ПАМЯТИ

Разные реплики Л. М. [Кагановича] 5 ноября:

1) Два-три года назад у нас был актив, группы бедноты, на которых мы опирались, теперь же разговор по душам с крестьянином заменили торжественными заседаниями и «проработкой», актива нет, вместо живых людей статистические таблицы, людей разбили по «кубикам».

2) Молчание отражает настроение саботажа. Лучше, чтобы говорили, ругались, чем отмалчиваются.

3) Секретари ячеек не должны быть суррогатом хозяйственников, меньше копаться в цифрах, а больше изучать живых, конкретных людей, их знать персонально, опираться на актив, улавливать настроения.

4) Формирование колхозного актива — первоочередная задача.

5) В сельсоветах нет посетителей, благодушные настроения, потому что власти активно не нажимали на единоличников, не боролись за заготовки и сев.

6 ноября

Утром прибыли в Тимашевскую. Краткая беседа в вагоне с секретарем райкома Сюр и уполномоченным крайкома Матвеевым. Рассказывали о проведенном пленуме стансовета Медведовской. Матвеев заявил: «Медведовская плана не выполнит. У них плохой урожай. Я сам видел убранные только хвостики (кукурузы)». Матвеев дал интересную таблицу сдачи хлеба на 5 ноября с 1 га: колхозники 0,5 центн. при плане 1,1 ц., единоличники 0,1 центн. при плане 5,1 центн., твердозаданцы 0,03 центн. при задании 6,4 центн.

Сюр считает средний урожай озимой пшеницы по району в 3 центн. ввиду гибели 15 тыс. га из 48 тыс. га.

СТАНИЦА МЕДВЕДОВСКАЯ

В стансовете никого из местных руководителей не застали. Завкультпроп работает лишь 10 дней (переброшен из Тимашевской МТС). Станица имеет 4 000 дворов, в том числе 1 300 единоличников,— 24 тыс. жителей. Количество единоличников увеличилось за год с 800 до 1 300 дворов за счет 200 вышедших из колхозов и дробления хозяйств.

Станица в 1931 году сдала 830 тыс. пудов хлеба (в том числе 470 тыс. пудов пшеницы), а в 1932 году при плане в 350 тыс. пудов сдала на 5.XI 140 тыс. пудов, то есть в 6 раз меньше, чем в прошлом году.

В 1918 году станица была базой белогвардейщины, имела казачий гарнизон, много офицеров. На площади до сих пор стоит мраморный памятник с десятками фамилий убитых и без вести пропавших генералов, полковников, офицеров с войны с 1878 года по 1908 год.

Из станицы выселено 146 кулацких семей, переселено 178 белогвардейских семей, изъято 230 чел. активно действовавшего контрревол[юционного] элемента.

45 кулаков вернулось и быстро осваиваются. Заводят по паре лошадей для спекуляции.

Осенний сев выполнен колхозами на 71%, осталось сеять 2 700 га (единоличниками на 60%), на 1000 дворов имеют план сева 550 га, посеяли 293 га, а в 1931 году ими посеяно 2 200 га. [...]

КАГАНОВИЧ. Чего хлопаете, уже прохлопали. 400 коммунистов и комсомольцев станицы, если бы они хорошо работали, не допустили того, что есть. Они забыли азбуку коммунизма, что нет единой станицы, а есть кулаки, середняки, беднота. Кулак пролезает в колхоз с тем, чтобы быть там равным. В колхозе есть люди, которые против колхоза и ждут его развала. За колхозы надо еще бороться. Сегодня 15 лет

борьбы за сов. власть. Но борьба еще предстоит. Не только с Японией. Для борьбы нужно объединить лучших людей, активистов. Если колхоз разваливается — вся жизнь разваливается. Пусть останутся действительные борцы за колхоз. А не так, как у вас сейчас,— каждый сам по себе: актив сам по себе, колхозники сами по себе, коммунисты сами по себе, единоличники сами по себе. Коммунисты в первую очередь виноваты в плохой обработке и низком урожае. 1 центн. с га получился после срезки и вытряхивания колосьев в поле. Мы не называем вас кулаками, но можно не быть кулаком, но помогать ему. Нет еще у многих такого отношения к общ. собственности как к своему. Вот такое отношение к общественному добру и есть кулацкая идеология. Колхоз — неизбежная историческая организация. Трактор межи не терпит. Сов. власть добивается адский труд заменить машинами. Мы сумеем добиться высоких урожаев. Мы в Москве не допустим, чтобы на хозяйство сеяли только по 1,5 га. Предстанрад должны выявить всех единоличников и добиться, чтобы они сеяли. Мы переселим на Север тех, кто не хочет сеять. Ваша станица перешла на борьбу с совластью. Надо взяться за ум. Если вы сегодня скажете — позвольте на слово не поверить. Докажите делом. План выполните, не только товар вернем, но еще прибавим. [...]

8 ноября

ОБЩЕСТАНИЧНОЕ СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ И ЕДИНОЛИЧНИКОВ

Назначено было на 12 час., началось в 13-30. Присутствовало свыше 600 человек, примерно около 1/3 единоличников, 1/3 колхозников и 1/3 прочих, так называемых служащих, интеллигенции и рабочих железной дороги и плавстроя.

Не обошлось без курьезов. Стансовет разослал разверстку по колхозам — снять со всех видов работ и выслать на собрание определенное количество людей. В ряде колхозов это распоряжение удалось приостановить.

Предстансовета Черток сделал короткий доклад и зачитал решение крайкома о Кубани. На 8 ноября станица выполнила 10% плана хлебозаготовок, 16% по колхозам и 7% по единоличникам. По севу — 35% колхозами и 29% единоличниками. Рассказал о фактах, когда гражданка Бреус для вида питалась огурцами и кабачками, а у нее нашли спрятанными 200 пудов зерна. Другой единоличник Сивожов плакался, что голодает, а у него нашли 170 пудов. Третий единоличник в 13 квартале (где комсод лучше работает) заявил, что сеять не будет, так как нет семян, а у него нашли 50–60 пудов озимой пшеницы.

После доклада Чертока народ молчал. Потом стали выступать подготовленные станичными работниками ораторы. Основной тон — паника перед происходящим, митинговые заявления о поддержке линии партии и рассказы о своей практике. А у ряда — практика работы в комсодах — христарадническая – посей хоть горсточку, сдай хоть немного, чтобы мне, комсодовцу, как-нибудь «перед ними» оправдаться (Скорко из 11 квартала и др.).

Интересные выступления двух колхозниц — бывших батрачек. Заявляли, что за последнее время кулак обнаглел, что в колхозе многие мечтают, чтобы колхоз развалился, сами не работают, а спекулируют, посылают за себя работать пацанов, а какая от пацана на пахоте работа, как требовать качество. Просьба колхозниц — к советской власти — одернуть кулаков и лодырей, выслать их из края, но отметить работу добросовестных колхозников и не оставить их без куска хлеба и промтоваров.

После выступления Шеболдаева, в весьма резкой форме поставившего вопрос о репрессиях по отношению к Полтавской станице, собрание несколько оживилось, но по-прежнему единоличники молчали, а выступали в форме реплик и вопросов единоличницы:

«Плохой урожай из-за плохого сева. А сев плохой, потому что единоличникам в прошлом году поздно выделили землю».

«Землю выделили не поздно, а вы сами ждали, пока развалится колхоз, чтобы получить землю получше».

«Как работать единоличнику, когда его скот гонят на другую работу».

«Что в колхозе работать, что единоличником, все равно ничего нет. Так, по крайней мере, единоличником себя работой не затрудняешь и не изнуряешь, как некоторые колхозники».

«Многие в станице говорят — не было машин, хлеб ели, а теперь сорняки сплошные. Чего работать — все равно все от нас заберут, вот в прошлом году какой урожай был, так по несколько раз заготовки проводили, пока не отобрали подчистую. Будем работать так, чтобы лишь на себя хватало».

«Забывают, что и в колхозах все не равны, каждый тянет свою сторону. Бедняк хочет колхоза, а большинство тянет к развалу колхоза. Пошли в колхоз не для того, чтобы крепить его, а чтобы ОТСИДЕТЬСЯ ДО ЛУЧШИХ ВРЕМЕН» (Гончаренко, колхозница колхоза «2-я пятилетка»).

«Говорят, больше сейте, а вот кто больше сеял, у того все отобрали и самого в тюрьму посадили».

СХЕМА ВЫСТУПЛЕНИЯ тов. КАГАНОВИЧА
(говорит на смешан[ном] украинском языке).

Не сеющие и не сдающие хлеба кубанцы идут и не знают, куда идут, к чему их приведет такое поведение. А приведет их к борьбе против сов. власти, к восстановлению капитализма. Кулак теперь пролезает в колхозы, борется не с колхозами, а против сева и заготовок, против государства. Важен не физический кулак, а кулацкая идеология. Основа ее – враждебное отношение к общественной собственности. Частная собственность, дескать, была от бога, а общественная от черта, ее сам бог велел расхищать. С этой кулацкой идеологией мы ведем решительную борьбу, так же, как и со старыми традициями, пережитками единоличника.

Но нельзя быть против колхозов, нельзя остановить колеса истории, трактор не терпит межи, или совхоз-колхоз, или крупное помещичье хозяйство. Наши трудности. Индустриализация укрепила мощь и оборону страны и избавила нас от войны (напр., с Японией). 250 партийцев и 300 комсомольцев вашей станицы работают негодно. Правы колхозницы, рассказывавшие о борьбе внутри колхоза с кулацкой агентурой, пытающейся развалить и растащить колхозы.

Что же от вас, полтавцев, станичников, передать правительству — Калинину, Сталину, Молотову, Ворошилову, Буденному и другим? Если мы увидим, что в станице начался перелом, есть сдвиг, по-честному сдают имеющийся хлеб, мы пойдем навстречу, поможем вам. Если нет, советская власть найдет достаточно силы и крепости, чтобы переселить срывающих государственные задания на Север, а на их место переселить с Севера трудолюбивых крестьян. Кубанские земли — прекрасные эемли, они не заслуживают такого обращения с ними, как это делаете вы. Так засорить кубанские земли,— это ГАНЬБА (т. е. позор, подлость).

* * *

Вечером в вагоне т. Николаев рассказал о результатах обследования колхоза № 7 Н.-Титаровской станицы. Бухгалтер признался, что председатель и секретарь ячейки дали ему директиву не показывать поступившую пшеницу 2-го и 3-го сорта, а также велели переставить сита, чтобы было больше пшеницы 2-го сорта, которая не идет в заготовки, а остается для внутреннего распределения в колхозе. Мотивы предколхоза (краснознаменец) — не допустить до того, что колхозники-партизаны начнут разбегаться. Бухгалтер получал также приказания давать неверные фактически отчеты о нормах высева от предколхоза и стансовета.

Тов. Матвеев настроен насчет сева в Тимашевском районе пессимистично: «Что набьют, наскребут, то и в землю бросают. Да сейчас уже и сеять рискованно — поздно». Привел такие цифры сева по дням по району: 1 ноября — 766 га, 2-е — 959 га, 3-е — 467 га, 4-е — 720 га, 5-е — 761 га, 6-е — 726 га, 7-е — 434 га. Сдача по станице Тимашевской хлеба: 1-е — 156 т., 2-е — 121 т., 3-е — 66 т., 4-е – 56 т., 5-е — 136 т., 6-е — 145 т., 7-е — 203 т., 8-е — 290 тонн. По Медведовской станице — 7 ноября – 79 тонн, 6 ноября — 113 тонн.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 1—11, 13, 17—22, 36—38. Машинопис. Правлена копія.

45. Телеграма Й. В. Сталіна Л. М. Кагановичу з викладенням постанови ЦК ВКП(б) про додаткове зниження плану хлібозаготівель для Північного Кавказу

3 листопада 1932 р.

Шифровка № 1/6
Шеболдаеву, Кагановичу

Сообщается постановление ЦК (особая папка) от 3 ноября:

«Принять предложение Кагановича и Северо-Кавказского крайкома о дополнительном снижении плана хлебозаготовок по Северному Кавказу на 22 миллиона пудов, из коих 10 миллионов пудов по совхозному сектору (в том числе 8 миллионов пудов по Зернотресту) и 12 миллионов пудов по крестьянскому сектору».

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин.

Телеграмма получена в 16-30. Расшифрована в 17-15.

Подпись

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 19. Машинопис. Копія.

Примітки:

1. На документі є напис олівцем: « [1932] ».

2. Підпис нерозбірливий.

46. Проект рішення бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) спільно із представниками ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем, А. Мікояном, М. Шкірятовим, Я. Гамарником, Г. Ягодою, О. Косаревим, М. Черновим, Т. Юркіним «Про хід хлібозаготівель та сівби в районах Кубані»[1]

3 листопада 1932 р.

Ввиду особо позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед парторганизациями районов Кубани боевую задачу — сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованного кулацким контрреволюционным элементом, сломить в первую очередь сопротивление со стороны части коммунистов, ставших во

главе саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием коммуниста пассивность и примиренчество к саботажникам другой части коммунистов. Тем самым обеспечить быстрое нарастание темпов и полное и безоговорочное выполнение плана сева и хлебозаготовок и, на этой основе, укрепление колхозов, проверку и сплочение партийных рядов.

К неуклонному исполнению районам крайком постановляет:

1. За явный срыв плана по севу и хлебозаготовкам занести на черную доску станицы — Ново-Рождественскую (Тихорецкого р-на), Медведовскую (Тимашевского р-на) и Темиргоевскую (Курганенского р-на), что влечет за собой:

а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и др. финансовых обязательств;

г) проверку и очистку от всякого рода чуждых и примазавшихся элементов в колхозных, кооперативных и государственных аппаратах;

д) изъятие органами ГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа;

е) чистку партийных и комсомольских организаций.

Предупредить станицы, занесенные на черную доску, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок краевыми организациями будет поставлен перед правительством вопрос о выселении из пределов края в др. северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземельных и на неудобных землях в других краях.

2. В качестве последнего предупреждения в отношении наиболее позорно проваливающих сев и хлебозаготовки районов Невинномысского, Славянского, Усть-Лабинского, Брюховецкого, Старо-Минского, Кущевского, Павловского, Кропоткинского, Ново-Александровского и Лабинского полностью прекратить завоз товаров в кооперативные и государственные торговые магазины этих районов, а в отношении Ейского, Краснодарского, Курганенского, Кореновского, Отрадненского, Каневского, Тихорецкого, Армавирского, Тимашевского и Ново-Покровского не только прекратить завоз, но и вывезти также товары со складов райпотребсоюзов и товарных баз промышленности и кооперации.

Освобождающие[ся] в результате этих мероприятий товары направить в другие сельские районы края, успешно выполнившие планы сева и выполяющие планы хлебозаготовок.

3. а) В отношении единоличников, отказывающихся от земли и сева, лишать их также усадебной земли.

б) Просить правительство выселить этих единоличников за пределы края в северные области, передавая их орудия производства и тягло колхозам и переселяя на их место колхозников из малоземельных областей.

в) В отношении злостно не выполняющих план хлебозаготовок применять взыскания по ст. 61, § 3.

г) В отношении единоличников, препятствующих или срывающих проведение декрета, применять меры административного и судебного порядка как за противодействие декрету правительства, подвергая их лишению свободы по ст. 61.

4. Ввиду неудовлетворительного проведения в жизнь декрета СНК об охране социалистической общественной собственности и фактического оставления безнаказанными расхитителей колхозного и государственного имущества предложить прокуратуре и судебным органам в ускоренном порядке (5-тидневный срок) рассмотреть все дела по расхищению колхозного и государственного имущества, применив к виновным все меры суровых наказаний, предусмотренных декретом.

В частности, кладовщиков, бухгалтеров, завхозов и весовщиков, скрывающих от учета и составляющих ложные учетные данные, преследующие цель облегчения воровства и расхищения, привлекать к суду как расхитителей государственного и общественного имущества согласно декрету правительства от...[2] об охране социалистической общественной собственности. [...]

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 167—169. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1. Проект рішення з власноручною правкою Л. Кагановича.

2. Так у тексті.

47. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про чистку парторганізацій краю

3 листопада 1932 р.

В целях укрепления сельских парторганизаций, поднятия боеспособности их рядов и мобилизации парторганизации и широких трудящихся масс на выполнение стоящих перед партией задач (хозяйственное укрепление колхозов, выполнение хлебозаготовок, сева и

т. д.)— признать необходимым провести чистку сельских партийных организаций Сев. Кавказа, в первую очередь районов Кубани. Чистка должна освободить партию от разложившихся элементов, людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику и плетущихся в хвосте отсталых настроений и не способных проводить политику партии в деревне.

Чистка должна помочь выдвижению новых кадров из числа наиболее преданных партии колхозников-ударников и должна быть проведена как мобилизующая организацию на борьбу с кулацким саботажем сева и хлебозаготовок.

Утвердить краевую комиссию по чистке в составе: тт. Шкирятова (председатель), Горшина, Новоселова, Ивницкого. В течение двух дней разработать практические мероприятия по проведению чистки.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 177. Машинопис. Правлена копія.

48. Проект пропозиції комісії бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) щодо діяльності ОҐПУ

3 листопада 1932 р.

1. Предложить ПП ОГПУ СКК по Краснодарскому, Павловскому, Армавирскому, Кропоткинскому, Славянскому, Каневскому, Кореновскому, Курганенскому, Тихорецкому и Тимашевскому районам немедленно:

а) подготовить в 3-хдневный срок изъятие по станицам: Темиргоевской, Ново-Рождественской, Ново-Мышастовской, Уманской, Упорной, Поповической, Вознесенской, Урупской, Казанской, Полтавской, Крыловской и Платнировской контрреволюционных организаторов саботажа хлебозаготовок и сева, в особенности засевших в колхозных, стансоветских аппаратах, МТС белогвардейцев (бухгалтеры, учетчики, кладовщики, завхозы и т. п.).

Сосредоточить работу ГПУ в этих районах на твердом выявлении и борьбе с расхищением и сокрытием хлеба как единоличником, так и колхозниками.

Лиц, уличенных как в непосредственном сокрытии хлеба, так и лиц, уличенных в соучастии с укрывателями,— арестовать и предать суду.

К операции по станицам Темиргоевской, Ново-Рождественской, Полтавской и Поповической приступить немедленно с момента записи их на черную доску. Во всех остальных приступить к операциям по мере подготовки;

б) взять на учет единоличников, отказавшихся от земли и сева, на предмет их выселения вместе с семьями за пределы края.

2. ПП ОГПУ СКК предоставить право ареста коммунистов на селе за разбазаривание и хищение хлеба, злостное сопротивление хлебозаготовкам (ст... УК), с немедленным согласованием с крайкомом (в исключительных случаях с последующим извещением).

3. ПП ОГПУ СКК должно решительно усилить борьбу по привлечению к ответственности (аресты и предание суду) лиц, нарушавших декрет об охране общественной социалистической собственности.

В 5-тидневный срок закончить следствие и принять меры к скорейшему слушанию и фактическому проведению приговоров в жизнь.

Возложить на ПП ОГПУ СКК обязанность систематически ставить в известность о всех фактах волокиты и задержки судебными органами процессов, а в особенности о фактах выпуска на свободу лиц осужденных.

4. Поручить ПП ОГПУ обеспечить максимальную четкость при проведении операции с тем, чтобы оперативный удар был направлен по действительно антисоветским, кулацким, хищнически-спекулянтским элементам, злостно срывающим хлебозаготовки и сев.

Принять все меры к обеспечению проводимой операции от возможных эксцессов.

5. Обязать уполнаркомюста в 5-тидневный срок выслать маршрутами всех заключенных, не исключая кассационных, находящихся в тюрьмах края и получивших приговора от 3-х и выше лет.

В целях решительного пресечения нелегального вывоза хлеба за пределы края в направлении Закавказья установить на перевалах, а также Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорогах оперативные кордоны, назначив во главе уполномоченных ГПУ секторов, придав таковым 70 коммунистов из курсантов школы милиции.

Поручить тт. Пиляру и Гарину в течение 3.XI выработать инструкцию этим отрядам.

При этом указать, что задержанию подлежат везущие хлеб в количестве больше 1 пуда.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 183—184. Машинопис. Правлена копія.

Примітка:

1. Так у тексті.

49. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про діяльність прокуратури та суду[1]

3 листопада 1932 р.

Обязать крайпрокуратуру в 2-хдневный срок закончить следствие, а Крайсуду после этого в 2-хдневный срок рассмотреть дела:

1. Старо-Деревянковского колхоза Каневского района, колхоз имени «Шести условий т. Сталина», за систематические хищения хлеба из

колхоза (примерно в размере 30–33 тонны) и сокрытие его в единоличных амбарах, организованные председателем колхоза — членом партии и завхозом — членом партии.

2. О вооруженном грабеже единоличниками из колхозного амбара (примерно 10 мешков пшеницы) в Ново-Кузнецком совете, хутор Нескубин Мечетинского района, колхоз «Маяк революции».

Крайсуду обеспечить рассмотрение в 2-хдневный срок дела:

1. По убийству активиста сторожа Несветайло станицы Ново-Величковской Краснодарского района, связанного с защитой колхозного урожая.

2. По делу убийства активистки коммунистки Ивлиевой, бригадирши колхоза «Владилен» Майкопского района (Крайсуд приговорил двух к расстрелу, а Верхсуд отменил приговор и предложил пересмотреть дело).

Обязать Крайсуд в суточный срок пересмотреть за мягкостью приговор народного суда Тихорецкого района по делу Котова по Отрадненскому сельсовету и обеспечить рассмотрение этого дела в 2-хдневный срок.

Обязать ГПУ в 2-хдневный срок закончить следствие и передать в Крайсуд, а Крайсуду в 2-хдневный срок обеспечить организацию суда:

1. По селению Сандата Сальского района колхоз «Северный Кавказ» о расхищении хлеба из колхоза (примерно в размере 380 центнеров), организованного председателем правления т. Андрюсенко — член[ом] партии и секретарем колхозной ячейки.

2. В отношении систематического хищения хлеба из элеватора станицы Медведевской Тимашевского района (в размере до 100 центнеров) и продажи через спекулянтов на рынке с дележом вырученных денег, организованного председателем стансовета Дебровым — членом партии, зав. элеватором Щербаковым — членом партии и т. д.

Считать необходимым ускорение рассмотрения дела в Верховном Суде в отношении:

1. Дела по станице Уманской Павловского района о вооруженном грабеже из колхоза муки и печеного хлеба лишенцем-кулаком — Таран и Михаличенко — единоличник, середняк (приговорены Крайсудом 14-го сентября к расстрелу);

2. По станице Копанской Ейского района о расхищении и продаже хлеба и дележке полученных денег между бригадиром Кононовым и сторожем Самсоновым (приговорены Крайсудом 14 сентября: Самсонов — к расстрелу и Кононов — к 10-ти годам).

Поставить вопрос перед Верховным Судом об отмене приговора в отношении Кононова за мягкостью;

3. По пос. В.-Джанка Курсавского района в отношении пред. колхоза Гузь и кладовщика Тисленко — кандидат в члены партии, осужденных за создание незаконного фонда хлеба в размере около 90 центнеров и скрытие его от учета в целях продажи, а также продажи хлеба из указанного фонда кулакам и лишенцам. (Приговорены Крайсудом 19 сентября Гузь к расстрелу, а Тисленко к 10-ти годам.) Поставить вопрос перед Верховным Судом об отмене приговора в отношении Тисленко за мягкостью.

4. По станице Роговской Брюховецкого района по колхозу имени «Сельмаш» в отношении табельщика колхоза Тютюнникова (сын кулака) и возчика колхоза Тарана (сын кулака), осужденных Краевым Судом 3-го октября к расстрелу за систематическое хищение колхозного хлеба.

5. Поставить вопрос перед Верховным Судом о пересмотре своего решения по измененному им приговору Крайсуда в отношении кулака Чайки, приговоренного Крайсудом к расстрелу за попытку к вооруженному грабежу колхозного имущества в ст.[-це] Амвросиевской Славянского района, по которому Верховный Суд заменил расстрел Чайки десятью годами.

(Островский)

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 185—186. Машинопис. Правлена копія.

Примітка:

1. На документі напис «Прокуратура и суд. т. Каганович».

50. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про участь активу Північно-Кавказького військового округу у хлібозаготівлях та сівбі[1]

3 листопада 1932 р.

1. Командировать в помощь районным парторганизациям для выполнения планов хлебозаготовки и сева четыре группы военных работников по 20 чел. в группе в четыре наиболее отстающих по хлебозаготовкам и севу Кубанских района:

а) Славянский — под руководством т. ПЕЛИХ[А]

б) Отрадненский — т. ЗЕЛЕНОВ[А]

в) Кущевский — т. МАСЛЕНИКОВСКОГО

г) Армавирский — т. КУЛАКОВА

2. Организовать в районах комплектования 12-й кав[алерийский] и 74-й стрелкового дивизиона ударные бригады из переменников-красноармейцев под руководством командного состава частей, привлекая в эти бригады комсомольцев, допризывников и осоавиахимовский актив — для обмолота и сева.

3. ПУОКРу и политорганам развернуть энергичную политически-массовую работу по разъяснению среди переменников постановления краевого комитета ВКП(б) от ___, добиваясь передовой роли переменников в выполнении этого решения, планов хлебозаготовок и сева.

4. Всему командно-политическому составу 12-й кавалерийской и 74-й стрелк[овой] дивизий находиться с 3-го по 25-е ноября в районах комплектования своих частей и подразделений, ведя работу среди переменников и допризывников.

5. Частям 12-й кав. дивизии, расположенным восточнее Армавира, выделить группы актива по 20-ть человек для организации бригад переменников с теми же задачами, которые указаны в пп. 2-м и 3-м настоящего решения.

Группы выделить: 68-му кав. полку в Георгиевске, 77-му кав. полку в Моздоке, 78-му кав. полку в Невинномысской, 89-му кав. полку в Пятигорске в помощь местным парторганизациям.

6. Ейской школе летчиков выделить две бригады по 15-ть человек для работы в колхозах Ейского района по работе среди переменников 9-й Дон[ской] дивизии и помощи по хлебозаготовкам и севу.

7. Орджоникидзенской пехотной школе выделить одну группу в 15-ть человек коммунистов из актива школы в помощь организациям Сев. Осетии по севу и хлебозаготовкам.

8. 22-й и 28-й стрелк. дивизиям, Кавалерийским курсам усовершенствования и полку связи выделить группы по 10-ть человек в помощь местным партийным организациям по этим же кампаниям.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 188—189. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1. На документі напис олівцем, який зроблений Л. Кагановичем: «Об участии актива СКВО в хлебозаготовках и севе».

2. Так в тексті.

51. Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про чистку сільських парторганізацій Північно–Кавказького краю[1]

4 листопада 1932 р.

В целях укрепления сельских парторганизаций, поднятия боеспособности их рядов и мобилизации парторганизации и широких трудящихся масс на выполнение стоящих перед партией задач (хозяйственное укрепление колхозов — выполнение хлебозаготовок, сева и т. д.) признать необходимым провести чистку сельских партийных организаций Северного Кавказа, в первую очередь районов Кубани. Чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику, разложившихся, неспособных проводить политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных. Чистка должна помочь выдвижению новых

кадров из числа наиболее преданных партии колхозников, ударников и сплотить вокруг партии широкие колхозные массы за укрепление колхозов против кулака.

Утвердить комиссию по чистке в составе тт. Шкирятова (председатель), Новоселова, Горшина, Ивницкого и Христенко.

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 906. Арк. 10. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Протокол Політбюро ЦК ВКП(б) за № 122 від 13 листопада 1932 р.

52. Телеграма Й. В. Сталіна секретарю Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) Б. П. Шеболдаєву і Л. М. Кагановичу з викладенням постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про мобілізацію на збирання кукурудзи у радгоспах

5 листопада 1932 р.

Шифровка № 4
Шеболдаеву, Кагановичу

Сообщается постановление ЦК от 5 ноября:

«Принять следующие предложения товарища Кагановича и товарища Шеболдаева, согласованные с товарищем Гамарником:

а) для обеспечения уборки кукурузы в совхозах мобилизовать по краю три тысячи комсомольцев, тысячу членов партии, три тысячи осоавиахимовцев и три тысячи переменников городов края,

б) для руководства уборкой кукурузы в совхозах выделить из рядов РККА на Северном Кавказе тысячу человек комсостава. Срок мобилизации один месяц».

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

Получена 5 ноября в 18 час. Передана для расшифровки в 21 час. Расшифрована в 22 часа.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 22. Машинопис. Копія.

53. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ

18-23 листопада 1932 р.

[...]

19 ноября

КАМЕНСКИЙ РАЙКОМ

Секретарь — т. Карпенко кончил комвуз им. Сталина в Ленинграде и втуз (экономический). Самоуверен. Своим личным участием в определении урожайности освятил кулацкую статистику и надувательство государства.

Предрика Пинаев — есть сведения, что скептически относится к выполнимости окончательного плана заготовок.

План выполнен на 60% с лишним. Из 38 тыс. тонн осталось заготовлять 14 тыс. тонн. Разгона еще нет — примерно по 300 тонн в день. Еще не сломлено сопротивление плану заготовок в самом районном руководстве. Наряду с общими декларациями и заверениями фигурирует статистика, по которой выходит, что заготавливать нечего, на семена ничего не осталось и т. п. Это освящается авторитетом секретаря райкома и других членов бюро, участвовавших в комиссиях по определению урожайности (напр., таблица, данная заворгом т. К[1], таблица о наличии зерна в колхозах, данная заврайзо). Нет еще настоящей борьбы за хлеб. Яркий пример — заметка в газете [...] о завхозе колхоза им. Ленина Самохине и присуждение нарсудьей Проценко 11 ерохинских воров колхозного хлеба (несмотря на директиву Карпенко и Примакова осудить покрепче) к мягкому наказанию — 1–2 года условно.

Тов. Примаков вскрыл огромную засоренность ряда правлений колхозов и сельсоветов бывшими белыми. Напр., в колхозе «Коминтерн» из 11 членов правления только 2 не были в белой армии. В Рыгинском колхозе (в самом гор. Каменском) во главе колхоза — сын атамана, сын белого эмигранта и сын владельца рыбных озер. В колхозах и сельсоветах с меньшей засоренностью и работа идет значительно лучше.

В колхозах имеется значительная группа колхозников, заработавших по 10, 20, 30 трудодней за весь год. Спрашивается, чем они живут, если не воровством и спекуляцией? Их надо исключать из колхозов.

В результате совещания в райкоме бюро приняло постановление о выполнении плана заготовок к 1 декабря, а также выделило в 12 основных сельсоветов уполномоченных райкома. [...]

23 ноября

С утра заседание бюро крайкома в Ростове. Вопрос о ходе хлебозаготовок. Тов. Шеболдаев информирует об итогах 4 пятидневки (101 т[ыс]. тонн против 80 тыс. тонн в 3 пятидневку).

Тов. КАГАНОВИЧ отмечает ошибки крайкома в руководстве заготовками. Основное — упустили 3 месяца времени, что сказалось и экономически, и политически. Исторические корни саботажа на Кубани поглубже, они в «природных» условиях Сев. Кавказа и Кубани в частности, то есть в истории классовой борьбы и политических особенностях Кавказа и, в частности, Кубани. Действительно, некоторое снижение урожайности по природным условиям было, но оно послужило толчком к разворовыванию хлеба, с одной стороны, и к стремлению краевых работников из «благородных» побуждений подойти помягче к

станицам. Фактически под предлогом, что надо напереть на сев, а заготовки не уйдут, получилась полная надежда на самотек, в результате срыв и заготовок, и сева.

Той остроты классовой борьбы, какая развернулась на Кубани, районы не видели, краевые работники теоретически себе представляли (даже отмечали в резолюциях), но практических выводов для себя не делали и, главное, НЕ БОРОЛИСЬ. Гипноз, что хлеба нет, захватил широкую часть актива, в том числе многих членов бюро крайкома. А между тем минимум 40%, а то и половина хлеба растащена, раскрадена и нам приходится составлять «балансы», распределять и заготовлять лишь половину хлеба. Саботаж на Кубани можно буквально осязать руками.

Я знаю, что Сев. Кавказу предстоят тяжелые месяцы борьбы. Вредны настроения — закончим заготовки, тогда отдохнем. Немедленно надо начать заготовку семян. Ее придется вести путем обысков украденного зерна, путем собирания семенных запасов, возможно частично путем закупок в счет имеющегося поголовья и т. п. Вам нельзя будет ни на один день снижать теперешнего напряжения и темпов в работе до конца весенней посевной кампании.

Некоторые в глубине души предполагают, что трудности от хлебозаготовок, дескать, если их не проводить или сократить, то и трудностей не будет. Но ведь от заготовок мы не откажемся. Мы и так сократили по Украине и Сев. Кавказу план на 167 мил. пудов. Следовательно, каждый оставшийся пуд будет начеку. Вы уже в Ростове вынуждены были пойти на сокращение норм. В Москве мне также пришлось заниматься экономией хлеба, чтобы до января сэкономить 8 тыс. тонн. Но независимо от заготовок надо понять, что мы вступили в целую полосу нового подъема напряженной борьбы за колхозы на Северном Кавказе. При имеющихся трудностях мягкостью ничего не исправишь. Если бы дело не было запущено, можно было бы обойтись с меньшими жертвами. Теперь же жертвы необходимы, чтобы в дальнейшем не пришлось идти на большие жертвы. Колхозная форма прочна сейчас как никогда. Это не парадокс. В этом я убедился еще больше при последней поездке по районам. Никто не выступает против колхозов. Враг перенес удар в другую сторону — против государства и заготовок для государства.

При поездке с тт. Шеболдаевым, Шкирятовым и Евдокимовым мы убедились, что уполномоченные быстро «ассимилируются», с «полудушой» ведут порученную им работу. Приказ «из головы» идет у них ослабленным. Нужен нажим на уполномоченных, предупреждение им от крайкома и КК. А то в ряде станиц наблюдается «позиционное положение», а не большевистское наступление, «позиционное положение» периода братания. В станицах, объявленных на черной доске, кроме, пожалуй, Темиргоевской, уполномоченные не сумели добиться перелома (Пивоваров и Матвеев). А в этом случае такое мероприятие оборачивается против нас. Или станицы были выбраны неудачно, или же товарищи не проявили должного нажима. Верх безобразия, что в Ново-Рождественской еще не убрана кукуруза и не обмолочена пшеница. А уполномоченный не понимает, что продолжается саботаж обмолота и уборки.

Хочу услышать от вас ответ, как члены бюро осознают свои ошибки и уверены ли они в выполнимости плана, как они будут драться за план в дальнейшем. [...]

Тов. КАГАНОВИЧ: Не следует брать Сев. Кавказ в целом. Ведь северная часть план сева выполнила. И хлеб сдала лучше. Весь упор надо делать на Кубань.

Упор надо делать на практику. Нельзя сказать, что у крайкома была неправильная линия, что крайком был против линии ЦК.

Весь вопрос в преломлении вопроса у актива. Были неправильные умонастроения части активистов.

Есть специфические северокавказские условия и ошибки, но состояние сельских парторганизаций в значительной части типично и для других деревенских организаций СССР.

Что нужно отметить из недостатков руководства и, в частности, т. Шеболдаева, это то, что мало умеет обижать. Хвалить, конечно, легче, но надо и ругать. Тов. Шеболдаев слишком много вины берет на себя. Отвечают не только отдельные лица, но и коллектив. Недостойно краевой организации и ростовского актива сваливать вину лишь на отдельных товарищей.

Выступления на сегодняшнем заседании меня удовлетворили раз в 20 больше, чем 1 ноября. На прошлом заседании 1 ноября выступления, в частности Матвеева и Рябоконя, были политически ошибочными, и

они должны признать это. Матвеев отразил настроения части членов бюро. Его надо бить до тех пор, пока он не признает своих ошибок.

ГЛАВНОЕ ЖЕ В ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ. Районы Кубани должны приковать ваше исключительное внимание, особенно вопросы чистки.

ЦК уделял и будет уделять Сев. Кавказу большое внимание. Вы знаете, что т. Сталин сам занимается вопросами снабжения тракторами и комбайнами Украины и Сев. Кавказа. Сев. Кавказ не будет обижен и впредь. Ваша задача мобилизовать парторганизацию на выполнение заготовок и сбор семян и СОЕДИНИТЬ ПОЛИТИКУ С ПРАКТИКОЙ.

МАТВЕЕВ. Выступая 1 ноября, я не понял своей роли. Я считал, что должен доложить, что можно снизить с Мечетинского района. Что касается подсчетов, то я в районе ими не занимался. Я ошибся, когда выступил с агитацией за большее снижение. (Л. М.: речь идет о большем, о подмене статистикой политики, о выступлении, как земца.)

РЯБОКОНЬ. Я ошибся, давая вместо политического анализа статистику. Но раньше я давал полит. анализ, говоря о едином фронте в деревне с т. Шеболдаевым. (*Шеболдаев кивает головой*)

В конце заседания было поручено тов. Шеболдаеву отредактировать практические предложения по дальнейшему нажиму на выполнение хлебозаготовок.

В 7 час. вечера начался актив (совместное заседание бюро крайкома с бюро горкома и актива) в большом театре. Речь Л. М. [Кагановича] см. по стенограмме. После Л. М. [Кагановича] выступил[и] Шеболдаев примерно с повторением своих прежних выступлений, тов. Шкирятов о партийной чистке, тов. Овчинников — секретарь парткома Ростсельмаша. Последний рассказал об усилении классовой бдительности при приеме в партию и во всей работе в связи с решением бюро крайкома с представителями ЦК о Кубани. Факты классовой борьбы на заводе. Из 1000 призывников — 130 чел. отказали в приеме в Кр[асную] Армию как классово враждебному элементу (из кулаков, буржуев и пр.).

Принята резолюция и приветствие тов. Сталину.

НОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО

Сообщение тов. Шкирятова и председателей 3 комиссий по чистке о ходе чистки, выявленных недочетах и необходимых мерах.

Л. М. [Каганович]. Чистку по-настоящему не развернули. Приняли решение в момент перегрузки заготовками. Противоречия между уполномоченным хлебозаготовок и уполномоченным по чистке. Необходимо:

1) Чистку связать с хлебозаготовками. Оргаппарат надо освободить от всякой другой работы и мобилизовать на оргпартработу. Нельзя ли изменить систему чистки. Почему нельзя проверить коммунистов — как они держатся последние недели на хлебозаготовках — и это использовать для усиления заготовок.

2) Брать глубже. Не только внешние признаки — кулак, разложился,— но и внутреннюю сущность члена партии, как он думает о колхозах, его большевистская убежденность и т. п. Нужно составить примерные вопросники для председателей проверочных комиссий, которые задавать проходящим чистку. В «Молоте» раз в 3 дня выпускать специальную страницу по вопросам чистки. Освещать это в районных газетах.

Надо решить вопрос, куда высылать. Очевидно, на Дальний Север[2] (Камчатка, Сахалин) для работы рабочими. Прием в партию пока надо попридержать.

По вопросу об информации Крайсуда, Верхсуда и прокуратуры Л. М. [Каганович] предупредил от опасностей перегиба: после бездеятельности броситься в другую крайность и валить без разбора.

Мероприятия дальнейшего нажима (поручено сформулировать Шеболдаеву): 2 станицы на черную доску; политтройка ОГПУ; ультиматум — если не уберете посевов — конфискуем; решение о некоторых директорах совхозов; усилить ответственность уполномоченных крайкома; лишить усадьбы 16 тыс. хозяйств в 1–2 станицах (занесенных на черную доску); выселить их из домов, уплотнив в соседних домах; отбирать семена, а также наворованное и у колхозников; повысить качество следственной работы; тов. Шеболдаеву ознакомиться с важнейшими приговорами Верхсуда и Крайсуда, в особенности с приговорами к расстрелу.

В конце бюро по предложению т. Шеболдаева приняли просить ЦК освободить т. Пивоварова от должности предкрайисполкома, выделив вместо него Ларина, просить ЦК прислать 2-го секретаря крайкома вместо т. Ларина. Вместо Клейнера и Пиляра в бюро введены Ароцкер и Евдокимов.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 46, 69, 70, 77–80. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Так у тексті.

2. Так у тексті. Треба «Дальний Восток»

54. Телеграма В. І. Рябоконя Б. П. Шеболдаєву про хід репресій на Кубані

19 листопада 1932 р.

Шифровка
Вручите Шеболдаеву

Передается телеграмма Рябоконя:

«Ни один приговор к расстрелу по Кореновскому району не приводится в исполнение. Необходим нажим на краевую прокуратуру. Проводимая операция по изъятию лиц, подлежащих выселению, показывает, что до проведения этого половина лиц успела скрыться. Необходима директива ОГПУ об аресте вторых членов семей, что позволит разыскать бежавших глав семей. Рябоконь».

Вчера в Ростове начала работать коллегия Верхсуда под председательством Фридсона. Утверждено применение к 16 человекам высшей меры. Завтра разбираются приговоры, вынесенные после решения крайкома о Кубани. Об аресте вторых членов просим указаний.

Последн[ее]. Три группы (по-видимому, подпись) перепутаны телеграфом.

Получена для расшифровки в 23-35. 19 ноября.

Расшифрована в 2-10. 20 ноября.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 25. Машинопис. Копія.

55. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну про свою діяльність на Кубані[1]

20 листопада 1932 р.

Шифровка
Строго секретно
Снятие копий воспрещается
Москва ЦК ВКП(б) Сталину

18–19 ноября объехали Миллеровский, Тарасовский и Каменский районы. Все они план сева перевыполнили. По заготовкам впереди других идет Миллеровский район — 85% плана. Имеет полную возможность окончить выполнение плана хлебозаготовок через 3 дня, но последние дни ослабил темпы ломки кукурузы. Взяли обещание районных работников выполнить план к 22 ноября. Тарасовский район план выполнил на 74%, но отвратительно обстоит с зерносовхозом, вопиющая бесхозяйственность, директор, контролер, уполномоченный Зернотреста не знают самых элементарных сведений[;] имея все

возможности выполнить полностью план[,] совхоз за 15 дней ноября выполнил лишь 4% задания, данного Юркиным. Через аппарат ГПУ опечатали все амбары совхоза, перевешиваем зерно, арестовали ряд работников. В Каменском районе план выполнен лишь на 60%, большое количество сельских парторганизаций, сельсоветов, правлений колхозов засорено бывшими белыми. Например, в колхозе «Коминтерн» из 11 членов правления только двое не были в белой армии. Председатель Бирюков был у белых 3 года. Довели колхоз до развала. Сейчас арестовали председателя, завхоза и бухгалтеров колхоза. Арестовали 14 подхорунжих. Рядом колхоз имени 1-й Конной, не засоренный белогвардейцами, уже выполнил план заготовок. Большая группа лжеколхозников имеет 10–20 трудодней в год, живет воровством и спекуляцией.

Так как за последние дни донские и ставропольские районы снизили темпы заготовок, сегодня созвали в Ростове совещание секретарей 26 этих районов.

Каганович

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 26. Машинопис. Оригінал. Підпис — автограф Л. М. Кагановича.

Примітки:

1. Текст має виправлення, зроблені Л. М. Кагановичем.

2. Далі закреслено: «Вместе с бюро крайкома разработали проект постановления о выселении из Кубани и переселении вместо них из северных районов края. Передадим к концу дня. Завтра выезжаю в Сальский и Тихорецкий районы».

56. Телеграма Й. В. Сталіна Б. П. Шеболдаєву та Л. М. Кагановичу з викладенням постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про виселення з Кубані 2 000 куркульських господарств

22 листопада 1932 р.

Шифровка

Вручите Шеболдаеву, Кагановичу

Сообщается постановление ЦК (особая папка) от 21 ноября:

«Принять предложение Шеболдаева и Кагановича о выселении из районов Кубани в двухдекадный срок двух тысяч кулацко-зажиточных семей, злостно срывающих сев. Районы вселения определить совместно СевКавкрайкому ВКП(б) и ОГПУ».

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 27. Машинопис. Копія.

57. Із доповіді Л. М. Кагановича на розширеному бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) спільно з бюро міськкому та активом Ростова-на-Дону

23 листопада 1932 р.

ЗАДАЧИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ И УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ

I. Ход сева и хлебозаготовок на Сев. Кавказе

Товарищи из Ростовского горкома просили меня сделать доклад о международном и внутреннем положении. Но я больше всего думаю коснуться специальных задач Северного Кавказа, а если бы вы потребовали точное название доклада, то, пожалуй, целесообразнее было бы назвать доклад о «международном и внутреннем положении Кубани» (*смех, аплодисменты*).

В конце октября ЦК ВКП(б) послал на Северный Кавказ группу своих представителей, в том числе ряд членов ЦК и ЦКК, поставив их основной задачей выработать и провести совместно с крайкомом партии «меры по слому саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани».

Вы знаете, какое большое политическое значение мы всегда придаем хлебозаготовкам и севу, огромную политическую и хозяйственную роль Кубани, чтобы понять все важность этого решения ЦК.

Чем вызвано это решение ЦК? На 25 октября по всему краю было заготовлено только 56 млн. пудов хлеба против 128 млн. пудов, заготовленных на это же число в прошлом году. Особенно отстали единоличники, давшие 3 млн. пудов против 12 млн. пудов в прошлом году (колхозы дали 40,5 млн. пудов против 83 млн. пудов в прошлом году). Резко отстали районы Кубани. В ряде из них, так, например, в Краснодарском, Тимашевском, Тихорецком, Кущевском, Брюховецком, заготовки фактически к концу октября совсем прекратились, несмотря на то, что было заготовлено 10–25% годового плана. Заготовляли по 3–4 тонны, а в некоторых районах доходило до 1 тонны в день.

Не лучше обстояло с севом. На 25 октября было засеяно около 2,5 млн. га — на 160 тыс. га меньше прошлого года. В севе наибольше отставали районы Кубани. Тогда как к концу октября значительная часть северных (донских) районов уже перевыполнила план сева, кубанские районы выполнили 20–30% плана.

Вспахано под зябь по краю было в два раза меньше, чем на то же число прошлого года. Например, Славянский район на Кубани умудрился вспахать только 4% плана зяби, Каневский — 11% и т. п.

Решения, принятые бюро крайкома во исполнение директивы ЦК ВКП(б), вам уже известны, т. к. они были опубликованы в газетах. Напомню коротко их. Исходя из того, что мы имели в этом году несколько пониженный урожай, а также что были упущены первые, самые ценные месяцы заготовок, ЦК пошел на снижение первоначального плана заготовок на 59 млн. пудов. Сниженный план был разверстан по районам и в основные 31 район края были посланы специальные уполномоченные крайкома. Три станицы Кубани — Ново-Рождественская, Медведовская и Темиргоевская — были занесены на черную доску. Занесение на черную доску имело не только агитационное значение. Из станиц, занесенных на черную доску, были вывезены все товары и переброшены в районы и станицы, хорошо выполнявшие план сева и заготовок. В станицах, занесенных на черную доску, была запрещена колхозная торговля, прекращено всякого рода кредитование и произведено досрочное изымание кредита и других финансовых обязательств, органами ОГПУ изъяты контрреволюционные элементы — организаторы саботажа хлебозаготовок и сева, органами РКИ начата проверка и чистка колхозного, кооперативного, государственного аппаратов от всякого рода чуждых политически элементов. Согласно решения ЦК и ЦКК начата чистка станичных парторганизаций. Уже вычищено примерно 25–30% из состава станичных организаций. Чистка показала большую засоренность парторганизаций классово враждебными элементами (кулаки и их агентура, бывшие активные белогвардейцы и проч.). Такая же чистка будет проведена по всем парторганизациям Северного Кавказа. Вычищенных из партии мы будем выселять из пределов края в северные области как предателей рабочего класса, как политически опасных.

По десяти районам Кубани прекращен завоз товаров в кооперативные и государственные лавки этих районов, а по другим 10 районам, наиболее позорно проваливавшим сев и хлебозаготовки, кроме прекращения завоза, вывезены также все товары. Жители станиц, занесенных на черную доску, были предупреждены, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок они будут высланы из пределов края в северные области, а эти станицы будут заселены добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья на неудобных землях в других краях. В отношении единоличников, отказавшихся от земли и сева, было решено лишить их также усадебной земли и просить правительство выслать их за пределы края в северные области, переселяя на их место колхозников из малоземельных областей.

Наряду с этими административно-хозяйственными мероприятиями была развернута широкая политическая работа среди колхозных масс для сплочения их вокруг проведения настоящего постановления и успешного завершения хлебозаготовительного и посевного планов.

В результате всего этого мы добились известного перелома в хлебозаготовках. Мы имеем такую динамику хлебозаготовок по краю по пятидневкам (без гарнца): 1-я пятидневка октября – 1,4 млн. пд., 2-я — 1,3 млн. пд., 3-я — 1,5 млн. пд., 4-я — 2 млн. пудов, 5-я — 2,1 млн. пд., 6-я – 3,2 млн. пудов, 1-я пятидневка ноября — 2,8 млн. пд., 2-я — 3,1 млн. пуд., 3-я — 5 млн. пуд., 4-я — 6,2 млн. пуд. В 5-ую пятидневку предполагаем заготовить 6 млн. пудов. По Кубани последние пятидневки также дали перелом: 1-я пятидневка ноября — 340 т[ыс]. п., 2-я — 1 050 тыс. пуд., 3-я — 1 500 тыс. пуд., 4-я — 1 850 тыс. пудов.

Несмотря на эти сдвиги, план хлебозаготовок, уменьшенный против прошлогоднего на 75 млн. пудов, выполнен на 20-е ноября (без гарнца) всего на 64%, тогда как в прошлом году на это же число он был выполнен на 77%, а в абсолютных цифрах на 20-е ноября этого года — 76 млн. пуд. в то время, как на 20-е ноября пр[ошлого] г[ода] — 144 млн. пуд., т. е. почти в два раза больше. До конца хлебозаготовок осталось заготовить около 50 млн. пудов. Таким образом, достигнутые темпы ни в коем случае не должны быть снижены.

II. Особенности классовой борьбы на данном этапе

Приведенные мною цифры показывают, так сказать, внешнее проявление сложившейся обстановки на Сев. Кавказе, в частности на Кубани. Но, чтобы сделать политический вывод о саботаже хлебозаготовок и сева, организованном контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани, нужно взять не одни только цифры, а ряд политических фактов, которые были в распоряжении ЦК к моменту вынесения решения и которые мы, представители ЦК, умножили своими личными наблюдениями во время поездок по районам Сев. Кавказа.

Мы в ЦК располагали материалами о выступлениях ряда коммунистов и руководителей колхозов против хлебозаготовок, о подпольных собраниях коммунистов, созываемых по станицам для сговора, как лучше обмануть государство и припрятать хлеб. Например, в колхозе им. Первой Конной станицы Отрадная Тихорецкого района секретарь ячейки Котов ночью собрал коммунистов и предложил раздать значительную часть хлеба колхозникам, не записывая в книги ни обмолота, ни розданного хлеба. А тем, кто проговорится о такой сдаче, он пригрозил, что пристрелит. Чем такой поступок – не измена делу

партии, не контрреволюция? Котов и Котовы поступают как провокаторы, используя свое звание членов партии для того, чтобы поссорить колхозников с советской властью. Краевой суд правильно поступил, приговорив провокатора Котова к расстрелу.

Мы в ЦК располагали также сведениями о массовых хищениях и разбазаривании колхозного и совхозного хлеба, переходивших местами в грабеж и нападения на скирды, молотилки, амбары и элеваторы. К нам поступили также многочисленные сведения об активизации контрреволюционных кулацких элементов на Кубани.

Нам, представителям ЦК, удалось объехать 8 районов, побывать в станицах, селах, детально ознакомиться с работой 12-ти колхозов, 6-ти совхозов и 2-х МТС, посетить собрания станичных партячеек, колхозников, единоличников, побеседовать в одиночку со многими коммунистами, колхозниками, единоличниками. На местах буквально руками можно прощупать саботаж сева и заготовок, организованный кулацкими элементами. Кулацкая идеология проникла не только в ряды единоличников, но захватила часть колхозников и даже часть коммунистов.

Об единоличниках

Прежде всего о единоличниках. По краю сейчас имеется около 355 тыс. единоличных хозяйств — 27% всех крестьянских хозяйств, а их удельный вес к моменту нашего приезда составлял в хлебозаготовках 6%, в севе — 4%, во вспашке под зябь — менее полпроцента. К концу октября по краю в среднем на одно хозяйство единоличника приходилось 0,25 га посева и около 8-ми пудов хлебосдачи. По отдельным станицам еще хуже. Так, в станице Терновской Тихорецкого района 1 170 единоличных хозяйств засеяли озимых всего 37 га (12 га в поле и 25 га на усадьбах). В станице Полтавской Славянского района имеется 2500 хозяйств единоличников – 2/3 станицы, а к началу ноября они сдали всего 6 тыс. пуд. хлеба, т. е. только по 2 пуда на хозяйство, и засеяли около 400 га озимых, т. е. по 1/6 га на хозяйство.

Чем объясняется этот отказ от сева и заготовок? Он, несомненно,— результат тактики саботажа, организованного кулацкими элементами. Подстрекаемая кулаками часть единоличников Кубани хотела ограничить свой посев потребительской нормой, рассуждая: «На себя посею, а на государство наплевать, пусть хоть с голоду подохнет». Сеяли на себя по 1/4–1/3 га, а на своих усадебных землях, кстати почти не обкладываемых налогом, разводили огороды, бахчи, сеяли кукурузу, сорго и выручали от приусадебной земли до 4–5 тыс. рублей. Вы

ведь знаете, что на Кубани усадьбы большие — 3/4 га — 1 га, местами больше, чем вся надельная земля крестьянина московских, рязанских, ивановских сел.

Значительным подспорьем для таких единоличных хозяйств Кубани является воровство хлеба с колхозных и совхозных полей и спекуляция им. В посещенных нами станицах у ряда единоличников, совсем не сеявших пшеницы и кукурузы, находили по 200–300 пудов зерна. Откуда оно? Несомненно, украдено у соседних колхозов или совхозов.

Саботаж сева и заготовок не сломлен еще до сих пор. Вчера, 22-го ноября, мы собрали в станице Терновской Тихорецкого района небольшую группу зажиточных единоличников и провели с ними беседу. «Почему не сеете?». Отвечают: «Возможностей нет, семена забрали». А когда у таких единоличников поискали, то нашли по 100–120 пуд. Один единоличник отвечает: «На второй день после Покрова забрали у меня коня для колхоза. Чем же я буду сеять?» Ему тут же правильно ответила часть единоличников: «А почему же раньше ты до Покрова кончал сев, а теперь до Покрова, пока коня еще не забрали в колхоз, ты его и не начинал?» Ясно, что этот единоличник вовсе и не хотел сеять.

Другой из единоличников (у него брат белый офицер за границей и дядя в эмиграции) был раньше перекупщиком, а теперь землю не пашет, имеет лошадь и работает на ней в совхозе. Перед беседой мне дали справку, что у него нашли в яме 40 пудов хлеба. Я спросил его: «Откуда взял хлеб и зачем его прячешь в яме?» Он цинично ответил: «Нет, это у меня не яма, это в комнате вроде погреба, там и зерно, и мясо, и сало. Я мужик хозяйственный, что у меня под руку попадется, то не сорвется». (*Смех.*)

Это — классическая формула паразитического хозяйства отдельных единоличников.

Старичок-единоличник в беседе с нами на вопрос, почему он не сеет, ответил, что он с удовольствием будет сеять, если возвратят условия, которые были в 1924 г., т. е. если колхозов не будет: «Тогда я 15–20 десятин засевал, скота у меня было много и чувствовал я себя спокойно». Такой ответ дал весьма крепкий зажиточный хозяин, ответ, который дал бы любой благообразный образованный правый оппортунист.

В беседе с единоличниками я сказал: «Вы рассуждаете примерно так: затеяли колхозы, пусть колхозы вас и кормят, а мы сеять не будем, для себя по 20 сажен посеем, а больше не будем. Пускай советская власть даст свободную торговлю, свободу сеять сколько угодно

десятин, арендовать землю, нанимать батраков, иметь сколько угодно скота — тогда и будем сеять». Слушая это, группа единоличников так и расплылась в улыбке, уж очень понравилось, что я понял их затаенную мысль. Как будто так трудно их понять, ведь это же типичные взгляды правых оппортунистов, которые как нельзя лучше отражали мечты и думки кулацко-зажиточных элементов деревни.

Несомненно, такие кулацкие настроения не разделяются всеми единоличниками Кубани. Многие из единоличников честно хотят работать совместно с советской властью и завтра, несомненно, придут в колхоз и станут нашей прочной опорой.

С единоличниками, тесно смыкающимися с кулацко-зажиточными элементами, мы будем продолжать решительную борьбу, единоличникам же, честно выполняющим государственные обязательства по заготовкам и засевающим землю, мы не будем мешать вести их хозяйство, а всячески поможем им правильно осознать свои интересы и вступить в колхоз. Огромную политическую ошибку делают те товарищи, которые игнорируют работу с единоличниками и тем самым толкают единоличников в объятия кулака. Мы не должны забывать, что единоличников на Северном Кавказе еще много и среди них нужно неустанно продолжать работу.

О кулаке

Многие сельские коммунисты не понимают особенностей классовой борьбы на данном этапе. Им кажется, что когда мы говорим о кулаке, о кулацком влиянии на единоличников и колхозников,— это для проформы, для отвода глаз, на самом же деле кулака нет, кулака ликвидировали и давно выселили за пределы края. Верно, что кулака мы ликвидировали в основном как класс и с точки зрения его экономической базы, и, в значительной части, с точки зрения переселения и выселения его живой силы. Но было бы глубочайшей ошибкой считать, что ликвидировано кулацкое сопротивление, что ликвидирована классовая борьба, сопротивление старого, разрушаемого нами фундамента капиталистической экономики деревни против нового фундамента социалистической экономики, нами создаваемого.

На селе, особенно в Кубани, еще остались представители кулачества. Они нами разбиты, потрепаны, потеряли прежнюю мощь, но еще живы. Живы и пытаются использовать всякий наш промах, малейшую слабость нашей работы для своей агитации, для разложения колхозов, для организации сопротивления пролетарскому государству. Это, во-первых, часть невыселенных кулаков, во-вторых — зажиточные крестьяне, перерастающие в кулачество и тесно смыкающиеся с ним;

в-третьих, сбежавшие из ссылки и скрывающиеся у своих родственников, а порою и у «сердобольных» членов партии, имеющих партийный билет в кармане, а на деле являющихся предателями рабочего класса. И, наконец, представители буржуазной, белогвардейской, казаческой интеллигенции (а ее много в больших кубанских станицах, в одной станице Полтавской насчитывается свыше 400 человек интеллигенции, из них многие с белогвардейским прошлым). К этой интеллигенции прибавилась часть петлюровцев, перекочевавших весной из Украины.

Они ведут контрреволюционную агитацию, пускают слухи о скорой интервенции иностранной буржуазии, о неминуемом падении советской власти, о неизбежном развале колхозов, они терроризируют честно работающих колхозников, угрожая им всякими карами тогда, когда придут белые и распустят колхозы, через свою агентуру внутри колхозов они занимаются вредительской работой, разлагают колхозы изнутри.

Вот один из примеров деятельности контрреволюционных кулацких элементов в станице Полтавской Славянского района.

В этой станице вскрыта контрреволюционная, кулацкая, белогвардейская организация. Она была связана с бывшим станичным атаманом, членом Кубанской Рады, одним из активных белоэмигрантов Омельченко, проникла в советско-хозяйственный аппарат с целью подрыва его, вела вредительскую работу внутри колхозов, организовывала саботаж хлебозаготовок и сева. Возглавлялась организация Назаренко В. Г. — бывший член Кубанской Рады, организатор борьбы с большевизмом в 1918–1919 г[г]., Прищепко Н. В. — при белых был помощником атамана станицы, Ковтун И. П. — крупнейший кулак станицы, был доверенным при атамане, агентом по снабжению белой армии, Шкиль П. Т. — кулак, подхорунжий, сын помощника атамана станицы, за участие в белой армии был произведен в офицерский чин, и др. Показания участников контрреволюционной организации вскрывают яркую картину их вредительской работы на протяжении всех лет революции.

При отъезде Омельченко в эмиграцию они получили от него директиву на время прекратить вооруженную борьбу и сохранить свои кадры. В своих письмах из Чехословакии (на имя Светошевой и других) Омельченко до самого последнего времени давал указания: «Укреплять население в духе казачьей самостийности, сохранять казачью самобытность и традиции, а в целях сохранения ведущей роли

за оставшимися в станице старыми казачьими авторитетами последним всеми способами сохранять себя, проникать в советские и хозяйственные организации станицы» (из показаний Назаренко и Бонадысенко). Кулацкий контрреволюционный элемент по мере своих сил проводил в жизнь директивы Омельченко. Уже в 1920 г. Назаренко, Прищепко, Моздорь и Шевченко и др. кулаки возглавили...[1] ревком, затем они же в течение ряда лет руководили стансоветом, с 1921 по 1930 год стояли во главе созданного ими кредитного с.-х. общества, а в 1928 году даже создали «Союз хлеборобов» как центр кулацкого сопротивления хлебозаготовкам.

С 1930 года деятельность контрреволюционных главарей приняла более замаскированный характер. Пользуясь политической слепотой районных властей, ряд главарей первыми вступили в организовавшийся с начала 1930 г. единый станичный колхоз «Червоный прапор». Кулак Ковтун дает такие показания о своем вступлении: «Я также стоял под угрозой выселения. Я понимал, что только вступлением в колхоз я смогу сохранить себя. Кулакам и зажиточным, которых я вербовал в колхоз, я доказывал, что фактом формального вступления мы оградим себя от раскулачивания и выселения, а там видно будет. Договорились идти в колхоз без обобществления тягла и озимого посева. За весь 1930 г. я имел всего 45 трудодней. Я в течение всего года работал на своем наделе».

Семьи многих кулаков и зажиточных в колхоз не пошли. «Этим мы сохранили тягло и инвентарь как якобы принадлежащее нашим семьям, оставшимся единоличниками. Большинство из нас имели свои хутора, сады, виноградники, которые в колхоз не передавались, а обрабатывались владельцами силами наших семей» (из показаний Нудьги). «В то время как колхозные виноградники позамерзали и погорели, виноградники колхозников-кулаков, обрабатывавшиеся их семьями и ими самими за счет прогулов в колхозе, давали великолепный урожай» (из показаний Костюкова).

Прошу извинить меня, что задерживаю ваше внимание, но считаю нужным дословно привести откровенные показания матерого белогвардейца, члена этой контррев[олюционной] организации, кулака Белика: «Мне 61 год. Я казак и за дело казачества умереть готов. Я вижу, что политика советской власти направлена на то, чтобы разорить и поработить казачество. Преследованием лучших казаков станицы советская власть хочет подавить борьбу казачества за свои права и привилегии, за вольную Кубань и хорошую жизнь по-старому. Я враг

этой политики. Верным борцом за казачество был атаман станицы Полтавской в 1917–18 г. Григорий Омельченко. Отступая за границу, он говорил станичникам, чтобы они боролись с большевиками до конца за вольную Кубань. В прошлом я был зажиточным казаком, имел 6 лошадей, 5 коров, хороший инвентарь, сеял 12 десятин. Теперь я разорен советской властью. За неуплату налогов и несдачу хлеба у меня конфисковали весь скот и инвентарь. В 1932 г. я не посеял и не сдал ни одного пуда хлеба. Я сознательно не вступил в колхоз. Я считаю, что колхозы невыгодны казачеству. Уравнение в правах пользования землей казаков и иногородних, проведенное советской властью, на две трети сократило паевой надел земли казаков. Если мы пойдем в колхоз, то землю мы потеряем вовсе, а казак без собственной земли — не казак. Мы все считали, что скоро будет конец советской власти. В станице ходили слухи, что придут из-за границы наши казаки. Я этим слухам верил и передавал их в разговоре знакомым казакам».

В ряде других районов Кубани и Дона контрреволюционные элементы пролезли в правления колхозов и сельсоветы. Так, например, в Каменском районе, в колхозе имени Коминтерна из 9 членов правления только 2 не были в белой армии. В Ругинском колхозе в самом Каменском во главе колхоза стояли: сын бывшего станичного атамана, сын бывшего владельца рыбных озер и сын белого эмигранта.

Кулацкая агентура старается занимать в колхозе места, не требующие ответственности, но фактически командные и могущие влиять на весь ход работы данного колхоза. Вот, например, послужной список должностных лиц некоторых колхозов в станице Ново-Рождественской Тихорецкого района, взятой на черную доску. По колхозу «2-я пятилетка»: Гридин, работает кладовщиком, а раньше вместе с родственниками имел паровую молотилку, Мясищев,— счетовод, сын жандарма; Чеченкин, секретарь колхоза,— бывший урядник. Валабу[е]в, завхоз,— кулак, имел годовых рабочих. По колхозу им. ВЦИК: Зелихов, помощник счетовода,— сын сосланного кулака; Махно, бригадир 3-й бригады,— белогвардеец, издевавшийся в 1918 г. над партизанами, Карасев, кладовщик,— кулак и вор, Медяников, секретарь колхоза,— бывший доброволец белой армии.

Эти типы крутят делами колхоза, предоставляя председателю-простачку председательствовать и воображать, что в его руках находятся все нити управления. А наиболее слабохарактерных председателей-коммунистов они прибирают к рукам, спаивают и заодно с ними делают темные делишки по расхищению колхозного добра и обману советского государства.

Надо указать, что в своей практической работе станичные партийные организации часто недооценивают остатки сословной розни и не привлекают в достаточной мере казаков к руководству колхозами и сельсоветами, чем играют на руку классового врага.

Кулацкое сопротивление, кулацкая психология проявляется не только через физических лиц — кулаков, классовых врагов. Более живуча, более опасна кулацкая психология, пережитки которой коренятся еще в головах (и поступках) многих колхозников. Кулацкое влияние захватило даже многих сельских коммунистов, руководителей колхозов и станиц Кубани.

О колхозах и колхозниках

Широкие массы колхозников на опыте последних лет убедились в преимуществах колхозов. Из поездки по районам Северного Кавказа я еще больше убедился в том, что колхозы устойчивы как никогда. Классовый враг понимает это и изменил свою тактику. Он не выступает открыто против колхозов, внешне он за них. Но он пытается разложить колхозы изнутри, разжигая мелкособственническую психологию, жажду частного хозяйственного накопления, унаследованную колхозниками от поколений частных собственников и еще далеко не изжитую ими. Он пытается выхолостить из колхозов их социалистическую сущность и превратить их в своего рода крестьянские союзы, организующие крестьян против советского государства, против пролетарской диктатуры.

Методы классовой борьбы внутри колхозов на данном этапе: 1) противопоставление колхозов пролетарскому государству путем саботажа сева и заготовок, 2) расхищение колхозной собственности и 3) подрыв трудовой дисциплины и низкая производительность труда.

Некоторые думают, что колхозы такая законченная форма социалистической организации, которая отделена китайской стеной от всего остального. Это глубочайшая ошибка. Даже такая организация, как большевистская ячейка, имеющая свою программу, ясную и четкую идеологию, железную дисциплину, формируемая из передовых людей передового класса,[—] и она не отделена китайской стеной от окружающей ее мелкобуржуазной среды, и в ней порой отдельные элементы поддаются влиянию чуждой среды. Весь вопрос заключается только в том, что мы этому мелкобуржуазному влиянию, этим, если можно так выразиться, мелкобуржуазным бациллам противопоставляем свои антибациллы, свою прививку, свою броню. А для этого нужна закалка, закалка и еще раз закалка. Там, где мастер плохо закаляет сталь, эта

сталь лопается, она не выдерживает напора. Так и колхозы. Масса колхозников уже твердо убеждена в выгодности и жизнеспособности колхоза, они за нас, но там, где руководители, коммунисты не ведут достаточной борьбы за их укрепление, борьбы с классовым врагом, борьбы против остатков кулацкой идеологии, борьбы с мелкособственническими привычками, там начинают обманывать пролетарское государство, противопоставлять свои интересы интересам государства. Для того, чтобы между формой и существом не было ножниц, не было расхождения, для этого нужно соответственно воспитывать колхозы и колхозников.

Недостатки колхозов, которые я перед вами сейчас раскрою, ни в коей мере не дискредитируют и не ослабляют нашу основную ленинскую оценку колхозов как социалистического типа хозяйства, но такого типа хозяйства, которые имеют в себе корни прошлого, в которых еще живучи мелкобуржуазные пережитки.

Тов. Сталин указывал еще в конце 1929 года, что «было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы машинизированы, чем скорее они будут тракторизированы. Но это нисколько не умаляет величайшего значения колхозов как рычага социалистического преобразования деревни. Великое значение колхозов в том именно и состоит, что они представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии, что они составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма».

Сейчас мы вступили в новую полосу обостренной классовой борьбы за колхозы. Конечно, ни на минуту нельзя забывать разницы между классовой борьбой на базе колхозов и классовой борьбой вне колхозов. Об этом ясно было сказано т. Сталиным еще в его выступлении на конференции аграрников-марксистов: «Есть ли элементы классовой борьбы в колхозах? Да, есть. Не может не быть элементов классовой борьбы в колхозах, если там сохраняются еще пережитки индивидуалистической или даже кулацкой психологии, если там имеется еще некоторое неравенство. Можно ли сказать, что классовая борьба в

колхозах равнозначна классовой борьбе вне колхозов? Нет, нельзя. В том-то и состоит ошибка наших левых фразеров, что они не видят этой разницы. Что значит классовая борьба вне колхозов, до образования колхозов? Это значит — борьба с кулаком, владеющим орудиями и средствами производства, закабаляющим себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. Что значит классовая борьба на базе колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки объединены в колхозы на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство. Не ясно ли, что только слепые не могут видеть разницы между классовой борьбой на базе колхозов и между классовой борьбой вне колхозов?»

В этом году мы столкнулись на Сев. Кавказе с обострением элементов классовой борьбы в колхозах, с исключительным распространением воровства и обманом государства в колхозах. Мы имели факты, когда не только отдельные колхозники, но и правления колхозов в целом, и станичные партийные ячейки прятали хлеб от государства, от учета.

Многие не поняли декрета о защите социалистической общественной собственности. Мы сейчас применяем на Северном Кавказе очень крепкие меры к расхитителям социалистической собственности. Есть люди, думающие: «Не слишком ли жестко это?»

Мы должны твердо помнить то, что нам говорил Ленин: «Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ... не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления». И дальше: «Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма. Этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякое колебание, всякая сентиментальность в этом отношении была бы величайшим преступлением перед социализмом». [...]

Воровство приняло широкие размеры и нанесло огромный ущерб колхозам и государству. По самым минимальным расчетам

раскрадено 40%, а то и половина всего хлеба. Только за ноябрь месяц и только по одним районам Кубани нам удалось вскрыть 1 349 ям и 118 «черных амбаров», в которых найдено 345 тысяч пудов зерна.

На Сев. Кавказе многие работники находятся под гипнозом хлебофуражного баланса. Так вот, разрешите заявить им, «что оперируют они не более чем половиной урожая, а остальная половина была раскрадена до того, как стала учитываться.

Формы воровства весьма разнообразны. [...] В июле и августе на колхозных и совхозных полях появились «парикмахеры» (*смех*), ножами и ножницами срезавшие колосья в огромном количестве. Другие поступали осторожнее, колосья не срезали, а засовывали стебли в мешок и там отряхивали зерно. Колос оставался целым, но пустым. При обмолоте такие поля показывали низкую урожайность. Местные работники разводили руками и говорили: «Ничего не сделаешь, природное бедствие, туман захватил, “захват”. А захват-то был, но не природный, а людской. (*Смех*.)

III. Практические меры борьбы за урожай

Достижения в области социалистического сельского хозяйства Северного Кавказа огромны. Процент коллективизации вырос с 5% в 1928 г. до 73% в 1932 г. Охвачено пятью тысячами колхозов около 1 миллиона бедняцко-середняцких дворов. За последние 3 года одни только зерносовхозы увеличили посевную площадь с 65 тыс. га (1929 г.) до 856 тыс. га (в 1932 г.). В созданных совхозах и МТС (а по краю свыше 100 совхозов и 300 МТС) имеется около 19 000 тракторов, мощностью 291 тыс. лошадиных сил. В колхозах организованы сотни товарно-животноводческих ферм. [...]

Подытоживая свои наблюдения из поездки по районам, я бы разделил сельских и районных работников, не удовлетворяющих предъявляемым сейчас требованиям, на три категории. Первая категория — это люди, которые не умеют работать и по малограмотности или по простоте своей попадают в лапы статистиков и бухгалтеров, одурачиваются классовым врагом. К сожалению, эта категория весьма распространена. Основное зло заключается в том, что работник боится признаться в своем неумении, неопытности, как будто бы малограмотность — преступление. Если не понимаешь в статистике и сводках, то не обманывай себя и других, не штампуй то, чего не понимаешь. Конкретное руководство вовсе не заключается в щеголянии цифрами и сводками.

Когда в начале революции мы захватили банки, то старые чиновники стали приносить поставленным большевиками комиссарам-

рабочим тысячи папок, таблиц и книг. Комиссары поумней — книги побоку, а сами брали чиновника-саботажника за жабры — где деньги, кому даете, по чьим распоряжениям. Простачки же попадались впросак, зарывали нос в таблицы и не видели жизни, а мимо них уплывали сотни тысяч и миллионы государственных денег на субсидирование контрреволюции.

Мы не против сводок статистических, цифровых. Мы за точность. Цифры есть точность. Но когда коммунист становится рабом сводок, составленных чужими людьми, специально вложившими в цифры борьбу против советской власти, то штампование этих сводок со стороны коммунистов есть наиболее яркое проявление делячества, зачастую сознательное смазывание острых вопросов классовой борьбы. Вот мы приехали в Каменский район. Сидит там секретарем тов. Карпенко. Он окончил Ленинградский комвуз и экономический факультет университета. Спрашиваем: «Сколько вам надо сдать и сколько уже сдали?» Роется в сводках. «Ну хорошо, сводки так сводки, а исходная точка у вас какая?» Начинает крутить насчет урожайности. «Мы,— говорит,— делали пробные обмолоты, я сам в них участвовал, и они показали, что урожайность низкая». То, что секретарь райкома сам делает пробные обмолоты,— это чистейшая глупость. Бедняга думает, что этим он осуществляет конкретное руководство, а на деле его водят за нос. Делать обмолот он не умеет, следить за тем, правильно ли выбрано поле, не разворован ли хлеб наполовину до начала обмолота, он не в силах, т. к. приезжает на поле на полчаса, час, как гастролер. Его берут заложником, чтобы он своим участием, своим авторитетом секретаря райкома освятил, санкционировал происходящий подлый обман государства.

Вторая категория — лицемерящих из «благородства», из «жалости» к колхозникам, категория либерально, земски подходящих к крестьянину, оппортунисты, прикрывающие классовых врагов. Такие люди начинают скатываться в болото оппортунизма понемножку, незаметно для себя.

Он ничего не хочет «плохого» ни партии, ни государству. Он хочет только якобы «добра» колхозникам. Он боится, чтобы не повторилось то, что было этой весной на Украине. Он рассуждает так: «Край не учел, что в нашем колхозе, в нашем районе неурожай. Если мы полностью план выполним,— останемся без семян, и меня разорвут. А если мы недовыполним план, как-нибудь другие районы и колхозы перекроют». Он начинает лицемерить: на словах говорит, что план нужно выполнить, а на деле либеральничает, мямлит. Он языком говорит, как

граммофон, что нужно выполнить задание партии, а в душе с этим не согласен. Губы произносят чужие слова. А вы думаете, что массы не чувствуют, искренне вы говорите или фальшивите? Чувствуют и делают практические выводы.

Он думает, что честно поступает, а на деле является человеком, предающим интересы партии и интересы своего колхоза. Именно и интересы партии в целом, и своего маленького участка, потому что противоречий между этими интересами нет никаких. Он рассуждает: «Сдам меньше государству, колхозу больше останется». А на деле такая политика приводит к разнузданному воровству и разбазариванию колхозного имущества, к саботажу обмолота и уборки, к такому парадоксу, что жалуются «нет хлеба», а в то же время стоят неубранными, необмолоченными тысячи га пшеницы и кукурузы, к огромным потерям при обработке, приводит к тому, что честно работающие колхозники остаются без хлеба, а имеющие по 10–15 трудодней в году — закапывают сотни пудов хлеба в яму,— приводит к кулацкому перерождению колхоза.

Этот тип — самый опасный, так как еще недостаточно разоблачен. Это то, что мы называем примиренчеством, политическим болотом. Поддающуюся исправлению часть этих работников можно возвратить на партийный путь только беспощадной критикой их ошибок, только нетерпимостью к их примиренчеству. Мягкость, уговоры, чувство жалости к «своему парню, немного свихнувшемуся», которого не «стоит» сильно бить,— только губят этих людей, ставят окончательно над ними крест как над большевиками. Тот, кто хочет их искренне вернуть на большевистский путь, должен быть к ним беспощаден.

И, наконец, третья категория — это те из членов партии, которые окончательно перешли на сторону классовых врагов, которые сознательно выступают против пролетарского государства: «Ты государство — машины даешь, а хлеба не требуй». Это тип Котова, о котором я говорил раньше. Но он не один. Последние дни вскрыли ряд таких предателей и провокаторов. Вот, например, секретарь Пролетарского райкома партии Еременко и председатель райисполкома Засорин, которые продали единоличникам и кулакам на корню 2 700 га падалицы колхозной ржи, давшей 42 тыс. пудов зерна. Как вы знаете, Еременко и Засорин исключены из партии и осуждены судом, а бюро райкома распущено.

Чистка партийных организаций, начатая в 3-х кубанских станицах, занесенных на черную доску, уже вскрыла огромную

засоренность их чуждыми элементами. Всего на сегодняшнее число проверено 258 человек, из них исключено 54 и наложены взыскания на 51. Особенно много приходилось исключать руководителей ячеек и колхозов. По-видимому, в руководители подбирали не лучших партийцев. Не было также должного контроля и руководства работой секретарей ячеек, пред. колхозов и пред. стансоветов. Подавляющая часть исключенных падает на кандидатов (23 чел.) и членов партии с партстажем 1930–32 гг.

Мы никогда не боимся численного уменьшения нашей организации. Пусть в станице вместо 80 останется 20–30, зато крепких и проверенных коммунистов, среди которых не будет пролезших кулаков, предателей, оппортунистов.

Вот несколько типов классовых врагов, сумевших пролезть к нам в партию из-за близорукости районных руководителей и выброшенных при чистке.

Павленко — заведовал огородами колхоза «Красный боец» станицы Н.-Рождественской Тихорецкого района. С 29 по 30 г[г]. был заместителем заведующего Краснодарским окрЗУ. В партии с 1930 г. До революции был кулаком с 1–2 батраками. Об этом знает вся станица. С 1918 по 1920 гг. служил в белой армии. В 1918 г. после отступления красных захватывал имущество красных партизан. В 1920–21 гг. систематически выступал в защиту кулаков. В колхозы комплектовал работников огорода и торгового ларька в Тихорецкой исключительно из бывших кулаков и торговцев. Овощи нарочно не вешал, облегчая их хищение. Допустил гибель 30 тыс. штук огурцов и значительного количества помидоров. Получив заявление о краже колхозной кукурузы, мер к расследованию не принял, а разгласил фамилии заявивших.

Очкасов — завхоз и секретарь ячейки колхоза «Красный боец». Пьянствовал с кулаками и получал от них незаконно из колхозной кладовой муку и другие продукты. Не боролся с засоренностью аппарата колхоза кулацкими элементами. Запутал отчетность так, что неизвестно, куда девался хлеб. [...]

Но, исходя из интересов трудящихся, из интересов революции, мы не можем оставлять вычищенных на прежних местах, ибо они там могут стать организаторами против нас, могут повести исподволь и незаметно разлагающую работу в колхозах, благо опыт и методы политической организации они усвоили.

Конечно, будет группа вычищаемых как балласт, которых можно будет оставить на месте. Часть из них, не оправдавших себя как

членов партии сможет оправдать себя как честных советских беспартийных. Мы предупредим: «Работай честно с нами, а пойдешь против нас — попадешь туда же, куда кулаки». Мы возьмем этих бывших коммунистов под особое наблюдение.

Говоря о плохих парторганизациях, о недостатках партработы, мы не должны забывать, что в колхозах и станицах Северного Кавказа имеются десятки и сотни парторганизаций, по-боевому дерущихся за заготовки и сев, успешно ломающих саботаж, организованный кулачеством, тесно связанных с массами. На их образцах должны учиться другие парторганизации. Формы и методы их работы должны быть широко популяризированы райкомами и крайкомом.

Меня могут спросить: «Вы критикуете сельские и районные парторганизации, а где же крайком, отвечает ли он за состояние организации или нет?» Конечно, крайком отвечает за весь край, за всю работу. В чем его недостатки? Мало видеть перспективу, надо ее конкретизировать. Мало сказать: «Не забывайте о сопротивлении классовых врагов, помните о кулаке, организуйте массы». Этого недостаточно. Надо райкомам конкретно сказать о применяемых классовым врагом приемах борьбы, о конкретных фактах, происшедших в тех или иных колхозах, о практических методах борьбы с классовыми врагами. Этих конкретных указаний не было в работе крайкома.

Второе — это уже вопрос практического хозяйствования — предвидеть ряд хозяйственных процессов в колхозах и совхозах. Тут отвечают и советские, и хозяйственные органы. Если коммунисты воруют или потворствуют воровству, а должной борьбы с этим нет, то виноваты парторганы, и прокуратура, и суд. Это означает, что судебные работники политически пассивны и не реализовали практически закона о защите социалистической собственности. Если сеют варварски небрежно, не ведут борьбу с сорняками, не соблюдают севооборота — за это отвечает крайЗУ. Если сельсоветы не ведут никакой работы с единоличниками, не проявляют твердости власти, а в ряде сел фактически отсутствуют — за это отвечают райисполкомы и крайисполком.

Сегодня на утреннем заседании бюро крайкома члены бюро в громадном своем большинстве доказали, что видят и осознают свои недостатки. На сегодняшний день вы добились уже некоторого перелома в хлебозаготовках. На местах уже более шевелятся и организационно, и административно, и технически. Но из объезда станиц и сел мы убедились, что в ряде станиц еще не перешли в идейно-политическое наступление. В них — такое положение, которое я характеризовал как

позиционное в период братания. Две линии окопов: одна коммунисты и лучшая часть колхозников, вторая — зажиточные и примыкающие к ним единоличники и предательствующие элементы из коммунистов и колхозников. Сидят в окопах друг против друга, но коммунисты большевистского наступления не ведут, а порой встречаются, мирно беседуют и опять расходятся на свои позиции. Это наглядно можно было видеть на примере секретаря Терновской станячейки во время собрания зажиточных единоличников, саботирующих сев и заготовки. Не чувствовалось остроты классовой борьбы, внутренней убежденности в своей правоте, непоколебимой воли сломить сопротивление классового врага и организованный им саботаж.

Перед всей Сев.-Кавказской организацией стоят трудные задачи: выполнить хлебозаготовки, собрать семена, [...] подготовить весенний сев и на этих практических задачах окончательно уничтожить кулацкий саботаж и укрепить колхозы. Эти задачи могут быть успешно разрешены, если вся краевая организация, не медля ни минуты, дружно и сплоченно поведет большевистское наступление. Здесь нельзя кивать только на верхушку, тем более на отдельных лиц. Тут дело всего коллектива. И если есть ошибки, а без них не обошлось, то за них отвечает и крайком в целом, и актив. Не без вины и ростовская парторганизация. Вы — столичная организация края, организация с наибольшей пролетарской прослойкой, у вас новые гиганты, новые кадры, старые и хорошие большевистские традиции (в эти дни вы как раз отмечаете 30-[ле]тие славной Ростовской стачки). Ваш долг — помочь сельским районам посылкой квалифицированных, политически выдержанных работников. И если на отдельных участках проморгали, то здесь вина ложится и на каждого из вас.

Для того, чтобы исправить ошибки и выполнить те труднейшие задачи, которые стоят сейчас перед сев.-кавказскими большевиками, для того, чтобы успешно повести на новом этапе борьбу за колхозы и восстановить имя Северного Кавказа как передового края по социалистическому переустройству сельского хозяйства, нужно не стоять в стороне, не шушукаться по закоулкам, а засучить рукава, мобилизоваться и отдать этому делу все свои силы, все свое уменье. Я позволю себе выразить уверенность в том, что в результате большевистской самокритики и вскрытия ошибок, в результате внесения ясности и идейного сплочения каждый из вас, вся ростовская организация, вся краевая организация в целом мобилизуют свои силы должным образом для того, чтобы выполнить те трудные задачи, которые перед вами стоят. (*Аплодисменты.*)

* * *

СССР имеет невиданные в мировой истории успехи. Недавно мы праздновали 15 лет Октябрьской революции. За эти годы мы прошли гигантскую школу, проделали огромный путь, который человеческая история не знала и не забудет. Мы подняли такие пласты, такую целину, какой не было ни в одной стране. Мы организовали мощную, вооруженную современной техникой армию, мы заставили своих внешних врагов считаться с нами. Если мы не имели войны в этом году, а опасность такой войны была весьма реальной, то лишь потому, что мы победоносно шли год за годом, лишь потому, что мы индустриализовали нашу страну, построили ряд новых гигантов, перестроили наше сельское хозяйство. За последние 10 лет валовая продукция нашей промышленности выросла в 14 раз, а, по сравнению с довоенной более чем [в] 3 раза. Машиностроительная промышленность в 1931 г. дала продукции в 22 раза больше, чем в 1913 г. До войны 70% нового машинного оборудования ввозилось из-за границы, а теперь, несмотря на огромное новое промышленное строительство, 86% потребности в машинах покрывается советским производством и лишь 14% импортом. Мы освоили ряд новых производств (трактора, комбайны, автомобили, крекинги, блюминги, мощные турбины, электровозы, искусственный шелк, синтетический каучук, пластические массы и пр.). Мы в корне изменили карту нашей страны, перегородив Днепр, прорезав Турксибом пустыни Казахстана, заставив отдавать нам электрическую энергию реки Закавказья и Ср[едней] Азии, оживив крупными промышленными гигантами — Хибиногорск, Березники, Игарка – безлюдный Крайний Север, соединив Беломорским каналом Балтийское и Белое моря, заложив первые камни Урало-Кузбасса, приступив вплотную к Волгострою, к Волго-каналу и т. п.

211 тыс. колхозов объединяют 15 млн. крестьянских хозяйств — 61% всех крестьянских дворов. 2 245 МТС имеют 82 тыс. тракторов мощностью в 1 300 тыс. лошадиных сил, 94% этих тракторов советского производства. МТС засеяли 48,5 млн. га, т. е. более половины всех колхозных посевов. За 9 месяцев 1932 г. сельское хозяйство СССР получило 1 109 тыс. тонн минеральных удобрений — в 5 раз больше, чем в 1913 г. Мы создали мощную сеть совхозов с посевной площадью свыше 10 млн. га, поголовьем скота свыше 11 млн. голов, способных при данном поголовье и достигнутых посевных площадях, при условии

повышения качества их работы, прокормить 15–20 млн. населения. Всего в сельском хозяйстве СССР работает свыше 150 тыс. тракторов, 10 тыс. автомобилей, 10,5 тыс. комбайнов, 68 тыс. сложных молотилок.

Мы ликвидировали безработицу, ту самую безработицу, от ужасов которой страдают и гибнут десятки миллионов лучших представителей человечества в капиталистических странах Европы, Америки, Азии. Мы перевели почти всех рабочих на 7-часовой рабочий день. Больше половины всего населения страны учится в школах и на курсах. До войны училось 7 млн. детей, теперь — 22 млн.

Если находятся людишки, которые только и могут, что ходить вокруг да около, спекулировать на трудностях, вырывать отдельные недостатки, чтобы бросать обвинения партии и ее политике, то мы знаем, что эти людишки жалки, это отщепенцы, отбросы, их песня спета.

Наша же сила в крепкой, сплоченной, многомиллионной ленинской партии, в мощном и славном советском пролетариате, в десятках миллионов колхозников. Мы твердо знаем, как знает вся партия, рабочий класс, трудящиеся массы нашей страны, что вся политика нашей партии основана на ясных расчетах, на том, что либо мы напряжем все свои силы и выполним 5-летку в 4 года для того, чтобы социализм стал непобедимым, либо нас разобьют. Мы выполнили пятилетку в 4 года, мы окончательно разрешили вопрос кто кого, и историческая победа осталась за нами. Троцкисты и правые уклонисты, их рютинские последыши, говорящие откровенно белогвардейским языком, пытались и пытаются тащить нас назад к капитализму. Они пытались и пытаются вставлять палки в колеса индустриализации и коллективизации. Но мы знаем, что страна без металла, без машин, без моторов, без пушек, авиации, химии, без танков и пулеметов не может защитить себя от империалистических соседей.

Рабочие и колхозники в своем подавляющем большинстве прекрасно это понимают. Когда мы с тов. Шеболдаевым проводили беседу с партийцами станицы Терновской Краснодарского района, нас поразила четкость ответов и классовое чутье колхозницы, вдовы убитого красного партизана Малиенко. Она малограмотная, но по меткости замечаний за пояс заткнет многих «профессоров». Как она ответила на вопрос о корнях трудностей и необходимости быстрых темпов?

«В чем трудности? Я отвечу, что вы уже знаете,— кадры. Люди у нас малограмотные, работать еще не умеют, а кто умеет — зачастую

враг, вредит. А темпы мы не можем уменьшить. Если то, что мы сработали за пять лет, растянуть бы на десять-пятнадцать лет, то и кулак, и враг тоже вырастет за эти 10–15 лет».

Малиенко бьет в самую точку. Действительно, вопрос о кадрах сейчас самый острый в нашем строительстве, особенно в сельском хозяйстве, где во всем мире еще нет опыта организации и ведения такого крупного хозяйства, как в СССР. Классовый враг разбит, но он использует всякую нашу слабость для сопротивления нам. Он использует малограмотность наших работников, чтобы через своих людей пограмотнее, покультурнее пролезть в наши организации, в наши аппараты и вести разлагающую работу. Малиенко своим чутьем правильно схватила и то, что мы живем и строим в капиталистическом окружении. Мы должны максимально использовать каждый час для усиления наших позиций, для закрепления побед социализма. Если бы мы на больший срок растянули выполнение пятилетки, снизили бы темпы коллективизации, оттянули бы на более позднее время ликвидацию кулачества как класса, то враг бы не ждал, он бы усиливал свои позиции, мы столкнулись бы с большим сопротивлением, в результате были бы большие жертвы, большие трудности.

Это своим классовым чутьем прекрасно понимают десятки миллионов Малиенок, разоблачающих классовых враг[ов], с энтузиазмом участвующих в социалистической стройке, беззаветно поддерживающих нашу партию и героически борющихся за ее генеральную линию.

Мы говорили и говорим колхознику: «Рассчитай по-хозяйски, что тебе выгоднее — пойти ли по пути правых уклонистов, троцкистов, по пути, предлагаемому сейчас рютиными и слепковыми, по пути капитуляции, восстановления кулака и ликвидации колхозов, отдачи в концессию построенных нашим потом и кровью мировых гигантов промышленности и сельского хозяйства, чтобы страна осталась разоруженной, некультурной, отсталой и, в конце концов, вернулась бы к разбитому корыту капитализма, либо поработать, преодолеть некоторые трудности, но зато уверенно и твердо пойти по проверенному большевистскому пути, который нам завещал Ленин и по которому нас ведет лучший ленинец нашей страны, вождь рабочих и трудящихся всего мира тов. Сталин». (*Бурные аплодисменты.*)

И вот сегодня, товарищи, когда на этом собрании мы вскрываем [с] резкостью, присущей только большевикам, все наши недостатки, мы

говорим врагам и вне партии, и притаившимся внутри партии: не надейтесь, что сможете использовать эту самокритику для подрыва партии и ослабления ее политики. Вскрывая недостатки, мы усиливаем свою мощь, укрепляем себя и ослабляем врагов. Мы вскрываем недостатки для того, чтобы еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета, вокруг Сталина, идти смело и твердо от одной победы к другой.

Да здравствует ленинский Центральный Комитет нашей партии и тов. Сталин! (*Бурные продолжительные аплодисменты, все встают.*)

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 214. Арк. 81—98, 102, 137—141, 143—151. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1. Так у тексті.

2. Виділено у тексті.

III

Цей розділ починається з постанов ЦК ВКП(б) і РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні, на Північному Кавказі та в Західній області від 14 грудня 1932 р. та про українізацію у Далекосхідному краї, Казахстані, Середній Азії, Центрально-Чорноземній області та інших районах СРСР від 15 грудня 1932 р. (документи № 58—59). Постанови вже введені до наукового обігу авторами книги «Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів» (К., 1990). Повторне відтворення цих документів було необхідне для повнішої реконструкції подій.

Новий закрут соціально-економічної кризи в країні у листопаді-грудні 1932 р. загрожував стабільності комуністичного режиму та персональній владі Сталіна. За цих умов генеральний секретар ЦК ВКП(б) та його найближче оточення висловлювали серйозне незадоволення діяльністю регіональних керівників і, зокрема, керівництва України. 10 грудня на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б) Сталін піддав різкій критиці українських лідерів, звинувачуючи їх у неспроможності виконати план хлібозаготівель, зламати «саботаж» і придушити спротив «контрреволюціонерів». Особливо завзято Сталін критикував М. Скрипника, вважаючи, що його позицією в українізації скористалися «ворожі елементи», щоб «проникнути» до партійно-радянських установ і «саботувати» їхні дії.

Сформульовані Сталіним політичні звинувачення стали підставою прийнятих 14 і 15 грудня постанов ЦК ВКП(б) і РНК СРСР. Як наслідок українське керівництво втратило останню відносно самостійну сферу своєї діяльності — здійснення в республіці національної політики. Водночас кожний, хто був незадоволений ситуацією в Україні, автоматично ставав «петлюрівцем», «внутрішнім контрреволюціонером», «класовим ворогом», проти якого можна було вживати найжорстокіших репресивних заходів.

Зворотною стороною таких політичних рішень стала гранична концентрація влади в СРСР і відверто терористичні методи діяльності радянського керівництва. Наочно це виявилося під час поїздки хлібозаготівельної комісії Л. Кагановича в Україну наприкінці грудня 1932 р. (документи № 63—70).

Этот раздел начинается с постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках в Украине, на Северном Кавказе и в Западной области от 14 декабря 1932 г. и об украинизации в Дальневосточном крае, Казахстане, Средней Азии, Центрально-Черноземной области и других районах СССР от 15 декабря 1932 г. (документы № 58—59). Постановления уже введены в научный оборот авторами книги «Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів» (К., 1990). Повторное воспроизведение этих документов было необходимо для более полной реконструкции событий.

Новый виток социально-экономического кризиса в стране в ноябре-декабре 1932 г. угрожал стабильности коммунистического режима и персональной власти Сталина. В этих условиях генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и его ближайшее окружение выражали серьезное недовольство деятельностью региональных руководителей и, в частности, руководства Украины. 10 декабря на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин подверг резкой критике украинских лидеров, обвиняя их в неспособности выполнить план хлебозаготовок, сломить «саботаж» и подавить сопротивление «контрреволюционеров». Особенно яростно Сталин критиковал Н. Скрыпника, считая, что его позицией в украинизации воспользовались «враждебные элементы», чтобы «проникнуть» в партийно-советские учреждения и «саботировать» их действия.

Сформулированные Сталиным политические обвинения легли в основу принятых 14 и 15 декабря постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В результате украинское руководство потеряло последнюю относительно самостоятельную сферу своей деятельности — осуществление в республике национальной политики. Одновременно каждый недовольный ситуацией в Украине автоматически становился «петлюровцем», «внутренним контрреволюционером», «классовым врагом», против которого можно было применять самые жестокие репрессивные меры.

Обратной стороной таких политических решений стала крайняя централизация власти в СССР и откровенно террористические методы деятельности советского руководства. Наглядно это проявилось во время поездки хлебозаготовительной комиссии Л. Кагановича в Украину в конце декабря 1932 г. (документы № 63—70).

58. Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні, на Північному Кавказі та у Західній області[1]

14 грудня 1932 р.

Секретно
Не для печати

Заслушав доклады секретаря обкома Западной области т. Румянцева, секретаря ЦК КП(б)У т. Косиора, секретаря Днепропетровского обкома т. Строганова, секретаря Северо-Кавказского крайкома т. Шеболдаева, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

1. Обязать ЦК КП(б)У и Совнарком УССР, под личную ответственность тт. Косиора и Чубаря, закончить полностью план заготовок зерновых и подсолнуха до конца января 1933 года.

2. Обязать Северо-Кавказский крайком и крайисполком, под личную ответственность тт. Шеболдаева и Ларина, закончить полностью план заготовок зерновых к 10–15 января 1933 года, а подсолнуха к концу января.

3. Обязать обком и облисполком Западной области, под личную ответственность тт. Румянцева и Шелехеса, закончить полностью план заготовок зерновых к 1 января 1933 года и план заготовок льна к 1 февраля 1933 года.

4. Ввиду того, что в результате крайне слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций Украины и Северного Кавказа в значительной части их районов контрреволюционные элементы — кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы, сторонники Кубанской Рады и пр. сумели проникнуть в колхозы в качестве председателей или влиятельных членов правления, счетоводов, кладовщиков, бригадиров у молотилки и т. д., сумели проникнуть в сельсоветы, земорганы, кооперацию и пытаются направить работу этих организаций против интересов пролетарского государства и политики партии, пытаются организовать контрреволюционное движение, саботаж хлебозаготовок, саботаж сева,— ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают ЦК КП(б)У, Севкавкрайком, СНК Украины и крайисполком Севкавкрая решительно искоренить эти контрреволюционные элементы путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них.

5. ЦК и СНК указывают партийным и советским организациям Советского Союза, что злейшими врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства являются саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, организующие обман государства, организующие двурушничество и провал заданий партии и правительства в угоду кулакам и прочим антисоветским элементам. По отношению к этим

перерожденцам и врагам советской власти и колхозов, все еще имеющим в кармане партбилет, ЦК и СНК обязывают применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях — расстрел.

6. ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций.

7. В особенности ЦК и СНК указывают Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.

В целях разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов и их «партийных» и беспартийных прислужников ЦК и СНК Советского Союза постановляют:

а) Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Северный Кавказ) как наиболее контрреволюционной всех жителей за исключением действительно преданных соввласти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников и заселить эту станицу добросовестными колхозниками-красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли и озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых.

Ответственность за проведение этого решения (пункт «а») возложить на тт. Ягода, Гамарника (с заменой т. Булиным), Шеболдаева и Евдокимова.

б) Арестованных изменников партии на Украине как организаторов саботажа хлебозаготовок, бывших секретарей районов, предисполкомов, зав. райзу, предрайколхозсоюзов, а именно: Ореховский район — Головина, Пригоду, Паламарчука, Ордельяна, Луценко; Балаклейский район — Хорешко, Ус, Фишмана; Носовский район — Яременко; Кобелякский район — Ляшенко; Больше-Токмакский район — Ленского, Косяченко, Дворника, Зыка, Долгова — предать суду, дав им от 5 до 10 лет заключения в концентрационных лагерях.

в) Всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева «коммунистов» выселять в северные области наравне с кулаками.

Предложить ЦК КП(б)У и СНК Украины обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации.

д) Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык. ЦК и СНК обязывают крайком и крайисполком срочно проверить и улучшить состав работников школ в «украинизированных» районах.

е) В отмену старого решения разрешить завоз товаров для украинской деревни и предоставить тт. Косиору и Чубарю право приостановить снабжение товарами особо отстающих районов впредь до окончания ими хлебозаготовительного плана.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов (Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 911. Арк. 42—42 зв. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Документ опубліковано у книзі: «Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів» (К., 1990). При публікації в назві документу було допущено помилку: замість «Західних областях» слід читати «Західній області».

59. Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР про українізацію в Далекосхідному краї, Казахстані, Середній Азії, Центрально-Чорноземній області та інших районах СРСР

15 грудня 1932 р.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР решительно осуждают выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, об обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например, в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и т. д.). Подобные выступления могут только играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины как вредные элементы, проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу.

Поручить крайкому и крайисполкому ДВК, обкому и облисполкому ЦЧО, Казахскому крайкому и Совнаркому немедленно приоста-

новить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

Председатель СНК СССР В. Молотов (Скрябин)

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 911. Арк. 43. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Протокол Політбюро ЦК ВКП(б) № 126 від 16 грудня 1932 р.

60. Телеграма М. М. Хатаєвича Й. В. Сталіну щодо обміну звичайного насіння на сортове радгоспам і колгоспам, які виконали план хлібозаготівель[1]

16 грудня 1932 р.

ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

В целях использования ресурсов сортовых семян зерновых культур для ярового сева ЦК КП(б)У просит разрешить совхозам, колхозам, выполнившим план хлебозаготовок, начать проводить обмен рядовых семян на сортовые как на пунктах Заготзерна, Союзсеменоводства, так и в порядке межколхозного обмена.

Хатаевич

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 912. Арк. 44. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Протокол Політбюро ЦК ВКП(б) № 127 від 23 грудня 1932 р.

61. Телеграма В. М. Молотова, Й. В. Сталіна у відповідь М. М. Хатаєвичу[1]

16 грудня 1932 р.

Харьков, ЦК КП(б)У. тов. Хатаевичу
Копия — тов. Косиору

Начать в данный момент обмен сортовых семян на рядовые, тем более в порядке межколхозного обмена, значит затруднять хлебозаготовки. ЦК и СНК отклоняют ввиду этого Ваше предложение. ЦК и СНК указывают Вам, что Ваше предложение об обмене семян теперь, когда заготовки катастрофически падают на Украине, отражает гнило-либеральное отношение к заданиям партии и правительства, от которого давно пора освободиться Вам, если не хотите нарваться на неприятности.

Сталин, Молотов

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 912. Арк. 44. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Протокол Політбюро ЦК ВКП(б) № 127 від 23 грудня 1932 р.

62. Постанова ЦК ВКП(б) і РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні[1]

19 грудня 1932 р.

1) ЦК ВКП(б) и СНК СССР считают, что без немедленной организации коренного перелома в хлебозаготовках в Днепропетровской, Одесской и Харьковской областях Украина не в силах выполнить даже тот дважды сокращенный план, который явным образом проваливают украинские работники благодаря своему несерьезному отношению к заданиям партии и правительства.

2) ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР поручают тт. Кагановичу и Постышеву немедля выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины, засесть в решающих областях Украины в качестве особо уполномоченных ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР, разделив труд с Косиором, Чубарем и Хатаевичем, и принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения плана хлебозаготовок.

Секретарь ЦК — И. Сталин

Председатель СНК Союза ССР — В. Молотов

РДАСПІ. Ф. 17. Оп. 3. Спр. 912. Арк. 54. Машинопис. Копія.

Примітка:

1. Протокол ЦК ВКП(б) № 127 від 23 грудня 1932 р.

63. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича в Україну

20–29 грудня 1932 р.

[...] 20 декабря

Приехали в Харьков в 22 часа. Заседание Политбюро ЦК КП(б)У до 4 часов утра.

КОСИОР — основываясь на материалах своей поездки по Днепропетровской области, указал:

1) Неравномерность хлебосдачи по дням, по районам, селам и колхозам, что показывает отсутствие организованного воздействия и самотек.

2) Многие уполномоченные растерялись. Растерялся и Шкадинов (в Павлоградском районе). Ездят и только ругают и грозят отнять партбилет. Не вникают в дело, не помогают конкретным указанием, а главное, не принимают оперативных решений и не проводят их на деле.

3) Вторичный и третичный обмолот и перевеивание из-за отсутствия контроля превращается в издевательство над нами. Все равно много зерна остается, а получают в день по несколько килограмм. Перевеивают, а надо перемолачивать, так как остались кусочки нетронутых колосьев — сбой.

4) Очень много скрытых амбаров и довольно крупных. Но в ряде мест перегибы — повальные обыски, дающие по несколько килограмм на двор. А главное, обыски проводит наша публика, а колхозники в стороне.

5) Черные доски не доводят до конца. Поэтому результатов от них почти никаких. Где запрещено торговать — торгуют вовсю. Денежные штрафы взимаются всего 25–30% от назначенной суммы. Организаторов саботажа большей частью еще не нащупали.

6) Чистка, проводимая в 5 сельских парторганизациях, показала большую засоренность. Напр., в одной ячейке из 18 чел. оставили в партии всего 2.

ХАТАЕВИЧ — по материалам поездки в Одесскую область:

1. Надо сосредоточить внимание на основных районах. Из 51 района Одесской области, которая должна сдать 26 мил. пудов,— 14 районов должны сдать 12 мил. пудов, 13 районов — 5,5 мил. пудов. По всей Украине 38 основных районов должны сдать 32 мил. пудов, еще 50 районов — 23 мил. пудов. На них и надо сосредоточить внимание. 4 мощных района Одесщины должны дать каждый свыше 1,5 мил. пудов хлеба — Зиновьевский, Ново-Украинский, Ново-Бугский, Б.-Александровский. На них и надо сосредоточить основное внимание, не распыляя силы.

2) По области еще не обмолочено около 200 тыс. га зерновых, что даст около 8 мил. пудов хлеба. Остальное придется собирать раскрытием ям и черных амбаров. Пока почти в каждом районе найдено спрятанным 2–3 тыс. центнеров хлеба. Но это лишь незначительная часть спрятанного и разворованного.

ТЕРЕХОВ. 1) Харьковская область должна сдать около 12 мил. пудов хлеба, из них 5,7 мил. пудов по единоличникам. Когда мы пересчитали, сколько бы единоличники должны дать, если их нормы сдачи уравнять с колхозами, то они должны сдать еще не более 3,5 мил. пудов. Как покрыть остальное? а) Перевыполнением колхозного сектора на 3% путем строгого соответствия культур по плану — это даст около 1 мил. пудов, б) льготу за буряк для колхозов, подсчитанную в 2,4 мил. пудов,— дать в половинном размере, мотивируя плохой уборкой и сдачей свеклы. в) Корректировать план, т. е. отменить неправильно данную скидку по ряду колхозов.

2) Основные районы, которые должны сдать хлеб,— 35 районов, из них наиболее мощные — Балаклеевский, Красноградский, Сахновщанский, Решетиловский, Н.-Санжарский. Отстают Кременчуг, Полтава, Сахновщина.

3) Единоличников оштрафовали на 7,8 мил. руб., но получили штрафы только 1,9 мил. руб. (Чубарь: «Потому что при распродаже

имущества нечего распродавать».) К судебной ответственности привлечено 119 членов партии (в том числе 4 секр. райкома и 2 пред. рика), из них 4 приговорены к расстрелу. А всего приговорено к расстрелу 144 человека.

4) На нас давят уполномоченные, чтобы изъять хотя бы часть семян на хлебозаготовки, но мы твердо даем отпор, так как это нарушает постановление ПБ ЦК КП(б)У от 29 ноября.

5) Слабости заготовок зависят от того, что ЦК не дает нам людей, а областные работники слабы.

СТЕПАНСКИЙ — уполномоченный ЦК по Черниговской области.

1) За последние 20 дней — значительные сдвиги. Дали половину того, что дали за все предыдущее время. Область выполнит 85% плана к 1 января. (Л. М. [Каганович]: «Для нас не существует цифры 85%. Нужно все 100%. Рабочих ведь кормим хлебом, а не процентами».) Весь план область выполнит к 15 января.

2) Далее в полном противоречии с первой частью рассказывает, что по решающим районам хватанули широко, но не довели до конца, кулака еще фактически не били. В ряде сел никто не хочет сдавать ПЕРВЫМ. Запуганы кулаком. За последние недели кулаки убили, стреляя в окна, 20 наших активистов. Мы же пока не расстреляли ни одного — 22 приговора о расстреле до сих пор не утверждены в Харькове.

3) План посева раздут в 2–3 раза, из-за чего преувеличиваются семенные фонды, часть которых могла бы пойти на хлебозаготовки.

4) Уполномоченные слабы. Иллюстрирует письмом Зайцева, в котором рассказывается, что уполномоченный Яковлев искал доказательство того, что колхозники едят хлеб, в испражнениях и вокруг этого мобилизовывал организацию. Несмотря на указания Л. М. [Кагановича], что этот рассказ — контрреволюционный анекдот, направленный против хлебозаготовок, Степанский упорно утверждал, что рассказанное им действительно имело место.

БАЛИЦКИЙ. 1) За 4 месяца после начала хлебозаготовок до 15 ноября было арестовано по хлебозаготовительным делам 11 тыс. чел. За месяц с 15 ноября по 15 декабря — 16 тыс. чел., в том числе 435 партийцев, 2 260 чел. из колхозного аппарата, в том числе 409 председателей и 441 бухгалтер и счетовод, а также 107 предсельсоветов. К расстрелу тройкой приговорено 108, но еще на рассмотрении 100 человек. За 2 последние декады в ямах и черных амбарах (7 тыс. ям и 100 амбаров) найдено 700 тыс. пудов хлеба. Единоличники прячут у колхозников, особенно тех колхозов, которые выполнили хлебозаготовки.

2) Последние 2–3 дня на Харьковщине мы применили новую форму воздействия. Приходит в колхоз сотрудник ОГПУ в форме и ведет

беседу с председателем, членами правления о сдаче хлеба. Разговор настойчивый. В результате колхоз «Червоный господарь» за 2 дня повысил хлебосдачу с 58% плана до 96%, «Нов[е] життя» с 54% до 80% и т. п. Думаем это распространить и на другие области.

3) За последние декады вскрыты крупные повстанческие группировки польского происхождения, организованные правительством УНР. Среди арестованных много бывших укапистов, есть и члены КП(б)У. Найдено много листовок — по 500–1000 экз. у отдельных арестованных. Готовили активные действия на весну. Имели разветвленную сеть организации. Такие же группировки вскрыты в Киеве среди преподавателей вузов и студентов. Внутриколхозных группировок, саботировавших хлебосдачу и разлагавших колхозы, за последний месяц вскрыто 589.

Вскрыта крупная контрреволюционная организация в Украинском Тракторoцентре, имевшая общесоюзное значение и нити в Москве. Она значительно портила посевную кампанию и ремонт тракторов.

ЧУБАРЬ. 1) В больших колхозах и большие безобразия. Напр., назначают механиком на молотилке бывшего хозяина этой молотилки. Колхоз с посевом 12 тыс. га слишком велик.

2) Вскрытие хлеба, штрафы и прочие меры проводятся рывками, нет организованной сдачи хлеба. В порядке административном выслали из пределов Украины пока только 300–400 хозяйств, не считая осужденных. Штрафы в натуре не взимают.

3) Не умеют сколачивать актив. Секретарь одной ячейки собрал 150 активистов для обсуждения, как проводить хлебозаготовки, а они сами провалили на собрании план хлебозаготовок. Надо также чаще менять уполномоченных, так как они быстро сживаются с местными работниками и их покрывают.

4) Жалуются в некоторых колхозах, что нет хлеба, а не идут убирать хлопок, за который полагается натуральная оплата хлебом.

5) Райфо Октябрьского района г. Харькова выдавало официальные справки о продаже хлеба колхозниками и единоличниками на харьковских базарах и взимало с них сборы. Сейчас виновные арестованы.

СУХОМЛИН. Рассказывает об опыте работы по Винницкой области:

1) Запрещение торговли товарами не дало эффекта, так как не проводилось агитации, и получилось, что всюду закрыта потребиловка, а товаров можно было сколько угодно найти на соседних базарах и в тайной торговле.

2) Надо обратить внимание на рабочих мелких предприятий, расположенных в селе. Напр., в одном винокуренном заводе из 82 рабочих, имеющих сельское хозяйство,— 32 не сдали хлеба по контрактации, а на заводе получают.

3) Некоторые уполномоченные райкомов сами ведут контрреволюционную агитацию. Напр., один инспектор Союзплодоовоща агитировал против хлебозаготовок и демонстративно сбросил со стола статуи Сталина и Ворошилова.

4) Районные работники слепо доверяют формальным признакам — партиец или комсомолец. А среди них много жуликов. Особенно это касается работников мельниц, элеваторов, приемочных пунктов.

ЧЕРНОВ. Почему ничего не говорят о колхозах, которые должны были закончить хлебосдачу к 15 декабря, а сейчас еще не сдали 3,9 мил. пудов хлеба? Что сделано с директорами, саботирующими хлебосдачу?

Тов. Косиор отвечает т. Чернову, что в ряде совхозов хлеба фактически нет, если не считать семян, что положение с заданиями страшно запутано, нельзя подходить механически, надо разобраться в вопросе. А если снимать и арестовывать за невыполнение плана хлебосдачи, то придется снимать почти всех директоров совхозов.

Л. М. КАГАНОВИЧ. 1) Наш приезд вызван снижением хлебозаготовок, которые за последние пятидневки почти дышат на ладан. У многих украинских работников есть настроения, что можно уже не заготовлять. Эти настроения надо решительно сломить.

2) ЦК КП(б)У вынесло в основном верное решение 18 ноября о первоочередности хлебозаготовок, которым должно быть подчинено «выполнение всех других задач в колхозах, в том числе задач по созданию разного рода колхозных натуральных фондов: семенного, фуражного, продовольственного и других». Однако 29 ноября ЦК КП(б)У принимает другое решение, которое фактически отменяет решение от 18 ноября и под видом необходимости гибкого и индивидуального подхода к каждому колхозу (что безусловно правильно) дает возможность местным организациям придержать хлебосдачу из-за необходимости создавать и не трогать различные колхозные фонды. Решение от 29 ноября глубоко ошибочное, и его надо отменить.

3) Надо во все райкомы телеграфно разослать пункт 2 решения ЦК ВКП(б) по докладам ЦК КП(б)У и Севкавкрайкома о хлебозаготовках — пункт об аресте и преданию суду ряда районных работников Украины.

4) ЦК КП(б)У и обкомы послали в районы на хлебозаготовки 4 870 работников. А толку от многих мало. Они сами разлагаются, «отсиживаются» и прикрывают бездеятельность, а часто и прямое предательство районных работников. Нужно посылать районными уполномоченными крепких людей с боевым духом, так как сейчас в хлебозаготовках основное — дух уполномоченного, крепкий дух и боевое настроение уполномоченного.

Яркий пример того, как многие уполномоченные быстро заражаются местническими настроениями, служит выступление сегодня тов. Степанского, который и 20 дней не успел пробыть на Черниговщине, как стал черниговским патриотом, «защищающим» черниговцев от ЦК, а не уполномоченным ЦК на Черниговщине.

Нужно будет выбрать 10 наихудших уполномоченных, снять их с работы, а дела об их пребывании в партии передать в ЦКК и опубликовать об этом в печати.

5) Нужно сосредоточить внимание на 38 основных районах, дающих свыше 40% оставшегося к заготовке хлеба на Украине, а также на районах, где остались небольшие хвосты и которые быстро могут прорвать фронт и закончить хлебозаготовки.

6) Особенно надо подтянуться харьковцам. Сегодня в выступлении Терехова я не чувствовал мобилизованности, сознания того, что хлебозаготовки в области проваливаются, что положение очень серьезное. Терехов к завтрашнему дню должен дать списки — кто у него остался в городе, кто сидит в деревне и кого еще можно послать. Надо усилить нажим на единоличников и сломить сопротивление хлебозаготовкам.

7) ОГПУ должно сочетать обобщающую работу и выявление корней саботажа и контрреволюционных организаций с текущей работой и борьбой за хлеб. За последние дни оперативная повседневная работа несколько снизилась. Это надо быстро выправить.

Вынесено решение следующее заседание назначить на 12 час. дня 21 декабря, подготовив к нему списки снимаемых уполномоченных, вновь назначаемых, а также проекты телеграмм в Винницу, Киев и Донбасс.

21 декабря

С утра продолжение заседания Политбюро. Тов. Терехов упорно не хотел давать фамилии плохо работающих уполномоченных из своих крупных областных работников. Получил суровую отповедь Л. М. [Кагановича]. По-прежнему уверял, что все дело в Харьковской области не ладится из-за отсутствия работников, так как ЦК их не дает.

В результате обсуждения приняты следующие постановления (прилагаются):

1) Телеграмма уполномоченным об усилении работы и снятие 10 уполномоченных с передачей их дел о пребывании в партии в ЦКК.

2) Арест и предание суду 4 наиболее злостно срывающих хлебосдачу директоров совхозов.

3) Телеграммы Киевскому, Винницкому, Донецкому обкомам с предложением немедленно усилить темпы хлебозаготовок.

4) Списки мобилизуемых руководящих работников в качестве районных уполномоченных (25 центральных и 15 военных) и около

сотни крепких работников, в том числе 35 военных им в помощь. Разбиты по областям.

5) Отменены решения Политбюро от 29 ноября (о колхозных фондах) и от 15 декабря (о создании проверочных групп для повторной проверки ресурсов совхозов и запрещении вывозки посевматериалов из совхозов).

6) Тов. Косиор и Реденс едут в Днепропетровскую область вместе с т. Постышевым, Балицкий в Одесскую вместе с тт. Кагановичем и Черновым, Чубарь — в Черниговскую (будет сменяться с тов. Дудником), Хатаевичу поручено наблюдение за Харьковской областью. Для усиления работы в Харьковской области даны Сухомлин и Канторович (НКЗдрав) и еще 7 работников в качестве райуполномоченных, в том числе 2 военных.

В 17 час. отъезд в Одессу. (Приехали в Одессу 22 декабря в 14-30.)

22 декабря

В 14 часов приезд в Одессу. СОВЕЩАНИЕ С НАЛИЧНЫМИ ЧЛЕНАМИ БЮРО ОДЕССКОГО ОБКОМА.

Выяснилось, что темпы хлебозаготовок все время снижались, а за последние дни в значительной части районов сошли на нет. Обком каждую пятидневку принимал обширную резолюцию. В последней резолюции от 22 декабря основной упор на переобмолот. Значительное место в резолюции уделено так называемому «левацкому» перегибу во Врадиевском районе.

МАЙОРОВ: Большое сопротивление обмолоту соломы. Переобмолочено всего 2%, что дало 66 тыс. пудов хлеба. Остается заготовить еще 23 млн. пудов. От запасов и переобмолота ожидаем получить 13 млн. пудов, остальное от вскрытия раскраденного и отобрания незаконно розданных авансов. Пока изъято 225 тыс. пудов — 5% незаконно розданного сверх 15% обмолота в авансы.

Перегибов немного, а наоборот, боязнь их. Уполномоченные, дойдя до 80–90%, просят их отозвать, считая свою миссию конченной. Ряд уполномоченных ЦК (напр., Таран) приезжали в обком разговаривать о непосильности плана. Я гнал их обратно. Значительная часть уполномоченных пишет в обком художественные очерки и корреспонденции, но не ведет оперативной работы на месте.

Выделили 7 тяжелых районов и по ним концентрируем удар, в первую очередь по линии ГПУ. Приводит факты перерождения ряда сельских коммунистов.

В результате совещания приняты решения:

1) Созвать совещания секретарей райкомов, предриков и уполномоченных ЦК и обкомов по группам районов: Одесса — 23.XII — 16 районов, Вознесенск — 24.XII — 12 районов, Херсон — 25.XII — 12 районов,

и 10 районам, наиболее близко подошедшим к выполнению плана, разослать телеграмму за подписью Кагановича, Любченко и Майорова.

2) Приговора о расстреле публиковать не только в районной, но и в областной печати, тщательно их редактируя.

В 17 часов выехали в Антоново-Кадиевский район. По дороге заехали в село Буерлык Благоевского района — колхоз имени СВЕРДЛОВА: 269 дворов, 449 работников, 958 едоков — 42 тыс. трудодней (многие числятся в колхозе, но не работают). 100 лошадей, но 23 из них заболели сапом. Недавно прикупили еще 15 лошадей, 58 свиней, 114 овец (6 племенных каракулевых производителя). План хлебозаготовок выполнен на 59%. Однако в колхозе имеются и семенные, и страховые фонды, так как получено распоряжение Благоевского райзо на основании постановления областных и украинских организаций засыпать семенные и страховые фонды. Основная масса хлеба, однако, раскрадена. Настроение правленцев и секретаря ячейки благодушное, спокойное. За хлебозаготовки драться не хотят. Формально проделывают все, что им предписывают. Отбирают у колхозников по полпудика «незаконно выданные авансы».

Сдано колхозом в хлебозаготовки 2 000 центнеров зерна, а на складах в наличии имеется 708 центнеров семян и 138 центнеров страхфонда. Это несмотря на то, что план еще не выполнен на 1 000 центнеров.

Жалуются, что собрали рожь по 8 пудов с га из-за того, что посеяли по падалице подсолнуха, плохо обрабатывали, семена негодные. Участковый агроном МТС присутствует тут же в роли постороннего наблюдателя. Заявляет, что не несет ответственности, так как недавно назначен.

АНТОНОВО-КОДИНЦЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь райкома 3-й месяц в районе. СИРОТЮК — кончил Артемовку, производит впечатление способного и энергичного работника. Но вяловат. На 20 декабря район выполнил план на 79% (за 3 месяца план поднялся с 40 до 79%). Осталось выполнять 2 тыс. тонн. Последние дни вывозят по 15–20 тонн в день. Пробуют оправдать скверной дорогой. Просят глубинку. Применяют метод возврата «незаконно выданных авансов». У уполномоченного ЦК Полякова (в районе 5 месяцев со времени уборочной, ходит под секретарем, работает в Харькове в Укрснабе) благодушное оптимистическое настроение. Уверял, что после его агитации колхозники сразу «просветлялись» и несли хлеб, переполученный ими по трудодням.

Предрика Циба рассказал, что в колхозе «Пробуждение» возвратили 200 «перебранных» по авансам пудов зерна из оставшихся к выполнению 350 пудов.

Вместе с районным руководством «наметили географию» хлебозаготовок — основные села-колхозы, на которых нужно сосредоточить все внимание.

23 декабря

С утра заседание бюро Одесского обкома партии. Распределены уполномоченные по районам. Заслушаны сообщения прокуратуры и ОГПУ. Отменены директивы облзу о фондах. Оформлены решения вчерашнего совещания членов бюро о посылке телеграммы в передовые районы и о совещаниях по группам районов.

За подписью Л. М. [Кагановича] и Чернова послана телеграмма в Москву и передан по прямому ряд постановлений ЦК КП(б)У и областных организаций о создании колхозных фондов. Просили отменить постановление ЦК КП(б)У от 18 ноября как дающее повод на местах тормозить хлебозаготовки под видом засыпки разных фондов.

В 12 часов началось совещание секретарей районов Одесской группы.

1) ПЕРВОМАЙСКИЙ РАЙОН. Секретарь т. Неймарк. При урожае 8 центн. с га изымают на заготовки 5,5 центн. Крестьяне дают штрафы мясом, деньгами, но придерживают хлеб. Хлебозаготовки все время снижаются, хотя осталось заготовлять из 36 тыс. тонн 12 тыс. тонн — 33%. Переобмолот дал 28 тыс. центнеров, в среднем 1 центнер зерна с 33 центнеров соломы. Л. М. [Каганович]: «Кто вешал солому?» Солому не вешали, а считали в среднем 20 центнеров соломы с 1 га. Ошибка, что не увязали обмолота с хлебозаготовками.

2) ЛЮБАШЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Головащенко. План хлебозаготовок выполнен лишь на 45%. Большая засоренность парторганизации. Сняли 11 предсельсоветов. Хлеб в мелких ямах — раскопали 700 ям, но нашли в них всего около 27 (?) центнеров. Твердозаданцы разъехались из района. Единоличники выполнили план всего на 22%. «Расчекрыживание». Уполномоченный обкома Могилевский. В ряде сел круговая порука: «Хліб крали всі». Мы штрафы не доводим до конца. Нужно применять конфискацию усадебных земель. Троицкий район самостийничает и высылает своих не исполняющих планов и саботажников хлебозаготовок в соседний Любашевский район. Оставшийся план 8 тыс. тонн едва ли будет выполнен.

3) ЦЕБРИКОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Якунин. План выполнен на 76%, осталось 8,6 тыс. центнеров. Якунин подвергается тщательному допросу о методах заготовок в колхозе им. Сталина села Каторжного. Обнаруживает незнакомство с деталями, трафаретность и неконкретность ответов.

В районе имеется 878 тонн семенных фондов и 115 тонн для СТФ [страхфонд]. Раскрыто 250 ям, найдено в них 750 центнеров хлеба. Хлеб прячут даже в могилы.

4) ВРАДИЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Лукашенко — одесский рабочий, был директором ряда заводов, юркий одессит, жуликоват, не смущается, за словом в карман не лезет, в записной книжечке имеет все сведения.

В районе не обмолочено 7,5 тыс. га зерновых и 2,5 тыс. га других культур. За последние 18 дней намолотили 17 тыс. центнеров, а государству сдали всего 9 тыс. центнеров (это выяснилось путем длительного допроса с пристрастием Лукашенко со стороны Чернова и Л. М. [Кагановича].

Инструктор ЦК КП(б)У РАИСОВ по материалам райкома, не съездивши в село Агафьевка, накатал докладную записку о «левацких» перегибах в селе Агафьевке. На деле — предрика вскрыл кулацкое кубло в колхозе во главе с бывшим помещиком Марченко, проникшим в партию. Производили обыски и аресты группы Марченко и, наряду с кулачьем, задели и бедняцкие хозяйства. При производстве операции некоторые, производившие обыски, «барахолили». Это дало повод Раисову написать о «левацких» перегибах. На деле это попытка прикрыть правую практику провокационными поступками.

5) КРИВООЗЕРСКИЙ РАЙОН. Секретарь Шепелев. Усердно защищал метод отобрания «незаконно переданных» авансов. Район должен заготовить 16 тыс. тонн, а «незаконных авансов» пока собрали по району 60 тонн, т. е. 0,5% оставшегося плана заготовок. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЦК КОЦЮБИНСКИЙ рассказал, что ухитряются прятать зерно под посевом. Надо усилить милицию, так как сейчас много грозим и не проводим в жизнь угрозы. В середине декабря в район приехала выездная сессия облсуда судить коммуниста (сейчас активно борющегося за хлеб) за перегибы, допущенные в январе-феврале 1932 года. Это сильно деморализовало хлебозаготовителей в районе.

КАГАНОВИЧ (*аплодисменты*) Не думайте, что я стану добрее от аплодисментов (*смех*). Зачитывает решение ЦК от 19 декабря о посылке Кагановича и Постышева на Сев. Кавказ особоуполномоченными ЦК и СНК. Объявленная партчистка должна вычистить тех, кто треплется языком за генеральную линию партии, а на деле ее саботирует. Хлебозаготовки — лучший экзамен для партийца. Издевательство — собирать по полпудика авансов и проходят «мимо» засыпанных колхозных фондов. Решения ЦК КП(б)У от 18 и 29 ноября отменены. Но значит ли это, что мы не должны собирать семена? Нет. Семена нужно собрать, но после выполнения плана хлебозаготовок. За семена нужно драться. И, возможно, придется пойти на путь самообложения

колхозников. Но это гораздо целесообразнее делать именно для семян, а не для хлебозаготовок идти и «побираться» у колхозников по полпудика.

У многих секретарей нет ясности — чего можно и чего нельзя. Их с прошлого года «мамка на перегибах ушибла». И вот боятся «перекручивания». Украинская пословица говорит: «Крути, да не перекручивай». А они решили «зовсім не крутить» (*смех*). В морду бить никогда не следует. Но умело проведенные обыски, и не только у единоличников, но и у колхозников, рабочих, коммунистов,— это не перегиб. Надо село взять в такой «штосс», чтобы сами крестьяне раскрыли ямы. Добровольно вскрывающим ямы надо дать амнистию.

Необходимо очистить парторганизации от примазавшихся и оппортунистов, идейно вооружить и закалить парторганизацию. Когда в душе нет твердости, нет металла — хлебозаготовки не пойдут.

Я за переобмолот, но он — не главный источник получения хлеба. Кроме того, он неминуемо растянется на 2–3 месяца. Целесообразнее переобмолот вести для создания семфондов и страхфондов — для весенних полевых работ. На это колхозники пойдут охотнее. Часто сейчас вокруг переобмолота больше суетни, чем дела и толка.

Далее подробно касается форм воровства в колхозах и значения декрета о защите соц. собственности. Новый этап борьбы за колхоз. Коммунисты должны уметь оставаться в меньшинстве и завоевывать себе большинство в колхозах.

Кто не умеет видеть классового врага под маской колхозника, тот не большевик, а народник, эсер. Коммунист без идейной политической вооруженности — мещанин. Либо соц. колхоз, либо крестьянский союз.

После совещания секретарей райкомов — беседа с работниками ОГПУ.

24 декабря

Утром приезд в Вознесенск. Короткое совещание в райкоме (секретарь Кинжалов, предрика Зиновьев, уполномоченный ЦК Гаврилов). Затем разбились на 2 группы и поехали по колхозам (группа во главе с т. Кагановичем и во главе с т. Любченко).

Наша группа посетила колхоз имени 61 коммунара в Раковском сельсовете и колхоз 61 партизана в с. Арнаутово.

КОЛХОЗ СЕЛА РАКОВКИ — имени 61 коммунара — 209 хозяйств, 393 трудоспособных, 788 едоков. До 1 ноября 28 тыс. трудодней, до конца года предполагается 37 тыс. трудодней. Многие имеют по 20–30 трудодней. Роздали на трудодень по 2 600 грамм муки в переводе на зерно (причем обществ. питание составляет 55% выданного), по 2 копейки денег — к распределению по трудодням деньгами при

доходах колхоза в 119 тыс. руб. намечено всего 650 рублей. Вместе с тем не погашена со многих еще старая задолженность в 300–400 рублей (в том числе и по старому с.-х. товариществу).

Штаты правления раздуты. На 200 хозяйств следующие платные должности, оплачиваемые трудоднями: председатель, секретарь, завхоз, 2 счетовода, нормировщик, полевод, 3 кладовщика, 1 сторож, зав. мельницей, зав. конным двором и зав. фермой, да еще 5 бригадиров — всего 19 чел. На них истрачено около 7 тыс. трудодней.

План хлебозаготовок — 7 200 центнеров, сдано пока 5 060 центнеров. Помимо семенных фондов в амбарах колхоза имеются около 160 центнеров озимой ржи, хранившейся по распоряжению райкома для обмена на яровой ячмень.

(Кассир и нормировщик были весьма подозрительны на вид. Решили забрать и допросить обоих — нет ли скрытых амбаров хлеба. Результаты будут даны приложением к дневнику.) Уполном. райкома — заврайстат — сидит в колхозе 8-й месяц и все без толку.

КОЛХОЗ СЕЛА АРНАУТОВО имени 61 партизана.

Председатель беспартийный, крепкий, но хлеба сдавать не хочет. Секретарь ячейки — двадцатипятитысячник, но веса в колхозе не имеет. В колхозе 361 хозяйство, 663 трудоспособных, 1 410 едоков. На трудодень дали 1 300 грамм. Осталось обмолачивать 312 га. План хлебозаготовок выполнен на 55%. Сдано 3,9 тыс. центнеров, засеяно 1 тыс. центн., распределено по трудодням 7,7 тыс. центн. Осталось запасов, по их словам, 100 ц. пшеницы и 500 ц. для перечистки — отходов. Уборочная площадь — 2 000 га. Низкий урожай, в среднем по 6 центнеров зерновых с га, объясняют плохой обработкой и тем, что уже 4[-й] год сеют рожь по ржи из-за того, что райзо путает земли. От хлебозаготовок хотят отделаться дачей оставшегося переобмолота и обмолота. Собирать раскраденное зерно до сих пор не начинали и не думали.

Сельсовет также ведет слабую борьбу с единоличниками, не сдающими хлеб. Село зажиточное. Единоличный сектор – 135 хозяйств. Из них уже 50 ликвидировались — главы семей утекли неизвестно куда. То же было и в прошлом году, а к лету они вернулись, наворовали хлеба, собрали свой урожай. И теперь опять скрылись. Предсельсовета производит впечатление крепкого работника, хорошо знает по фамилиям единоличников, уже 3-й год предсельсовета. Но уполномоченные по селу слабые.

СОВЕЩАНИЕ СЕКРЕТАРЕЙ ГРУППЫ РАЙОНОВ. Открылось в 22-15.

1) НОВОУКРАИНСКИЙ РАЙОН. Секретарь Козырев. Нужно переобмолотить 71 тыс. га. При 100 молотилках, переобмолачивающих по 7–8 га в день, потребуется 100 дней. Кроме того, нужно обмолотить

5 тыс. га. Имеется 1,5 тыс. га неубранной кукурузы. В селе Ровном нашли 737 ям. Л. М. [Каганович]: «А где у Вас субъективный фактор?». Ответ: «Перестроили парторганизацию» (ответ расплывчатый). Из обмолота не сдали 120 центнеров хлеба.

Уполномоченный т. Крутко. Работает 9 дней. Счетоводы и адмперсонал колхозов получил много лишнего хлеба. Семья из 5 трудоспособных и лучших ударников получила 5 центнеров, и счетовод с женой получил 5 центнеров на 2-х. 26 декабря проводим слет колхозов, выполнивших план. Надо подбросить мощные молотилки и двигатели (возможно, трактора). Нет шкивов. Район обслуживают 3 МТС, но их роль в хлебозаготовках ничтожна. Колхозы занесены на черную доску, колхозная торговля в них запрещена, а правления колхозов предоставляют подводы для поездки на базар. Для 7 учителей создали учительский фонд в 27 центнеров.

2) АРБУЗИНСКИЙ РАЙОН. Секретарь — Кобзарь. Применили возврат незаконно переданных авансов. В одном колхозе из 600 центнеров, розданных по трудодням, вернули 70 центнеров (раздавали по 1,6–2,2 килограмма на трудодень), а весь остающийся план — 3 000 центнеров. Оставалось необмолоченным 400 га.

Л. М. [Каганович]: «Это напоминает кулацкую политику с красными обозами — положить пудик и везти с красным флагом».

Еще не обмолочено 6 тыс. га по всему району. Нужны работники — 10–11 чел. Сейчас имеются из обкома 18 уполномоченных, но их, по мнению Кобзаря, недостаточно, да к тому же они слабые люди.

3) ЗИНОВЬЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь — Пидсуха. 4[-я] пятидневка сорвалась, срывается и 5-я, главным образом из-за транспортных причин. Еще остаются 17 тыс. га необмолоченного хлеба. Но скирды тают без обмолота — расхищаются. Причина срыва [—] затягивание уборочной кампании и частая смена руководства (в одном колхозе за год 13 раз менялся председатель).

Уполномоченный обкома Иванченко. Затягивание обмолота сознательное, чтобы хлеб остался на месте. Сопротивляются и коммунисты. Репрессии не проводятся единой системой, единым прессом, почему и не дают должного результата. В колхозах хлеба еще много. Молотят хлеб сырой. Его не принимают на глубинках. На одной глубинке он уже загорелся.

4) ДОМАНЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Вишневский. План хлебозаготовок выполнен на 60%. Путает цифры. Рассказывает анекдот, что Товаровская (пом. обл. прокурора) прислала в район бумажку с предложением списать из книг ЗАГСа расстрелянных, а не позволяет опубликовывать приговоры и исполнения их в печати.

Уполномоченный ЦК Дитюк. На черную доску выбраны неудачно маленькие колхозы в 18 и 26 дворов. Уже исключены из партии 3 уполномоченных и 1 из них арестован (бывш. председатель райколхозсоюза). Секретарь одной из сельских ячеек в то же время отбывает принудительные работы за растрату в кооперации. И ячейка выносит решение просить о сокращении срока принудиловки для своего секретаря.

5) ВОЗНЕСЕНСКИЙ РАЙОН. Секретарь Кинжалов. Мы дали распоряжение забронировать для обмена на яровые семена ячменя озимую рожь потому, что иначе мы останемся без семян, так как воровали преимущественно озимые и из наворованного яровых семян не наберешь. Авансы не удерживаем, кроме адмхозяйственного персонала колхозов (счетоводов, председателей и пр.). Отобрание наворованного в ряде колхозов начали проводить крайне неумело, с поголовных обысков, и начинали с тех, кто просил их обыскать. В результате ничего не находили, а обысканные получали как бы санкцию, что у них ничего нет. Это мешало хлебозаготовкам.

6) НОВООДЕССКИЙ РАЙОН. Секретарь Теверовский. План хлебозаготовок выполнен лишь на 60%. Запоздали с молотьбой. Один предколхоза Недвига, ранее как секретарь окружкома комсомола исключавшийся за троцкизм, агитировал открыто за затягивание обмолота. Осужден на 8 лет. Не обмолочено пока 3 тыс. га. В день молотят по 500 га.

Погребной — уполномоченный обкома. План небольшой — 4,4 центн. с га. Но основное препятствие — кулацкие гнезда, засевшие в 7–8 селах. Напр., в Андреевке предколхоза сидел старшина, счетоводом — сын высланного кулака и т. п. По Бугу в 12 сельсоветах успели уже спустить хлеб «по течению», т. е. переправить и перепродать подальше.

7) БРАТСКИЙ РАЙОН. Секретарь Тонконог. Не обмолочено 5,3 тыс. га. Обещает окончить обмолот к 1 января.

8) В.-ВИСКОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь ЧЕЧКО. План выполнен на 70%, закончат к 18–19 января. Не обмолочено еще 2 тыс. га.

Уполномоченный обкома Тараненко. Засыпали 130 центнеров для 7 учителей в селе Максимовка. Коммунисты сопротивляются вывозу готового видимого хлеба.

9) КАРЛЛИБКНЕХТОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Дюрмаер. Большая засоренность колхозов кулацким элементом. Хлебозаготовки закончим к 20 января. В немецкой деревне еще слаба классовая дифференциация. Имелось 20 случаев добровольного вскрытия хлебных ям.

КАГАНОВИЧ. Только в конце декабря вы начинаете понимать, как надо заготовлять хлеб. И то я вас похвалил, что вы начинаете понимать.

Вчера собравшимся секретарям в Одессе я этого не сказал. Хлеб, шедший у вас до сих пор, шел значительно самотеком, не политически, без души, без большевизма. Вы путались и растерялись от прошлого года. Куда вы смотрели, что на общ. питание уходит по 3–4 фунта на трудодень, а теперь собираете по полпудика розданных авансов. А в этом вопросе легче всего наделать перегибов, создать единый фронт против нас, обидеть ударника, подорвать основу трудодней.

Что главное у вас сейчас? Не авансы и не переобмолот, а:

1) вывезти наличие хлеба из амбаров, хотя бы он хранился под видом всяких фондов,

2) ускорить обмолот,

3) искать разворованный хлеб, в особенности у единоличников. И искать так, чтобы сами добровольно раскрывали ямы, так как иначе у нас не хватит сил перекопать всю землю.

Многие коммунисты оказались идеалистами эсеровского толка, идеализируя колхозника и не замечая классовой борьбы. Недостатки многих коммунистов сейчас:

1) Работают как приказчики.

2) Итальянят, отсиживаются.

3) Стыдливые девушки (как щедринский герой — «я бы рад не обижать, да исправник приказал»).

Час испытания для Одесской области. Предстоящая партчистка.

Совещание закончилось подписанием секретарями райкомов обязательств окончания выполнения хлебозаготовок к определенным числам и вывоза, начиная с 26 декабря, не менее определенного количества хлеба. [...]

Совещание кончилось в 4 часа 25 декабря. В 4-30 уехали в Херсон.

25 декабря

Приезд в 17 часов в Херсон. Совещание секретарей райкомов, предриков и уполномоченных Херсонской группы районов.

1) СНЕГУРОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь тов.

Партчистка закончилась, но на хлебозаготовках почти не отразилась. Вместо 280–300 тонн в день заготовляют 30–40 тонн. Получено выявлением разворованного хлеба 381 тонна и собиранием незаконно выд[анных] авансов 114 тонн, а нужно еще заготовить 13 000 тонн.

Уполномоченный ЦК Хвыля. Начальник районной милиции оказался главарем шайки, разворовывавшей хлеб и спекулировавшей им. Сейчас арестован. Одесский суд задержал утверждение приговора над кулаками на 3 месяца. Слишком поспешили с окончанием чистки. Прочищенные комсомольцы не выходят на молотарки, празднуя, что их оставили. Вместо вычищенных и снятых петлюровцев и григорьевцев надо дать в район крепких работников.

2) БАШТАНСКИЙ РАЙОН. Секретарь Шевченко сидит уже 3 года. Есть сведения, что отрицательно относится к заготовкам. Райорганизации разбазарили 20 тыс. пудов хлеба для нужд района (устное заявление в личном разговоре уполномоченного ЦК Дроба).

При возвращении «незаконно выданных» авансов часто по разверстке на двор приходится больше сдать, чем получено по трудодням. Напр., сдают по 3 центнера, а авансу всего получили 2 центнера. (Л. М. [Каганович]: «Это же издевательство над соввластью и трудоднями. Вы вступили в сделку с ворами вместо того, чтобы их сурово карать».)

Ямы, где зарыт хлеб, мелкие, в одном хозяйстве нашли 40 пудов спрятанными в 11 ямах. Чтобы замаскировать яму, сажают над ней дерево (напр., вишню на могиле). В Песках (село на черной доске) собралось 30 уполномоченных по хлебозаготовкам. Сейчас село от них разгружается.

Уполномоченный ЦК Конотоп. Подчеркивает большую засоренность кадров. Секретарем ячейки сидел сын управляющего именьем, белогвардеец. Главное — вся его прежняя жизнь протекала на глазах этого же села. И молчали.

Район в прошлом году был ведущий, получил красное знамя, а сейчас сел, потому что райком идеализировал колхозника.

Председатель РКК покрывает воров-коммунистов и не дает согласие на их арест. На этой почве у него были стычки с Конотопом.

3) ХЕРСОНСКИЙ РАЙОН. Секретарь Сидерский — энергичный работник, но явно недоучитывает значения хлебозаготовок для его района. Имеет полную возможность в ближайшие дни выполнить план. Но борется за это слабо.

Отстают в выполнении плана самые крупные колхозы. Мелкие план уже выполнили. На половине молотарок весовщиками работает кулацкая агентура, которая расхищает хлеб, несмотря на то, что на каждую молотарку был поставлен контролер из рабочих и коммунистов. Разнобой в накладных колхозов и ссыпных пунктов. Большое воровство на ссыпных пунктах и обвешивание (*голоса: «Это рефакция»*). Возможно, этот вид воровства на иностранном языке и называется рефакцией (*смех*).

4) ЦУРЮПИНСКИЙ РАЙОН[6] — обещает в ближайшие дни закончить план.

5) УСТИМОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Каминский. План выполнен на 75%. Еще осталось молотить 1 000 га. Есть и семенные и страхфонды. 5 случаев добровольного вскрытия самими [крестьянами] собственных ям.

6) ГОЛОПРИСТАНСКИЙ РАЙОН. 31% единоличников. Основываясь на том, секретарь райкома виляет в точных сроках окончания плана. Рассказал, что для того, чтобы заставить единоличников сдавать, вечерами и ночами колхозники ходят отрядами-толпами с факелами, подходят к дому единоличника и требуют у него отчета, как он выполнил хлебозаготовки.

Уполномоченный обкома ХАНЗОН говорит более уверенно. Указывает на огромную засоренность. Из одного села выгнали уполномоченного райкома — зампредрика Жупыну, и тогда хлеб пошел. Один предколхоза сказал колхознику, нашедшему в яме 60 пудов хлеба: «Ешь сам и никому не говори». Бывший секретарь райкома Дубровский самовольно снижал планы колхозам и дезориентировал их. Сейчас получил повышение и работает в Харькове.

7) КАХОВСКИЙ РАЙОН. Секретарь т.

Растерялся. Мал урожай, так как весной сеяли по 3 пуда на га. Уборочная кампания прошла успешно. А на заготовках район сел.

ТАРАН: «В районе большая растерянность. Но хлеб есть».

8) НИКОЛАЕВСКИЙ РАЙОН. Секретарь Горя не в курсе дела, за хлеб борется слабо. План выполнен только на 84%. Имеет все возможности закончить хлебозаготовки к 1–2 января.

9) НОВОБУГСКИЙ РАЙОН. Еще осталось сдавать 20 тыс. тонн. Когда как следует нажали на одно село, оно за 5–6 дней вывезло 7–8% годового плана, а раньше совсем не вывозило. Не сумели еще до сих пор организовать добросовестную часть колхозников против лодырей. (Л. М. [Каганович]: «А вашей политикой удержания авансов вы еще больше мешаете этому, сплачивая в единый фронт ударников и лодырей против хлебозаготовок».)

10) В.-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН. В глубоком провале. Считали скирды, а хлеб из них все время таял. Хватились молотить, а хлеба в скирдах и половины прежнего нет.

11) КАЛИНИНДОРФСКИЙ РАЙОН. Арестованный за хищения некий Кант через несколько месяцев после своего осуждения (получил 8 лет заключения) выдвинулся по линии ДОПРа и теперь заведует Винницким ДОПРом.

Много зерна теряется при переобмолоте в сырую погоду.

12) БЕРИСЛАВСКИЙ РАЙОН.

Тов. Майоров дает краткую оценку всех выступавших.

КАГАНОВИЧ (в духе предыдущих двух выступлений с большим развитием общеполитической части).

26 декабря

В ночь на 26 декабря поездом перебрались из Херсона в Николаев. Оттуда утром на автомобилях поехали в Одессу с заездом в

Одесско-Николаевский совхоз, Тилигуло-Березанскую МТС и колхоз села Суворово и райком Суворовского района.

ОДЕССКО-НИКОЛАЕВСКИЙ ЗЕРНОСОВХОЗ. Директор арестован постановлением ПБ от 21 декабря (Бальтюкевич), но к моменту приезда нашего в совхоз находился под домашним арестом. Допроса не было, а в своих показаниях он признает бесхозяйственность и сваливает вину на предшественников и объективные причины.

Уполномоченный ОГПУ в совхозе Ляпис написал записку, в которой считает, что план хлебосдачи может быть выполнен максимум на 63% (берет на веру наличие хлеба и не хочет подумать, как получить хлеб, разворованный рабочими и соседними селеньями).

В совхозе много капитальных сооружений, мощная машинная база, но крайне неблагополучно с кадрами рабочих.

ТИЛИГУЛО-БЕРЕЗАНСКАЯ МТС СУВОРОВСКОГО РАЙОНА

Существует с 1929 года. Имеет 129 «Фордзонов», из них 44 предполагается выбраковать в лом, 12 «СТЗ», 3 «Интера», 40 «Ойль-Пулей», к тяге не годных и употребляемых для стационарной работы. Мощные ремонтные мастерские, хорошие токарные станки, просторно. Обслуживает 56 колхозов, 6 372 двора, 66 тыс. га. В обслуживаемых колхозах имеется всего 3 500 лошадей, могущих сами поднять не более 15 тыс. га. Таким образом, окружающие колхозы находятся в полной энергетической-тягловой зависимости от МТС. Но свои возможности МТС реализует плохо.

Обобщающие предложения и выводы из посещения МТС:

1) Улучшить выбраковку тракторов в лом. Производить не местными силами (сейчас это делается механиком МТМ и инж[енером]-механизатором МТС с участием мастеров и трактористов), а специальной комиссией от Облтрактора.

2) Более разборчиво принимать кассиров (работает 18-тилетний парнишка, а у него на руках бывает 4–5 тыс. рублей).

3) Лучше сочетать тракторную тягу с лошадиной.

4) Более внимательно относиться к кадровым рабочим. В частности, дифференцировать нормы выдачи хлеба для рабочих горячих работ (напр., кузнецов, литейщиков и т. п.).

КОЛХОЗ СУВОРОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА (немецкий).

Организован в 1930 году. Сейчас 108 хозяйств (остальные 32 хозяйства в селе — единоличники и служащие). Имеет 105 трудоспособных и 424 едока. Трудодней 31 тыс., в среднем по 300 на хозяйство. Посев — 1 600 га. Собрали с них, по их словам, 6 060 центнеров, т. е. всего по 4 центнера с га. Объясняют плохой обработкой. План хлебозаготовок выполнили на 85%, но под большим нажимом. Сейчас так же потихонечку хотят «отсидеться» на 85%.

Председатель — беспартийный, крепкий хозяин, умело всеми командует, но хлеба сдавать не хочет. Председатель сельсовета под председателем колхоза, уполномоченный райкома вертится у ног председателя колхоза, даже секретарь райкома Грищенко заискивает и теряется перед колхозом.

Предложили окончить сдачу хлеба к 1 января, а пока пощупать счетовода и еще кого-нибудь. Если перелома не будет, то взяться и за председателя. Персональную ответственность за колхоз возложили на Грищенко.

27–28 декабря

Совещание с наличными членами бюро обкома. Выявилась безобразнейшая работа прокуратуры и суда. Не знают дел, не могли дать ярких дел для показательных процессов. Гонятся за статистикой, за количеством осужденных, а не следят за качеством процессов и воздействием на население. В борьбе за количество вступают на путь соревнования по количеству прослушанных дел. Приговоры формулируются безобразно. Основное преступление — кража хлеба [—] рассиропливается, разбавляется десятками других менее важных проступков. Язык приговора — газетная статья, а не политическая формулировка в юридическом оформлении. Утверждение приговоров Верхсудом задерживается минимум на 2 месяца. Полный ералаш во взаимоотношениях с Харьковом.

Приняты решения о высылке 500 семей саботажников хлебозаготовок, кроме того 500 только глав семей без членов семей, 50 исключенных из партии в концентрационные лагеря, 500 хозяйств лишить усадьбы, распродать имущество [...], провести несколько показательных процессов и важнейшие приговоры помещать не только в районных, но и в областной газете, открыть новых 32 глубинных пункта, исключить из партии секретаря Октябрьского райкома партии и предупредить ряд других секретарей. что если они в ближайшие 2–3 дня не добьются перелома, им грозит та же участь. Сняты с передачей дела в ОблКК 3 уполномоченных обкома по зерносовхозам. Ряд практических мероприятий по усилению работниками (уполномоченными и постоянными) наиболее слабых и должных дать основную массу хлеба районов. Оперативные мероприятия (телеграммы, посылка т. Майорова) по отдельным районам.

Отъезд в Харьков в 16 часов 28 декабря.

В 21 час прием в вагоне Кинжалова и Гаврилова (Вознесенский район) и накачка по усилению темпов хлебосдачи.

В 1-30 29 декабря прием в вагоне Пидсухи и Иванченко (Зиновьевский район) и резкая накачка по усилению темпов хлебосдачи.

Обоих секретарей обязали посылать в Москву каждые 3 дня сообщение о ходе хлебозаготовок.

29 декабря

В 11-40 приезд в Харьков. Заседание с наличными членами ПБ ЦК КП(б)У (Косиор, Хатаевич, Балицкий, Терехов, Шлихтер).

Приняты решения:

1) Письмо обкомам и райкомам о немедленной сдаче колхозами, не выполнившими плана хлебозаготовок, всего наличного зерна, в том числе и так называемых семенных фондов, в хлебозаготовки в ближайшие 5–6 дней, мобилизовав для этого тягло.

2) Об имеющихся фактах перегибов и хулиганства. Отвергнут проект письма, предложенный т. Хатаевичем, который в сущности после разоблачения теории фондов мог как «теория перегибов» стать тормозом для хлебозаготовок. Вместо этого принято короткое предложение тройке по репрессиям тщательно расследовать каждый факт хулиганства и воровства при обысках в отдельности и соответственно реагировать в каждом отдельном случае.

3) Применить распродажу всего имущества, а также лишить усадебной земли и построек наиболее злостно саботирующих хлебосдачу единоличников по Харьковской области 1 000 хозяйств, по Днепропетровской 500 хозяйств.

4) Выслать из Днепропетровской области 700 семей.

5) Ряд практических мероприятий по улучшению работы суда и прокуратуры: поручено отправить руководящее письмо о составлении приговоров, создать подготовительную тройку к заседаниям комиссии ЦК, проверить причины расхождений между НКЮ и областями о количестве утвержденных в центре дел по высшей мере соц[иальной] защиты.

В 18-40 отъезд из Харькова в Москву.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 1–24. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1, 3, 5, 7. Так у тексті.

2. Треба «Антоново-Кодинцевский».

4. Снігірьовський район.

6. Цюрупинський район.

64. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну про ситуацію в Україні та дії щодо посилення хлібозаготівель

21 грудня 1932 р.

Шифровка

Москва ЦК ВКП(б) Сталину

Вечером 20 и 21 декабря на заседании Политбюро ЦК КП(б)У наметили ряд практических мер по усилению хлебозаготовок. Ввиду того, что по Украине значительная часть уполномоченных

отсиживается, покрывает бездеятельность, а порой прямое предательство районных работников, разослали решительное предупреждение всем уполномоченным, а 10 наихудших сняли с работы и дело об их пребывании в партии передали ЦКК. Из десяти снятых 7 были посланы ЦК КП(б)У и 3 обкомами.

38 основных районов Украины должны еще дать 32 мил. пудов хлеба — свыше 40% оставшегося к заготовке без гарнца хлеба по республике. Еще 50 мощных районов должны дать около 30% оставшегося к заготовке хлеба. Из 38 основных районов — 21 в Днепропетровской и 15 в Одесской областях. На этих районах сосредотачиваем наше внимание. Подобрали еще 40 руководящих работников уполномоченными в эти основные районы, а около сотни крепких военных и харьковских работников им в помощь. Одновременно нажимаем на районы, где осталось выполнять немного.

Так как есть большая опасность, что Киевская, Винницкая области снизят темпы и затянут выполнение оставшихся 7–8% плана, послали им категорическую директиву закончить план в ближайшие дни. Еще более решительную телеграмму послали Донецобкому.

Крайне неблагополучно с Харьковской областью. Харьковчане не мобилизовались на выполнение плана. Единоличники области должны сдать еще около 6 мил. пудов. Сложилось впечатление, что обком пасует перед этой задачей. Пришлось сердито поговорить с Тереховым. Предложили более энергично взяться за хлебозаготовки, в частности у единоличников.

По нашему настоянию отменены 2 постановления ЦК КП(б)У от 29 ноября и 15 декабря, которые, по нашему мнению, дают основание местным организациям придерживать хлебозаготовки под видом закрепления и создания колхозных фондов и повторной проверки ресурсов совхозов. Подробно расскажу по приезде.

Сегодня постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывавших хлебосдачу директоров совхозов.

Косиор по своему желанию выезжает вновь в Днепропетровск, Чубарь в Чернигов. Хатаевичу поручили наблюдение за Харьковом.

В 4 часа я выехал в Одессу. Привет.

Каганович

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 53-53 зв. Машинопис. Правлена копія.

65. Телеграма Л. М. Кагановича і М. О. Чернова Й. В. Сталіну про скасування постанови ЦК КП(б)У від 18 листопада 1932 р.

22 грудня 1932 р.

Шифровка.
Расшифровать немедленно.
Москва ЦК ВКП(б) Сталину

Вчера сообщал Вам, что постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 29 ноября отменено. Однако продолжает действовать постановление от 18 ноября (посылаю его по прямому проводу).

Эта директива хотя начинается с того, что выполнение хлебозаготовок является первоочередной задачей, однако дает основания считать санкционируемым организацию всяких фондов в колхозах, не выполнивших плана хлебозаготовок. В постановлении указывается, что семенные фонды разрешается перечислять в хлебозаготовки лишь с санкции облисполкомов по каждому колхозу в отдельности.

По сообщению самих местных работников в большинстве колхозов засыпаны семенные фонды, а также страховые, даже в тех колхозах, где план хлебозаготовок выполнен на 50%.

Сама постановка вопроса о создании и закреплении фондов, а также запрещение перечислять семенные фонды в хлебозаготовки является легальным обоснованием и оформлением укоренившихся настроений о нереальности плана хлебозаготовок, хотя и не высказываемых открыто. Из бесед с областными работниками, а также из посещения сегодня района и колхоза мы убедились, что «заботы» о фондах, в том числе и семенных, серьезным образом тормозят и портят дело хлебозаготовок. Эти настроения питаются постановлением ЦК КП(б)У от 18 ноября.

Поэтому мы считали бы необходимым отменить и это постановление ЦК КП(б)У.

Просим срочно сообщить Ваше решение.

Каганович, Чернов

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 62. Машинопис. Правлена копія.

66. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну щодо публікації рішень про висилку до концтабору 50 виключених з партії та депортацію 500 сімей з Одеської області за саботаж хлібозаготівель

[27 грудня 1932 р.]

Шифровка[1].
Расшифровать немедленно.
Москва ЦК ВКП(б) Сталину

Прошу разрешения: 1) опубликовать в областной и районной печати о высылке в концентрационный лагерь 50 исключенных из партии за саботаж хлебозаготовок и расхищение хлеба коммунистов с поименными списками, 2) опубликовать в печати о выселении из Одесской области 500 семей за организацию саботажа и срыв хлебозаготовок.

Каганович

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 56. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1. Шифровка мала № 6/с.

2. 29 грудня 1932 р. Й. В. Сталін відповів Л. М. Кагановичеві телеграмою: «Ответ на № 6/с. Согласны. Сталин (вторая подпись перепутана)». Див.: РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 47.

67. Телеграма Л. М. Кагановича і М. О. Чернова Й. В. Сталіну про відкриття 32 глибинних зсипних пунктів

27 грудня 1932 р.

По прямому проводу
Москва ЦК ВКП(б) Сталину

Считаем целесообразным открыть 32 новых глубинных пунктов в Одесской области с возложением на райкомы и райисполкомы обязательств вывезти хлеб с глубинных пунктов на элеваторы и пристанционные пункты к 1 февраля 1933 г. Просим разрешить. Телеграфируйте свое решение[1].

Каганович, Чернов

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 45. Рукопис.

Примітка:

1. 28 грудня 1932 р. Й. В. Сталін надіслав Л. М. Кагановичу телеграму: «Сообщается постановление ЦК от 28 декабря: “Принять предложение Кагановича и Чернова об открытии 32 новых глубинных пунктов в Одесской области с возложением на райкомы и райисполкомы обязательств вывезти хлеб с глубинных пунктов на элеваторы и пристанционные пункты к 1 февраля 1933 г.”. Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин». Див.: РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 47.

68. Телеграма Л. М. Кагановича секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постишеву з проханням прибути на особисту зустріч

28 грудня 1932 р.

По прямому проводу
Кривой Рог
Вагон № 10 Северной ж. д.
Постышеву

28 декабря в 16 часов поездом №[1] выезжаю в Харьков. Хотел бы увидеться. Прошу быть на станции Знаменка к 3 часам ночи или приехать в Харьков к 12 часам дня 29 декабря.

Каганович

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 46. Рукопис.

Примітка:
1. У документі номеру немає.

69. Телеграма Л. М. Кагановича і заступника голови ОГПУ СРСР В. А. Балицького М. М. Майорову, начальнику Особливого відділу ОГПУ СРСР І. М. Леплевському про публікацію рішення щодо висилки 500 голів сімей за саботаж хлібозаготівель[1]

29 грудня 1932 р.

Одесса Обком Майорову
ГПУ Леплевскому

Москве вы дайте ответ тчк Как только возьмете глав семей, немедленно опубликуйте печати тчк № не позднее 31 декабря.

Каганович Балицкий

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 232. Арк. 48.Машинопис. Правлена копія.

Примітка:
1. Телеграму відправлено з Харкова.

70. Чорнові записи Л. М. Кагановича на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У

29 грудня 1932 р.

П. Б.

1ая запов[едь] собрать хлеб, 2ая — собрать семена

Один из секрет[арей] просит 10 мил. снижения на колхозную торговлю

И колхозы и совхозы сами откладывали и не привозили на элеватор

Мы виноваты в том, что переоценили прозорливость тт.

Надо было кричать об этом

Что руководило нами при объявлении колхозной торговли

1) чтобы лучше сеяли

2) успокоить бушевавш[его] украинск[ого] мужика

3) доходность

4) коль скоро колхозы нерентабельны, дать доходы кроме трудодней.

Зацепить за интерес, дать ему кроме общ[ественной] доли, дать дополнительные источники

но, если мы перестанем владеть событ[иями], колхозн[ая] торговля при всех ее плюсах может оказаться против нас

об этом говорили, но не кричали

это 1ая причина

есть и 2ая причина

наши тт. не поняли, что переход к коллект[ивному] хоз[яйству] наши заботы увеличивает.

Индивидуал должен был сам за себя заботиться

Коль скоро перешли на колхоз, он считает, что колхоз его обеспечит.

По положению коллектив[ист],

по сознанию еще собств[енник]

следоват[ельно] заботы наши увеличились

надо организов[анно] вести сев и проч[ую] уборку

оторвались от колхозной жизни

от Москв[ы] членов ЦК и Сев[ерного] Кавк[аза] и ЦК КП(б)У.

О фондах

только теперь Шеболд[аев] понял, то же Косиор.

Птуха и до сих пор не понял.

Птуха не всегда правдив,

чтобы понять, надо было Постышеву поехать

саботаж на Сев. Кавказе

3я причина

Стали идеализировать колхозы

не заметили, что они далеко еще не образцовые.

Колхоз форма хозяйственной организации,

такая как Советы, но они еще сами по себе не гарантируют

если сидят социалисты — колхоз социалистический,

если сидят враги, то может быть — капиталистический.

То же и с Советами, если там главенствуют меньшевики, как в Германии, распяли Либкнехта

и Милюков не против Советов

так и кулаки не против колхозов [...]

Колхоз готовая форма для сговора против сов. власти, если там враги, то же Советы, если там сов[етские] люди, они поведут вперед колхозы.

При отсутствии большевиков — эта форма против нас. Если мы ими не руков[одим], то ими ру[ководят] враги.

Классовая борьба до того обострена, что не может быть нейтрального.

4ая причина — то, что случился казус, это то, что враг оказался ловчее, колхозы — завоеванная форма, повернуть назад невозможно.

Враг присутствует

Он не идет в атаку на колхоз. Тихой сапой, изменение тактики, переход к саботажу, вредительству.

Развенчать на фактах провала и спускать на тормозах.

Наши не поняли, ищут врага, который кричал бы «Долой колхоз!»

Чтобы этого тщедушного врага найти, нужна прозорливость

Обвиняют часто крестьян,— [но] виноваты только мы — коммунисты.

Хороший и плохой организатор,— мужик один и тот же.

Мы виноваты.

Не заметили, что коль скоро объявлена колхозная торговля, мужик будет прятать хлеб.

Мы виноваты, что фонды

Переоценили колхозы

Не разглядели классового врага

Не всегда коммунисты выступают прямо, маневрируют перед своим ЦК.

Хатаевич — мудрец, сразу скажет, реальный план или не реальный.

Птуха.

Пример с выработкой плана хлебозаготовок (намек районному работнику)

Политика дипломатии коммуниста перед коммунистом есть обман.

Почему обкомы не пошли в поход против этих обма[нов]

Авторы такой мягкой политики добились максимум репрессий. [...]

Но что главное?

Главное в том, что по хлебозаготовкам идем ниже 31 года, мил. на 150–200.

Засухи нет, урожай сносный, если не лучше 31 года

Главное и новое, что характер состояния работы, то, что идем по хлебозаготовкам ниже [...]

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 25–33. Рукопис.

IV

У цьому розділі переважають щоденники поїздок Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ у 1933 р.

Наприкінці січня — на початку лютого Л. Каганович на доручення Політбюро ЦК ВКП(б) виїхав на Північний Кавказ — формально для перевірки стану ремонту тракторів перед весняною засівною кампанією (документ № 71). Та фактично він контролював ситуацію в краї, виселення станиць та інші репресивні акції проти місцевого населення.

Незважаючи на голод, тривала хлібозаготівельна кампанія. Л. Каганович побував у кількох колгоспах, МТС, на заводі «Ростсільмаш», взяв участь у засіданні крайкому партії. Крайові керівники розповіли про голод, який охопив Північний Кавказ, але, судячи з записів у щоденнику, Л. Каганович ніяк не відреагував на ці повідомлення. Оцінка ситуації з боку сталінського посланця та крайових керівників залишалася давньою: у селян є хліб, але вони його приховують від держави, воліючи вмерти з голоду.

Ту ж аморальність, злочинність людської та політичної позиції Л. Каганович продемонстрував в Україні, де він знаходився з 10 по 20 квітня (документи № 72—73).

До цієї поїздки Л. Каганович очолював комісію Політбюро ЦК ВКП(б), яка мала розробити заходи для подолання кризи у вугільній промисловості Донбасу. 8 квітня опубліковано відповідну постанову Політбюро ЦК ВКП(б) і РНК СРСР, яке передбачало, зокрема, запровадження на шахтах інституту партійних організаторів, переміщення управлінського персоналу шахт безпосередньо до вибоїв*. По двох днях Л. Каганович уже в Донбасі — контролювати, як здійснюють цю постанову донецькі партійно-радянські органи. Він ознайомився також із станом МТС і колгоспів Донецької та Дніпропетровської областей. Нема сумніву, що він бачив голод і розруху в колгоспах (про це свідчать записи в його щоденнику), але вважав за краще думати та говорити лише про те, що необхідно посилити вплив партії на селі. Таким самим Л. Каганович був на Північному Кавказі наприкінці червня 1933 р. (документи № 74—76).

* См.: Davies R. W. The Industrialization of Soviet Russia 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933.— Basingstone, Hampshire and London, 1999.— P. 381—387.

В этом разделе преобладают дневники поездок Л. Кагановича в Украину и на Северный Кавказ в 1933 г.

В конце января — начале февраля Л. Каганович по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) выехал на Северный Кавказ — формально для проверки состояния ремонта тракторов перед весенней посевной кампанией (документ № 71). Но фактически он контролировал ситуацию в крае, выселение станиц и другие репрессивные акции против местного населения.

Несмотря на голод, продолжалась хлебозаготовительная кампания. Л. Каганович побывал в нескольких колхозах, МТС, на заводе «Ростсельмаш», принял участие в заседании крайкома партии. Краевые руководители рассказали о голоде, охватившем Северный Кавказ, но, судя по записям в дневнике, Л. Каганович никак не отреагировал на эти сообщения. Оценка ситуации со стороны сталинского посланца и краевых руководителей оставалась прежней: у крестьян есть хлеб, но они его скрывают от государства, предпочитая умирать от голода.

Ту же безнравственность, преступность человеческой и политической позиции Л. Каганович продемонстрировал в Украине, где он находился с 10 по 20 апреля (документы № 72—73).

До этой поездки Л. Каганович возглавлял комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), которая должна была разработать меры для преодоления кризиса в угольной промышленности Донбасса. 8 апреля опубликовано соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которое предусматривало, в частности, введение на шахтах института партийных организаторов, перемещение управленческого персонала шахт непосредственно в забои*. Через два дня Л. Каганович уже в Донбассе — контролировать, как осуществляют это постановление донецкие партийно-советские органы. Он ознакомился также с состоянием МТС и колхозов Донецкой и Днепропетровской областей. Несомненно, что он видел голод и разруху в колхозах (об этом свидетельствуют записи в его дневнике), но предпочитал думать и говорить только о том, что необходимо усилить влияние партии в селе. Таким же Л. Каганович был на Северном Кавказе в конце июня 1933 г. (документы № 74—76).

---

* См.: Davies R. W. The Industrialization of Soviet Russia 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933.— Basingstone, Hampshire and London, 1999.— P. 381—387.

71. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ

30 січня – 5 лютого 1933 р.

Бригада:

1. Равикович — НК РКИ СССР.
2. Успенский — ОГПУ.
3. Антонов — авторемонтные мастерские.
4. Касилов — НКЗем СССР.
5. Леонтьев — Агитмасс ЦК ВКП(б).

Выезд из Москвы 30 января в 0-35 часов.

Приезд в Ростов 31 января в 14 часов.

Посещение Ростсельмаша. Члены бригады посетили Зернотрест и Зернотрактор. Бюро крайкома.

Отъезд в Армавир 31 января в 23 часа.

1 февраля.

Армавирская МТМ и МТС.

Село Ново-Кубанское. Колхоз «Ленинский путь».

Коммуна «Шеф строительства».

Совхоз им. Сталина («Хуторок»).

Совещание в Армавирском райкоме об МТМ.

Отъезд на ст. Прохладную в 23 часа.

2 февраля.

Члены бригады посетили Прохладненскую МТС.

Переезд в Нальчик. Беседа в обкоме с Калмыковым.

Колхоз «Красный кабардинец» (пробный выезд в поле и митинг в поле).

Колхоз «Кызыл-Бурун 2».

Баксанская МТМ (члены бригады осмотрели также Баксанскую МТС).

Отъезд в Кущевку в 21 час.

3 февраля.

Кущевский зерносовхоз.

Кущевская МТМ.

Бюро крайкома.

В 22 часа отъезд из Ростова.

Всего посетили 2 совхоза, 4 МТМ, 3 МТС, 4 колхоза, 1 завод.

Были в 4 районах: Армавирском, Кущевском, Прохладненском и Баксанском (Кабардино-Балкарской авт[ономной] области).

Поездка на Северный Кавказ имела целью выявить и проанализировать состояние ремонта и эксплуатации тракторов, принять на месте необходимые мероприятия по улучшению организации ремонта и разработать предложения по дальнейшей постановке работ

тракторного парка и системы ремонта его, в частности вопроса о нормативах, об улучшении основных кадров по эксплуатации и ремонту тракторов, об организации ремонтных межрайонных баз и восстановительном ремонте, о стандартном массовом производстве запасных частей и порядке их отгрузки промышленностью сельскому хозяйству.

Кроме того, следовало выяснить ряд других вопросов, связанных с подготовкой Северного Кавказа к весеннему севу.

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С РАБОТОЙ КРАЕВЫХ ОРГАНОВ

По приезде в Ростов мы ознакомились с работой краевых органов (Посевкома, КрайЗУ, Крайзернотрактора, Крайзернотреста, Уполнаркомтяжпрома и др.) и промышленности, изготовляющей запчасти и ремонтирующей трактора (в частности, с Ростсельмашем), после обследования состояния и работы этих органов на заседании бюро крайкома заслушали сообщения руководителей краевых органов и обследователей.

Выявилось, что краевые органы положения на местах не знают и отчетность, заявки, требования составляют «умозрительно», слепо доверяясь данным, полученным с мест, безо всякой их проверки.

Краевой посевной комитет сравнительно без опоздания (7 января) разработал на основе тех данных, которые ему удалось собрать в Ростове, план ремонта тракторов по каждой МТС и совхозу и опубликовал этот план в «Молоте». Также разработаны детальные постановления о семенах, севе и ряд других. Но оперативного руководства местами на основе детальной проверки выполнения постановлений посевкома краевые органы не проводят. Посылаемые крайкомом уполномоченные лишь суммируют и штампуют те данные, которыми их снабжают в МТС, МТМ и совхозах.

БЮРО КРАЙКОМА

Тов. ШЕБОЛДАЕВ рассказывал:

Нужно собрать семян 20 мил. пудов, а собрали пока 4–5 мил. пудов, да еще 2 мил. пудов краевой фонд. Недостаток продовольствия наиболее остро чувствуется в Ново-Александровском районе. Выезжавшие из крайкома работники ОГПУ констатировали около 100 случаев смерти от голода. В особенно тяжелом положении некоторые деревенские активисты и часть единоличников.

Отмечен ряд случаев, когда дети пухнут от голоду, когда налицо острое недоедание, а начинают искать и находят зарытыми по 75–100 пудов хлеба (в станице Петровской, в станице Старо-Минской и др). При допросе глава семьи молчит или говорит: «Нам не привыкать».

В станице Старо-Минской к одной единоличнице поставили для наблюдения агента. Пока он жил 5 дней, семья ничего не ела и была накануне смерти, а когда агента вынуждены были снять, на другой день опять нашли в доме свежий печеный хлеб.

Классовая борьба кулачества принимает формы изуверского террора — облили бензином и подожгли уполномоченного крайкома, избили и издевались над зам. предсельсовета — женщиной [...].

Режут усиленно скот. За последние дни в Старо-Минской зарезали 150 голов скота. Усилился падеж лошадей. Причины — исключительно небрежный уход, так как грубые корма есть. Но их не привозят, не делают сечки и т. п. На прошедшем пленуме крайкома некоторые секретари райкомов пытались отмолчаться, а потом выступали формально. Голодовку боялись называть открыто и говорили «эти случаи». Политотдельцы выступали хорошо. Больше жалуются на директоров, чем на парторганизации. Некоторые по уши залезли в хозяйственные вопросы и несколько забросили массовую работу На бюро крайкома тов. Ищенко (КрайЗУ) защищал существующую систему снабжения МТС запчастями, при которой отдельные Крайтракторы не могут по существу влиять на ход ремонта и засылку запчастей.

Вопросы, отложенные до возвращения из поездки по районам: 1) 38 станков для МТС с предприятий края, 2) хлеб для совхозов, 3) оплата трактористов, 4) комбикорм, 5) меры по сохранению лошадиного поголовья, 6) снабжение металлом и углем, 7) деньги для МТС по проведению ремонта. [...]

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 44—45, 74. Машинопис. Правлена копія.

72. Короткий щоденник поїздки Л. М. Кагановича в Україну 10–20 квітня 1933 р.

10 АПРЕЛЯ. 0-35 ночи — отъезд из Москвы. 22 часа — проезд через Харьков. Беседа в вагоне с т. С. Косиором.

11 АПРЕЛЯ. 10 час. приезд в г. Сталино. Краткая беседа в обкоме. Поездка в Рутченковское («Комс[омолец] Украины») рудоуправление. Беседа с управляющим Ивановым. Обход отделов — маркшейдеровского бюро, планового и технического отделов, бухгалтерии. Беседа со служащими и слушателями двухмесячных курсов пропагандистов.

Поездка на шахту № 2/7 Лидиевка. Посещение шахты — осмотр врубовки, конвейера, скрепера. Беседа с рабочими. Беседа в шахтоуправлении с административно-тех[ническим] персоналом (завшахтой Иванов, гл. инженер Шаргородский и др.) о работе шахты и структуре шахтоуправления.

12 АПРЕЛЯ. Совещание с инженерами и хозяйственниками в Сталинугле. Организация комиссий из инженеров и из трестовиков для разработки проектов структуры шахты, рудоуправления, треста.

Заседание бюро обкома партии.

Присутствие на открытии конференции шахтеров-ударников. Доклад т. Акулова. Посещение Сталинского металлургического завода. Беседа с рабочими (в частности, с Пикулиным из мартен[овского] цеха). Выступление на собрании 2[-й] смены рабочих доменного цеха.

13 АПРЕЛЯ. Присутствие на конференции шахтеров-ударников. Вечером выступление на ней. В 22 часа отъезд в Горловку.

14 АПРЕЛЯ. Посещение шахты № 1 в Горловке. Беседа с рабочими под землей (десятник Клочко, забойщик Серпиков, инженер, электромеханик молодой т.[1], десятник по бутовке — на поверхности — кликуша и др.).

Возвращение в г. Сталино. Совещание с хозяйственниками и с инженерами об оргструктуре.

15 АПРЕЛЯ. С утра бюро обкома. Вопросы снабжения, жилища, структуры парторганизаций, парткадров и партработы. После обеда продолжение вчерашнего совещания с хозяйственниками и инженерами. Выступление на Сталинском городском партактиве.

16 АПРЕЛЯ. С утра бюро обкома. Обсуждение вопросов зарплаты и хозкадров. Вечером посещение Макеевского металлургического завода. (Доменный цех, новый мартен, блюминг, разливочная машина.)

Отъезд из Сталино в Хлебодаровку.

17 АПРЕЛЯ. Приезд в Хлебодаровку. Ознакомление с работой МТС, МТМ и политотдела МТС.

Переезд в Пологи.

ДНЕВНИК ЗА 17 апреля

17 апреля утром посетили Хлебодаровскую МТС Волновахского района Донецкой области. Директор МТС т. Луценко Григорий Терентьевич, член партии с 1925 г., бывш[ий] моряк-кочегар на пароходе «Декабрист», работает директором МТС уже 3 года. Начальник политотдела МТС т. Фукс, б[ывший] комиссар полка, назначен сюда в январе.

Во время беседы т. Луценко сообщает, что Хлебодаровская МТС создана в 1931 году. Сейчас МТС имеет 72 трактора, обслуживает 28 колхозов (всего в районе 34 колхоза), в которых 43 тыс. га. План весеннего сева 27 087 га, а на 16 апреля план сева ранних выполнен на 25%.

Нач. политотдела т. Фукс рассказал о том, что за короткое время побывал только в 20 колхозах. В некоторых из них, например в колхозе «Коммунар Украины», пробыл 3–4 дня. В начале подготовки к севу дело шло плохо. Выявили 4 чел. социально чуждых. Вокруг этого факта развернули массовую разъяснительную работу среди колхозников. В результате добились того, что обеспечили выход на полевые работы почти всех колхозников к 5 часам утра ежедневно, и к тому же колхозники выходят в поле со своими коровами.

Как сообщил т. Фукс, в районе деятельности политотдела МТС имеется 11 партячеек и 1 кандидатская группа. Секретари партячеек и председатели колхозов в общем неплохие, но беда в том, что они не могут организовать массы и, особенно, актив. Они еще не освоили и не знают колхозный актив, который по своему составу очень слаб. Так, например, председатель колхоза «8-ое Марта» ничего не мог сказать об активе своего колхоза и удивился, что с активом надо проводить какую-то работу.

«Партячейки провели среди колхозников,— говорит т. Фукс,— проработку решений январского пленума ЦК и ЦКК и речи т. Сталина, но только плохо то, что не знают настроений колхозников, не знают, какие сомнения у колхозников в связи с проведенной проработкой. Вообще плохо поставлено изучение и повседневное наблюдение за политическими настроениями колхозников». (Следовало бы глубоко поставить и разрешить вопросы изучения политических настроений колхозников как политотделами, так и партячейками.)

Далее в беседе с товарищами обнаружилось, что деревенские ячейки систематически противопоставляют внутрипарт. работе хозяйственную. Это выражается в том, что во время проведения каких-либо хоз.-полит. кампаний, так, например, во время хлебозаготовок или подготовки к посевкампании, осуществляется лозунг: «Никаких партсобраний не проводить — даешь хлебозаготовки».

Большинство партячеек по своему составу не являются колхозными. Так, например, в селе Дмитровка в партячейке 4 партийца: пред. и секретарь сельсовета, пред. колхоза и два бригадира. В селе Карповка, где есть 3 колхоза, в партячейке 16 человек. Было бы целесообразно организовать производственные колхозные партячейки.

В беседе выяснилось, что кое-где сев начинают проводить лишь тогда, когда вся земля высохнет после дождя; не следят за тем, чтобы сеять немедленно на отдельных высохших кусках земли. Кроме того, многие бригады выходят на работу поздно: некоторые в 8–9 часов

утра, а иные даже и в 10 часов утра. Рабочий день колхозников в поле не уплотнен, т. е. просто плохо работают, зачастую обедают 2 часа, лошадь запрягают или перепрягают целых полчаса, а достаточно для этого 5–10 минут. Плохая работа в поле выражается в том, что до сих пор обычными являются факты двойного отдыха: когда кормят или поят лошадей — все отдыхают; когда колхозники обедают, все лошади тоже отдыхают.

О кулацкой агитации и вредительстве. Политотделом вскрываются факты кулацкой агитации и вредительства. Кулаки теперь агитируют: «Жаль, что дали колхозам семена, посевной материал, ведь это же для обмана, а лучше было б, если бы не дали,— тогда колхозы скорей рассыпались бы».

Кулацкое вредительство направлено, прежде всего, на уничтожение и порчу рабочего скота и расхищение семян. Так, например, при обнаружении гибели 14 лошадей выяснилось, что лошадям перед выездом на работу умышленно не давали воду, а также плохо кормили. В то же время фураж расхищают. Своевременно вскрыт факт, когда два сторожа в поле пытались инсценировать кражу посевматериала.

Плохо то, что наблюдаются факты потворства ворам и расхитителям. Так, например, за попытку украсть в МТС 3 мешка ячменя пойманный вор осужден был местным нарсудьей только на 6 месяцев, и то лишь условно.

Тов. Фукс признает, что политотдел МТС иногда несколько запоздало вскрывает некоторые отрицательные факты, происходящие во всех 28 колхозах, обслуживаемых МТС, хотя быстро на них реагирует. Так, например, в одном из колхозов засеяли 23 га на плохо обработанной земле (огрехи, бурьяны и т. д.), негодной для сверхраннего посева. Узнав об этом несколько поздно, политотдел МТС заставил эти 23 га снова перепахать. (Вывод: политотдел должен иметь в каждом колхозе, на каждом участке и в каждой бригаде своего агента, информатора.)

О взаимоотношениях с райкомом и о расстановке кадров.

В общем взаимоотношения с райпарткомом нормальные. Нач. политотдела т. Фукс входит в состав бюро РК. Однако плохо то, что с РК часто не удается договориться о кадрах для колхозов и МТС.

Вот, например, в партячейке МТС до сих пор нет секретаря партячейки, в которой 30 партийцев. Райком обещал дать секретаря партячейки, но до сего времени еще никого не дал. (Л. М. [Каганович]: «Зам. нач. политотдела по партмассовой работе может быть, и даже желательно, чтобы он именно был бы секретарем партячейки МТС».)

Далее есть такой факт: председатель колхоза « »[3] т. Перец (беспартийный, 28 лет, бывший махновец, бывший счетовод) во время подготовки к севу и в первый день выхода в сев уехал в Мариуполь и там 4 дня пьянствовал и кутил. Выяснилось, что ни райком, ни даже политотдел этот факт хорошо не расследовали и мер не приняли. Правда, политотдел поставил вопрос о смене Переца. Секретарь райкома дал обещание сменить Переца. Нач. политотдела сказал колхозникам о том, что предколхоза будет смещен, но райком потом отказался сменить Переца и другого товарища предколхоза не дал.

(Замечание: «Такими фактами “расстреливает” авторитет политотдела, что недопустимо ни в коем случае».)

Необходимо также сменить целый ряд секретарей ячеек и предколхозов. Так, например, секретарь одной партячейки в колхозе с. Златоустовка Хлебодаровской МТС т. Попов, хотя знает дело, но больной человек, эпилептик, не может обеспечить руководство. Надо его сменить. Райком обещал дать другого товарища, но до сих пор еще никого не дал. Таким образом, политотдел не может оказать решающего влияния на улучшение кадров; их правильного использования и расстановки в колхозах деятельности политотдела.

(Вывод: надо в ЦК поставить, подработать и разрешить вопросы о роли и значении политотдела в деле улучшения подбора кадров и их правильной расстановки.)

«Скупость» директора МТС т. Луценко. Взаимоотношения между директором МТС т. Луценко и нач. политотдела т. Фукс в общем вполне здоровые. Однако т. Луценко отличается «скупостью», не бросается денежными средствами, имуществом и тракторами МТС. Так, например, т. Фукс настаивал на приобретении для нужд политотдела двух тачанок за счет МТС. Но т. Луценко справедливо в этом отказал. Тов. Фукс настаивал на том, чтобы дать некоторым колхозам трактора для заборонования пахоты. Но тов. Луценко, считая неправильным такое нецелесообразное использование тракторов для боронования (можно обойтись лошадьми и коровами), отказался их предоставить колхозам. Тов. Фукс с этим в конце концов согласился, считая, что «многое еще недопонимает в узкотехнических вопросах сельского хозяйства».

(Замечание: следовало обязать ПУНЗ и Сельхозгиз ускорить издание нужной с.-х. литературы для политотделов, особенно спец[иальный] сборник энциклопедического характера.)

«Скупость», вернее образцовая постановка хозяйства со стороны т. Луценко ярко проявилась при посещении базового склада запчастей и склада запчастей МТС. Тов. Луценко — запасливый хозяин. У него на складе всего вдоволь: 8–10 шт. магнето, много колец, гильз, поршней, клапанов и даже 2 большие осветительные лампы (без стекол). Но тов. Луценко, по выражению Л. М. [Кагановича],— «прямо грабитель, хотя порядок у него есть и даже больше, чем в Плавской МТС»... Хозяйский подход т. Луценко проявился и в том, что за 12 рублей купил на ж. д. станции волокуши для сена, не выкупленные совхозом. Луценко просит дать для МТС еще несколько тракторов.

Большую работу проделала Хлебодаровская МТМ, принадлежащая этой же МТС. Эта небольшая МТМ, имеющая всего лишь 3 арматурных станка и 10 рабочих, успела за очень короткое время отремонтировать 65 тракторов, из них 40 тракторов прошли капитальный ремонт.

Тов. Луценко и т. Фукс просят помочь МТМ, которой необходимы станки, инструменты, особенно станок «Краузе». На дворе возле МТМ стоит под открытым небом большое количество не нужных для МТС культиваторов, которые можно отсюда изъять.

При Хлебодаровской МТС и МТМ имеется небольшая столовая. В ней чистота, опрятность. Столуются 50–60 человек рабочих. Однако на обед дают макароны или какую-либо крупу с водой. Ни мяса, ни каких других продуктов в столовой нет. Тут же выяснилось, что очень давно не давали тракторов[4].

Вместе с тем МТС начала обработку и засев сверх плана 250 га свободной земли с тем, чтобы урожай целиком направить для нужд МТС.

(Замечание: необходимо этот вопрос поставить на разрешение ЦК).

Зашли в контору МТС. За одним из столов сидит ученик-статистик... мальчик Лямцев. Говорит, что ему 16 лет (наверное 2 года прибавил, чтобы не увольняли), окончил 5 групп в местной школе. Сейчас получает 65 рублей в месяц. Видно, что с делом справляется: вся переписка, телеграммы, сводки и т. д. в порядке. Тут же выяснилось, что ЦУНХУ прислало формы (анкеты) для сводок и телеграфных ответов. Оказывается, что МТС для отправки только телеграфных сводок затрачивает ежемесячно свыше 500 рублей.

(Замечание: необходимо в Москве затребовать и проверить все эти формы (анкеты) для сводок и телеграфных сведений, требуемых центральными и областными органами от МТС.)

В заключение беседы тт. Луценко и Фукс сообщили, что Облтрактор за время подготовки к севу 4 раза изменял планы сева отдельных культур. Такое многократное изменение планов высева отдельных культур необходимо прекратить, ибо это тормозит работу МТС. Необходимо также прекратить бумажный поток из райзу, которое требует от ст[аршего] агронома огромное количество всяких сведений.

Чубаревский район Днепропетровской области

Здесь посетили колхоз имени т. Сталина во второй дер[евне] Шевченко. Чубаревский район считается в этой области передовым. Но колхоз имени Сталина является наиболее отстающим. Пошли на поле к месту сева и полевых работ. В беседе с предколхоза (т. Нежажим), с секретарем сельпартячейки и работниками политотдела Чубаревской МТС (тт. Тарабанов, Копецкий) выяснилось, что колхоз имени Сталина в хлебозаготовки дал только 59% плана, семена не собрал, фураж получил, семссуду получил.

Колхоз им. Сталина по плану должен посеять 708 га яровых, 209 га ранних. В колхозе 145 хозяйств. Колхозники разбиты на 5 производственных бригад, из которых 2 бригады огородные. В каждой бригаде 18–20 человек. Колхоз заключил и уже подписал с МТС договор, который колхозники считают очень выгодным.

Колхоз имеет хорошую конюшню. В ней сейчас 63 лошади. Работают 6 конюхов. Но лошади в плохом состоянии. Из расспросов выяснилось, что лошадей кормят половой, но солому не парят в горячей воде, а только обмакивают в холодную воду и все.

На поле работала бригада. Несмотря на плохую погоду, часть колхозников убирала и сжигала бурьян и сорняки, а другая часть пахала и сеяла. Пашут букерами. Тщательный осмотр обработанной и засеянной земли показывает, что пахота букерами крайне неглубока — 1–2 сантиметра или максимум 3 сантиметра. (Пахота букерами производится по всей Днепропетровской области.)

Полевод сообщает, что в колхозе применяется шестипольный севооборот. (Замечание: не лучше ли проводить в степи при букерной пахоте четырехпольный севооборот?)

Выяснилось, что план колхоза разбит по культурам следующим образом: пшеницы — 106 га, овса — 72 га, кукурузы — 105 га, соешника — 103 га, картофеля — 80 га и т. д. Колхозники и предколхоза на заданный вопрос тут же ответили, что «если бы нам самим дали составлять план, то мы бы сеяли пшеницу, а от соешника совсем отказались».

Пошел сильный дождь. Ушли с полей. Зашли в свинарник. Помещение хорошее, но вот состояние свиней и поросят никуда не годное. Свиньи очень худые, чахлые. Убыло около 180 голов, из которых половина свиней подохла, а остальная часть зарезана. Оставшееся поголовье свиней производит очень тяжелое впечатление, и, если уход не будет улучшен, падеж увеличится.

Не лучше обстоит дело в колхозном коровнике, в котором около 25 коров. Но уход за ними крайне недостаточный. Удой молока неважный: корова дает максимум лишь 5 литров молока в сутки.

Партячейка при колхозе им. Сталина очень слабая. Как рассказывает секретарь партячейки, до сева партсобрания устраивались часто, а теперь гораздо реже. Просмотренные протоколы ячейки носят общий и недостаточно конкретный характер. Так, например, в одном из постановлений сказано: «Обеспечить коней и распределить конюхов». В другом решении записано: «Выделить ответственных за посевматериал и послать о них рекомендацию в райком».

Очень невысок политуровень секретаря партячейки и предколхоза. Они откровенно сказали, что последнее постановление ЦК о двух колхозных ячейках они не читали. Вообще газеты читают изредка. Партячейка не знает, на что именно жалуются и чем недовольны колхозники, каковы их политические настроения. Секретарь ячейки и предколхоза не сумели дать правильные ответы на вопросы о значении, роли и целях политотделов МТС.

Слабость работы ячейки наблюдается несмотря на то, что здесь находятся два уполномоченных райкома партии: один уполномоченный постоянно прикрепленный от РК к колхозу им. Сталина, а другой — чрезвычайный уполномоченный от РК над тремя колхозами, приехавший на менее короткий срок.

(Замечание: необходимо ликвидировать повсюду институт уполномоченных РК как не оправдывающий себя, о чем поставить вопрос в ЦК.)

А между тем в беседе с колхозниками и работниками политотдела выяснилось, что среди отдельных колхозников имеются кулацкие настроения. Так, например, они агитируют: «Не дадут хлеба, не надо работать, не выйдем в поле». Есть одна колхозница, которая хорошо работает в поле, но в то же время агитирует: «Пусть подохнет советская власть, как мы погибаем».

Ячейка ничего о таких фактах не говорит и никаких мер не принимает. Немало случаев воровства, плохой работы в поле и т. д., что

вскрыто политотделом Чубаревской МТС. Никакой серьезной политической воспитательной и агитационной работой ячейка не занимается. Опрошенные в поле колхозники отвечали, что газет не читают, собрания не бывают, никто ими не занимается и не беседует. (Следовало бы разработать целый ряд конкретных мероприятий по улучшению всей политработы в колхозах и ячейках.)

Среди большинства колхозников сильна тяга к работе, к твердой дисциплине, что связано с тем, что все крепко знают о лозунге т. Сталина «сделать всех колхозников зажиточными». Это хорошо усвоила колхозная масса. Вот почему у одного из колхозников в беседе прямо из сердца вырвалось яркое слово: «Нам бы скорей выскочить в зажиточные середняки».

На этом фоне совершенно недопустимым извращением в колхозе им. Сталина является различная оценка стоимости трудодня для различных групп колхозников. Так, например, конюхам на трудодень выдают больше продуктов, чем, скажем, некоторым колхозникам, работающим в поле, которые получают на трудодень меньше продуктов. Таким образом, ценность трудодня различна для различных категорий колхозников и определяется она по уравниловским и едоцким признакам. Это грубое извращение, допущенное ячейкой и колхозом, до сих пор райком не исправил.

В колхозе им. Сталина имеется 5 освобожденных работников: предколхоза, секретарь правления, секретарь ячейки, счетовод и полевод. Просмотренные планы производственных бригад и отчетность выполнения отличаются чрезмерной громоздкостью, слишком много бумаги. Многие рубрики планов — не заполняются. Всякие цифры в плане по бригадам указываются в процентах с сотыми долями, что значительно усложняет и запутывает отчетность.

В беседах с работниками политотделов Чубаревской и Гуляйпольской МТС выявились ряд положительных фактов и некоторые недочеты в работе политотделов.

Работники политотделов Чубаревской МТС сумели вскрыть «мокрую философию» кулацкой агитации о невозможности раннего сева. Политотделы повели решительную борьбу, сверхранний сев прошел в основном удовлетворительно, но в ряде колхозов не вышли на работу. Плохо провели в колхозах Чубаревской МТС яровизированный сев. Политотдел это дело явно проморгал.

Чубаревский политотдел выпускает свою газету с тиражом в 1 500 экземпляров. В бригадах на поле также выпускаются свои

бригадные стенгазеты. Ячейки проводят политдень и политчас, но не совсем удачно. Сам политотдел уже начал развертывать массовую политическую работу. Так, например, политотделом был вскрыт такой факт: колхозник Алябов (подкулачник), придя утром на работу, стал распространять слухи о голоде и всякую антисоветскую агитацию. По инициативе политотдела сами же колхозники немедленно избрали комиссию для проверки факта голода Алябова. Дома у последнего нашли 3 пуда ячменя, 1 пуд кукурузы и хлеба. Вокруг разоблачения этого факта политотдел развернул массовую работу, мобилизуя всех колхозников.

Партячейки колхозов Чубаревской МТС начинают подтягиваться, показывая образцовые примеры всем колхозниками. Так, например, секретарь партячейки колхоза «Авангард» не только развернул агитацию за ранний сев, но и сам показал личный пример и вышел первым в поле сеять. Колхозы Чубаревской МТС выполнили на 17.IV. 98% раннего сева и 45% всего посевного плана.

Немного хуже дело обстоит в колхозах Гуляйпольской МТС, выполнивших план ранних на 90% и всего посевплана на 40%. Нач. политотдела т. Кутузов сделал необоснованное заявление о том, что «во время хлебозаготовок актив стал распорошенным» и не привел ни одного живого факта из деятельности политотдела.

Два зам. нач. по чек[истской] работе привели конкретные факты своей работы по раскрытию к.-р. и вредительской деятельности кулацких, социально чуждых элементов. В заключение товарищи просили: обеспечить работников политотделов карманными часами, обеспечить зам. нач. по чек[истской] работе по одной лошади, снабдить работников политотделов брезентовыми плащами, а на зиму тулупами и валенками.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 181—193. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1, 3, 4. Так у тексті.

2. Підкреслення зроблені Л. М. Кагановичем.

73. Підсумки поїздки Л. М. Кагановича в Донбас з питань вугільної промисловості

10–20 квітня 1933 р.

1. Отклики рабочих, ИТР, партийцев на постановление ЦК и СНК об угольной промышленности Донбасса.

Постановление ЦК и СНК горячо приветствуется кадровыми рабочими, ударниками Донбасса. И на собраниях, и в беседах друг с другом

рабочие отмечают правильность и своевременность постановления, недопустимость дальше оставаться в прорыве.

Рабочие подкрепляют свои отклики на постановление ЦК и СНК практическими предложениями по улучшению производства и повышением производительности труда. Бригада [№] 3 восточного участка шахты «Иван» обязалась выдать «на гора» вместо 45 — 55 вагончиков угля в день, бригада Заваленко на шахте «Софья» обязалась покрыть в апреле-мае февральскую и мартовскую недодачу угля — 150 тонн. Партгруппа Бабкина обязалась обучить горному делу 2 новичков и т. п.

Особенно живые отклики встречает вопрос о перестройке управления шахтами, сокращении канцелярского аппарата, переброске ИТР на участки и лавы. Некоторые отсталые элементы пытаются все недостатки работы в угольной промышленности свести к разбухшим канцелярским аппаратам и демагогически выступают против аппаратов рудоуправлений и трестов вообще. Однако в большинстве случаев кадровые рабочие правильно толкуют постановление ЦК и СНК: «Многие инженеры вместо того, чтобы руководить работой, только бумагу без пользы изводят в канцеляриях, а в шахте вся ответственность на безграмотном десятнике» (забойщик Новиков — делегат конференции от Рыковского рудоуправления).

С большим подъемом прошла конференция шахтеров-ударников. Многие делегаты в разговорах сознавались, что только после конференции они осознали причины плохой работы угольной промышленности и поняли нетерпимость в дальнейшем существующих безобразий в шахтах. «Конференция здорово у нас дух подняла, и теперь наше дело — шевелить рабочих на шахтах. Мы видим, что правительство о нас думает, условия работы уже будут другие» (делегаты конференции Булочев, Афанасьев, Кузько).

Делегаты получили хорошую зарядку, и теперь от уменья и активности местных парт. и проф. организаций будет зависеть степень использования делегатов для создания перелома в шахтах, лавах, забоях.

Приходится отметить медлительность и недостаточность разворачивания разъяснительной работы вокруг постановления ЦК и СНК. В местной областной газете «Социалистический Донбасс» постановление было опубликовано 10 апреля. Но еще 11–12 апреля не только многие рабочие близлежащих к Сталино шахт, но и руководящие работники, например рудоуправляющий Рутченковского рудоуправления, этого постановления еще не прочитали, так как с запозданием

получили газеты. Проведенные мною беседы с рядом рабочих на шахтах Лидиевка и Горловка № 1 показали, что значительная часть рабочих вообще газет не читает, а местные партийцы с ними разъяснительной работы не ведут.

Поэтому мы заострили внимание обкома, чтобы в ближайшую декаду так развернуть разъяснительную массовую работу, чтобы ни один самый отсталый рабочий не остался бы не обслуженным, чтобы охватить всех без исключения, в том числе и самых отсталых рабочих.

Ближайший партдень 18–19 апреля посвящается обсуждению постановления ЦК и СНК об угле. Из Сталино по индивидуальному отбору и инструктированию лично членами бюро обкома посылается около сотни агитаторов в шахты. Через декаду намечена проверка, как решение ЦК и СНК доведено до рабочих, как популяризировано обращение конференции шахтеров-ударников, с тем, чтобы привлечь секретарей тех партячеек, которые проявят пассивность, бездеятельность, к суровой партийной ответственности.

В ряде партийных организаций угольной промышленности Донбасса должного перелома в связи с решением ЦК и СНК еще не чувствуется. Сильны еще остатки «мирного безмятежного жития», нет нужной боевитости, мобилизованности, некоторые руководящие работники не осознали еще полностью своих ошибок и необходимости в корне менять свои методы работы. Среди части хозяйственников, особенно близких к Абакумову, наблюдалась растерянность и боязнь репрессий. В своих выступлениях на бюро обкома и на совещаниях хозяйственников я подчеркнул необходимость перелома настроений, большей боевитости, развертывание большевистской деловой самокритики. Сказал хозяйственникам, что они почти не дерутся за интересы порученного им дела, хотят со всеми «жить в мире». Посоветовал им быть более напористыми и активными. ЦК не хочет заниматься огульной переброской хозяйственников. Но те из них, которые не сделают выводов из предупреждения ЦК, не добьются перелома в работе, понесут тяжелые партвзыскания.

Значительная часть инженерно-технических работников, в особенности на шахтах, приветствует постановление ЦК и СНК. «Постановление отличается от всех других конкретностью, остротой и является одним из лучших в том смысле, что оно вскрывает те недостатки угольной промышленности, о которых говорили только в кулуарах» (Золотухин — эав. ОЭТ Горловского рудоуправления). «Постановление правительства своевременно. Оно оживит работу непосредственно работающих на шахте, т. е. участковый надзор, который сейчас в

некоторой степени обезличен» (зав. плановым отделом шахты № 1 Горловка — Ильин).

С удовлетворением или с неудовольствием, но все утверждают, что постановление стимулирует переход из треста и рудоуправления в шахту. «Я хоть сегодня пойду на шахту и буду работать с удовольствием. Того обезличения и угнетения, которое я испытывал в тресте, я безусловно на шахте испытывать не буду» (инженер треста «Сталинуголь» Бессонов). «Ну, теперь придется идти на шахту — урежут ставку да снабжение, разве проживешь» (техник производственно-технического сектора «Сталинугля» Кутузов). В Красногвардейском (Щегловском) рудоуправлении зам. техдиректора Гердов, зав. отделом капитального ремонта Шестопалов и другие усиленно просят перевести их в шахты.

Недовольства постановлением идут по линии: а) какова же будет роль рудоуправлений и трестов, если на шахтах будут сидеть более сильные работники, чем в трестах и рудоуправлениях, б) не будет ли потерян стимул для продвижения по службе, так как первичное звено — шахта будет поставлена в лучшие условия, чем рудоуправление и трест, в) «Дело не в том, что планировать и руководить не умеем. Если бы рубль чего-нибудь стоил, тогда бы да. А то теперь рабочему не за что работать» (райинженер «Сталинугля» Лопата).

Вокруг постановления антисоветские элементы инженерства ведут агитацию, что «надежды инженерства обмануты».

Резкая критика, данная в постановлении руководству угольной промышленности, и приезд группы ЦК вызвали у некоторых кругов инженерства панические настроения. «Какие теперь дела. Не попадаться бы на глаза и все. За добычу заедят. Я не чета Егору (Абакумову), и то что с ним сделали» (технический директор Красногвардейского рудоуправления, инженер Бирман). «Я один не пойду докладывать, пойдемте все вместе. Я знаю эти встречи. Хоть скорее выгнали бы, а то тянут всеми этими разговорами» (технический директор «Сталинугля» Годзевич). Он же говорил: «Ох, трудно будет это постановление выполнять. Кого сокращать? Где сокращать? Техпропы и кадры — это да, но вот в рудоуправлении и тресте — не знаю. Погорячились они».

Опубликование постановления ЦК и СНК и приезд группы ЦК совпали с выдачей задолженности рабочим по зарплате и некоторым улучшением снабжения. В некоторых шахтах это улучшение специально подгонялось к нашему приезду. Так, например, уполномоченный Буденновского куста Доннарпита Зиньковский 11 апреля предупредил всех завстоловыми, что «12 апреля прибывают в Сталино

члены правительства», и приказал «немедленно убрать залы, очистить от грязи столовые, свинарники, увеличить нормы мяса, круп, снабдить буфеты ветчиной, колбасой и кондитерскими изделиями, обеспечить столовые чаем, ликвидировать очереди, давать картофель без нормы». На вопрос завстоловой шахты № 12/18 Панфилова: «Как покрывать потом перерасход продуктов?»— Зиньковский пояснил: «Это все на 5–6 дней, лишь бы все обошлось хорошо, а там мы все урегулируем».

Подобные провокационные действия вызывают резкое недовольство рабочих и дают пищу антисоветской демагогии.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 215. Арк. 194–197. Машинопис. Правлена копія.

74. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ

20-24 червня 1933 р.

22 июня приезд в Ростов/Дон в 8 часов утра. Краткая беседа в вагоне с тт. Шеболдаевым, Лариным, Евдокимовым, Криницким, Путниным, Зиминым.

Поездка на автомобилях по направлению к Новочеркасску — осмотр посевов и хода прополки. Посевы пригородных хозяйств и артели инвалидов (мелкая культивация картофеля сыновьями инвалидов).

Посещение колхоза им. Подтелкова Грушевского сельсовета Персиновской МТС Новочеркасского района. Зам. пред. колхоза, беспартийный, казак Бандурин — разбитной, с хитрецой. Недоволен назначением председателем партийца Титова, бывшего шахтера, двадцатипятитысячника. Колхоз имеет 80 дворов, 690 га посева, 192 работоспособных, 32 пары быков, 30 лошадей, 1 «Фордзон» (стационарный). Только в 3 дворах нет коров. Закупили у колхозников 40 телят для организации колхозной фермы. Денег на телят достали от продажи полтонны сурепного масла на колхозном базаре (на упрек, почему они не пропалывают ячменя от сурепы, заявляют, что сурепу сорняком не считают: если ячмень растет с сурепой, это все равно, что «хлеб с маслом»). Жалуются на то, что съели всю выданную им продссуду. В мае выдавали по 350–400 грамм на трудодень, теперь только по 200 грамм, и 100 грамм селедки дает шеф — завод им. Никольского.

В поле встретили «Фордзон» выпуска 1923 года. Работает прилично — по 1,5 га пашни на смену. Сравнительно много народа в поле на прополке. После объезда были на пленуме крайкома, а потом просматривали молодую продукцию (двухлеток) северо-кавказских конезаводов.

Вечером — бюро крайкома, выступление на пленуме с полуторачасовой речью о задачах уборки, прополки, заготовок и о взаимоотношениях политотделов с райкомами. После закрытия пленума —

продолжение заседания бюро. Обсуждение вопроса о ненормальностях во взаимоотношениях политсектора МТС и некоторых членов бюро крайкома.

Утром 23 июня. Бюро крайкома. Вопросы прополки, подготовки уборки и охраны урожая. В 11–20 утра отъезд в Москву. В вагоне до Таганрога беседа с тт. Зиминым и Смирновым о Севкавугле и работе Грознефти и Ростсельмаша.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 216. Арк. 28. Машинопис. Правлена копія.

75. Із промови Л. М. Кагановича на пленумі Північно-Кавказького крайкому ВКП(б)

22 червня 1933 р.

Тов. ЗИМИН: Заседание пленума продолжается. Слово имеет тов. КАГАНОВИЧ (*бурные аплодисменты, переходящие в овацию*).

Тов. КАГАНОВИЧ. Товарищи, я не думал выступать на вашем пленуме, так как я приехал сюда для краткой деловой проверки некоторых вопросов. Но так как товарищи мне доказывали, что мое выступление поможет успешному разрешению того дела, для которого я приехал, то я согласился коротко выступить и остановиться на некоторых конкретных вопросах.

Дело в том, товарищи, что у нас в ЦК партии по полученным материалам возникло опасение, некоторая тревога за прополочные работы и за уборку. Вот почему ЦК меня послал сюда для того, чтобы я коротко ознакомился с состоянием этих работ и здесь с вами поговорил, как лучше обеспечить их успех. Пленум ваш был посвящен, по существу дела, этим вопросам. Мне товарищи рассказали о ходе работ вашего пленума. Пленум у вас очень обширный, народу приехало много, и это очень полезно, потому что каждый такой пленум учит людей, как работать. Но я хотел бы дополнить немного те речи, которые здесь были, и те предложения, которые вы будете принимать.

Дело в том, что по материалам ЦК и из бесед здесь видно, что после сева, надо сказать, сева, проведенного при трудных условиях, достаточно энергично, я бы сказал, успешно, успешно, конечно, относительно, и качество работы несомненно лучше по сравнению с прошлым годом, по количеству немного недовыполнили план, в частности по пшенице, но в основном все-таки вы вышли из сева лучше, чем можно было ожидать. Так вот, после сева, несомненно, на Северном Кавказе мы имеем некоторое успокоение. Мы провели в этом году прополочную работу большую, чем в каком-либо другом году (так, тов. Шеболдаев?), в особенности по колосовым. По пропашным хуже,

но по колосовым вы провели впервые большую работу. Прополка колосовых не является нормальной, когда поля чисты, не засорены, не приходится лазить по полю и вырывать все эти сорняки. Но, однако, так как поля были засорены, то Северо-Кавказский край проделал большую работу еще к концу зимы по борьбе с сорняками, он выполнил в этом отношении решение ЦК и сейчас в прополке зерновых. Однако вы стоите еще перед опасностью засорения не только пропашных, но и колосовых.

Если вы вспомните прошлый год, товарищи, то в прошлом году до первого июня все утверждали, что на Северном Кавказе урожай исключительно хороший. Так ведь было? Так. Исключительно благоприятный, а с первого июня пошли сорняки, которые забили хлеба, и все перевернулось вверх дном. Сегодня у вас 22-ое число. В ближайшие 10 дней вы находитесь в состоянии исключительно напряженном. Ближайшие 10–15 дней, 15 дней, собственно говоря, решают судьбу урожая. Поэтому я бы сказал, что даже в отношении зерновых и колосовых вы не вправе уже отказываться от борьбы с сорняками.

У вас есть грубые сорняки. Я понимаю, сурепа. Мы сегодня съездили в колхоз, недалеко от города, верст за 35, около Новочеркасска. Крестьяне выдвигают теорию, что сурепа не мешает хлебу, тем более, что она дает масло и это масло не облагается государством. Ясно, конечно, это выдуманная теория. Крестьяне понимают хорошо, что сурепа мешает росту хлебов, но, так как хлеба поднялись, для того, чтобы вырвать сурепа, нужно растоптать много хлеба. Придется с ней в значительной мере мириться, и то там, где хлеб уже поднялся. Там, где яровые не поднялись, можно с ней бороться.

Грубые сорняки — будяки и т. д.— надо вытравлять, с ними надо бороться. Если мы скажем, что бог послал сорняки,— ничего не сделаешь, поздно уже,— мы стоим перед угрозой, что хлеб будет засорен и ничего вы не получите. Это первое.

Второе — прополка пропашных. В этом году вы идете хуже по пропашным. У вас имеются на Северном Кавказе 1 600 тыс. га кукурузы, а всего 3 200 тыс. га пропашных культур. Если вы пропашные культуры, которые надо полоть всегда по закону, которые нормально нуждаются в полке, не только для того, чтобы этот урожай был хороший, но и для того, чтобы поле оказалось подготовленным для будущего года, чтобы оно не оказалось засоренным,— если вы эти культуры не прополете, вы погубите 3 200 тыс. га, вы погубите кукурузу.

Когда мы в прошлом году ездили с тов. Шеболдаевым по Кубани, спрашивали, какой урожай кукурузы с гектара. Нам отвечали: 3 центнера, 2 центнера. Мы видели, что человек врет. Рядом совхоз указывает 6–8 центнеров. Разворовали часть, часть запрятали и т. д. Если кукуруза дает 6 центнеров с га, это очень плохо, это гнусно, это никуда не годно. Средний урожай кукурузы должен дать 15–16 центнеров с га, а хороший урожай при хорошей работе должен дать 25 центнеров с га. Вы поймите, если вы хорошо поставите прополку кукурузы, если хорошо поставите прополку остальных культур, проса и т. д., то вы получаете гигантские возможности.

Что значит хорошая прополка? Это решает урожай. Товарищи, от этого зависит величина урожая. Борьба с сорняками, хорошая прополка, потом скажу об уборке. Что значит решить вопрос об увеличении урожая? Понять надо, в особенности на Северном Кавказе: этот год должен быть последним годом тяжести, последним годом недоедания. Мы не имеем права больше допустить повторения того, что было в этом году. Не имеем права, если мы большевики, если мы борцы. Это значит повести за собой колхозников, это значит прийти и сказать колхозникам прямо, честно: да, ты сегодня недоедаешь, сегодня у тебя не хватает хлеба, виновата в этом негодная работа, виновато в этом то, что вы, колхозники, фактически плелись за кулаком, боролись с колхозным урожаем, боролись с колхозным хлебом, боролись с колхозными полями. Вы относились к колхозной работе как к чужой, подневольной, вы погубили урожай — вот почему вы сегодня недоедаете. Если вы хотите выйти из положения, вывести Северный Кавказ, за нами идите, мы вас поведем, мы вас выведем. Надо напрячь последние силы для того, чтобы получить хороший урожай зерновых, урожай пшеницы, кукурузы и подсолнуха, которые совершенно не полются.

[...] Вот почему, товарищи, ближайшие 10–15 дней являются решающими в определении урожая. Многие думают: посев закончен, мы проделали основную работу. Нет [—] это ошибка. Посев — это даже не половина работы. Это меньше чем половина работы, гораздо меньше по сравнению с прополкой, по сравнению с уборкой. Следовательно, вы должны сейчас решить судьбу посева, вы должны в ближайшие 10–15 дней буквально как звери, буквально как бойцы на фронте рвануться и во что бы то ни стало обеспечить подъем урожайности, обеспечить чистоту полей, обеспечить, чтобы хлеб поднялся, чтобы кукуруза хорошая была, чтобы подсолнух был, чтобы все, что мы засеяли, мы получили вдосталь, то, что нам положено природой при хорошей обработке полей. [...]

Что касается сроков, то в прошлом году, опять же, когда ездил по Северному Кавказу, что отвечали? Что там много хлеба пропало на поле, когда убирали. Не все собрали? Да.

В том-то и штука: хлеб должен поспеть, но как он поспел, вы должны его убрать. Я мог не останавливаться на этих задачах, если бы я не знал, что у вас есть трудности, если бы считал, что все идет благополучно, нормально, гладко. Мы знаем, что и трудности большие, и нехватка кормов, и тягло в плохом состоянии. Тем больше требуется со стороны большевиков-руководителей.

Мы знаем, что Северо-Кавказская организация и ее краевой комитет партии работают в этом году несравненно лучше, чем работали в прошлом году. Это совершенно бесспорный факт.

Мы знаем, что в этом году сев.-кавказская деревня, как и деревня всего Союза, получила от ЦК армию большевиков, бойцов, которых ЦК отбирало с исключительной тщательностью, девять отсеивали, а десятого выбирали, армию большевиков в лице политотделов, начальников, их помощников, заместителей, которые цементируют деревню, которые ее подгоняют. Мы это знаем хорошо. С тем большим правом ЦК нашей партии может предъявлять вам сегодня определенные требования, с тем большим правом мы можем потребовать от вас, тов. северокавказцы,— и старые северокавказцы, и новые северокавказцы-политотдельцы. Вы должны себя чувствовать как коренные северокавказцы, и если кто скажет — чувствуют себя не как коренные северокавказцы,— отшейте, скажите: ЦК послал меня, я коренной северокавказец и буду бороться за перестройку Северного Кавказа.

Вот, товарищи, мы с тем большим правом предъявляем вам требования — извольте, дорогие товарищи, прошедшие школу борьбы в прошлом году, пришедшие на борьбу в этом году, извольте в этом году собрать хлеб так, чтобы не было потерь, хлеб, на который люди затратили свои силы, последние силы зачастую, хлеб, над которым трудились сотни тысяч людей,— этот хлеб мы не имеем права ни одного зерна оставить на поле не убранным вовремя, не брошенным в наши закрома, элеваторы, не сданным колхозам[и] и колхозникам[и].

Следовательно, вы должны не просто приехать к себе в МТС, в районы,.. я не хочу здесь, к концу вашего пленума, разворачивать всю ту деловую программу, которая нужна для своевременной уборки, здесь об этом говорили, об этом написано достаточно много постановлений, да это и не требует большой мудрости, каждый человек, подходя практически к жизни, поймет, как своевременно убрать засеянный хлеб. Весь вопрос решается здесь — темпы, темпы и еще раз темпы, напряженность всех нервов, всех сил, приехать на место, ни одну минуту не ожидать, начиная с сегодняшнего вечера начать работу.

Сегодня кончается пленум, сегодня же отправляйтесь обратно, нечего в Ростове (*аплодисменты*), с завтрашнего утра беритесь за дело, проверьте машины, машины не исправлены — заставьте исправить, организуйте людей, которые могут исправить. Если скажут: нет частей — врут. Поищите в МТС на складах, в скирдах. Найдете много запчастей, как находили мы с тов. Шеболдаевым и Евдокимовым, когда ездили мы во время ремонта тракторов весной. Найдете и баббит, все, что нужно для того, чтобы привести в движение, отремонтировать остальные трактора, машины, комбайны. [...]

Вы должны помнить, что если вы в этом году поставите Сев. Кавказ в такое положение, в которое он был поставлен в прошлом году, если мы не сумеем обеспечить урожай прежде всего, если мы не сумеем вовремя убрать и, следовательно, не сумеем сдать государству хлеб, не сумеем накормить колхозника, то, конечно, уже тогда, знаете ли, придется по-другому разговаривать.

Вы не думайте, что колхозник — он... Он за нас, политически сейчас деревня — вы сами это знаете, и мы материалы получаем, и политотделы сообщают в ЦК часто,— политически деревня чувствует, что она на правильном пути, как и каждый коммунист сейчас чувствует, что мы полностью на правильном пути оздоровления тех районов, где плохо дело с сельским хозяйством. Но это зависит от работы этого года. Вот почему партия форсирует, вот почему партия посылает сейчас людей. Мы послали в деревню 10 тыс. отборнейших людей, это — политотделы. А кроме того, мы послали комиссии по урожайности.

Я должен сказать, в связи с хлебозаготовками мы недавно созывали совещание комиссий по урожайности. На местах до сих пор не понимают значения этого дела и думают, что это, знаете ли, так себе. Нет, товарищи. Некоторые даже создают теорию, будто бы от того, что мы перешли сейчас на обязательную поставку, комиссии по урожайности теряют свою силу. Ничего подобного! Ведь все надувательство шло именно от вопроса урожайности, и мы на этом совещании со всей остротой поставили эти вопросы. У нас комиссии по урожайности подбирались в такой же мере, в какой подбирались политотделы. В ЦК партии существовала специальная комиссия, которая подбирала руководителей комиссий по урожайности. Мы их утверждали в ЦК персонально каждого, людей мы послали туда надежных, верных, много есть среди них старых большевиков, и мы будем требовать к ним не просто уважения, а мы будем требовать, чтобы к ним относились как к

полномочным представителям той комиссии, которая утверждена ЦК, и чтобы с их работой считались. Они будут наталкиваться на ряд сопротивлений.

Я уже не говорю о таких делах, как пары. Это дело, само собой разумеется, у вас обстоит пока что очень плохо. Я на главном сосредотачиваюсь. Главное — это прополка, уборка и хлебозаготовки. Это три задачи, на которые вы должны сейчас налечь, и я должен сказать прямо — тут присутствуют политотдельщики,— вы, товарищи дорогие, начальники политотделов, весну вы провели. Мы имеем сведения, что вы работали хорошо, громаднейшее большинство из вас целиком оправдало доверие партии, но имейте в виду, что посев еще не решает вопроса. Вашу работу ЦК и Политуправление НКЗ будут еще проверять на прополке, на уборке и..., не забудьте,— и на хлебозаготовках. Не забудьте этого... (*аплодисменты*). Это означает: обязательная сдача зерна государству — раз, это означает натуроплата МТС — два. Потому что, кроме всего прочего, МТС должны будут за свою работу отдать государству определенное количество хлеба, который она получит от колхозников. [...]

Я думаю, что ЦК нашей партии имеет право рассчитывать, что в этом году Сев. Кавказ сумеет, сплотившись вокруг своих органов власти, партийные организации, сплотившись вокруг крайкома партии, сумеют не на словах, а на деле оправдать те надежды, которые возлагает на вас ЦК нашей партии.

Политотделы должны в этой работе, в этой борьбе сыграть крупнейшую роль, они уже сыграли определенную роль и сыграли в значительной мере благодаря тому, что их вовремя послали, и благодаря тому, что ЦК, я должен это прямо сказать, направил сюда в качестве нач. политсектора одного из крепких проверенных большевиков, тов. Штейнгарта (*аплодисменты*).

Товарищи, я бы хотел высказать одно пожелание личного характера, Я в прошлом году приезжал к вам сюда на хлебозаготовку, потом приезжал по ремонту тракторов (это было легче немного), сейчас вот приехал в порядке профилактики (*смех*), планово-предупредительный ремонт (*смех, аплодисменты*). Я бы очень просил разрешить мне в следующий раз приехать к вам в качестве гостя, после приветствия, которое пошлет вам ЦК, которое он пошлет в случае вашего выполнения всех кампаний (*бурные аплодисменты, переходящие в овацию).*

Разрешите мне, товарищи, передать от вашего имени ЦК и нашему повседневному от частного до великого и величайшего руководителю и вождю тов. Сталину (*бурные аплодисменты, все встают, возгласы: «Да здравствует тов. Сталин!»*).

Тов. КАГАНОВИЧ (*продолжает*): ...Передать ему, что вы, большевики, руководители пленума, крайком партии, его бюро, его секретарь, готовы к тому, что[бы] ринуться в бой за полную победу в этих новых трудных работах, которые перед вами стоят.

Да здравствует, товарищи, действительное, не на словах, а на деле, большевистское проведение лозунга тов. Сталина — сделать наши колхозы и колхозы Северного Кавказа действительно большевистскими.

Вперед, товарищи, к новым победам! (*бурные аплодисменты, переходящие в овацию*).

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 216. Арк. 1-5, 8-9, 14-15, 26-27. Машинопис. Правлена копія.

Примітки:

1, 2, 3. Так в тексті.

76. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ

20–24 липня 1933 р.

20 июля

Приезд в Ростов

Приезд в Ростов в 21 час. Беседа в вагоне с Шеболдаевым, Лариным, Путниным, Евдокимовым, Штейнгартом, Шаумяном и Калмыковым.

На вопрос — почему опоздали с уборкой и уборка идет медленнее, чем в прошлом году,— отвечают:

«Произошло быстрое созревание озимых и яровых».

«Созревание хлеба застало районы врасплох».

«В общем, мы опоздали с подготовкой к уборке» (Шеболдаев, Штейнгарт).

Ответы говорили скорее о том, что они «проспали», а не опоздали.

Заседание бюро крайкома.

В 21 час. 30 мин. на бюро крайкома было сделано сообщение о подготовке и ходе уборки тт. Путниным, Шеболдаевым, Штейнгартом и Брикке.

«Норма работниками и машинами выполняется наполовину» (Ларин).

«Разгона в косовице нет. В Краснодарском районе из 190 жаток работает только 40» (Шеболдаев).

Решили осмотреть поля, близкие к Ростову, и вечером 21 на бюро специально обсудить вопрос об уборке. [...]

9. Бюро крайкома.

[...]

б) Виды на урожай и хлебосдача совхозов. Совхозы считают урожай колосовых 10,5 центнеров, а комиссия по урожайности на 15 июля устанавливает 11,5 центнеров. План зернотреста 25,5 млн. пудов. Тов. Инденбаум считает его низким и полагает, что можно получить от зерносовхозов 36 млн. пудов.

Матвеев считает, что остальной товарный хлеб зернотрест сдаст без плана, и высказался против составления второго краевого плана.

Катенев (директор зернотреста) считает, что яровая пшеница в совхозах даст урожай ниже колхозной. 50 000 га кукурузы и все просо ни разу не пололи.

Штейнгарт считает, что ремонт машин прошел в 2 раза лучше, чем прошлогодний. Не хватает 9 тыс. кв. метров ремней к молотилкам и 72 мотора к комбайнам. Располагая 130 тыс. режущих машин, можно в 5 дней скосить 2,5 млн. га, а за 12 дней окончить косовицу. Просит дополнительно мобилизовать 50–80 монтеров сельскохозяйственных машин. Предлагает ввести штрафы за опоздание на 1 час на работу на 5 трудодней. (Л. М. [Каганович]: «Пока у вас нет ничего, а вы сразу уже хотите перейти на репрессии и штрафы».)

Ларин: многие колхозники заняты на второстепенных отраслях. Посланных весовщиков в колхозах прижимают. Благодушное настроение — большой вред.

Путнин: урожай хороший, инвентарь есть, не хватает тягла, но главное дело в людях. Надо наладить общественное питание.

Шеболдаев: темп развертывания уборки хуже прошлогоднего. Хлеб созрел. Сорняков много. Комбайны будут плохо работать. Большой разрыв между косовицей и молотьбой, обмолотом и сдачей. Безобразно отстают совхозы.

Л. М. [Каганович]: Большой урожай таит две опасности: а) своеобразное «урожайное умиление», демобилизующее людей и, в случае его распространения, могущее сорвать уборку. б) Ослабление охраны урожая. Надо понять, что украсть 2 центнера из урожая 15 центнеров гораздо легче, чем 1 центнер из 6 центнеров. Ошибки прошлого года забывать нельзя. Нужно меньше болтать и больше работать над тем, чтобы взять полный урожай. Мы видели в посещенных колхозах и коопхозах большие потери. Производительность труда рабочих и машин весьма низка. Нет еще боевого тона, тона напряженной работы при уборке. Еще много идиллии на базе успехов весеннего сева и прекрасного урожая. Некоторые начальники политотделов (в частности, т. Гривун) погрузились в хозяйственную работу и забыли организационно-политическую работу. Колхозники насторожены и думают: «Не хвалят ли новый урожай для того, чтобы больше взять?» Сильно опоздали с расстановкой молотилок. Имеется впечатление, что колхозники

не хотят быстро обмолачивать. Нужна специальная директива об уборке, об обмолоте и хлебосдаче.

Выделены комиссии для разработки резолюции по уборке, по связи и по нефтетопливу. [...]

14. Л. М. [Каганович]. Главный итог весеннего сева — у колхозников появился аппетит к работе. Основная мораль — чтобы колхозники работали на колхозном поле не менее самоотверженно, чем на своем индивидуальном участке.

Подъем в работе складывается из 3-х элементов: а) материальная заинтересованность, б) организация труда, в) политическое «оснащение».

а) Материальная заинтересованность. Ей очень способствует закон о зернопоставках. Правильно, что товарищи удерживают сейчас выдачу авансов. Но нужно, чтобы колхозник понимал, что он получает не паек, а по трудодням и что выдача зависит и от того, чтобы он больше трудодней заработал, и от качества работы всего колхоза в целом, чтобы на каждый трудодень больше приходилось. Мы столкнулись в некоторых колхозах с тем, что колхозникам выдавали по 400 грамм хлеба, и колхозники чувствовали себя не хозяином в колхозе, а вроде как наемным работником. Надо добиться, чтобы колхозник был уверен в том, что выдача по трудодням не произвольная, а ведется на основе точного учета всей его работы. Это не такой простой вопрос. Обследуя положение в угольной промышленности и в НКПС, т. е. в нашей социалистической промышленности, мы убедились в том, что там с нормированием труда, с точным учетом заработка рабочих дело обстоит весьма неудовлетворительно. Безусловно, еще хуже дело обстоит в колхозах. Вот почему в решении крайкома и крайисполкома мы специально подчеркиваем необходимость в популярной форме составить и размножить в миллионах экземпляров нормы и расценки на основные виды работ о уборке.

б) Организация труда. Низкая производительность и невыполнение норм выработки — результат плохого знания людей. Наши политотдельщики работают большей частью по-ревкомовски. Я не охаиваю целиком эти методы, но нужно их сочетать с методами последовательного систематического руководства, с методами контроля за выполнением основных показателей плана и настойчивой борьбой за реализацию этого плана. Политотдел должен быть своего рода штабом на фронте, в котором примерно ежедневно или через день собираются основные работники, коротко (ни в коем случае не по-парламентски, без заседательской суетни) обмениваются мнениями и тут же разрабатываются оперативные мероприятия. Сейчас политотдельщики бросаются от одного руля к другому, и поэтому на отдельных участках у них дело срывается. Политотделы должны иметь запасные

кандидатуры для выдвижения в бригадиры, председатели колхозов и т. п. Нечего ждать людей со стороны, извне.

в) Политическая работа. Дело не в том, чтобы вести вообще политическую работу, а дело в ее направленности, в ее тоне. Некоторые ведут политическую работу без души, формально. Такого агитатора можно сравнить с шарманщиком, который крутит свою шарманку, а сам думает совсем о другом. Некоторые наши политические работники проявляют либеральный подход к колхозникам, видят только хорошее, не замечают недостатков, Они не любят «ссориться» и «ругаться». Я вовсе не рекомендую ссориться вдрызг, сразу переходить к применению всей тяжести репрессий, но мы не должны забывать, что агитация — это разоблачение, агитация — это резкая критика недостатков, и в нашем арсенале должно быть сотни ступеней, переходов, начиная от мягкой критики и кончая суровыми репрессиями. В нашей агитации мы непрерывно должны вести идейное наступление. Теперь же некоторые работники работают по принципу: или по-доброму, или арестуют. Нежелание критиковать, «ругаться», «ссориться» в начале приводит к тому, что партия вынуждена применять более суровые меры репрессий. Об этом четко сказал тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК. Это особенно относится к северокавказским работникам, и они не должны забывать ошибки прошлого года.

Борьба с кулацким влиянием заключается не только в борьбе с физическими представителями кулачества, но и в переработке психики мелкого собственника, сегодняшнего колхозника, вчерашнего единоличника. Образно можно сказать, что у него половина головы уже наша, но половина еще засорена враждебными предрассудками, пережитками, вторая половина находится как бы у врага. Мы должны отвоевать эту вторую половину, опираясь на первую здоровую половину его психики, его головы.

Нам мало того, чтобы вовремя был вывезен весь полагающийся по зернопоставкам хлеб. Надо, чтобы колхозник вывозил его, сознавая, что это нужно делать, надо, чтобы вы в своей работе опирались не только на силу закона, но и на логику убеждения, надо, наконец, чтобы колхозник хорошо получил по трудодням и ясно осознал, что его состояние зависит от качества его работы.

Уберите скорее, без потерь, следите тщательно за молотьбой, чтобы не разворовывали хлеб, хлеб сдавайте, строго придерживаясь по культурам, не допуская попыток заменить пшеницу ячменем. Бойтесь паники, но в то же время бойтесь и увлечений. Будьте трезвыми политиками, а для этого полезно часто представлять задачу труднее, чем она есть.

РДАСПІ. Ф. 81. Оп. 3. Спр. 216. Арк. 37, 43—44, 59—62. Машинопис. Правлена копія.

СТОРІНКАМИ ТОДІШНЬОЇ ПРЕСИ

Фотографії, плакати та карикатури — документи тридцятих років, запозичені з часописів «Колбуд», «Молодий більшовик», «Малярство і скульптура», «Наши достижения», «Огонек», «Советское фото» 1930—1936 рр.

Рис. арт. Кукрыниксы та Бобинский.

ВИЩЕ ПРАПОР СУЦІЛЬНОЇ КОЛЕКТИВІЗАЦІЇ!

„Перестіємо на Совлу в усіх галузях сільського господарства 1931 року забезпечити колективізацією не менше як половину селянських господарств".

(З постанови об'єднаного пленуму ЦК і ЦКК ВКП(б).

ДЕНЬ УРОЖАЯ
И
КОЛХОЗ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

ЗБИРАЛЬНОЇ
ВИАСТИ
ПАЛТИНЫЯ
ДО
КОМПАНІЇ ПО ПОРОБЕ
ПКУ
ОБОРОНУ
ХИМОТРЕСТА

Зерно, що прибуло на баржі з Херсона в одеський порт, перевантажується плаваючим елеватором в штабелі. (Фото Рибальченка—Союзфото).

Здають державі хліб.—Колгосп ім. Сталіна

На іспитах.

— Тов. Семенів, що знаходиться в середині земної кулі.

Семенів (подумавши) — Хліб захований куркулями...

С фронта уборочной. Уборка конопли в коммуне им. Кессоря Драбовского р-на, Киевской области
Фот. Н. Гавриленко (Совфото)

В. Соловьев. — Пионеры соберают колосья (Крымская МТС, совхоз им. Ленина, Ласко-Черноморский край)

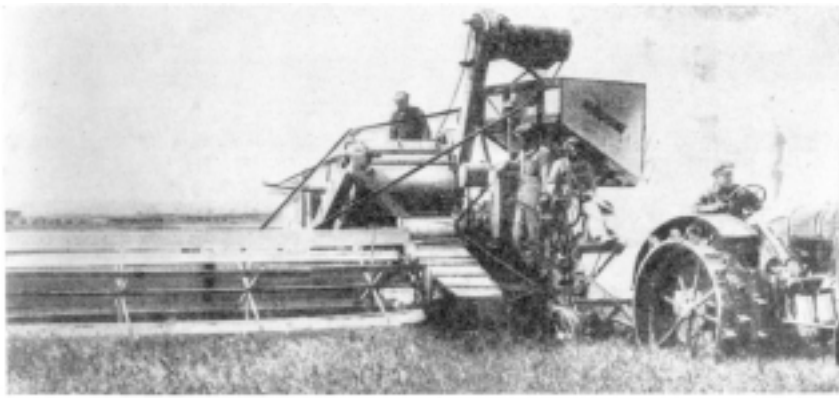
РЕШЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТОТДЕЛОВ ПРИ СОВХОЗАХ и МТС — одно из важнейших решений пле[нума] объединенного пленума ЦК ВКП(б) и ЦКК. Политотделы при совхозах и МТС должны стать сильнейшими опор[ными] пунктами пролетарской диктатуры в деревне, осуществляющими социалистическую реконструкцию сел[ьского] хозяйства и социалистическое перевоспитание неплохих масс. На снимке: группа московских коммунистов, [мобилизованных] на работу в политотделах при совхозах и МТС, перед отъездом на место работы.

Фот. А. С.

Питання про хліб.

В очах радянського громадянина.

І воно ж в очах радянського міщанина.



Тільки за радянської влади, за умов колективізації, селянські віковічні обійми і смужки займали могутні причепні комбайн-трактори та комбайни.

ВРОЖАЙ
ЗА
НАЙСКОРІШЕ
U. P.
R.
ЗАМІСТЬ ХЛІБА КУЛАЦЬКОГО
— ХЛІБ СОЦІЯЛІСТИЧНИЙ

В. Ставский. В станице

По-ударному выполним план хлебосдачи. Красный обоз с зерном.
Фот. И. Чернова

Плакат роботи худ. Г. Довженко

Балаян. Голодний похід.

Твори західних художників — з ілюстрацій до ст. Б. Терновця «Революційне мистецтво в боротьбі проти війни й фашизму» (Малярство і скульптура.— 1936.— № 8).

Дж. Берк. Комерсант в складу фермер. (США).

ДОПОМІЖНІ ПОКАЖЧИКИ

Покажчики укладені російською мовою, оскільки вони супроводять насамперед документи, які наводяться мовою оригіналу

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агафьевка, с. Врадиев. р-на 323
Адлер, г. 261
Азербайджан 67, 138
Азия 305
Александрийский р-н Днепропетровск. обл. 226
Америка 305
АМССР, см. Молдавия
Амвросиевская, ст-ца Славян. р-на 276
Андреевка, с. Новоодес. р-на 327
Антоново-Кадиевский р-н Одес. обл. 321
Антоново-Кодинцевский р-н Одес. обл. 321
Арбузинский р-н Одес. обл. 326
Армавир, г. 277, 342
Армавирский р-н 42, 112, 252, 255, 271, 273, 342
Арнаутово, с. Вознесенск. р-на Одес. обл. 325
Б.-Александровский р-н 315
Бабанка Винниц. обл. 226
Баксанский р-н Кабардино-Балкар. АО 342
Балаклейский р-н 311, 315
Балтийское море 304
Башкирия 222—224
Баштанский р-н Одес. обл. 329
Белое море 304
Белоруссия 20, 38, 66, 90, 108, 138, 197, 201, 215, 222—224
Белоцерковский р-н Киев. обл. 226
Березники, г. 304
Бериславский р-н Одес. обл. 330
Благоевский р-н Одес. обл. 321
Близнята, ст. 244
Богуславский р-н Киев. обл. 226
Больше-Токмакский р-н 311
Братский р-н Одес. обл. 327
Брюховецкий р-н 42, 112, 255, 257, 271, 286
Буг, р. 327
Букский р-н Киев. обл. 226
Буерлык, с. Благоев. р-на 321
В. Александровский р-н 330
В. Богачанский р-н Харьков. обл. 227
В-Висковский р-н Одес. обл. 327
В-Джанка, пос. Курсав. р-на 276
В.-Лепетихский р-н Днепропетровск. обл. 37, 107
Варвинский р-н 155, 169, 212
Васильковский р-н Днепропетровск. обл. 37, 107
Великобритания 160, 173
Винница, г. 64, 135, 319, 330
Винницкая обл. 19, 34, 59, 64, 89, 104, 130, 135, 153, 162, 166, 176, 184, 192, 206, 226, 228, 243, 244, 317, 319, 334
Владивосток, г. 65, 136
Военно-Грузинская дорога 43, 113, 274
Военно-Осетинская дорога 43, 113, 274
Военно-Сухумская дорога 43, 113, 274
Вознесенск, г. 56, 127, 320, 324
Вознесенская, ст-ца Армавир. р-на 42, 113, 255, 273
Вознесенский р-н 57, 128, 327, 332
Волга, р. 304
Волновахский р-н Донецк. обл. 345
Володарский р-н Киев. обл. 226
Волынь 63, 134
Воронеж, г. 195, 199
Ворошиловградская обл. 197, 201
Восточная Сибирь 222—224
Врадиевский р-н Одес. обл. 320, 323
Гадячский р-н Харьков. обл. 228
Геническ, г. 241, 243
Георгиевск, г. 277
Германия 70, 141, 338
Глобинский р-н Харьков. обл. 226, 227
Голопристанский р-н Одес. обл. 330
Горловка, г. 345, 355, 356
Горький, г. 38, 108
Дагестан 222—224
Дальне-Восточный край 53, 123, 222—224, 308, 309, 312
Дальний Восток 18, 70, 87, 141
Дмитровка, с. Волновах. р-на 346
Днепр, р. 304
Днепропетровск, г. 24, 94, 237, 239, 243, 244, 334
Днепропетровская обл. 29, 34, 35, 38, 54, 55, 57, 59, 62, 65, 68, 99, 104, 105, 108, 125, 126, 128, 130, 133, 137, 139, 153, 160, 162, 163, 166, 174, 176, 177, 184, 192, 226, 228, 231, 237, 239, 243, 244, 310, 314, 320, 333, 334, 340, 341, 350
Дно, ст. 215
Долинский р-н Днепропетровск. обл. 226
Доманевский р-н Одес. обл. 326
Дон 294
Донбасс 13, 17, 24, 28, 33—35, 65, 82, 86, 87, 94, 98, 103—105, 136, 197, 198, 201, 225, 228, 231, 319, 340, 341, 353, 355
Донецкая обл. 34, 59, 104, 130, 162, 176, 184, 185, 192, 193, 243, 244, 319, 334, 340, 341

Драбовский р-н 20, 89, 157, 158, 171
Европа 305
Ейск, г. 277
Ейский р-н 42, 112, 254, 271, 277
Жашковский р-н Киев. обл. 226
Закавказье 18, 38, 67, 87, 108, 138, 222—224, 274, 304
Западная Европа 69, 141
Западная обл. 16, 51, 52, 66, 85, 122, 138, 222, 223, 224, 308—310, 312
Западная Сибирь 12, 14, 81, 83, 222—224, 258
Западная Украина 69, 140, 141, 196, 197, 201
Звенигородский р-н Киев. обл. 226
Зиновьевск, г. Одес. обл. 231—233
Зиновьевский р-н Одес. обл. 57, 128, 315, 326, 332
Зиньковский р-н Харьков. обл. 227
Златоустовка, с. Волновах. р-на 348
Знаменка, ст. 57, 128, 233
Иваново, г. 38, 108
Ивановская обл. 19, 88, 222, 223, 224
Игарка, г. 304
Ильинцы (Винниц. обл.) 226
Кабардино-Балкарская АО 342
Казанская, ст-ца 42, 113, 273
Казахстан 12, 13, 53, 64, 67, 81, 82, 135, 138, 222—224, 258, 304, 308, 309, 312
Калининдорфский р-н Одес. обл. 330
Каменский, г. 279, 294
Каменский р-н 46, 116, 252, 278, 284, 285, 294, 299
Камчатка 283
Каневский р-н 42, 112, 271, 273, 274, 286
Каранский р-н Днепропетровск. обл. 226
Карелия 222
Карллибкнехтовский р-н Одес. обл. 327
Карловский р-н Харьков. обл. 228
Карповка, с. Волновах. р-на 346
Каторжное, с. Цебриков. р-на 322
Каховский р-н Одес. обл. 330
Керчь 225
Киев, г. 22, 24, 55, 64, 65, 91, 94, 135, 136, 152, 195, 199, 317, 319
Киевская обл. 19, 29, 64, 89, 99, 135, 153, 160, 162, 166, 174, 176, 184, 185, 192, 193, 197, 201, 207, 226, 228, 231, 243, 244, 319, 334
Китай 5, 18, 87, 184, 192
Кобелякский р-н Харьков. обл. 226, 227, 311
Константиновский р-н 256
Копанская, ст-ца Ейск. р-на 275
Кореновский р-н 42, 112, 256, 259, 271, 273, 284
Котельниковский р-н 49, 120
Краматорск, г. 63, 134
Красноград, г. 242
Красноградский р-н Харьков. обл. 315
Краснодар, г. 44, 114, 261, 265
Краснодарский р-н 42, 112, 253, 261, 271, 273, 286, 301, 364
Красный Кут Харьков. обл. 227
Кременчугский р-н 315
Кривой Рог, г. 337
Кривоозерский р-н Одес. обл. 323
Кронштадт 258, 259
Кропоткинский р-н 42, 112, 252, 256, 258, 271, 273
Крыловская, ст-ца 42, 113, 273
Крым 38, 68, 108, 139, 222—224
Кубань 40—43, 45—49, 52, 116—119, 197, 201, 248, 249—251, 254, 257—260, 265, 267, 269, 270, 273, 276, 277, 279—282, 284, 285—291, 294, 295, 298, 300, 360
Кузбасс 304
Купянский р-н Харьков. обл. 228
Курганенский р-н 42, 112, 271, 273
Кущевка, ст-ца Кущев. р-на 342
Кущевский р-н СКК 42, 112, 271, 286, 342
Лабинский р-н 42, 112, 271
Левобережье 184, 192
Ленинград, г. 28, 35, 28, 65, 98, 105, 108, 136, 158, 172, 278
Ленинградская обл. 222, 223, 224
Липовец Винниц. обл. 226
Липово-Долинский р-н Харьков. обл. 227
Лисянский р-н Киев. обл. 226
Лозовая, ст. 244
Лохвицкий р-н Харьков. обл. 155, 169, 212, 228
Луганск 63, 134
Любашевский р-н Одес. обл. 322
Майкопский р-н 256, 275
Макеевка, г. 345
Максимовка, с. Братск. р-на 327
Мало-Девицкий р-н 155, 169, 212
Мариуполь, г. 348
Марьинка, ст-ца Краснодар. р-на 263
Матвеев-Курганский р-н 252
Медведовская, ст-ца Тимашев. р-на 41, 44, 45, 49, 112, 115, 119, 248, 249, 266, 270, 271, 275, 287
Межевской р-н Днепропетровск. обл. 226
Мелитополь, г. 231
Мечетинский р-н 251, 252, 256, 257, 282
Миллеровский р-н (Кубань) 46, 116, 284
Минск, г. 65, 136
Миропольский р-н Харьков. обл. 228
Моздок, г. 277
Молдавия 15, 19, 84, 89, 184, 192, 214, 228, 243, 244

Москва, г. 13, 15—17, 22, 25, 28, 31, 35—37, 39, 46, 49, 58, 59, 65, 70, 82, 84, 85, 87, 91, 94, 98, 101, 105, 106, 108, 116, 119, 129, 130, 141, 154, 156, 168, 169, 179, 187, 195, 199, 229, 230, 267, 280, 317, 322, 332, 333, 335—338, 342, 344, 349, 358
Московская обл. 66, 138, 222, 223, 224
Н.-Пражский р-н Днепропетровск. обл. 226
Н.-Санжарский р-н Харьков. обл. 228, 315
Нальчик, г. 342
Невиномысская, ст. 277
Невиномысский р-н 42, 112, 271
Недригайловский р-н Харьков. обл. 227
Нескубин хут. Мечетин. р-на 275
Нехворощанский р-н Харьков. обл. 226, 227
Нижегородский край 23, 92, 222, 223, 224
Нижне-Чирский р-н 49, 120
Нижний Новгород, г. 195, 198, 199
Нижняя Волга 12, 14, 49, 62, 66, 81, 84, 120, 133, 138, 216, 222—224
Николаев, г. 24, 94, 330
Николаевская, ст-ца 258
Николаевский р-н Одес. обл. 330
Ново-Александровский р-н 42, 112, 251, 255, 257, 271, 343
Ново-Бугский р-н 330
Ново-Величковская, ст-ца Краснодар. р-на 275
Ново-Мышастовская, ст-ца 42, 113, 273
Ново-Покровский р-н 42, 112, 256, 271
Ново-Полтавская, ст-ца Славян. р-на 258
Ново-Рождественская, ст-ца Тихорецк. р-на 41, 42, 112, 113, 271, 273, 281, 287, 294, 301
Ново-Титаровская (Новотиторовская), ст-ца Краснодар. р-на 44, 114, 261, 263, 265, 269
Ново-Украинский р-н 232, 238, 325
Новоукраинский р-н 315
Ново-Щербиновская, ст-ца Ейск. р-на 254
Новобугский р-н 315
Новоодесский р-н Одес. обл. 327
Новороссийск 20, 90
Новочеркасск, г. 357
Новочеркасский р-н 357
Носовский р-н 311
Обливский р-н 257
Оболонский р-н Харьков. обл. 226, 227
Одесса, г. 24, 56, 57, 65, 94, 127, 128, 136, 163, 230, 232, 233, 238, 320, 323, 328, 330, 334, 337
Одесская обл. 35, 54—57, 65, 68, 105, 125—128, 137, 139, 153, 162, 166, 176, 177, 184, 192, 214, 228, 231, 233, 243, 244, 314, 315, 320, 322, 328, 334, 336
Олевский р-н. 158, 172
Октябрьский р-н Харьков. обл. 57, 128, 317, 332
Опишнянский р-н Харьков. обл. 227
Оратов (Винниц. обл.) 226
Орджоникидзе, г. 277
Ореховский р-н 51, 52, 70, 121, 123, 141, 311
Оржицкий р-н Харьков. обл. 226, 227
Отрадная, ст-ца Тихорецк. р-на 43, 113, 251, 255, 275, 288
Отрадненский р-н 42, 112, 271
Павловский р-н СКК 42, 112, 271, 273
Павлоградский р-н 314
Первомайский р-н Одес. обл. 322
Персия 18, 87
Пески, с. Баштан. р-на 329
Петровская, ст-ца Ново-Александров. р-на 343
Пирятинский р-н Харьков. обл. 155, 169, 212, 228
Платнировская, ст-ца 42, 113, 273
Плисков (Винниц. обл.) 226
Погребище (Винниц. обл.) 226
Поволжье 49, 120
Подолье 63, 134
Полесье 184, 192
Пологи 345
Полтава, г. 36, 315
Полтавская обл. 197, 201
Полтавская, ст-ца Славян. р-на 42, 44, 45, 47, 49, 113—115, 116, 118, 119, 268, 269, 273, 289, 292, 294, 311
Польша 29, 30, 53, 66, 70, 98, 124, 125, 137, 141, 161, 174, 175
Помощная 231
Поповическая, ст-ца 42, 113, 273
Правобережье 184, 192
Прилеевская, ст-ца Тихорецк. р-на 251
Прилуки, г. 215
Прилукский р-н Харьков. обл. 155, 169, 212, 227
Приморо-Ахтарский р-н 261
Пролетарский р-н 300
Прохладная, ст-ца Прохладнен. р-на 342
Прохладненский р-н СКК 342
Пьемонт 69, 70, 141
Пятигорск, г. 277
Ракитянский р-н Киев. обл. 226
Раковка, с. 324
Решетиловский р-н Харьков. обл. 227, 315
Ровное, с. Новоукраин. р-на 326
Роговская, ст-ца Брюховец. р-на 276
Рождественская, ст-ца Тихорецк. р-на 251
Роздельнянский р-н АМССР 214
Российская Федерация 6, 141
Ростов-на-Дону, г. 40, 65, 110, 136, 250, 252, 256, 279, 280, 285, 286, 303, 342, 343, 357, 362, 364
Сальский р-н 256, 285
Сандат, с. Сальск. р-на 275
Саратов, г. 195, 199

Сахалин 283
Сахновщанский р-н Харьков. обл. 227, 315
Северная Осетия 277
Северный Кавказ 5, 6, 8, 9, 12, 22, 24, 25, 32—35, 39—43, 46, 47, 49, 51, 52, 58, 61, 62, 64—66, 81, 92, 94, 101—104, 109—114, 116, 117, 119, 122, 123, 129, 132, 133, 135, 137, 215, 216, 222—224, 248—250, 252, 258, 260, 265, 270, 272—274, 276, 277—282, 285—288, 291, 295, 297, 298, 302, 303, 308, 309—312, 318, 323, 338, 340—343, 357—363
Северный край 19, 41, 43, 45, 46, 49, 59, 66, 67, 88, 111, 113, 115, 116, 117, 123, 130, 138, 222, 223, 224, 254, 267, 269, 287, 304
Семеновский р-н Харьков. обл. 226, 227
Серпухов, г. 237
Синельниково, г. 232, 237
Синельниковский р-н 237
Сквирский р-н Киев. обл. 226
Славянский р-н 42, 112, 257, 271, 273, 286
Смелянский р-н. 157, 170, 171
Снегуровский р-н Одес. обл. 37, 107, 328
Солонянский р-н Одес. обл. 37, 107
Сочи 20, 90
Средняя Азия 19, 21, 53, 88, 90, 123, 222—224, 304, 308, 309, 312
Средняя Волга 32, 34, 66, 102, 104, 138, 216, 222—224
Ставищанский р-н Киев. обл. 226
Ставрополь, г. 262
Ставрополье 46, 117
Сталино, г. 344, 345, 354, 355, 356
Сталинская обл. 197, 201
Старо-Корсунская, ст-ца 264
Старо-Минская, ст-ца Ново-Александров. р-на 343, 344
Старо-Минский р-н 42, 112, 252, 271
Степь 184, 192
Суворово, с. Суворов. р-на 331
Суворовский р-н 331
США 27, 103
Таганрог, г. 358
Таганрогский р-н 252
Тальновский р-н Киев. обл. 226
Тарасовский р-н 46, 116, 284
Татария 68, 139, 222—224
Темиргоевская, ст-ца Курганен. р-на 41, 42, 112, 113, 271, 273, 281, 287
Терновская, ст-ца Краснодар. р-на (Тихорецк. р-на) 289, 290, 303, 305
Тетиевский р-н Киев. обл. 226
Тимашевская, ст-ца Тимашев. р-на 270
Тимашевский р-н 42, 112, 254, 266, 270, 271, 273, 286
Тирасполь 152, 165
Тихорецкая, ст-ца 301
Тихорецкий р-н 42, 112, 251, 255, 259, 271, 273, 275, 285, 286
Томашполь (Винниц. обл.) 226
Троицкий р-н Одес. обл. 322
Тростянец (Винниц. обл.) 226
Украина 5, 6, 8, 9, 12—39, 41, 47, 50—59, 61—73, 81—108, 111, 116, 118, 120, 121—129, 132, 133—145, 152—156, 159—163, 165—170, 172—177, 179, 180, 182—185, 187, 188, 190—193, 195—199, 201, 202, 204—208, 212, 213, 215—231, 235, 236, 239, 242, 243, 245, 253, 254, 258, 282, 292, 299, 308—312, 314, 315, 317—319, 334, 335, 340, 341, 344
Ульяновский р-н Харьков. обл. 227
Уманская, ст-ца Павлов. р-на 42, 49, 113, 119, 273, 275
Умань (Винниц. обл.) 226
Упорная, ст-ца 42, 113, 273
Урал 14, 19, 22, 23, 46, 64, 84, 88, 92, 117, 135, 222—224, 304
Урупская, ст-ца 42, 49, 113, 119, 273
Устимовский р-н Одес. обл. 329
Усть-Лабинский р-н 42, 112, 271
Фрунзенский р-н Одес. обл. 37, 107
Харьков, г. 13, 15, 24, 26, 35, 36, 38, 59, 63, 65, 84, 90, 94, 96, 105, 106, 108, 109, 125, 128, 130, 134, 136, 152, 156, 165, 169, 198, 202, 215, 230—233, 237—239, 242, 244, 247, 313, 314, 317, 321, 330, 332, 333, 334, 337, 344
Харьковская обл. 19, 39, 54, 55, 57, 59, 68, 89, 109, 124—126, 130, 139, 153, 162, 163, 166, 175—177, 184, 185, 192, 193, 197, 201, 226, 227, 228, 231, 243, 244, 314—316, 319, 320, 333, 334
Херсон, г. 56, 127, 320, 328, 330
Херсонский р-н Одес. обл. 329
Хибиногорск, г. 304
Хлебодаровка с. Волновах. р-на 345
Цебриковский р-н Одес. обл. 322
Цюрупинский р-н Одес. обл. 329
ЦЧО, Центрально-Черноземная область 12, 16, 18, 53, 66, 81, 85, 87, 123, 138, 215, 216, 222—224, 308, 309, 312
Чернигов, г. 334
Черниговская обл. 34, 55, 57, 104, 126, 128, 163, 177, 184, 185, 192, 193, 241—244, 316, 319, 320
Черное море 17, 86
Чернухинский р-н 155, 169, 212
Чернуховский р-н Харьков. обл. 227
Чехословакия 48, 118, 292
Чубаревка, с. Чубарев. р-на 239
Чубаревский р-н Днепропетровск. обл. 239, 243, 350
Чутовский р-н Харьков. обл. 226, 227
Шевченко, д. 350
Юзовка, г. 195, 199
Япония 267, 269

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Сведения о лицах, отмеченных *, см. в Биографическом указателе.)

** Абакумов Е. Т. 355, 356
* Акулов И. А. 34, 65, 67, 104, 136, 138, 243, 244, 345
* Алексеев Н. А. 239
Алексеев — секр. Славян. РК 257
Алябов — колхозник (Чубарев. р-н) 353
Алябьев — дир. Динск. МТС 263
Андреев Е. 182, 183, 190, 191
Андрюсенко — житель с. Сандат Сальск. р-на 275
Анисимов — секр. Марьинск. станпарткома 263
Антонов 342
* Ароцкер [Л. И.] 283
Афанасьев — шахтер 354
Багров — секр. Краснодар. РК 265
Бабкин — шахтер шахты "Софья", Донбасс 354
Бабко Ю., историк 152, 165
Багров — секр. Краснодар. РК 261
* Балицкий В. А. 30, 50, 54, 55, 57, 65—67, 100, 120, 125, 126, 128, 136, 138, 161, 175, 316, 320, 333, 337
Бальтюкевич — дир. Одес.-Николаев. зерносовхоза 331
Бандурин — пред. к/х Новочеркасск. р-на 357
Белик — кулак, житель ст-цы Полтавская 48, 118, 293
Бессонов — главный инженер треста «Сталинуголь» 356
Бирман — ИТР Красногвардейск. РУ 356
Бирюков — пред. к/х (Каменск. р-н) 285
* Бляхер М. Г. 241
Бонадысенко — житель ст-цы Полтавская 293
Бортничук Н., историк 152, 165
Борщ — секр. Синельников. РК 237
Бреус — жительница ст-цы Медведовская 267
* Брикке С. К. 364
* Буденный С. М. 45, 116, 269
Булава — пред. Чубарев. РИК 239
* Булин А. С. 311
Булочев — шахтер 354
Валабуев — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Вегер Е. 1-й секр. Одес. ОК 68, 139
Виола Л., историк 6, 9
Вишневский — секр. Доманевск. РК 326
Власенко 226
Войсковик — завхоз колхоза № 4 ст-цы Ново-Титаровская 261
* Ворошилов К. Е. 45, 116, 269, 318
Гаврилов (упол. ЦК) 324, 332
* Гамарник Я. Б. 40, 110, 250, 270, 278, 311
* Гарин В. Н. 274
Гердов — ИТР треста «Сталинуголь» 356
Годзевич — технический дир. треста «Сталинуголь» 356
Головащенко — секр. Любашев. РК Одес. обл. 322
Головин 311
Голощекин Ф. 67, 138
* Горшин И. Б. 273, 278
Горя — секр. Николаев. РК 330
Гривун 365
Григорьев — секр. Ново-Покровск. РК 256
Гридин — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Грищенко — секр. Суворов. РК 332
Грушевский М. 69, 141
Гузь — житель пос. В.- Джанка (пред. к/х) 276
Даненбург — сотрудник РК, Одес. обл. 233
Данилов В., историк 5, 6, 8, 9
Дарский Л. 182, 183, 190, 191
Дворник 311
Дебров — пред. стансовета ст-цы Медведовская 275
* Демченко Н. Н. 156, 158, 170, 172, 243, 244
Денисенко — секр. Мечетин. РК 256
Дитюк — упол. ЦК (Одес. обл.) 327
Долгов 311
Донцов Д. 69, 141
Дорохов (крайЗУ) 250, 251
Дроба — упол. ЦК по Одес. обл. 329
Дубровский — бывший секр. Голопристан. РК 330
Дудник 320
Дэвис Р., историк 182, 190
Дюрмаер — секр. Карлолибкнехтов. РК Одес. обл. 327
* Евдокимов Е. Г. 281, 283, 311, 357, 362, 364
Еременко — секр. Пролетар. РК 300
Ерошенко — дир. Марьянов. МТС 263
Ефремов С. 69, 141
Жупына — зампред. Голопристан. РИК 330
Заваленко — бригадир шахты "Софья", Донбасс 354
Зайцев — упол. в Чернигов. обл. 242, 316
Засорин — пред. Пролетар. РИК 300
* Затонский В. П. 156, 158, 170, 172
Зеленов — военный упол. СКВО 276
Зелихов — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Зимин — (член СКК) 357, 358
Зиновьев — пред. Вознесенск. РИК 324
* Зиновьев Г. Е. 44, 114, 265
Зиньковский — работник Доннарпита 356, 357
Золотухин — зав. ОЭТ Горлов. РУ 355
Зык 311
Иванов — управл. Рутченков. РУ 344
Иванов — зав. шахтой № 2/7 Рутченков. РУ 344

Иванченко — упол. Одес. ОК 326, 332
Ивлиева — житель Майкоп. р-на 275
Ивницкий — член бюро СКК крайкома, затем пред. ОИК Северной обл. (СКК) 253, 273, 278
Ивницкий Н., историк 5, 8
Игнатенко — секр. Ейск. РК 254
Ильин — ИТР шахты № 1, г. Горловка 356
* Инденбаум 365
Ищенко — крайЗУ 344
* Каганович Л. М. 5, 6, 8, 9, 19, 22, 23, 25—27, 29—32, 35, 39—49, 54—59, 61, 62, 89—92, 94—96, 98—102, 104, 109—119, 125—130, 132, 133, 152, 156, 159—163, 165, 169, 170, 173, 174, 176, 177, 185, 193, 195—202, 204, 205, 248, 249, 250, 253, 259, 261, 263—266, 270, 276—279, 282—286, 308, 309, 314, 316, 318, 319—324, 326, 327, 329, 330, 333—337, 340—342, 344, 347, 349, 353, 357, 358, 364—366
* Калинин М. И. 45, 116, 269
* Калманович М. И. 35, 104, 235, 242
* Калмыков Б. 342, 364
* Каменев Л. Б. 44, 114, 264
Каминский — секр. Устимов. РК Одес. обл. 329
Канов 231
Канторович 320
Кант — зав. Винницким ДОПР 330
Карасев — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Карлсон К. 59, 130
Карпенко — секр. Каменск. РК 278, 279, 299
Касилов — НКЗем СССР 342
* Катенев П. А. 365
Кинжалов — секр. Вознесенск. РК 324, 327, 332
* Киселев А. Л. 38, 108, 242
* Клейнер И. М. 250, 283
Клочко — рабочий шахты № 1, г. Горловка 345
Кобзарь — секр. Арбузинского РК 326
Ковтун И. П. — кулак, ст-цы Полтавская 292, 293
Кожевников С. Н. 252
Козорезов 262
Козырев — секр. Н.-Украин. РК 232, 238, 325
Команев — секр. Отраднен. РК 256
Кононов — житель ст-цы Копанская 275
Конотоп — упол. ЦК по Одес. обл. 329
Константинов — секр. Чубарев. РК 239
Копецкий — работник политотдела Чубарев. МТС 350
* Косарев А. В. 40, 110, 250, 270
* Косиор С. В. 13, 14, 15, 17—24, 26, 30, 31, 34—36, 38, 50—52, 54, 55, 57, 58, 62—65, 67, 68, 82—85, 87, 88, 90, 91, 93, 96, 99, 101, 103—106, 108, 121, 122, 125, 126, 128, 129, 133—135, 137, 138, 153, 154, 156, 158, 160, 161, 163, 166, 167, 169—172, 174, 177, 215, 228, 231—233, 235—239, 241—244, 272, 310, 312—314, 318, 320, 333, 338, 344
Костюков — житель ст-цы Полтавская 293
Косько — дир. совхоза «Гигант» 261
Косяченко 311
Котов — колхозник ст-цы Отрадная Тихорецк. р-на 43, 47, 62, 113, 117, 133, 134, 251, 255, 258—260, 275, 288, 289, 300
* Коцюбинский Ю. М. 323
* Краваль И. А. 181, 189
Кравцов — житель ст-цы Н.-Титаровская 263
Кренцель 35, 104, 235
Криницкий 357
Крутко — упол. Одес. ОК 326
Кузько — шахтер 354
* Куйбышев В. В. 12, 18, 19, 31, 51, 81, 87, 89, 101, 122
Кулаков — военный упол. СКВО 276
Курман, служащий ЦУНХУ СССР 182, 190
Куромия Х., историк 33, 103
Кутузов — ИТР треста «Сталинуголь» 356
Кутузов — нач. политотдела Гуляйпольской МТС 353
* Ларин В. Ф. 252, 283, 310, 357, 364, 365
Ленин В. И. 161, 174, 297
Ленский 311
* Леонтьев М. Л. 342
* Леплевский И. М. 337
Либкнехт К. 338
Лозовский (Л.) — зам. нач. ЦПБ 221
Лопата — ИТР треста «Сталинуголь» 356
Лоример Ф. 182, 183, 190, 191
Лукашенко — секр. Врадиев. РК Одес. обл. 323
Луценко 311
Луценко Г. Т. — дир. Хлебодаров. МТС 345, 348, 349, 350
Лысенков — секр. Сальского РК 256
Любченко — работник Одес. ОК или ОИК 156, 170, 242, 321, 324
Лямцев — работник Хлебодаров. МТС 349
Ляпис — упол. ОГПУ в Одес.-Николаев. совхозе 331
Ляшенко — Кобеляк. р-н 311
Лященко — секр. Тихорецк. РК 255
* Майоров М. М. 56, 68, 126, 139, 156, 170, 232, 233, 238, 243, 244, 320, 321, 330, 332, 337
Максудов С. 182, 190
Малиенко — жительница ст-цы Терновская 305, 306
Маннинг Р., историк 6, 9
Мао Цзедун, китайский политический деятель 5, 8
* Маркевич А. М. 20, 35, 89, 104, 235
* Маркитан П. Ф. 34, 104, 241—244
Маркс К. 60, 131
Марченко — житель с. Агафьевка Врадиев. р-на 323
Маслениковский — военный упол. СКВО 276
* Матвеев В. С. 252, 266, 270, 281, 282, 365

Махно — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Медяников 294
* Микоян А. И. 19, 20, 24, 89, 90, 94, 110, 230, 250, 258, 270
Милюков П. Н.— бывш. член Временного правительства 338
Михаличенко — житель ст-цы Уманская 275
Могилевский — упол. Одес. ОК 322
Моздорь — житель ст-цы Полтавская 293
* Молотов В. М. 5, 6, 8, 9, 13, 14, 20, 22, 23, 25—27, 29, 30, 34—36, 38, 39, 45, 46, 49, 50, 54, 56, 63, 66, 67, 82, 83, 90—92, 94—98, 100, 104—106, 108, 109, 116, 120, 124, 127, 135, 137—139, 152, 154, 155, 156, 159—161, 163, 165, 168, 169, 170, 173—175, 177, 185, 193, 195, 197—199, 201, 202, 204, 205, 206, 212, 228, 229, 230—233, 235—239, 241—247, 269, 312—314
Мясищев — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Назаренко В. Г. — бывш. член Кубанской Рады, ст-ца Полтавская 292, 293
Недвига — пред. к/х Новоодесский р-н 327
Нежажий — пред. к/х Чубарев. р-на 350
Неймарк — секр. Первомайск. РК, Одес. обл. 322
Несветайло 275
Николаев 269
Новиков — шахтер Рыков. РУ, Донбасс 354
* Новоселов С. А. 273, 278
Нудьга — житель ст-цы Полтавская 293
Овчинников — секр. парткома завода «Ростсельмаш» 282
Одинцов А. 20, 65, 90, 137
Омельченко Г. — станичный атаман, член Кубанской Рады, белоэмигрант 48, 118, 292—294
Ордельян 311
* Орджоникидзе Г. К. 33, 103
Осинский Н. 181, 189
Островский А. — юрист (СКК) 276
Очкасов — житель ст-цы Ново-Рождественская 301
Павленко — житель ст-цы Ново-Рождественская 301
Павлов — дир. совхоза "Глубокинский" 261
Паламарчук 311
Панфилов — зав. столовой шахты № 12\18 357
Пахомов — пред. Ново-Украин. РИК 232
Пелих — военный упол. СКВО 276
Перец — пред. к/х Волновах. р-на 348
Перов — колхозник 262
* Петровский Г. И. 13, 15, 21, 22, 26, 29, 82, 84, 90, 91, 96, 99, 153, 155, 156, 159, 166, 168, 170, 173, 204, 205, 212, 215
* Пивоваров И. Н. 251, 281, 283
Пидсуха — секр. Зиновьев. РК 326, 332
Пикулин — рабочий Сталин. металлургического з-да 345
* Пилсудский Ю. 30, 53, 99, 100, 124, 161, 174, 175
* Пиляр Р. А. 253, 274, 283
Пинаев — пред. Каменск. РИК 278
Повалюхин — секр. Армавир. РК 255
Погребной — упол. Одес. ОК 327
Поляков — упол. ЦК в Одес. обл. 157, 171, 321
Полонский В. 67, 138
Помайзель — секр. Брюховецк. РК 255
Поплавский — пред. Синельников. РИК 237
Попов — секр. парт. ячейки с. Златоустовка 348
* Постышев П. П. 49, 54, 55, 57, 62, 68—72, 120, 125, 126, 128, 133, 139—142, 144, 162, 176, 230, 231, 314, 320, 323, 337, 338
Пригода 311
* Примаков В. М. 279
Прищепко Н. В. — пом. атамана ст-цы Полтавская 292, 293
Проценко — судья Каменск. р-на 279
* Птуха В. В. 338, 339
* Путнин В. М. 252, 357, 364, 365
Пчелинцев — секр. Майкоп. РК 256
Равикович [Е. М.] — НК РКИ СССР 342
Разумов — 1-й секр. Одес. ОК 68, 139
Раисов — инструктор ЦК КП(б)У 323
* Реденс С. Ф. 19, 30, 38, 55, 59, 65, 88, 99, 100, 108, 126, 130, 137, 161, 174, 242, 320
* Румянцев И. П. 310
Рютин М. 28, 98
* Рябоконь В. И. 252, 281, 282, 284
Савин — пред. Краснодар. РИК 261
Самохин — колхозник к/х им. Ленина Каменск. р-на 279
Самсонов — житель ст-цы Копанская 275
* Саркисов С. А. 34, 35, 67, 104, 138
Светошева — жительница ст-цы Полтавская 292
Свитнев — секр. Кропоткин. РК 256
Серегин — житель ст-цы Ново-Титаровская 263
Серпиков — рабочий шахты № 1, г. Горловка 345
Сивожов — житель ст-цы Медведовская 267
Сидерский — секр. Херсон. РК Одес. обл. 329
Сирко — секр. Молдав. ОК 243, 244
Сиротюк — секр. Антоново-Кодинцев. РК Одес. обл. 321
Скорко — житель. ст.-цы Полтавской 268
Скрыпник М. Н. 64, 135, 156, 159, 170, 172, 242, 243, 308, 309
* Скрыпник Н. А. 26, 29, 51—53, 64, 69, 70, 96, 99, 122, 123, 124, 135, 141, 141
Смирнов — чл. Бюро СКК 358
* Смирнов И. Н. 62, 133
* Сталин И. В. 5, 6, 8, 9, 12—32, 34—36, 38, 40, 41, 43—46, 49—51, 53, 54, 56—68, 71, 73, 81, 86—88, 90—93, 95, 96, 98—102, 104—106, 108, 110, 111, 113, 114, 116, 120,

121—124, 126—128, 130—133, 135—139, 141, 142, 145, 153—155, 160—163, 166, 168, 174, 175—177, 179, 187, 195—202, 204—206, 212, 228—230, 239, 242, 245, 248, 249, 269, 270, 278, 282, 284, 285, 296, 306, 307, 308, 309, 312—314, 318, 333, 335, 336, 346, 352, 363, 364
Степанов — секр. Кореневск. РК 256
Степанский — упол. ЦК по Чернигов. обл. 316, 319
* Строганов В. А. 34, 52, 68, 104, 122, 139, 237, 239, 242, 243, 244, 310
* Сухомлин К. В. 317, 320
Сюр — секр. Тимашев. РК 254, 266
Тарабанов — работник политотдела Чубарев. р-на 350
Таран — житель ст-цы Роговская 276
Таран — житель ст-цы Уманская 275
Таран — уполн. ЦК в Одес. обл. 320, 330
Тараненко — уполн. Одес. ОК 327
Таугер М., историк 27, 97
Теверовский — секр. Новоодес. РК 327
* Терехов Р. Я. 19, 54, 55, 57, 68, 88, 124, 125, 126, 128, 139, 156, 163, 170, 176, 243, 244, 315, 319, 333, 334
Тисленко — житель пос. В.-Джанка 276
Титов — пред. к/х Новочеркасск. р-на 357
Ткаченко — секр. парткома ст-цы Старо-Корсунская 264
Товаровская — пом. прокурора Одес. обл. 326
* Толмачев В. Н. 62, 133
* Томский М. П. 62, 63, 133, 134
Тонконог — секр. Братского РК, Одес. обл. 327
Тютюнников — житель ст-цы Роговская 276
Ус 311
* Успенский А. И. 342
Фишман 311
Фомин Г., секр. Смелянского РК 157, 170, 171
Фридберг 253
Фридсон — член коллегии Верховного Суда 284
Фукс — нач. политотдела Хлебодаров. МТС 345—350
Ханзон — упол. Одес. ОК 330
Харькова Т. 182, 183, 190, 191
* Хатаевич М. М. 34—36, 53—55, 57, 58, 65, 67, 68, 104—106, 109, 124, 125, 128, 129, 137—139, 161, 163, 175, 177, 228, 231, 232, 233, 235—237, 245, 246, 313—315, 320, 333, 334, 339
Хвыля — упол. ЦК по Одес. обл. 328
Хорешко 311
Христенко — член комиссии по чистке партии в СКК 278
Цаплин В. 182, 190, 191
Циба — пред. Антоново-Кодинцев. РИК Одес. обл. 321
Чайка — житель ст-цы Амвросиевская 276
Черкасов — секр. Ново-Александровск. РК 255
* Чернов М. А. 24, 35, 40, 51, 55, 94, 104, 110, 122, 125, 126, 250, 257, 264, 270, 318, 320, 322, 323, 335, 336
* Чернявский [В. И.] 34, 104, 156, 171, 243, 244
Черток — пред. стансовета ст-цы Медведовская 267, 268
Чечеткин — житель ст-цы Ново-Рождественская 294
Чечко — секр. В.-Висков. РК Одес. обл. 327
* Чубарь В. Я. 13, 14, 16—23, 25—27, 30, 31, 54, 55, 62—65, 82—84, 86, 87, 89—94, 96, 99—101, 125, 126, 133—135, 137, 154—156, 161, 163, 168, 170, 174, 177, 204, 205, 206, 212, 231, 242, 243, 310, 312, 314, 315, 317, 320, 334
Шаповал Ю., историк 73, 144
Шаргородский — главный инженер шахты № 2/7 Рутченков. РУ 344
Шаумян 364
* Шеболдаев Б. П. 32, 33, 40, 41, 45, 46, 51, 58, 62, 102, 110, 111, 115—117, 122, 129, 133, 134, 253, 257, 264, 268, 278, 279, 281—285, 305, 310, 311, 338, 343, 358, 360, 362, 364, 365
Шевченко — житель ст-цы Полтавская 293
Шевченко — секр. Баштан. РК Одес. обл. 329
* Шелехес И. С. 310
Шепелев — секр. Кривоозер. РК Одес. обл. 323
Шерегов П., секр. Драбовского РК 157, 158, 171, 172
Шестопалов — ИТР треста «Сталинуголь» 356
Шимотомаи Н., историк 40, 110
Шкадинов — упол. ЦК в Днепропетровск. обл. 314
Шкиль П. Т. — кулак, ст-ца Полтавская 292
* Шкирятов М. Ф. 40, 110, 250, 258, 273, 278, 281, 282
Шлихтер А. 57, 128, 156, 170, 333
* Штейнгарт А. М. 363—365
Шубин 256, 257
Шумский А. 197, 201
Шустов — пред. к/х № 7 262
Щербаков — зав. элеватором ст-цы Медведовская 275
* Эйсмонт Н. Б. 62, 133
Энгельс Ф. 60, 131
* Юркин [Т. А.] 35, 40, 104, 110, 250, 270, 285
* Ягода Г. Г. 12, 40, 81, 110, 250, 270, 311
Яковлев — упол. в Чернигов. обл. 316
* Яковлев Я. А. 20, 89, 90, 230, 261
Якунин — секр. Цебриков. РК Одес. обл. 322
Яременко 311

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов Е. Т. (1895—1953) — чл. партии с 1918. В 1932—1933. упр. трестом «Сталинуголь» (Донбасс).

Акулов И. А. (1888—1937) — чл. партии с 1907. Чл. ЦК в 1927—1930, чл. ЦКК в 1923—1925 и 1930—1934, чл. КПК с 1934. В 1929—1930 секр. и чл. президиума ВЦСПС. С 1929 зам. наркома РКИ и чл. президиума ЦКК. С 1931 зам. пред. ОГПУ. С 1932 чл. ПБ и ОБ ЦК КП(б)У по Донбассу. С 1933 прокурор СССР. Репрессирован.

Алексеев Н. А. (1892—1937) — чл. партии с 1912. В 1930 чл. ЦК КП(б)У. В 1931—1934 канд. в чл. ПБ ЦК КП(б)У. С декабря 1931 секр. ЦК КП(б)У по снабжению. С октября 1932 1-й секр. Винницкого ОК. В 1935—1937 нарком местной промышленности, затем легкой промышленности УССР. Репрессирован.

Ароцкер Л. И.— с октября 1932 упол. Комитета заготовок на Северном Кавказе, с ноября чл. бюро СКК крайкома (из ЦЧО).

Балицкий В. А. (1892—1937) — чл. партии с 1915. Чл. ЦКК в 1925, 1930—1934, чл. ЦК в 1934—1937. В 1931—1932 зам. пред. ОГПУ. С 1933 пред. ОГПУ УССР. Репрессирован.

Бляхер М. Г. (1887—?) — чл. партии с 1921. В 1924—1928 пред. правления Украинбанка в Харькове, в 1928—1929 пред. правления Укр. Стройтреста, в 1930—1931 зам. пред. ВСНХ Украины, в 1931—1934 зам. пред. и пред. Вукоспилки.

Брике С. К. (1900—?) — чл. партии с 1918. В 1930 зам. зав. агит.-массового отдела Московского ГК ВКП(б). В 1932 зам. зав. Агитмассовым отделом ЦК, в 1933 зав. сектором и отв. инструктор с.-х. отдела ЦК. В 1934 сотрудник аппарата ЦК, чл. КПК, чл. ЦГК. Репрессирован.

Буденный С. М. (1883—1973) — чл. партии с 1919. В 1924—1937 инспектор кавалерии РККА.

Булин А. С. (1894—1938) — чл. партии с 1914. Чл. ЦКК в 1925—1930, канд. в чл. ЦК с 1930, чл. ЦК с октября 1937. В 1928—1934 зам. нач. ПУ РККА, нач. ПУ БВО. Репрессирован.

Ворошилов К. Е. (1881—1969) — чл. партии с 1903. Чл. ЦК с 1921, чл. ПБ (Президиума) ЦК в 1926—1960. В 1925—1934 пред. РВС СССР, нарком по военным и морским делам СССР.

Гамарник Я. Б. (1894—1937) — чл. партии с 1916. Канд. в чл. ЦК с 1925, чл. ЦК с 1927. В 1929—1937 нач. ПУ РККА, в 1930—1934 1-й зам. наркома по военным и морским делам и зам. пред. РВС. Покончил с собой.

Гарин В. Н. (1896—?) — чл. партии с 1919. С сентября 1930 зам. ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, с декабря 1931 зам. ПП ОГПУ по СКК, с апреля 1933 ПП ОГПУ по Татарии.

Горшин И. Б. — с марта 1932 секр. СКК крайкома по транспорту. С июля 1933 нач. политотдела Рязано-Уральской ж. д.

Демченко Н. Н. (1896—1937) — чл. партии с 1916. С 1934 канд. в чл. ЦК. В 1932—1934 1-й секр. Киевского, в 1934—1936 Харьковского ОК. Репрессирован.

Евдокимов Е. Г. (1891—1940) — чл. партии с 1918. С 1930 чл. ЦКК. С августа 1932 ПП ОГПУ на Северном Кавказе, в 1934—1936 1-й секр. СКК крайкома. Репрессирован.

Затонский В. П. (1888—1938) — чл. партии с 1917. Чл. Президиума ЦКК в 1927—1934, канд. в чл. ЦК ВКП(б) с 1934. С 1927 пред. ЦКК КП(б)У и нарком РКИ УССР, с 1933 нарком просвещения УССР, чл. ПБ ЦК КП(б)У, чл. Президиума ЦИК СССР. Репрессирован.

Инденбаум — упр. Мясохладостроя, с декабря 1932 чл. коллегии Наркомснаба СССР, упол. СНК СССР по определению урожайности в СКК.

Каганович Л. М. (1893—1991) — чл. партии с 1911. Чл. ЦК ВКП(б) в 1924—1957, канд. в чл. ПБ в 1926—1930, чл. ПБ (Президиума) ЦК в 1930—1957. С апреля 1925 по июль 1928 Генеральный секр. ЦК КП(б)У. Секр. ЦК ВКП(б) в 1928—1939.

Калинин М. И. (1875—1946) — чл. партии с 1898. Чл. ЦК с 1919, чл. ПБ в 1926—1946, в 1919—1938 пред. ВЦИК и одновременно с 1922 пред. ЦИК СССР.

Калманович М. И. (1888—1937) — чл. партии с 1917. Чл. ЦКК в 1927—1930. В 1928—1929 пред. правления Зернотреста Наркомзема СССР, в 1929—1930 зам. наркомзема СССР, с 1930 до апреля 1934 пред. правления Госбанка и зам. наркома финансов. В 1934—1937 нарком зерновых и животноводческих совхозов. Репрессирован.

Калмыков Б. Э. (1893—1940) — чл. партии с 1918. С 1930 1-й секр. Кабардино-Балкарского ОК. Репрессирован.

Каменев Л. Б. (1883—1936) — чл. партии с 1901. Чл. ПБ в 1919—1925, в 1926 канд. в чл. ПБ. С 1922 зам. пред. СНК РСФСР (СССР). С 1926 полпред СССР в Италии. Репрессирован.

Катенев П. А. (1896—?) — чл. партии с 1919. В 1925—1926 пред. Ростовского крайсоюза молочной кооперации, в 1927—1929 пред. Сальск. ОИК, в 1929—1930 пред. Шахтинского ОИК, в 1930—1932 пред. Ростовского крайсоюза потребительских обществ, в 1932—1933 дир. Зернотреста, в 1933 нач. крайЗУ.

Киселев А. Л. (1880—) — чл. партии с 1902. В 1930 пред. Сталинской окружной КК, чл. президиума ЦКК Украины.

Клейнер И. М. (1893—?) — чл. партии с 1920. В 1929 чл. коллегии НКторга, зам. пред. СНК Узбекистана, с февраля 1930 по январь 1931 упол. наркомата торговли на Северном Кавказе, нач. СКК крайторга. В 1930 чл. коллегии НКснаба, в 1931 чл. Бюджетной комиссии ЦИК. С января 1931 зам. пред. СКК крайисполкома, с марта 1932 чл. бюро СКК крайкома, с октября 1932 чл. Комитета Заготовок, нач. Заготзерна. В 1933 зам. пред., в 1934—1936 пред. Комитета по заготовкам при СНК.

Косарев А. В. (1903—1939), чл. партии с 1919. Чл. ЦКК в 1927—1930, канд. в чл. ЦК ВКП(б) с 1930, чл. ЦК с 1934. С 1929 генеральный (1-й) секр. ЦК ВЛКСМ. Репрессирован.

Косиор С. В. (1889—1939) — чл. партии с 1907. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) с 1923, чл. ЦК с 1924, секр. ЦК ВКП(б) в 1926—1928, канд. в чл. ПБ в 1927—1930, чл. ПБ с 1930. В 1928—1938 генеральный (1-й) секр. ЦК КП(б)У. Репрессирован.

Коцюбинский Ю. М. (1895—?) — чл. партии с 1913. В 1927—1930 советник полпредства в Польше, в 1930—1931 зам. пред. Госплана УССР, с 1932 зам. наркозема УССР, с сентября 1933 пред. Госплана и зам. пред. СНК УССР. Репрессирован.

Краваль И. А. (1897—1938) — чл. партии с 1919. В 1924—1930 упол. Президиума ВСНХ. В 1928—1930 чл. Президиума ВСНХ. В 1930 зам. наркома труда СССР, чл. пленума Госплана СССР. С 1933 зам. нач. ЦУНХУ СССР, чл. президиума Госплана СССР.

Куйбышев В. В. (1888—1935) — чл. партии с 1904. Чл. ПБ с 1927. В 1926—1930 пред. ВСНХ. В 1930—1934 пред. Госплана и зам. пред. СНК и СТО, с 1934 пред. КСК и первый зам. пред. СНК и СТО.

Ларин В. Ф. (1895—?) — чл. партии с 1915. В 1925 зав. секцией внутренней торговли НК РКИ, чл. ЦКК, до марта 1931 пред. СКК краевой КК, с марта 1931 до ноября 1932 2-й секр. СКК крайкома, с ноября 1932 пред. крайисполкома.

Леонтьев М. Л. — в 1930—1931 зав. сектором промышленных компаний, с мая 1932 зав. сектором полит. агитации, с августа 1933 зам. зав. Агитмассового отдела ЦК ВКП(б).

Леплевский И. М. (1894—1938?) — чл. партии с 1917. В 1925—1929 чл. коллегии ГПУ УССР. В 1930 нач. Особого отдела УВО. В 1931 зам. нач., нач. Особого отдела ОГПУ.

Майоров М. М. (1890—1938) — чл. партии с 1906. В 1927—1930 зам. пред. ЦКК КП(б)У — наркома РКИ УССР. В 1927—1934 чл. ЦКК ВКП(б) и КП(б)У. В 1930—1932 нарком снабжения УССР. С февраля 1932 по январь 1933 канд. в чл. ПБ КП(б)У. В 1932—1933 1-й секр. Одесского ОК. Репрессирован.

Маркевич А. М. (1893—1938) — чл. партии с 1921. В 1929—1932 один из руководителей Тракторо центра (с февраля 1930 зам. пред., в 1931 пред.) и Колхозцентра (с февраля 1932 1-й зам. пред.), одновременно в 1929 дир. совхоза им. Шевченко, где создал первую в СССР МТС. В 1932 зам. наркома земледелия СССР, нач. управления зерновых МТС НКзема. В 1933 арестован.

Маркитан П.Ф. (1887—1937?) — чл. партии с 1918. В 1930 секр. Криворожского ОК. В 1932 секр. Киевского, в 1932—1937 Черниговского ОК. Репрессирован.

Матвеев В. С. — с апреля 1931 чл. бюро СКК крайкома, 3-й секр. крайкома по контролю.

Микоян А. И. (1895—1978) — чл. партии с 1915. Канд. в чл. ПБ с 1926, чл. ПБ (Президиума) ЦК в 1935—1966. В 1926—1930 нарком внешней и внутренней торговли СССР, с 1930 нарком снабжения, в 1934—1938 нарком пищевой промышленности.

Молотов В.М. (1890—1986) — чл. партии с 1906. В 1921—1956 чл. ЦК ВКП(б) (КПСС), канд. в чл. ПБ с 1921, чл. ПБ (Президиума) ЦК в 1926—1957. В 1921—1930 секр. ЦК, одновременно в 1928—1929 первый секр. Московского ГК. В 1930—1941 пред. СНК и СТО СССР (до 1937), одновременно в 1939—1949 нарком (министр) иностранных дел СССР.

Новоселов С. А. — чл. коллегии и управления инспекцией промышленности и труда НК РКИ РСФСР, с апреля 1931 пред. СКК краевой КК.

Орджоникидзе Г. К. (1886—1937) — чл. партии с 1903. Чл. ЦК ВКП(б) в 1921—1927, 1934—1937, канд. в чл. ПБ в 1926, чл. ПБ с 1930. Чл. ЦКК в 1927—1934. В 1926—1930 пред. ЦКК и нарком

РКИ СССР, одновременно зам. пред. СНК и СТО СССР. С 1930 пред. ВСНХ, с 1932 нарком тяжелой промышленности СССР. Покончил жизнь самоубийством.

Петровский Г. И. (1878—1958) — чл. партии с 1897. Чл. ЦК ВКП(б) в 1921—1939, канд. в чл. ПБ в 1926—1939. В 1919—1938 пред. Всеукр. ЦИК, одновременно с 1922 один из пред. ЦИК СССР.

Пивоваров И. Н. (1892—?) — чл. партии с 1928. С 1929 секр. Армавир. ОК, в 1929—1932 пред. СКК крайисполкома, с марта 1932 чл. бюро СКК крайкома, с марта 1933 упол. ЦГК по Нижне-Волжскому краю.

Пилсудский Ю. (1867—1935) — маршал, деятель правого крыла Польской социалистической партии (ППС). В 1926—1928, 1930 премьер-министр Польши.

Пиляр Р. А. — с марта по ноябрь 1932 ПП ОГПУ по СКК, чл. бюро СКК крайкома, с мая 1933 ПП ОГПУ по Средней Азии, в 1937 нач. УНКВД по Саратовской области. Репрессирован.

Постышев П. П. (1887—1939) — чл. партии с 1904. Чл. ЦК ВКП(б) в 1927—1938, в 1930—1934 секр. ЦК, одновременно зав. отделами ЦК. Канд. в чл. ПБ ВКП(б) в 1934—1938, чл. ПБ и ЦК КП(б)У в 1926—1930. В 1933—1937 2-й секр. ЦК КП(б)У, 1-й секр. Харьковского ОК и ГК (до 1934) и Киевского ОК (с 1934). Репрессирован.

Примаков В. М. (1897—1937) — чл. партии с 1914. В 1931—1933 командовал корпусом. В 1933—1935 зам. командующего СКВО. С 1935 комкор. Репрессирован.

Птуха В. В. (1894—1938) — чл. партии с 1917. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) с 1930. С 1934 1-й секр. Сталинградского крайкома, в 1935—1937 2-й секр. Дальневосточного ОК. Репрессирован.

Путнин В. М. — чл. партии с 1918. С марта 1930 в Нижне-Волжском крае: чл. бюро крайкома, зав. крайторготделом, зав. крайснабом. С марта 1931 в СКК: чл. бюро крайкома, зав. крайснабом, с ноября 1933 секр. крайкома.

Реденс С. Ф. (1892—1940) — чл. партии с 1914. В 1926—1928 упр. НК РКИ СССР и ЦКК. Чл. ЦКК в 1927—1934. С июля 1931 по январь 1933 пред. ГПУ Украины, затем ПП ОГПУ по Московской области, с 1934 нач. УНКВД по Московской области. Репрессирован.

Румянцев И. П. (1886—1937) — чл. партии с 1905. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) в 1923, чл. ЦК в 1924—1937. В 1929—1937 1-й секр. Западного (Смоленского) ОК. Репрессирован.

Рябоконь В. И. — с мая 1931 чл. президиума, вице-президент Сельхозакадемии, с июля чл. коллегии НКЗема СССР, с ноября зав. орг.-инструкторским сектором НКЗема, с января 1932 чл. бюро, секр. СКК крайкома.

Саркисов С. А. (1898—1937) — чл. партии с 1917. с марта 1930 пред. Хлебоцентра, в 1932 нач. объединения «Заготзерно» и чл. Комитета по заготовкам, с 1933 секр. Донецкого ОК. Репрессирован.

Скрыпник Н. А. (1872—1933) — чл. партии с 1897. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) в 1925, с 1927 чл. ЦК. В 1927—1932 нарком просвещения УССР, в 1933 зам. пред. СНК и пред. Госплана УССР. С 1928 чл. ИККИ. Покончил жизнь самоубийством.

Смирнов И. Н. (1881—1936) — чл. партии с 1899 (в 1927—1930, 1933 исключен как активный участник троцкистской оппозиции). В 1923—1927 нарком почт и телеграфов СССР, в 1929—1930 управл. трестом «Саратовкомбайнстрой», в 1932 нач. упр. новостроек Наркомтяжмаша. Арестован 14.1.1933. Расстрелян.

Сталин И. В. (1879—1953) — чл. партии с 1898. Чл. ПБ (Президиума) ЦК в октябре 1917 и с 1919 С 1922 генеральный секр. ЦК ВКП(б)-КПСС.

Строганов В. А. (1888—1941) — чл. партии с 1905. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) в 1927—1934. В 1927—1930 секр. Сталинского ОК, в 1930—1932 секр. ЦК КП(б)У, в 1932—1933 1-й секр. Днепропетровского ОК.

Сухомлин К. В. (1886—1938) — чл. партии с 1905. В 1927—1934 канд. в чл. ЦК ВКП(б). В 1927—1930 пред. СНХ Украины, чл. ЦИК СССР. В 1932 ПП УССР при Правительстве СССР, пред. ВУСПС. С марта 1933 пред. ЦКК КП(б)У — НК РКИ УССР.

Терехов Р. Я. (1889—?) — чл. партии с 1912. Чл. ЦКК в 1924—1930. В 1924—1930 секр. ЦКК Украины. В 1930 секр. Артемовского ОК, с декабря 1930 чл. ПБ ЦК КП(б)У, до января 1933 секр. Харьковского ОК.

Толмачев В. Н. (1886—1937) — чл. партии с 1904 (исключен в 1933). В 1924—1927 зам. пред., пред. СКК КИК, Ростовского горисполкома, в 1928—1930 нарком внутренних дел РСФСР, в 1931 нач. Главдортранса при СНК РСФСР. Арестован 25.11.1932. Расстрелян.

Томский М. П. (1880—1936) — чл. партии с 1904. С 1919 чл. ЦК (переведен в канд. в 1934), с 1922 чл. ПБ (выведен в 1930). В 1918—1921, 1922—1929 пред. ВЦСПС (как «правый уклонист» освобожден от должности), в 1929—1930 зам. пред. ВСНХ, с 1932 зав. Объединенным государственным издательством. Застрелился.

Успенский А. И. (1902—1940) — с сентября 1931 в ПП по Московской обл.: нач. экономического отдела, пом. с ноября 1932), зам. (с мая 1933). С 1934 нач. УНКВД по Московской обл. Репрессирован.

Хатаевич М. М. (1893—1937) — чл. партии с 1913. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) в 1927—1930, чл. ЦК в 1930—1937. В 1925—1928 секр. Татарского ОК. В 1928—1930 1-й секр. Средне-Волжского крайкома. В 1932—1937 чл. ПБ ЦК КП(б)У, с 1932 секр. ЦК КП(б)У, с 1933 1-й секр. Днепропетровского ОК. Репрессирован.

Чернов М. А. (1891—1938) — в социал-демократическом движении с 1909., чл. партии с 1920 Чл. ЦК ВКП(б) с 1934. В 1925—1929 нарком торговли УССР. С 1930 нач. отдела в НКторге СССР, зам. наркома снабжения СССР. С 1932 зам. пред., с апреля 1933 пред. Комитета по заготовкам с.-х. продукции при СНК СССР. В 1934—1937 нарком земледелия СССР. Репрессирован.

Чернявский В. И. (1893—1937) — чл. партии с 1911. С 1925 канд. в чл. ЦКК КП(б)У. В 1924—1926 прокурор Одесской губернии. С 1927 чл. ЦК КП(б)У. В 1930—1932 секр. ЦК КП(б)У по транспорту. В 1930—1937 канд. в чл. ПБ ЦК КП(б)У. С февраля 1932 1-й секр. Днепропетровского ОК, с октября 1932 1-й секр. Винницкого ОК. Репрессирован.

Чубарь В. Я. (1891—1939) — чл. партии с 1907. Канд. в чл. ПБ ЦК ВКП(б) в 1926—1935, с 1935 чл. ПБ ЦК. В 1923—1934 пред. СНК Украины, чл. ПБ ЦК КП(б)У. В 1923—1925, 1934—1938 зам. пред. СНК СССР. С августа 1937 по январь 1938 нарком финансов СССР. Репрессирован.

Шеболдаев Б. П. (1895—1937) — чл. партии с 1914. Чл. ЦКК в 1927—1930, чл. ЦК ВКП(б) в 1930—1937. В 1928—1931 секр. Нижне-Волжского крайкома. В 1931—1934 секр. СКК крайкома. С января 1934 секр. Азово-Черноморского ОК. Репрессирован.

Шелехес И. С. (1891—1937) — чл. партии с 1908. С мая 1932 чл. бюро Западного ОК, пред. Западного ОИК. С марта 1933 пред. Харьков. ОИК и горсовета. С 1934 чл. ЦК КП(б)У, в 1934—1936 канд. в чл. ПБ, 1936—1937 чл. ПБ. В 1934—1937 1-й зам. пред. СНК УССР. Репрессирован.

Шкирятов М. Ф. (1883—1954) — чл. партии с 1906. Чл. ЦКК в 1922—1934, чл. КПК в 1934—1939, чл. ЦК с 1939. В 1939—1952 зам. пред., с 1952 пред. КПК.

Штейнгарт А. М. (1887—1934) — чл. партии с 1913. В 1930—1932 чл. коллегии НКзем РСФСР, с 1933 зам. нач. политотдела МТС НКЗем, нач. политсектора МТС и зав. крайЗУ СКК.

Эйсмонт Н. Б. (1891—1935) — чл. партии с 1917 (исключен в 1933). В 1919 пом., главный нач. снабжения РККА, в 1920—1926 чл. Президиума ВСНХ, с 1925 нарком торговли СССР, затем нарком снабжения РСФСР. Арестован 24.11.1932. Погиб в автокатастрофе.

Юркин Т. А. (1898—1986) — чл. партии с 1919. Канд. в чл. ЦК ВКП(б) в 1930—1939. В 1928—1930 дир. зерносовхоза «Гигант». В 1930 пред. правления Колхозцентра, в 1931—1932 пред. Зерносовхозобъединения, С февраля 1931 зам. наркома земледелия СССР. В 1932—1934, 1937—1938 нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР, в 1934—1936 1-й зам. наркома.

Ягода Г. Г. (1891—1938) — чл. партии с 1907. С 1930 канд. в чл. ЦК ВКП(б), с 1934 чл. ЦК. В 1934—1936 нарком внутренних дел, в 1936—1937 нарком связи. Репрессирован.

Яковлев Я. А. (1896—1938) — чл. партии с 1913. Чл. ЦКК в 1924—1930, с 1930 чл. ЦК ВКП(б). В 1926—1929 зам. наркома РКИ. Одновременно редактор газет «Беднота» (1924—1928) и «Крестьянская газета» (1923—1929). В 1929—1934 нарком земледелия СССР. С апреля 1934 зав. с.-х. отделом ЦК, с 1936 1-й зам. пред. КПК. Репрессирован.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

агит.— агитационный
Агитмасс ЦК — отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б)
Агитпроп — Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
АО, авт. обл. — автономная область
БВО — Белорусский военный округ
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВС, Верхсуд — Верховный суд
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВУКС, Вукоспилка — Всеукраинский кооперативный союз
ВУСПС — Всеукраинский совет профессиональных союзов
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
г., гг. — год, годы
г., гор. — город
га — гектар
ГК — городской комитет
Госплан СССР — Государственная плановая комиссия при СТО СССР
госфонд — государственный фонд
ГПУ — Государственное политическое управление СССР
д. — деревня
ДВК — Дальневосточный край
дир.— директор
ДО ОГПУ — Дорожный отдел ОГПУ
Доннарпит — Донецкий трест народного питания
ДОПР — дом принудительных работ
др.— другой (-ая, -ое, -ие)
ДТО — Дорожно-транспортный отдел
ж.д., ж\д, жел. дор. — железная дорога, железнодорожный (-ая, -ое)
зав.— заведующий
Заготзерно — Всесоюзное объединение по заготовке зерна
ЗАГС — отдел (бюро) записи актов гражданского состояния
Заккрайком — краевой комитет ВКП(б) Закавказской ССР
зам.— заместитель
зап.— западный (-ая, -ое, -ые)
Зернотрактор — Государственное объединение тракторных заводов
Зернотрест — Государственное объединение зерновых совхозов
зпт — запятая (в телеграмме)
ЗУ — земельное управление
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
им. — имени
ИТР — инженерно-технический работник
кав.— кавалерийский(-ая, -ое, -ие); кавказский (-ая, -ое, -ие)
канд.— кандидат
кгр.— килограмм
КИК — краевой исполнительный комитет
КК — контрольная комиссия
колх.— колхозный (-ая, -ое, -ые)
колхоз, к/х — коллективное хозяйство
комвуз — коммунистическое высшее учебное заведение
комдив — командир дивизии
комкор — командир корпуса
комс., комсом.— комсомольский (-ая, -ое, -ие)
КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПК — комиссия партийного контроля
Кр.— Красный (-ая, -ое, -ые)
к.-р.— контрреволюционный (-ая, -ое, -ые)
крайЗУ — краевое земельное управление
крайком — краевой комитет ВКП(б)
крест.— крестьянский (-ая, -ое, -ие)
КСК — комиссия советского контроля
КСМ — комсомол (Коммунистический союз молодежи)
мил., млн.— миллион
мобфонд — мобилизационный фонд
МТМ — машинно-тракторная мастерская
МТС — машинно-тракторная станция
напр.— например
нарсуд — народный суд
нач.— начальник
начсостав — начальствующий состав
НКЗ, НКзем, Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
НКПС, Наркомпуть — Народный комиссариат путей сообщения
НК РКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКС, Наркомсовхозов — Народный комиссариат совхозов
НКС, НКСнаб — Народный комиссариат снабжения
НКТорг, Наркомторг — Народный комиссариат внешней и внутренней торговли
НКТруд, Наркомтруд — Народный комиссариат труда
НКТП, Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
НКФ, Наркомфин — Народный комиссариат финансов
НКЮ, Наркомюст — Народный комиссариат юстиции
ОБ ЦК — Оргбюро Центрального Комитета
обл.— область, областной (-ая, -ое)
облЗУ — областное земельное управление
Облтрактор — областное отделение Тракторцентра

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОИК — окружной(впоследствии областной) исполнительный комитет
ОК — окружной (областной) комитет ВКП(б)
опер.— оперативный (-ая, -ое)
орг.— организационный (-ая, -ое)
ОСПС — областной совет профессиональных союзов
отв.— ответственный (-ая)
п. — пуд
парт.— партийный (-ая, -ое)
партячейка — партийная ячейка (организация)
пд. — пуд
полит.— политический (-ая, -ое)
Политбюро, ПБ — Политическое Бюро
пом.— помощник
пос. — поселок
посевком — посевной комитет
постпредство — постоянное представительство
ПП ОГПУ — полномочный представитель ОГПУ
пред.— председатель
предколхоза — председатель колхоза
проф.— профсоюзный (-ая, -ое, -ые)
проч. — прочий (-ая, -ее, -ие)
ПУ, Политуправление — Политическое управление (Красной Армии)
ПУОКР — Политическое управление военного округа
р., руб., рубл. — рубль
райзо — районный земельный отдел
райколхозсоюз — районный союз колхозов
райпотребсоюз — районный союз потребительских обществ
райстат — районный статистический отдел
райфо — районный финансовый отдел
РВС, Реввоенсовет — Революционный военный совет (Красной Армии)
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РИК — районный исполнительный комитет
РК, райпартком — районный комитет ВКП(б)
РКИ — Рабоче-Крестьянская инспекция
РКК — Рабоче-крестьянский контроль
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
р-н — район
РУ — рудничное управление
с. — село
Сахаротрест — государственное объединение сахарной промышленности РСФСР и УССР при ВСНХ СССР
сев.— северный (-ая, -ое, -ые)
секр.— секретарь
Сельхозгиз — государственное издательство сельскохозяйственной литературы
семссуда — семенная ссуда
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
СКК, Севкавкрай — Северо-Кавказский край
СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров
сов.— советский (-ая, -ое, -ие)
совхоз — советское хозяйство
Совхозтрест — объединение советских хозяйств Московской области
соц.— социалистический (-ая, -ое, -ие)
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст-ца — станица
ст. — станция
«Сталинуголь» — угледобывающий трест в г. Сталино (ныне Донецк) (Донбасс)
станпартком — станичный партийный комитет
стансовет (станрада) — станичный совет (рада)
СТО — Совет Труда и Обороны
СТФ — страховой фонд
СТФ — свиноводческая товарная ферма
с.-х., с.-хоз., сел.-хоз., сельхоз.— сельскохозяйственный (-ая, -ое)
т., тов.— товарищ
т. д.— так далее
т. п. — тому подобное
тт., т.т.— товарищи
терсборы — территориальные сборы
Тракторoцентр — Всесоюзный центр машинно-тракторных станций
тчк — точка (в телеграмме)
тыс. — тысяча
УВО — Украинский военный округ
укр. — украинский (-ая, -ое, -ие)
Укрснаб — Украинское управление снабжения
УНР — управление начальника работ
упол.— уполномоченный
уполнаркомтяжпром — уполномоченный НКТП
уполнаркомюст — уполномоченный НКЮ
управл.— управляющий
УССР — Украинская Социалистическая Советская Республика (до 1936 г.)
ф. — фунт
Ф. — фонд
хоз.— хозяйственный (-ая, -ое)
ЦБ — Центральное Бюро
ЦГК — Центральная государственная комиссия по определению урожайности
Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ СССР
ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК — Центральный Комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия ВКП(б)
ЦПБ — Центральное плановое бюро
ЦСУ — Центральное статистическое управление при СНК СССР
ЦУНХУ — Центральное управление народнохозяйственного учета СССР
ЦЧО — Центрально-Черноземная область
час.— часов
чел.— человек
чл.— член

SUMMARY

This book is one of the first examples of international scholarly co-operation in studying the tragic social cataclysm that was the 1932-33 famine in Ukraine.

V. Vasyliev examines the famine in the context of the Soviet leadership's political agenda, the attempt at a new "communist offensive" and the construction of socialism while under "enemy encirclement." The author tries to reconstruct the logic of the thinking and actions of the leaders in the Kremlin and Soviet Ukraine. The political and economic strategies that Stalin and his entourage imposed on Ukrainian society resulted in the catastrophe of the famine and the deaths of millions of people. At the same time, the year 1933 became one of the decisive moments in the "Sovietization" of Ukraine, the consolidation of Stalin's political system in that republic, and the intensification of repression by the Soviet totalitarian regime.

Yu. Shapoval focuses his attention on the events of the Third All-Ukrainian Conference of the Communist Party (of Bolsheviks) of Ukraine (6-9 July 1932). These events clearly illustrate the state of mind of Party functionaries at various levels as well as the political struggle that raged around the situation in Ukraine. Stalin's emissaries-the Politburo members V. Molotov and L. Kaganovich-forced the Soviet Ukrainian leaders to consent to the new grain-delivery plan that resulted in tragic large-scale famine in the republic.

Using newly discovered archival materials, S. Wheatcroft analyses the statistical indicators of natality and mortality in Ukraine. He concludes that the direct human losses from hunger in Soviet Ukraine during the years 1931-33 stood at between 3 million and 3.5 million individuals.

L. Malashenko describes Molotov's and Kaganovich's personal fonds in the Russian State Archive of Socio-Political History. These materials are of value to researchers studying Ukraine's political history.

The volume's four chapters of documents contain various materials from Molotov's and Kaganovich's fonds. Of particular value are the telegrams that Stalin, Molotov, and Kaganovich exchanged during the two emissaries' trips to Ukraine and the North Caucasus; and Kaganovich's journals, in which he briefly noted all events during his travels as well as his personal appearances and speeches, observations, and remarks.

This large quantity of new documentary materials will facilitate further scholarly studies of the famine-genocide in Ukraine.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Васильєв Валерій Юрійович — старший науковий співробітник, Інститут історії України Національної Академії наук України, кандидат історичних наук, доцент (Київ, Україна).

Малашенко Лариса Миколаївна — головний спеціаліст, Російський державний архів соціально-політичної історії (Москва, Росія).

Уїткрофт Стівен — керівник Центру російських і східноєвропейських студій Мельбурнського університету, професор (Мельбурн, Австралія).

Шаповал Юрій Іванович — керівник Центру історичної політології Інституту політичних і етнонаціональних досліджень Національної Академії наук України, доктор історичних наук, професор (Київ, Україна).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Валерий Юрьевич — старший научный сотрудник, Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины, кандидат исторических наук, доцент (Киев, Украина).

Малашенко Лариса Николаевна — главный специалист, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Россия).

Уиткрофт Стивен — руководитель Центра российских и восточноевропейских исследований Мельбурнского университета, профессор (Мельбурн, Австралия).

Шаповал Юрий Иванович — руководитель Центра исторической политологии Института политических и этнонациональных исследований Национальной Академии наук Украины, доктор исторических наук, профессор (Киев, Украина).

ЗМІСТ

Валерій Васильєв, Юрій Шаповал. *Передмова* 5

Валерий Васильев, Юрий Шаповал. *Предисловие* 8

Голод 1931–1933 років: погляд з XXI століття

Валерій Васильєв. Ціна голодного хліба. Політика керівництва СРСР і УСРР в 1932—1933 рр. 12

Валерий Васильев. Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932—1933 гг. 81

Юрій Шаповал. III конференція КП(б)У: пролог трагедії голоду 152

Юрий Шаповал. III конференция КП(б)У: пролог трагедии голода 165

Стівен Уїткрофт. Сучасне уявлення про природу та рівень смертності під час голоду 1931—1933 років в Україні. 179

Стивен Уиткрофт. Современное представление о природе и уровне смертности во время голода 1931—1933 годов в Украине
Авторизованный перевод с английского В. Васильева 187

Лариса Малашенко. Документи особових фондів Л. Кагановича та В. Молотова як джерела вивчення історії України в XX столітті 195

Лариса Малашенко. Документы личных фондов Л. Кагановича и В. Молотова как источник изучения истории Украины в XX веке 199

Документи

Частина I 204

1. Лист Голови Ради Народних Комісарів УСРР В. Я. Чубаря Голові Ради Народних Комісарів СРСР В. М. Молотову та Генеральному секретареві ЦК ВКП(б) Й. В. Сталіну про сільське господарство України. *10 червня 1932 р.* 206
2. Лист Голови Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету Г. І. Петровського В. М. Молотову та Й. В. Сталіну про сільське господарство України. *10 червня 1932 р.* 212
3. Кількість МТС та площа зораної землі у колгоспах, які вони обслуговують в Україні, за даними Тракторцентру СРСР. *4—5 липня 1932 р.* 215
4. Видавання зерна радгоспам і колгоспам на насіння та продовольство в 1932 р. за даними Комітету Заготівель при Раді Праці та Оборони СРСР. *4—5 липня 1932 р.*. 216
5. Площа ярої сівби в 1930—1932 рр. за даними Наркомзему СРСР. *4—5 липня 1932 р.*. 216
6. Дані Держплану СРСР про врожайність зернових та технічних культур в УСРР за 1928—1931 рр. *4—5 липня 1932 р.* 217

7. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про врожайність в СРСР та УСРР. *4—5 липня 1932 р.* 217
8. Дані Наркомату землеробства СРСР про засівні площі в УСРР за 1929—1932 рр. *5 липня 1932 р.* 218
9. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про кількість худоби в УСРР за 1916—1932 рр. *4—5 липня 1932 р.* 218
10. Дані Держплану СРСР про структуру засівних (збиральних) площ, врожайність, валовий збір за групами культур, поголів`я худоби в 1928—1932 рр. в УСРР *4—5 липня 1932 р.* 219
11. Дані про валовий збір зернових в УСРР за 1927—1932 рр. *5 липня 1932 р.* . 221
12. Дані Комітету Заготівель СРСР про заготівлі зернових в СРСР та УСРР за 1927—1932 рр. *[4—5 липня 1932 р.]* 221
13. Дані Комітету Заготівель СРСР про виконання плану хлібозаготівель районами СРСР в 1931—1932 рр. *[4—5 липня 1932 р.]* 222
14. Дані Комітету Заготівель СРСР про хлібозаготівлі по районах СРСР на 25 червня 1932 р. у порівнянні з 1931 р. *[4—5 липня 1932 р.]* 223
15. Дані Комітету Заготівель СРСР про надходження мірчука у 1930/31 та 1931/32 рр. *[4—5 липня 1932 р.]* 224
16. Дані Центрального управління народногосподарського обліку СРСР про виконання п'ятирічного плану промисловістю УСРР. *[4—5 липня 1932 р.]* . 225
17. Дані Постійного Представництва УСРР при ВЦВК та РНК СРСР про підсумки виконання першої п'ятирічки промисловістю УСРР. *[4—5 липня 1932 р.]* . . 226
18. Список голодуючих районів УСРР. *[4—5 липня 1932 р.]* 226
19. Список голодуючих районів Харківської області. *[4—5 липня 1932 р.]* . . . 227
20. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про засідання Політбюро ЦК КП(б)У за участю секретарів обкомів партії, присвячене хлібозаготівлям. *29 жовтня 1932 р.* 228
21. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про роботу з хлібозаготівель в УСРР. *30 жовтня 1932 р.* 229
22. Телеграма Й. В. Сталіна В. М. Молотову щодо скасування наказу Наркомату землеробства СРСР від 26 вересня 1932 р. про насіння. *3 листопада 1932 р.* 230
23. Телеграма секретаря ЦК ВКП(б) П. П. Постишева В. М. Молотову з викладенням тексту телеграми А. І. Мікояна про сушіння та квашення овочів. *3 листопада 1932 р.* 230
24. Телеграма секретаря ЦК КП(б)У М. М. Хатаєвича першому секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косіору, В. М. Молотову, В. Я. Чубарю з пропозиціями щодо стимулювання хлібозаготівель. *4 листопада 1932 р.* 231
25. Телеграма В. М. Молотова керівникам Новоукраїнського району Одеської області Козирєву, Пахомову про організацію судового процесу над винними у необліку другого сорту пшениці при обмолоті. 5 листопада 1932 р. 232

26. Телеграма В. М. Молотова секретарю Одеського обкому КП(б)У М. М. Майорову про організацію судового процесу над керівниками колгоспу, які незаконно видали зайві 9% хліба колгоспникам. *5 листопада 1932 р.* 233
27. Телеграма членів комісії В. М. Молотова М. М. Хатаєвичу, С. В. Косіору, М. М. Майорову щодо посилення хлібозаготівель. *5 листопада 1932 р.* . . . 233
28. Телеграма М. М. Хатаєвича та В. М. Молотова секретарям обкомів КП(б)У про необлік значної частини хліба при обмолоті. *5 листопада 1932 р.* 235
29. Телеграма М. М. Хатаєвича та В. М. Молотова секретарям обкомів КП(б)У з вимогою судових репресій серед членів правлінь колгоспів. *5 листопада 1932 р.* 236
30. Телеграма В. М. Молотова керівникам Синельниківського району Борщу та Поплавському про необхідність виконання плану хлібозаготівель. *6 листопада 1932 р.* 237
31. Телеграма В. М. Молотова секретарю Новоукраїнського райкому КП(б)У Козирєву з вимогою підтвердити високі темпи хлібозаготівель в районі. *18 листопада 1932 р.*. 238
32. Телеграма С. В. Косіора В. М. Молотову з приводу постанови про чистку п`яти районних партійних організацій. *19 листопада 1932 р.* 238
33. Телеграма В. М. Молотова Й. В. Сталіну про роботу в зв'язку з хлібозаготівлями в Україні. *20 листопада 1932 р.* 239
34. Телеграма В. М. Молотова керівникам Чубарівського району Дніпропетровської області Константинову та Булаві, голові Дніпропетровського облвиконкому М. О. Алексєєву про партійне керівництво хлібозаготівлями в районі. *20 листопада 1932 р.*. 239
35. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про скасування постанови щодо продажу в районах сірників, солі, гасу. *20 листопада 1932 р.* 241
36. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про відрядження відповідального парткерівника до Чернігівської області на хлібозаготівлі. *21 листопада 1932 р.*. 241
37. Телеграма В. М. Молотова, В. Я. Чубаря, секретаря Дніпропетровського обкому КП(б)У В. А. Строганова, М. Й. Калмановича Й. В. Сталіну щодо права спецкомісії ЦК КП(б)У під час хлібозаготівель приймати остаточне рішення про вищу міру покарання. *21 листопада 1932 р.*. 242
38. Телеграма В. М. Молотова В. А. Строганову про необхідність підвищення темпів хлібозаготівель. *21 листопада 1932 р.* 243
39. Телеграма В. М. Молотова С. В. Косіору про очікування останніх повідомлень від обкомів КП(б)У з хлібозаготівель. *21 листопада 1932 р.* . . 244
40. Пояснювальна записка В. М. Молотова Й. В. Сталіну про матеріали щодо роботи в Україні 18—23 листопада 1932 р. *[23 листопада 1932 р.]* 245
41. Лист М. М. Хатаєвича В. М. Молотову з приводу питань хлібозаготівель в його брошурі. *[19—20 листопада 1932 р.]* 245

42. Записка-відповідь В. М. Молотова на лист М. М. Хатаєвича. *23 листопада 1932 р.* 246

Частина II 248

43. Проект постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про хлібозаготівлі та сівбу на Північному Кавказі, написаний Л. М. Кагановичем *[28—29 жовтня 1932 р.]* . . 250

44. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ. *1—8 листопада 1932 р.* 250

45. Телеграма Й. В. Сталіна Л. М. Кагановичу з викладенням постанови ЦК ВКП(б) про додаткове зниження плану хлібозаготівель для Північного Кавказу. *3 листопада 1932 р.* 270

46. Проект рішення бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) спільно із представниками ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем, А. Мікояном, М. Шкірятовим, Я. Гамарником, Г. Ягодою, О. Косарєвим, М. Черновим, Т. Юркіним «Про хід хлібозаготівель та сівби в районах Кубані». *3 листопада 1932 р.* . 270

47. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про чистку парторганізацій краю. *3 листопада 1932 р.* 272

48. Проект пропозиції комісії бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) щодо діяльності ОҐПУ. *3 листопада 1932 р.* 273

49. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про діяльність прокуратури та суду. *3 листопада 1932 р.* 274

50. Проект постанови Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) про участь активу Північно-Кавказького військового округу у хлібозаготівлях та сівбі. *3 листопада 1932 р.* 276

51. Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про чистку сільських парторганізацій Північно-Кавказького краю. *4 листопада 1932 р.* 277

52. Телеграма Й. В. Сталіна секретарю Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) Б. П. Шеболдаєву і Л. М. Кагановичу з викладенням постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про мобілізацію на збирання кукурудзи у радгоспах. *5 листопада 1932 р.* 278

53. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ. *18—23 листопада 1932 р.* 278

54. Телеграма В. І. Рябоконя Б. П. Шеболдаєву про хід репресій на Кубані. *19 листопада 1932 р.* 284

55. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну про свою діяльність на Кубані. *20 листопада 1932 р.* 284

56. Телеграма Й. В. Сталіна Б. П. Шеболдаєву та Л. М. Кагановичу з викладенням постанови Політбюро ЦК ВКП(б) про виселення з Кубані 2 000 куркульських господарств. *22 листопада 1932 р.* 285

57. Із доповіді Л. М. Кагановича на розширеному бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) спільно з бюро міськкому та активом Ростова-на-Дону. *23 листопада 1932 р.* 286

Частина III 308
58. Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні, на Північному Кавказі та у Західній області. *14 грудня 1932 р.* 310
59. Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР про українізацію в Далекосхідному краї, Казахстані, Середній Азії, Центрально-Чорноземній області та інших районах СРСР. *15 грудня 1932 р.* 312
60. Телеграма М. М. Хатаєвича Й. В. Сталіну щодо обміну звичайного насіння на сортове радгоспам і колгоспам, які виконали план хлібозаготівель. *16 грудня 1932 р.* 313
61. Телеграма В. М. Молотова, Й. В. Сталіна у відповідь М. М. Хатаєвичу. *16 грудня 1932 р.* 313
62. Постанова ЦК ВКП(б) і РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні. *19 грудня 1932 р.* 314
63. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича в Україну. *20—29 грудня 1932 р.* . . . 314
64. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну про ситуацію в Україні та дії щодо посилення хлібозаготівель. *21 грудня 1932 р.* 333
65. Телеграма Л. М. Кагановича і М. О. Чернова Й. В. Сталіну про скасування постанови ЦК КП(б)У від 18 листопада 1932 р. *22 грудня 1932 р.* 335
66. Телеграма Л. М. Кагановича Й. В. Сталіну щодо публікації рішень про висилку до концтабору 50 виключених з партії та депортацію 500 сімей з Одеської області за саботаж хлібозаготівель. *[27 грудня 1932 р.]* 336
67. Телеграма Л. М. Кагановича і М. О. Чернова Й. В. Сталіну про відкриття 32 глибинних зсипних пунктів. *27 грудня 1932 р.* 336
68. Телеграма Л. М. Кагановича секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постишеву з проханням прибути на особисту зустріч. *28 грудня 1932 р.* 337
69. Телеграма Л. М. Кагановича і заступника голови ОҐПУ СРСР В. А. Балицького М. М. Майорову, начальнику Особливого відділу ОҐПУ СРСР І. М. Леплевському про публікацію рішення щодо висилки 500 голів сімей за саботаж хлібозаготівель. *29 грудня 1932 р.* 337
70. Чорнові записи Л. М. Кагановича на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У. *29 грудня 1932 р.* 337
Частина IV 340
71. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ. *30 січня — 5 лютого 1933 р.* 342
72. Короткий щоденник поїздки Л. М. Кагановича в Україну. *10—20 квітня 1933 р.* 344
73. Підсумки поїздки Л. М. Кагановича в Донбас з питань вугільної промисловості. *10—20 квітня 1933 р.* 353
74. Витяг із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ. *20—24 червня 1933 р.* 357

75. Із промови Л. М. Кагановича на пленумі Північно-Кавказького крайкому ВКП(б). *22 червня 1933 р.* 358
76. Із щоденника поїздки Л. М. Кагановича на Північний Кавказ. *20—24 липня 1933 р.* 364
Сторінками тодішніх часописів 368
Допоміжні покажчики 378
Географический указатель 378
Именной указатель 382
Биографический указатель 386
Список сокращений 390
Summary 392
Відомості про авторів 393
Сведения об авторах 393

Наукове видання

Командири великого голоду

Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича
в Україну та на Північний Кавказ
1932—1933 рр.

За редакцією
Валерія Васильєва та Юрія Шаповала

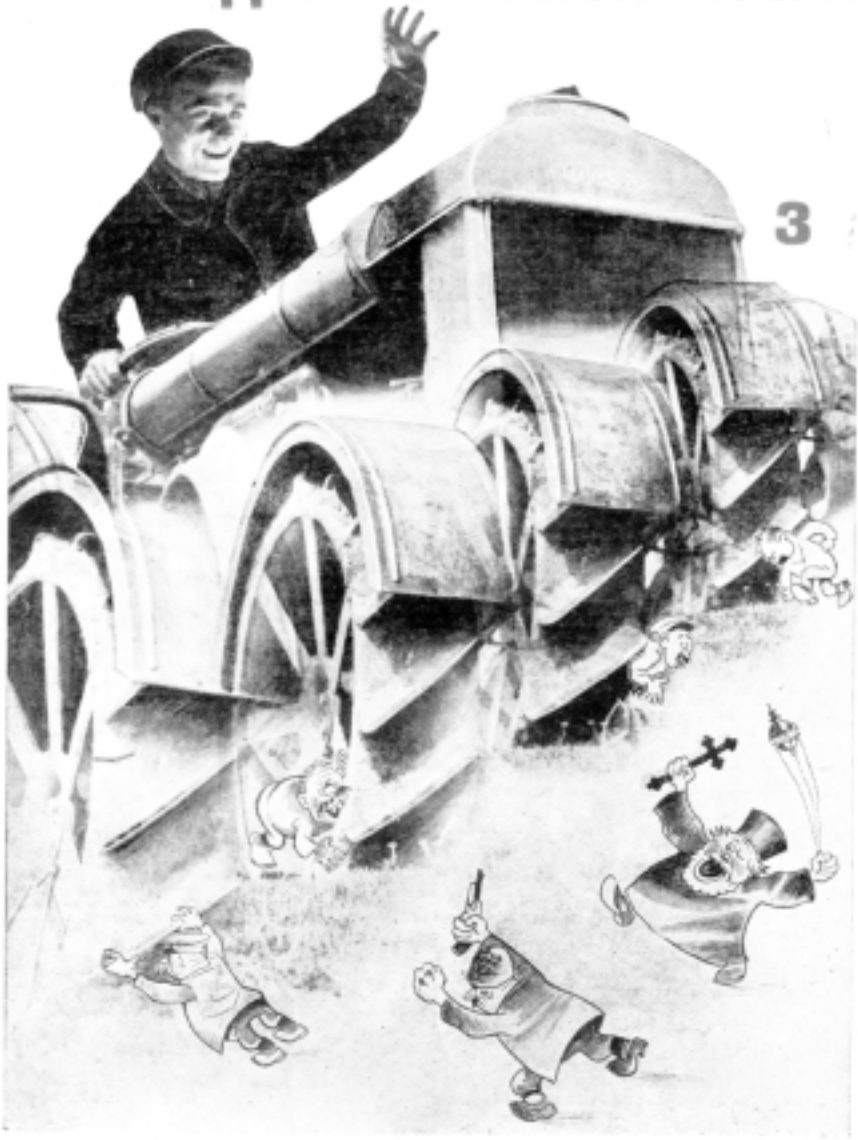
Редактор М. Гаврик
Обкладинка П. Машкова
Технічний редактор Б. Шлеймович
Коректор М. Драпака

Здано до складання 8.09.2001. Підписано до друку 23.10.2001
Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура Журнальна
Спосіб друку офсетний. Ум. друк. арк. 23,5
Тираж 1000 прим.

Видавництво «Генеза»
04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 2л.
Свідоцтво серія ДК № 25 від 31.03.2000 р.

№12
КОЛГОСПНИЦЯ
ЖУРНАЛ

МОЛОДИЙ БІЛЬШОВИК



Суцільною колективізацією знищимо глитайню як клясу.